

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

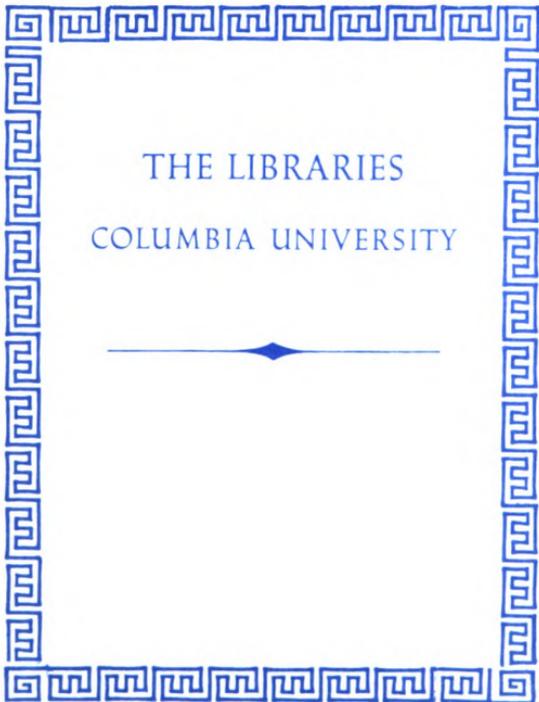
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

МАКОЛЕЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

ТОМЪ XV.

THE GREAT

RECORD BOOK

1900

МАКОЛЕЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

ТОМЪ XV.

**(ИЗБРАННЫЯ РЪЧИ, СТАТЬИ ПОЛИТИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ И
СТІХОТВОРЕНІЕ.)**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА Е. С. ВОЛЬФА.

1866.

825M11

JP

v.15

ТИПОГРАФІЯ Н. ТИБЛЕНА И КОМП. (Н. НЕКЛУДОВА).

Вас. Остр., 8 лив., № 25.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

14-го Т О М А

(И СТАТЬИ «Объ Исторіи» 13-го тома).

А.

Августинъ, 96.

Августъ, король польскій: осажденъ при Пирнѣ; его бѣгство, 59—60.

Августъ, римскій, 283, 339.

Австрийцы: занимаютъ Силезію; разбиты Фридрихомъ при Лейтешѣ, 68; снова въ Силезіи, 76.

Австрія: Карлъ баварскій—узурпаторъ престола, 22; императоръ Францискъ лотарингскій, 27; новая дипломатическая доктрина для сближенія съ Франціей, 51—3; миръ съ Пруссіей, 81.

Д'Агессо, 378.

«Агриппины», XIII, 353.

Адамъ: случай съ миссіонеромъ по

вопросу о происхожденіи чело-
вѣка, 97.

Аддингтонъ, Генри: первый ми-
нистръ, 302; способности; слу-
чайная популярность, 303; борь-
ба приверженцевъ съ друзьями
Питта, 303; предложеніе мира съ
Питтомъ, 306; усиленіе предло-
женій; ссора, 307; жалкое ора-
торское положеніе между Пит-
томъ и Фоксомъ и удаленіе,
308—9; новая должность въ
кабинетѣ и перство; удаленіе,
311.

Аддисонъ: подражанія «Tatler'y»
и «Spectator'y»: «Lay Monastery»,
«Censor», «Freethinker», «Plain
Dealer», «Champion» и др., 352;
354; 375.

Айвини: «Исторія баптистовъ»,
233.

Акенсайдъ, XIII, 347.

а

Д'Аламберъ, 400.
Алгаротти, 36.
Альба, герцогъ, 76.
Альфieri, Витторіо, XIII, 348.
Амвросій, XIII, 361.
Амгерстъ, 231.
Америка, Сѣверная: борьба французовъ съ англичанами, 58.
«Апакреонъ Гильотины» — Бареръ, 428, 458.
Англичане: побѣда надъ французами при Деттингенѣ, 24.
Англия: самородность свободы по отношенію къ наслѣдованной континентомъ Европы отъ Греціи и Рима, XIII, 346—7; предлагаетъ Маріи Терезіи миръ съ Фридрихомъ, XIV, 23; 36; отношеніе къ Франціи, 58; энтузіазмъ къ Фридриху вслѣдствіе лейтенантской побѣды, 71; субсидія Пруссіи въ 700.000 фунт. стерл., 72; миръ съ Франціей, 81; положеніе государства при отпаденіи Америки, 239; недовольство народа, 260; признаніе независимости Америки; выгодныя условія по европейскому миру, 263; періодъ благоденствія, 286 — 7; характеръ отраженія французской Революціи, 290—300; Аміенскій договоръ, 303; война съ Франціей, 308; 466—8.
Англоманія, 253.
Анна, королева англійская, XIII, 373.
«Анти-Макиавелли»: авторъ, издатель и характеръ этого произведенія, 13.
Антуанета, Марія, 383 — 5; казнь, 414—5.
Апелляціонный судъ, 395.
Апплеби, мѣст., 239.
Аррорватіон Актъ, 292.
Арботность, 139.
Аргументумъ ad hominem, XIII, 334.
Арена, 449.
Д'Аржанъ, игрушка Фридриха, 37, 44.
Ариосто, 317.
Аристотель, 281.
Аристофанъ, XIII, 333.
Колѣнь д'Арлевиля, 383.

Арганъ: достовѣрность разсказа и преимущество предъ школой Шутарха, XIII, 343.
Бакюларъ д'Арно, 36, 42, 44.
Артуа, графъ, 405, 453.
Ассоціація реформы, 270.
Аѳанасій, XIII, 361.
Ахенскій договоръ, 27.

Б.

Баварцы: занимаютъ Богемію, 22.
Байльи, 339.
Бакстеръ, современникъ Джона Бовіана, 247.
Барбару, 400, 409, 413; смерть, 418.
Бареръ, Бертранъ: мѣтніе издателей его мемуаровъ, 377; безподобная порочность, даже по сравненію съ его собратьями, 378—9; расчетъ прирочныхъ задатковъ и приобрѣтенной низости, 379—81; лживость, 381—2; одинъ примѣръ ея — предложеніе объ изгнаніи Капетовъ и смерти Маріи Антуанеты, 383 — 5 (и 414); другой — процессъ жирондистовъ, 383—6 (и 413); происхожденіе; адвокатство въ Тулузѣ; похвала отъ Академіи Флоры, 387; премія отъ Монтобанской академіи за панегирикъ Людовику XII и — Помпиньяну; членъ Академіи Флоры, 388; женитба; «*Меланхолическія странницы*», 388—9; первое посѣщеніе Парижа; основа впечатлѣній — шаткость, 389—90; депутатъ въ Национальное собраніе отъ Гаскони, 390; репутація; черты лица; рѣчь; манеры; слогъ: годность ко всему; податливость характера и слабость головы; издатель журнала Собранія, 391—2; докладъ о рощахъ и лѣсахъ; сближеніе съ Орлеанскимъ домомъ и слухъ про пенсію отъ него въ 12,000 фр., 393; ложь по поводу распушенія Национальнаго собранія, 394—5; депутатъ въ Апелляціонный судъ, 395; жирондистъ при открытіи Коллента; монтаньяръ въ судѣ

валъ королевъ, 403; свирѣпость по этому дѣлу, 404; стимулъ къ свирѣпости, 405; доказательства федерализма или жирондизма, 406 — 8; членъ Комитета общественной безопасности; объясненіе европейской извѣстности, 409; предложеніе о комиссіи двѣнадцати, позднеѣ — объ уничтоженіи ея, 410; предложеніе о заложникахъ для провинцій; оставленіе членомъ Комитета, 411; основанія для такой снисходительности, 411—3; страшныя условія монтаньяровъ для принятія его; предложеніе о Бюзо, Барбару, Петіовѣ и 13 другихъ, 413; предложеніе о Верньо, Гюаде, Жансонне и 6 другихъ; предложеніе о казни Маріи Ангуанеты, 414; угощеніе, въ день ея казни, Робеспьера и др. въ тавернѣ; объясненіе виномъ и кровью, 415; характеръ революціоннаго краснорѣчія; карманьолы; причины ихъ успѣха, 415 — 7; роль въ обвиненіи жирондистовъ, 417 — 8; однимъ изъ 6 владыкъ Франціи, 419; ср. Царство террора; предложеніе о внесеніи террора въ сучетный приказъ; покровитель Тениля; смерть члена Национальнаго собранія; разрушеніе Ліона; радость о разрушеніи Тулона, 424; возраженіе Демулену; казнь Дантона; защита Лебону, 425; война противъ науки, памятниковъ и самаго праха королей; чувственность и отдыхъ отъ гильотинныхъ занятій, 426; кровожадность, 427; характеръ квартиры, 427—8; обращеніе съ прошеніями; образецъ шутки, 428; защита отъ Робеспьера; объясненіе покушенія на жизнь Робеспьера, 429 и 294; предложеніе объ избіеніи плѣнныхъ; предложеніе принято; членъ и вскорѣ президентъ якобинскаго клуба, 431; ярая карманьола, 432; расчетъ послѣдствій исполненія подобнаго закона, 432—3; энергическій отказъ въ исполненіи его въ арміи, 434; гильотинное занятіе,

435; предложеніе Робеспьера объ усиленіи системы террора; колебаніе между партіями, 436; тайное нападеніе на Робеспьера; панегирикъ Робеспьеру, 437; колебанье въ рѣшительную минуту; случайное ободреніе; карманьола о казни Робеспьера, С.—Жюста и Кутона, 438; паденіе Комитета и мольбы не ослаблять Терроръ, 439; отмѣненіе закона объ избіеніи плѣнныхъ, 440; опала; попытка пристать къ умѣренной партіи, 441—2; слѣдственная комиссія; результаты слѣдствія; оправданія предъ комиссіей, 442; оправданіе въ панегирикъ Робеспьеру; назначеніе въ ссылку; собственный разсказъ о переездѣ, 443; конвоированіе за городъ; новыя пренія въ Конвентѣ о преступникѣ и товарищахъ; встрѣча въ Орлеанѣ и Турѣ, 444; встрѣча въ Пуатье и у Ніора; мѣсто и характеръ заключенія; предложеніе въ Конвентѣ о казни, 445; уголовный судъ въ департаментѣ Верхней Шаранты и заключеніе въ Сентъ; рѣшеніе Конвента о ссылкѣ въ Гвіану; бѣгство въ Бордо; причина неисполненія рѣшенія; отказъ въ прошеніи, 446; депутатъ отъ департамента Верхнихъ Пириней въ Совѣтъ пятисотъ; отчисленіе; брошюра «*О свободѣ морей*», 447; двукратная опасность отъ бордоскаго престонародья; бѣгство въ предмѣстье Парижа; брань на Бонапарта и поднесеніе «*Опыта о свободѣ морей*», 448; уничтоженіе приговора Конвента; помѣщеніе въ Парижъ и аудіенція Бонапарта; переговоры, 449; годность для Бонапарта, 450; чувство оскорбленія предложеніемъ издавать журналъ въ поддержку правительства, 451—2; слухъ о измѣреніи Бонапарта принять въ государственный совѣтъ и отказъ совѣта; согласіе на прежнее предложеніе; слухъ о цензурствѣ, 452; шпионство, 453; свидѣтель противъ заговорщика, товарища

- по Комитету; участие въ заговорѣ; приказъ объ удаленіи изъ Парижа на 20 миль, 455; приказъ и форма шпіонства, 456 (ср. 459 — 60); образецъ лести Бонапарту; памфлетная и журнальная дѣятельность; причина неуспѣха «*Mémorial Antibrannique*» по мнѣнію издателя и Наполеона, 437; литературная рестаурація, 458; приказъ отсылать изъ Тюильери 3 экз. журнала изъ 6 первоначально посылавшихся; исключеніе Наполеономъ изъ числа депутатовъ въ Сенатъ и выговоръ избирателямъ; баллотировка въ Законодательномъ собраніи, 459; приказъ не посылать докладовъ; чувство оскорбленія; сношенія съ враждебными Дворами, 460; панегирикъ по возвращеніи Бурбоновъ; въ палатѣ представителей во время Ста дней; холодное впечатлѣніе на палату; послѣднія карманьола, 461—2; судъ и изгнаніе; возвращеніе изъ Бельгіи; семейная тяжба; якобинецъ въ осужденіи Лум-Филиппа; средства къ жизни; смерть, 463; основа преступленій, 465—6; ненависть къ Англіи и невѣжество о ней, 466—7; безпримѣрность подобной личности въ англійской исторіи, 467—468; благочестіе и благочестивыя сочиненія; перечень достоинствъ и положеніе на исторической вѣслицѣ, 468—9.
- Барло**, 243.
- Баррѣ**, 261; контролеръ казначейства, 274.
- Бартелеми**, XIII, 365.
- Басташи**, 36.
- «**Бевисъ Соутгэмптонскій**», 236, 244.
- Беккариа**, XIII, 340.
- Бель-Иль**, 19, 21.
- Бенгалъ**, 251.
- Бенедиктъ XIV**, папа, 75.
- Бентамъ**: глава школы утилитаристовъ, 141; «*The Westminster Review*». N XXI. Art. XVI, 181; заслуги автора, не наследованныя его послѣдователями, 182; «принципъ высшаго благоденствія», 197 — 9 (и 224); заслуга Бентама, 204—5; «*Précis des Judiciaires*»; «*Defence of Usury*», 206; «*Introduction to the principles of Morals and Legislation*», 224; симпатія и доброе мнѣніе другихъ, 224 (187).
- Бентинки**, 358.
- Бентли**, 369.
- Берамже**, 427.
- Берлинь**: первоначальное положеніе, 2; опустошенъ кроатами, 68; снова взятъ непріятелемъ, 78; вѣздъ Фридриха по окончаніи войны и видъ города, 82.
- Бильб**, 378, 411; однимъ изъ 6 владыкъ Франціи, 419; 427; партій въ Комитетѣ, 436; нападеніе на Робеспьера, 437; собственное паденіе, 439; опала, 441; слѣдственная коммиссія, 442; назначеніе въ ссылку, 443; новыя пренія въ Конвентѣ о преступникѣ и товарищахъ; отправленіе; встрѣча въ Орлеанѣ и Турѣ, 444; встрѣча въ Пуатье и у Нюра; мѣсто и характеръ заключенія; предложеніе въ Конвентѣ о казни, 445; переводъ въ Гвизау и участь, 446; 464.
- Блекъ (Blake)**, 396.
- Блюхеръ**, 462.
- Богатые и бѣдные**: вѣроятныя ихъ склонности, 153—4; натура бѣднаго большинства и богатаго меньшинства; вѣроятныя послѣдствія въ случаѣ преобладанія того или другаго, 167—72; временныя грабежъ богатыхъ въ интересѣ бѣдныхъ; подтвержденіе исторіей, 190.
- Богемія**: занята французами и баварцами, 22; занята Фридрихомъ, 25.
- Бойзъ**, 348.
- Боклеркъ. Тофамъ**, 331, 334; въ клубѣ Джонсона, 362.
- Боллеръ**, 262.
- Бомарше**, 32.
- Бомонтъ**, 361.

Бонивъ, Джонъ: рожденіе и происхождение; пуританское вліяніе на мальчика, 234; извращенные отзывы біографовъ; истинный характеръ, 235—6; грѣхи совѣсти: танцы, звонъ въ колокола, игра въ тшпкать и чтеніе исторіи Бевиса Соутгамптонскаго; поступленіе въ военную службу, 236; впечатлѣніе войны; женитьба; религиозные припадки во время любимыхъ игръ, 237; религиозныя галлюцинаціи и муки, 238—9; поступленіе въ общество баптистовъ; сподобленіе св. тайнъ; разсѣяніе всѣхъ ужасовъ; проповѣданіе; заключеніе въ тюрьму, 240; презрѣніе обѣщаній и угрозъ властей и семейной привязанности изъ-за ревности къ проповѣди; тюремныя занятія и промыселъ, 241; писательство и полемика съ квакерами, англиканами, армініанами и баптистами, 242; освобожденіе и панегирикъ освободителю (Карлу II), 243; исторія возникновенія и оригинальность «*Путешествія странника*», 244; мѣсныя собранія о духъ книги; первое изданіе, 243; громадный расходъ и улучшеніе книги; неприятности; 2-я часть «*Странника*»; «*Священная война*»; перемѣна въ личномъ положеніи, 246; проповѣдническія занятія и опасности; отказъ писать за нидульгенцію 1687 г., 247; случай болѣзни и смерть; загробное почитаніе собратіи; отзывы критиковъ о «*Путешествіи странника*»; сортъ читателей книги, 248; перевѣсь мнѣнія послѣднихъ надъ отзывами присяжной критики, 249; исправленія и подражанія «*Страннику*»; великая передѣлка 1833 г., 249—50.

Борджта, 451.

Бордо, 406, 410, 435.

Боркъ, XIII, 349; парламентскіе недостатки. XIV, 261; канцлеръ казначейства, 263; удавленіе, 263; соединеніе съ Нортонъ, 266;

проектъ Фокса и Норта, 271; 273; 278; 279; 280; 283; 291; противъ французской революціи, 293; 323; 331—2; 333; 337; въ клубѣ Джонсона, 362 — 3; 370; 374; 400; 420.

Борлей, XIII, 373.

Борни, миссъ, 374.

Борнсъ, 283.

Босвель, 281, 333; членъ клуба Джонсона, 363 — 4; спутникъ Джонсону на Гебридскіе острова, 367; 369; біографическія замѣтки о Джонсонѣ, 375; XIII, 367.

Боскавель, 251.

Ботлеръ, 90.

«*Бразидъ*», XIII, 355.

Бранденбургъ, маркграфство, 2.

Бранденбургъ, провинція, 82.

Браунъ, австрійскій маршалъ; разбить при Ловозицѣ, 60; подъ стѣнами Праги, 61.

Бреславль: взятъ Фридрихомъ, 19; въ рукахъ австрійцевъ, 68; снова взятъ Фридрихомъ, 69; зимовая квартира Фридриха, 72; 75.

Бриссо (Brissot), 400, 409; обвиненіе и казнь, 417—8.

Бриссотинцы. См. Жирондисты.

Броди, XIII, 366.

Брольи, 463.

Брѣкскій клубъ, 237, 262.

Брутъ, 437, 443, 454.

Брюль, 48, 30.

Брюссель, 423, 435.

Брюсъ, 337.

Буало, XIII, 358.

Бурвоны: попытка возстановленія, 446; возвращеніе, 462.

Бурвоны и Габсбургъ, 30—1.

Бьютъ, лордъ казначейства, 339.

Бэконъ: творецъ новѣйшей философіи, 144; «*Novum Organon*», 195, 213.

Бузо, 400, 408, 409, 413.

Бюркерсдорфъ, 81.

В.

Вальполь, Гораций. XIII, 340; XIV, 21, 290, 315, 332.

Вальтеръ Скоттъ, XIII, 371.
 Вандвашъ, 281.
 Вандикъ, XIII, 335.
 Варбургонъ, 350.
 Вардъ, Джонъ Вилліамъ, графъ
 Долли, 307.
 Ватсонъ, XIII, 369.
 Вашингтонъ, 378, 481.
 Вегстеръ, 361.
 Виллесли, 254, 286, 313—4.
 Веллингтонъ, 462, 467.
 Венеціанская республика, 56.
 Венъ, XIII, 368.
 Верньо: ораторскій талантъ, 400;
 408; 409; 413; обвиненіе и казнь,
 417—8.
 Вестфальскій миръ, 2.
 Виги и ультра-виги, 260, 264; отпа-
 деніе отъ Фокса, 270.
 Византийская имперія: бесплодное
 для цивилизаціи существованіе,
 XIII, 361.
 Вилліамсъ, м-съ, 366.
 Вильеръ, 290.
 Вильардуинъ, 438.
 Вильберфорсъ, Вилліамъ: спутникъ
 Питта младшаго, 269; рѣчь о про-
 ектѣ Фокса и Норта, 272; депута-
 татъ отъ Юркшира, 275; 292;
 312; 314; описаніе похоронъ
 Питта, 316; 378.
 Вильгельмина, сестра Фридриха
 великаго, впоследствии марки-
 графиня барейтская, 5; оскорб-
 ленія отъ отца за участие къ
 брату, 7; смерть, 75.
 Вильгельмъ, братъ Фридриха ве-
 ликаго: упреки за ошибки при
 отступленіи изъ Богеміи; огор-
 ченіе и смерть, 62.
 Вилькъ, Джакъ, 270, 290, 363.
 Вильсонъ, 284, 370.
 Виндгамъ, 284, 277, 278, 279, 280;
 враждебность къ французской ре-
 волюціи, 293; оппозиція Аддинг-
 тону, 304; сопротивленіе миру
 съ Франціей, 308; 374; 400.
 Виндгамы, 358.
 Виргилій, XIII, 358.
 Де-Виттъ, Іоаннъ, 317.
 Витфильдъ, 363.
 «О возвышенномъ», XIII, 389.

Вольмэли, Джемльбертъ, 342, 343,
 370—1.

Вольтеръ, XIII, 388; глубокое влія-
 ніе на Фридриха великаго; ха-
 рактеръ «*Генриады*», «*Заиръ*»,
 «*Альзиры*» и «*Магомета*»; лите-
 ратурныя сношенія и лестъ Фрид-
 риху великому, XIV, 11—2; по-
 кровительство «*Анти-Макіавелли*»,
 13; лестное посланничество
 къ Фридриху для склоненія къ
 измѣнѣ Маріи Терезіи, 24—5;
 полная неудача, 25; «*Записки*
Вольтера» въ Пруссіи, 32; ли-
 тературная слава и несоотвѣт-
 ственная раздражительность къ
 славіи другихъ, 40; недостойное
 соперничество съ Кребиллономъ,
 41; ссора съ Фридрихомъ из-
 за издержекъ путешествія для
 поселенія у него, 42; медовый
 мѣсяцъ друзей, 43; разладъ съ
 Фридрихомъ и другими литера-
 торами, 44—6: «*Докторъ Ака-
 кія*» — сатира на Мопертюи, 46;
 напечатаніе вопреки обѣщанію,
 данному Фридриху; публичное
 сожженіе памфлета и позвѣй
 разрывъ, 47; арестъ во Франк-
 фуртѣ; возвращеніе тома стиховъ
 Фридриха: заключеніе въ тюрь-
 му и отнятіе 1,600 талеровъ;
 поселеніе на берегахъ Женев-
 скаго озера, 48; роль философа-
 разрушителя и жажда мести
 Фридриху, 49; корреспонденція
 въ облегченіе души Фридриха,
 65; дѣйствительное чувство къ
 корреспонденту, 66; попытка
 спасти Фридриха чрезъ Рише-
 лье, 67; сатира Фридриха на
 Людовика XV, 73; 323.

Вольфъ, 231.

Воры, XIII, 340.

Г. С. Ш.

«*Навеас сорпус*», 293, 299.

Гайдеръ, 359.

Гайли, 253.

Гамлетъ, 360.

«*Гамлетъ*», XIII, 354.

- Гампденъ, XIII, 368.
 Ганганклии, папа, 76.
 Гангъ, 252.
 Гардиниъ, 346.
 Гаретъ Лисъ, XIII, 353.
 Гарли, 283.
 Гармодій, 434.
 Гаррикъ, 328, 331, 332, 343; отношенія къ Джонсону, 331 — 2; въ клубъ Джонсона, 362.
 Гарригтонъ, XIII, 340.
 Гаррисонъ, XIII, 368.
 Гаррови, лордъ: членъ кабинета, 310; удаление за болѣзнь, 311.
 Гарли, 353.
 Гаршъ, австрійскій генералъ: занятіе Силезіи и осада Нейссе; прогнанъ Фридрихомъ, 74.
 Гастембекъ, 63.
 Гвиччардини, XIII, 356.
 Гвмшаръ, 44.
 Ге, XIII, 329.
 Гей (Hay), 373.
 Гендерсонъ, 368.
 Генри, современникъ Джона Боциана, 247.
 Генрихъ IV, 426.
 Генрихъ VIII, 161.
 «Gentleman's Magazine», 345.
 Георгъ III: намѣреніе удержатъ Америку за Англійей, 260; перемѣна министерства, 263; министерство въ меньшинствѣ; отказъ Питта въ принятіи должности перваго министра, 268; желаніе удалиться въ Ганноверъ и смѣны министерства, 269; проектъ Фокса и Норта, 272; отказъ въ отставкѣ министерства, 273; частная жизнь и вѣроломство относительно сослуживцевъ, 287—8; помѣшательство 1788 г., 288; выздоровленіе и торжество, 290; ссора съ министерствомъ изъ-за проекта о соединеніи Ирландіи; семейная выходка по этому поводу; новое министерство, 302; заиканіе у Питта, 304; посланіе (1803 г.) въ палату общинъ о дѣлахъ съ Франціей, 307; довольство бездарнымъ министерствомъ, 308; упрямство въ недопущеніи Фокса въ кабинетъ, 310; 358; 430.
 Герви, Генри, 342, 344.
 Германія: полное господство французскаго образовательнаго вліянія въ вѣкъ Фридриха великаго, 9; императрица—Марія Терезія, 15; императоръ—Францискъ Лотарингскій, 27; значеніе лейтенантской побѣды для объединенія германскихъ народовъ и для освобожденія отъ французскаго вліянія, 69—71.
 Геродотъ: романтизмъ разсказа; параллель съ «Генрихомъ V» и «Бурей», XIII, 329; простодушіе разсказа; общія тому причины; особенно предназначеніе разсказа для слушателей, а не читателей, 330—1; преимущества предъ Ксенофонтomъ, 342; драматизмъ, 355; 364.
 Гвевонъ, XIII, 364; XIV, 284, 335; въ клубъ Джонсона, 362.
 Гвизо, 463.
 Гвиронъ, Робертъ: «News from Cambridge», 113.
 Глога: осажденъ Фридрихомъ, 19.
 Гоганъ, 320.
 Гогенцоллерны, 2, 80.
 Годфри, XIII, 352.
 Годфридъ Бульонскій, 76.
 Голландія: противъ Англии, 289; 287.
 Голль, Робертъ, 243.
 Гольдсмитъ, Оливеръ, XIII, 336; происхожденіе, XIV, 319; обученіе азбукъ; деревенская школа; любовь къ музыкѣ; религіозная терпимость; другія школы, 320; неуклюжесть и неловкость—источникъ дѣтскихъ непріятностей; дарованія; послушникъ въ коллегіи св. Троицы и шалости, 324; смерть отца; избраніе рода жизни: попытка о посвященіи въ духовный санъ; поступленіе въ домашніе учителя; выселеніе въ Америку; занятіе законовѣдніемъ въ Дублинѣ;—медициной въ Единбургѣ и Лейденѣ, 322; странствованіе; жливість; возвращеніе; странствующій актеръ; разношникъ въ аптекѣ; въ толпѣ вищихъ; репетиторъ, 323; разношникъ у книгопродавца; попытка

- поступить фельдшеромъ въ Ост-
ндскую компанію; квартира;
первыя литературныя труды; «*In-
quiry into the State of Polite
Learning in Furor*»; «*Life
of Beau Nash*»; «*Исторія Ан-
ліи*»; «*Очерки лондонскаго об-
щества*», 324; малоспособность
къ ученымъ сочиненіямъ и при-
ятность его сочиненій; знаком-
ства; членъ *Клуба*, 328; новая
квартира и долгъ за нее, по-
ведшій къ открытію Джонсо-
номъ «*Векфильдскаго священ-
ника*»; «*Путешественникъ*», 326;
популярность «*Векфильдскаго
священника*», 327; «*Добрякъ*»,
«*Deserted Village*», 328; недоста-
токъ ея; «*She Stoops to Con-
quer*», 329; компіляціи «*Исто-
ріи Рима. — Анліи. — Греціи*» и
«*— Естественной*»; «*Animated
Nature*»; ошибки въ этихъ трудахъ
въ подробностяхъ и особенное
достоинство ихъ въ общемъ,
330—1; общество и особенная
неспособность къ разговору,
331—2; литературная нравствен-
ность, 332—3; финансовое пове-
деніе; долги и болѣзнь, 334;
смерть; похороны; посмертная
поэма; памятникъ, 335; біографы,
336; въ клубъ Джонсона, 362.
- Гольдсмитъ, Льюисъ, 451.
- Гонорары, литературныя, 344.
- Гора, партія. См. Монтаньяры.
- Гора Вывоза, 22.
- «*НОВАЕ PAULINAE*» Пали, 285.
- ГОРАЩІЙ, 227, 347—8, 427.
- Гоу, 432.
- Гоукъ, 251.
- Гохкирхъ; пораженіе Фридриха,
73—4.
- Гошъ, 434.
- Грей, 254, 284, 291, 310, 317, 371,
378.
- Гриввиль, 254, 287; оппозиція Ад-
дингтону, 304; противъ мира
съ Франціей, 308—9; (убѣждаетъ
короля о принятіи Фокса въ ка-
бинетъ;) заступничество за Фок-
са, 310; защита Питту, 314.
- Гриввиль, графиня Эстеръ, мать
Вилліама Питта (младшаго), 251;
наблюденіе надъ сыномъ, 253.
- Грещія; исключительность древней
цивилизациі, XIII, 357—8. Ср.
Цивилизація.
- Гугли, 251.
- Гуль, 348.
- Гюаде, 400, 409, 413; смерть, 418.
- Д.
- Давидъ Анжерскій, издатель ме-
муаровъ Барера, 376—7.
- Давность; политическое значеніе,
17.
- Данверсъ, 243, 247.
- Дантонъ, 378—9; казнь, 424—5.
- Даунъ; позиція при Колинвѣ, 61;
отражаетъ Фридриха, 62; пора-
жаетъ съ Лаудономъ Фридриха
при Гохкирхѣ, 73; письмо къ
Гаршу; осаждаетъ Дрезденъ и
отогнанъ Фридрихомъ, 74; по-
дарокъ папы, 76; разбитъ при
Торгау, 78, и при Бюркерсдор-
фѣ, 81.
- «*DEBBETT'S REVELS*», 106, 137.
- Деккеръ, 361.
- Демервиль; заговоръ и казнь, 455;
466.
- Демосевенъ, XIII, 327, XIV, 351.
- Демуленъ (Desmoulins), Камилль,
424—5.
- Демгленъ, м-съ, 366.
- Денгамъ, 375.
- Дети, m-me, 42; оскорбленіе во
Франкфуртѣ, 48; отвѣтъ Фри-
дриха на жалобу Вольтера о ея
оскорбленіи, 65—6.
- Деттингенъ; побѣда англичанъ надъ
французами, 24.
- Джеббъ, 270.
- Джеззаръ, 422.
- Джекинсонъ, 270.
- Джерминъ, Джорджъ, статья-секре-
тарь, 262.
- Джонсонъ, Самюэль; характери-
стика, XIII, 335; XIV, 119; 231;
284; 325—6; 331—2; 335—6;
происхожденіе, 337; сложеніе;

золотуха и «королевское прикосновение»; слѣпота; школьные успѣхи; самостоятельное занятіе, 338; успѣхи въ латыни, 338—9; бѣдность семейства; вступленіе въ Цемброкскую коллегію; впечатлѣніе на начальство, 339; роль между товарищами, 339—40; переводъ «*Messia*» Цюа; оставленіе коллегии; смерть отца, 340; психическая болѣзненность и иллюзии, 340—1; приемъ на родиль; должность репетитора; невѣстный переводчикъ въ Бирмингамъ; предметъ любви, 342—3; неудавшійся пансіонъ; переездъ въ Лондонъ, 343; эпоха скуднаго литературнаго вознагражденія; приемъ у книгопродавца, 344; обѣды; алчный аппетитъ и грубое обхожденіе, 345; грубый торизмъ, 346—7; «*Londoner*», 347—8; прилагели, 348; — Ричардъ Саведжъ, 349—50 (и 361, 371); покровитель автору «*Словаря*», 350—1; «*Vanity of the Human Wishes*», 351 (и 375); отношенія къ Гаррику, 351—2; «*Irene*», 352 (и 343); «*Rambler*» и др., 352—4 (и 356, 375); смерть Титти, 354; «посвященіе», объявленіе о выходѣ, приемъ въ публичкѣ и недостатки «*Словаря*», 354—5 (и 375); аресты за долги; сокращеніе «*Словаря*»; подписка на изданіе Шекспира; сотрудничество въ «*Literary Magazine*»; «*Idler*», 356 (и 374, 375); «*Rasselas*», 356—8 (и 361, 370, 375); яkobитизмъ въ «*Словарь*», 358; певсія; лѣньность относительно изданія Шекспира, 359; поводъ къ разсѣянію ея; окончаніе изданія и недостатки, 360—1; почести, 361; разговорный талантъ; основаніе клуба, 361—3; Джемсъ Босвелъ, 363—4; знакомство съ семействомъ Тралей, 364—6; населеніе кварталы, 366; обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія «*Путешествіе на Гебридскіе острова*», 367—8 (и 371); отношеніе къ критикамъ, 368—9; «*Taxation No Tyranny*»;

причина посредственности брошюры, 369—70; «*Lives of the Poets*», 370—2 (и 375); смерть сожителей; разрывъ, прощаніе и забвеніе м-съ Траля, 372—4; старость; намѣреніе отправиться въ Италію; водяная; друзья при больномъ, 374; смерть и похороны; гаснущая память о сочиненіяхъ и живая память объ авторѣ, 375; 461.

Джонсонъ, Бенъ, 267, 361.

Джонсъ, членъ клуба Джонсона, 362.

Джонсъ, сэръ Вилліамъ, XIII, 347.

Диоклетіанъ, XIII, 360.

Дионисій, XIII, 358.

Директорія исполнительная, 430, 446.

Доддингтонъ, Боббъ, 353, 467.

Додли, Джонъ Вилліамъ, 307.

Доминикъ, 464.

Домицианъ, 426.

Дондасъ, Генри, лордъ-адвокатъ Шотландіи; престоорливость и дружба съ Питтомъ младшимъ, 262; 273; 285; поддержка проекту о соединеніи съ Ирландіей, 302; выковъ Мелльвилъ и членъ кабинета, 310; уличенъ въ казнокрадствѣ, удаленъ и подвергнутъ обвиненію въ государственномъ преступленіи, 311.

Дондасъ, Лоренсъ, 334.

О'Доннелъ, Больдиргъ, 320.

Доннингъ, адвокатъ, 261, 262.

Драйденъ, 371, 375.

Дрезденъ: взять Фридрихомъ, 59; безуспѣшное нападентіе Дауна; вступленіе Фридриха, 74.

Друзья короля, 256.

«Дувсидла», 326.

Дюбуа, кардиналъ, 428.

Дюмонтъ, 206.

Дюмурзь, 401; измѣна жирондистамъ, 408—9; 423; 431.

Дюпле, 53.

Дюрокъ, 436, 460.

Е.

Европа континентальная; вліаніе плутарховской школы истори-

b

ковъ на политическіе приемы и реформы. XIII, 347—8; шансы мрачнаго и счастливаго будущаго, XIV, 171—2.

Египгардъ, 317.

Екатерина II. императрица русская: отзывается войска изъ Пруссіи, 81.

Елисавета, королева англійская, XIII, 373, XIV, 421.

Елисавета, императрица русская. 54; смерть и преемникъ, 80.

«EVIDENCES OF SWIZZLANDITU» Пали, 285.

Г.

«BAIRN QUEEN», 244.

«FALSE DELICACY», 328.

«FORTUNES OF NIGEL», XIII, 372.

Ж.

Жансоннѣ, 400, 409, 413; обманчивость и казнь, 417—8.

Женщины, XIII, 340; общечеловѣческое положеніи права, XIV, 165—6; всеобщая подача голосовъ, 188.

Жирондисты, 383—6; заслуги и ошибки, 401—2; роль при открытіи Конвента; верѣшительность и поражение въ судѣ надъ королемъ, 402—4; дальнѣйшая борьба съ монтаньярами, 405—6; замѣна Дюмурье, 408—9; поражение отъ монтаньяровъ, 409—10; преланіе суду, 413—4; судъ, обвиненіе и казнь, 417—8; оставшіеся въ живыхъ снова въ Конвентѣ, 440.

Жофруа, 457.

Жуанвиль, 458.

С.-Жюсть, 411, 414—5; обвиненіе и казнь жирондистовъ, 417—8; однимъ изъ 6 владыкъ Франціи, 419; 427; партія въ Комитетъ, 416; поражение и казнь; посмертная память, 438; 464.

З.

Заговоры, XIII, 352, XIV, 220.

Законодѣлы, XIII, 340.

Законодательное собраніе: скудный составъ, 393—4; 445; ничтожность, 459.

Зейвертъ, 110, 111.

Зло: совмѣстность съ божескою благостью, 87—90; способъ примиренія съ божескою благостью, 118; недостаточность рѣшенія о его происхожденіи въ христіанскихъ писаніяхъ и причина недостаточности, 118—9; тайна происхожденія, 119—20.

Зло и добро: степенное различіе, а не родовое, XIII, 364.

И.

Инаръ (Isnard), 400.

Индія: династическая борьба за Карнатикъ, 58.

Ирвингъ, Вашингтонъ, 336.

Ирландія: возстаніе, 297; 301; проектъ Питта о соединеніи и другіхъ правахъ, XIV, 301—2.

Испанія: противъ Англій, 259; 297; 311; битва при Трафальгерѣ, 312; 464.

Исторія: неудовлетворительность, XIII, 327; причина неудовлетворительности исторій: начало—романъ и конецъ—«опытъ»; Геродотъ, 328; вліяніе зарожденія европейской цивилизаціи, 332; зарожденіе *знанія* и *сомнѣнія*; реторика; софистика; причина появленія послѣдней—изустность, 333—4; Эукидидъ; аналогія истинности и ложности разсказа съ истинностью и ложностью въ живописи и другихъ подражательныхъ искусствахъ, 335—7; Ксенофонтъ, 341; Полибий и Аппианъ, 343; воззрѣнія историковъ школы Плутарха и вліяніе на европейское политическое образованіе, 343—9; Ливій, 349; Сал-

лютей, 330; Талитъ, 353; романтизмъ исторіи: Геродотъ—Фруассаръ, 333; Маккиавелли, Гвиччардини, 336; успѣхи въ философіи исторіи подѣ влияніемъ 1) выгопечатанія и 2) разнообразія повѣйшей цивилизаціи, 356—63 (ср. Цивилизація); «адвокатство въ исторіи» какъ реакція фантастичности и экзальтированности историческаго разсказа, 363—6; Юмъ; Гиббонъ; Митфордъ, 364; Роллинъ и Бартеlemi; историческая критика, 363; значеніе біографій и мемуаровъ, 367: примѣръ на исторіи Кларендова, 368; темы обыкновенныхъ исторій и—истинной, 368—74; значеніе для исторіи романсовъ, балладъ и хроникъ, 372.

Игонъ, 254, 339.

I.

Іаковъ II, 247.

Јенуа: «*Inquiry into the Nature and Origin of Evil*», 336.

Іоаннъ Сובіевскій, 76.

Книга Іова, 119.

Іоркъ, 430, 437.

Іосифъ II, императоръ австрійскій: рожденіе, 22.

«*JOURNAL DES DÉBATS*», 437.

K. C.

Кабинетъ короля англійскаго: число членовъ, 263. См. Министерство.

Кавендиши, 358.

Кавендишъ, Джонъ, лордъ: канцлеръ казначейства, 263; удаленіе, 263.

Калудаль, Джорджъ, 449.

Казакъ: участіе въ Семилѣтней войнѣ, 82.

Калигула, 213, 426.

Камбонъ, монтаньяръ, 402.

Камденъ: достоинства, 261; 273.

Кампбелъ, 368.

Кампбелъ, Томасъ, 1.

Камнингъ, Джорджъ, 254; 256;

ссора съ приверженцами Аддингтона за друга Пинга, 303; членъ кабинета, 310; 400; 467.

Канъ, 435.

Капеты, 383—4, 400.

Капулеги, 346.

Карлейль: противъ французской Революціи, 295.

Карль II, 226, 243.

Карль VI, императоръ германскій: безпотомственность; «Прагматическая Санкція», 15.

«Карль XII» Вольтера, XIII, 367.

Карль, курфистъ баварскій, 19; на императорскомъ престолѣ, 22; посрамленъ постоянными неудачами, 24; смерть, 27.

Карль Лотарингскій: разбитъ пруссаками, 23; разбитъ на-голову при Лейтенѣ и удаляется въ Брюссель, 69.

Кармайкель, 366.

Карманьолы, 416, 430, 450, 457.

Карватикъ, 251, 259.

Карно, монтаньяръ, 402, 442, 464.

Карно, Ипполитъ, издатель мемуаровъ Барера, 376—7, 382—3, 386, 393, 404, 426, 430, 436, 465, 468—9.

Кароланъ, 320.

Карръ, 290.

Каррье, 294, 441, 469.

Картеретъ: преемникъ Вальполя, 21.

Карграйтъ, 270.

«Кассандра» Ликофрона, 256.

Катилина: заговоръ, XIII, 331, 438.

Католическая ассоціація, 220.

Квевекъ 251.

Кевъ, 343, 346, 349.

Кейты; Георгъ и Іаковъ, 35—6; смерть Георга въ голкирскомъ сраженіи, 74.

Келли, д рь, 123, 330.

Кенрикъ, 368.

Де-Керуайль, Луиза, 289.

Киффинъ, 243; внуки, 247.

«Клавдій», XIII, 333.

Клайвъ, 58, 251, 334.

Кларендонъ, XIII, 336, 368, 372, 373, XIV, 347.

Клеберъ, 434.

Клионъ, XIII, 338, 355.

Клиши, 426, 428.

- Влостерь-Севинъ**, 63.
Клубы, 325, 362—3. — **Яковинскій**
 см. **Яковинцы**.
Князь Мира, 278.
Кобетъ, 112.
Колле, 54.
«College Green», 301.
Коллинъ: позиция **Дауна**, 61.
Комберландъ, 281, 330, 333.
Комитетъ общественной безопасности, 377; открытіе, 409; преобразование, 411; 414; 416; zenithъ власти и в членовъ; характеръ ихъ и ихъ охвостья, 419 — 20; истинная причина террора, 420—3; 429; безпричинная свирѣпость, 433; партин, 436; ссора вождей, 437; казнь **Робеспьера**, **С.-Жюста** и **Кутюша**, 438; паденіе, 439; 455; 464.
Коммиссія дванадцати, 410, 417.
Конгривъ, 375, 412.
Конде, 449.
Кондорсе, 389, 400; родъ смерти, 418.
Конституція, — **Англин**: равновѣсіе составныхъ частей правленія, 158 — 61; аналогія съ бумажной монетой, 219.
Конституція французская 1791 г.: внутренніе недостатки и внѣшняя помощь къ осуществленію, 393—8; конституція 1795 г., 446.
Контролеръ казначейства, 274.
Кордэ, **Шарлотта**: умершвленіе **Мара**, 414, 429—30.
Корваллисъ, 262.
Корнель, 382.
Коронационные обычаи, 22.
Козли, 371, 373.
Коперъ, 248, 284, 285.
Кощеву, XIII, 343.
Краббе, 285.
Крассъ, XIII, 331.
Крепильонъ, случайный сомерникъ **Вольтера**, 41; 54.
«Critical Review», 357.
Критій, 431.
Кроаты: опустошаютъ **Берлинъ**, 68.
Кровавая мѣсть, 146.
Кромвель, XIII, 368, XIV, 219, 421.
Ксенофонтъ: умственная и нравственная незрѣлость, XIII, 342; драматизмъ, 353.
Ксерксъ, XIII, 367.
Кумберландскій герцогъ, главнокомандующій англійской и ганноверской арміи, 60; пораженіе при **Гастембекѣ** французами, 63.
Кутонъ, 411; однимъ изъ 6 владыкъ **Франціи**, 419; партин въ **Комитетѣ**, 436; пораженіе и казнь, 438; 464.
Кугъ, 251.
Кюверслорфъ: укрѣпленія русскихъ, 76.
 Л.
Лабурдонне, 462.
Лаврентій, XIII, 356.
Лагарпъ, 389.
«Лакоонъ», XIII, 354.
«Ластва увертасъ», XIII, 350.
Лалли, 281.
Лампа, и **Метафизика**, 200.
Лампридій, 441.
Лангтонъ, **Беннетъ**: въ клубѣ **Джонсона**, 362; 374.
Ланвъ, 453.
Лауоро: противъ французской Революціи, 293.
Лаудонъ: поражаетъ съ **Дауномъ** **Фридриха** при **Гохкирхѣ**, 73; соединяется съ русскими при **Кюверслорфѣ** и поражаетъ **Фридриха**, 77; разбитъ при **Лигницѣ**, 78; взятіе крѣпости **Швейдница**, 79.
Лауренсъ, 58.
Лафонтель, 438.
Лебонъ, 294, 425; арестъ, 441; 448; 466; 469.
Леветъ, 366.
Левъ, XIII, 356.
Лейтень: побѣда **Фридриха** надъ австрійцами, 68.
Линновскъ, м-съ, 337.
Лентуль, XIII, 351.
Липеллетъ, 294.
Ливій: достоинства и недостатки какъ писателя, гражданина и мыслителя; походы **Цезаря**, XIII,

349—30; драматизмъ, 355; 356.
 Лигвицъ, 78.
 Ликофронъ: «*Кассандра*», 256.
 Лингардъ, XIII, 366.
 Львовъ, 406, 410, 424, 435.
 Литтлтонъ, 336.
 Ловозницъ, 60.
 Лодзь, 346.
 Локкъ, 114.
 Лондонъ: недовольство народа, 260; недовольство по поводу проекта Фокса и Норта, 271; торжество по случаю выздоровленія Георга III, 290.
 Лоттеръ, Джемсъ, 259.
 Луа, 400, 409.
 Луи-Филиппъ, 463.
 Людовикъ XIV, 170, 306.
 Людовикъ XV: безауспѣшное письмо къ переметчику Фридриху, 27; отвопшеніе Фридриха, 54; мать, 67; въ сатиры Фридриха, 75.
 Людовикъ XVI: страсть къ охотѣ, 393; враждебность конституціи и ненаціотичность, 396—8; атака двorca и отрѣшеніе отъ власти, 398—400; борьба жирондистовъ съ монтаньярами и смерть, 403—5; 463.

М.

Магдебургъ, 2.
 Мазарини, XIII, 340.
 Маккиавелли, XIII, 355.
 Макроби, 339.
 Максимъ, 78.
 Макферсонъ: «*Фингалъ*», 368; 450.
 Малонъ, 372.
 Мальмсбери: враждебность французской Революціи, 295; переводитъ Пинту голландское извѣстіе о дѣлѣ при Ульмѣ, 312.
 Мальплаки, 22, 61.
 Мансфильдъ, 367.
 Мара, 294, 405, 408, 411—2, 430; посмертная тревога, 440.
 Марія Терезія: вступленіе на престолъ Карла VI по «прагматической санкціи»; признаніе всѣхъ державъ Европы; личныя и се-

мейныя качества; увѣренія въ дружбѣ и вѣроломство Фридриха, 15—6; оскорбительное посланіе Фридриха, 18; потеря въ сраженіи при Мольвицѣ, 21; рожденіе сына, впоследствии императора Іосифа II; коронація въ Пресбургѣ; представляется съ дитятей предъ чинами королевства; взрывъ ихъ приверженности, 22—3; миръ съ Фридрихомъ по представленію Англіи; уступка Силезіи, 23; торжество надъ баварцами и французами, 24; супругъ, Францискъ лотарингскій, — императоръ Германіи; миръ съ Фридрихомъ, 27; мотивы и работа для отпущенія Фридриху; согласіе Россіи и польскаго короля, 49—50; письмо къ m-ше Помпадуръ, 54; союзъ съ Франціей, 58; пораженіе Брауна, 60; громадная потеря польъ Прагой, 61; отраженіе Фридриха при Коллинѣ, 62; неудачи Дауна и Гарша, 74; отпаденіе союзниковъ и уступка Силезіи въ 1763 г., 81.

Маркгамъ, 270.
 Марло, 361.
 Марльборо, 306.
 Мармонтель, XIII, 367.
 Марсель, 406, 410, 435.
 Массильонъ, 458.
 Массинджеръ, 361.
 Матіасъ, 281.
 О'Меара, 457.
 Мейссенъ, 78.
 Методизмъ, XIII, 369.
 Ла-Метри, 44.
 Милль, Джемсъ: «*Essays on Government, Jurisprudence, the Liberty of the Press, Prisons and Prison Discipline, Colonies, the Law of Nations, and Education*»; мѣсто автора между утилитаристами, 141; значеніе «*Опыта о правительствѣ*» по мнѣнію утилитаристовъ; настоящая причина его значенія, 142; схоластицизмъ, 153—4; апіористическій методъ, 144—5; цѣль правительства, 146; чисто-аристократическая форма правленія, 147; неограниченная монархія, 148; монархія и оли-

- архія, 149—80; властное отноше-
ніе демократіи, аристократіи
и монархіи, 153—61; представи-
тельное правленіе, 162—8; цензъ,
167—72; средний и низшій классъ,
173—4; построеніе теории правитель-
ства, 175—8; истинный ме-
стодъ ея построенія, 179; несо-
стоятельность системы, 222.
- Миндленъ**, 78.
- Министество 1781 г.**: состояніе и
паденіе; новый составъ, 263;
меньшинство въ 1782 г. и новый
составъ, 268; ненависть короля
и народа, 269; большинство въ
палатѣ общинъ, 270; проектъ
Фокса и Норта; буря въ парла-
ментѣ, 271; послѣдствія, 272;
отставка; матеріалы новаго, 302;
отставка (1804 г.), 309.
- Митфордъ**: услуга исторіи и общее
увлеченіе, XIII, 364—6.
- Митчелъ**, англійскій посланникъ
при прусскомъ Дворѣ, 66.
- Моисеево записаніе**, 97.
- Мольвицъ**: побѣда пруссаковъ надъ
австрійцами; политическія ея по-
слѣдствія, 21.
- Мольеръ**, 383.
- Монархія**, 398—400.
- Монджюичъ**, 320.
- Монкъ**, XIII, 340.
- Монтавьеры**: характеръ партіи, 402;
борьба съ жирондистами и по-
бѣда въ судѣ надъ королемъ,
403—4; дальнѣйшая борьба,
405—6; (ср. Яковинцы); побѣда
надъ жирондистами, 409—10;
паденіе, 440; 443; 446; 464.
- Монтгюю**, 346.
- «Montly Review»**, 357.
- Монтованъ**, 388.
- Монфоръ**, XIII, 317, XIV, 464.
- Монпелюи**, 36: 331.
- Моравія**: зачатіе Фридрихомъ, 22.
- Моря**, 449.
- Мортонъ**, XIII, 343.
-
- Мавтъ**, 434.
- Наполеонъ Бонапартъ**: Первый кон-
сулъ, 303; честолюбіе, 306; слача
австрійцевъ при Ульмѣ; битва при
Трафальгарѣ, 312; аустерлицкая
побѣда, 313; 383; 423; 434; внут-
ренняя политика Перваго консула,
448—50; заговоръ, 433; вершина
славы, 438; отреченіе, 462.
- Народонаселеніе**: законъ о народе-
населеніи Мальтуса совмѣстенъ
съ божескою благодатью, 87—90;
размноженіе населенія далеко не
обратно-пропорціоноально густотѣ
его, 91—4; таблица плодovitости
и крайнихъ предѣловъ, 92;
таблица плодovitости въ Англіи,
93 и 98; данныя Садлера под-
тверждаютъ законъ Мальтуса,
93—8; плодovitость Ланкашира;
плодovitость Франціи, 99 и 126;
подтверженія закону Мальтуса,
100—2; причины меньшей пло-
дovitости городовъ; плодovitость
Пруссіи, 102; плодovitость въ
Англіи въ концѣ XVII в., 103;
причина размноженія въ Америкѣ,
104; плодovitость относитель-
но богатства и бѣдности,
105; плодovitость перовъ ан-
глійскихъ и причины угасанія
ихъ фамилій, 106—7; плодovitость
американскихъ негровъ и
Соединенныхъ штатовъ, 109—12;
плодovitость во Франціи, 126—
30; въ Англіи, 131—4; въ Прус-
сіи, 135—6; совпаденіе данныхъ
о плодovitости Франціи и Ан-
глійи, 137—8.
- «Natural Theologist» Пали**, 265.
- Национальное собраніе**: съѣздъ, 390;
нелѣпое и пагубное Самоотвер-
женіе, 393—4; распределеніе чле-
новъ, 393.
- Национальный конвентъ**, 377; от-
крытіе; уничтоженіе монархіи,
398—400; партіи: жирондисты,
400—2; монтавьеры, 402; борь-
ба жирондистовъ съ монтавьерами,
403—6; побѣда за послѣд-
ними, 409—10; казнь Маріи Ан-
туанеты, 413—6; казнь жирон-
дистовъ, 417—8; порабощеніи
Комитетомъ общественной безо-
пасности, 419; 431; предложеніе
объ усилеши системы террора,
433—6; ссора вождей Комитета

437; казнь Робеспьера, С.—Жюста и Кутона, 438; возвращение власти, 439; следственная комиссия надъ Билло, Колло и Бареромъ, 442; назначеніе ихъ въ ссылку, 443; новыя пренія, 444; нападеніе черни; умерщвление депутата; предложеніе казнить узниковъ, 443; ссылка въ Гвіану; возстаніе бурбонистовъ; отказъ Бареру въ прошеніи, 446; палата Ста дней, 461—3.

Невилъ, Гидъ, 462.

Нейссе, осада, 74.

Нельсонъ, 432

Неронъ, 215, 426.

«Неронъ», XIII, 353.

Ниагара, 251.

«Никій», XIII, 355.

Макъ—Николь, 368.

Ниль, Генри: «*The Romance of History*», XIII, 327.

Ноллекинсъ, 335.

Нортъ, министръ, 254; достоинства; характеръ; отношеніе къ плану удержанія Америки, 260; соединеніе его партіи съ партіей Фокса, 266—7; отказъ о возвращеніи къ министерской должности; статсъ-секретарь, 268; отпаденіе партизановъ, 270; проектъ о дѣлахъ Индіи; взрывъ въ парламентѣ и виѣ; отставка, 271, 273.

«Нравственное чувство», 200.

Ньюкестль, 346.

Ньютонъ: законъ тяготѣнія въ кембриджскомъ университетѣ, 357.

О.

«Овлака», XIII, 333.

Общество билля о правахъ, 270.

Оксфордъ, 388.

Олау: взять Фридрихомъ, 19.

«Old Mortality», XIII, 372.

Онтаріо, 252.

Орленъ Байярда, 8.

Оррери, 371.

Д'Орфи, 248.

Осворъ, 345, 366.

«Острыя террора»—Бареръ, 428.

Остъ-индская компания: враждебный планъ Фокса и Норта, 271.

Отдаленность времени: вліяніе на историческія сочиненія, XIII, 363. «Отонъ», XIII, 353.

П.

Палата лордовъ, 1783 г.: приказаніе короля по поводу проекта Фокса и Норта; отвергаетъ проектъ, 272.

Палата общинъ: непопулярность, 260; дебаты объ условіяхъ мира, 267; проектъ Фокса и Норта, 272; посланіе короля о дѣлахъ съ Франціей, 307; предложеніе о похоронахъ и монументѣ Питту на общественный счетъ, 315; ассигнованіе 40,000 фунт. стерл. для уплаты долговъ Питта, 316.

Пали, 90, 117—8, 119, 285.

Пальмеръ, Барбара, 289.

Памэла, 393.

Парижъ: въ видахъ якобинцевъ, 403—8; возстаніе, 409—10; очищеніе и оживленіе послѣ Революціи, 440; возстаніе, 443; нападеніе на Конвентъ, 445.

Парламентская реформа, 260; проектъ закона о сокращеніи срока парламентскихъ засѣданій; предложеніе комиссіи для разсмотрѣнія положенія о народномъ представительствѣ; предложеніе отвергнуто, 264; вторичное предложеніе: прибавить 100 представителей для графствъ и нѣсколько для главныхъ округовъ съ объявленіемъ противъ подкуповъ; предложеніе отвергнуто, 268; проектъ Питта, 291.

Парламентское управленіе: особенность талантовъ, требуемыхъ имъ отъ политическихъ дѣятелей, 276—7.

Парламентъ: оппозиціонныя партіи: большая съ Чарльзомъ Роккигамомъ во главѣ и меньшая съ Вилліамомъ Шельборномъ во гла-

въ, 260—1; собрание 1781 г.; отсрочка и новое собрание, 262—3; отставка министерства, 263; отсрочка, 263; партія Фокса, Норта и Шельборна, 266; собрание 1782 г.; дебаты о мирѣ; сторонники правительства въ меньшинствѣ, 267; вторичное предложеніе о реформѣ, 268; собрание 1783 г., 269; проектъ Фокса и Норта; впечатлѣніе, 271, и послѣдствія, 272; распушеніе; выборы, 273; задержаніе палаты Питтомъ, 292; спокойствіе до 1799 г., 299; засѣданіе 1803 г., 307; собраніе 1806 г., 313—4.

Парли: натура партій, 269; 308.

Паскаль, 96, 438.

«Раводин», Фильдингга, 314.

Патриотизмъ: естественное происхожденіе въ обществахъ; искаженіе въ древнихъ обществахъ, наследованное Европой, XIII, 343—8.

Пелиссо: стихи на сатиру Фридриха, 73.

Пеллетье, 34.

Пельгамъ, Генри, 263, 290.

Пемброкская коллегія, 346.

Перикль, XIII, 338, 355; XIV, 317.

Перье, Казимиръ, 463.

Петюнь, 401, 409, 413; останки, 418.

Петрарка, XIII, 338, XIV, 339.

Петръ III, императоръ русскій: обожаніе Фридриха великаго и соотвѣтственное поведеніе въ Семилѣтнюю войну; обмундированіе и отпушеніе плѣнныхъ; разрѣшеніе отъ присяги Россіи прусскихъ подданныхъ и отправленіе 15-тысячнаго войска въ помощь Пруссіи; смерть, 80—1.

Питти, Генри, лордъ: былъ осужденія правительства, 314.

Пизистратъ, 438.

Пильницкая лига, 398.

Пинкертонъ, XIII, 339.

Пирна: позиція Августа и осада Фридриха, 59—60.

Питерборо, 320.

Питтъ, Вилліамъ, графъ Чатамъ, отецъ Питта Вилліама: на сторо-

нѣ Фридриха въ Семилѣтнюю войну, 72; послѣдствія его удаченія для Семилѣтней войны, 80; блестящая слава, 231; упадокъ популярности и физическихъ силъ; семейная привязанности, 232; выводъ ребенка-сына при пожалованіи Питта графомъ, 253; послѣднее засѣданіе въ парламентѣ и смерть, 258; 287.

Питтъ, Вилліамъ, сынъ предвидущаго: блестящая слава отца при его рожденіи, 231; быстрое интеллектуальное развитіе; трагедія 14-лѣтняго юноши, 233; слабое тѣлосложеніе; успѣхи домашняго воспитанія; университетъ, 254; руководитель; страсть къ математикѣ, 253; классическія занятія; недостаточность знакомства съ новѣйшей литературой; дикція, 256; особенность въ занятіи классиками относительно англійскаго языка и ораторской цѣли, 237; проявленіе ораторскихъ дарованій; сопровожденіе отца на послѣднее въ его жизни засѣданіе въ парламентѣ, 258; похороны отца; совершеннотѣіе; доходъ; адвокатъ; кандидатъ отъ кембриджскаго университета; членъ парламента отъ м. Апплеби, 259; партія; первая рѣчь; впечатлѣніе, 261; членъ клуба Брукса; двѣ другія рѣчи; рѣчь объ адресѣ; впечатлѣніе, особенно на Довдаса; дружба съ нимъ; рѣчь о военномъ бюджетѣ; перешедываніе статсъ-секретаря и лорда-казначея, 262; острота на шептавшихся; отреченіе отъ вице-канцлерства Ирландіи; причина отказа и недовольство; извиненіе собственное и со стороны, 263; поддержка правительству Роккинггема: проекта закона о сокращеніи срока парламентскихъ засѣданій; предложеніе комиссіи для рассмотрѣнія положенія о народномъ представительствѣ; предложеніе отвергнуто, 264; канцлеръ казначейства, 263; посредничество для примиренія Фокса съ Шельборномъ, 266; болѣль въ сессію

1782 г.; рѣчь въ Шеридану; колкій отвѣтъ Шеридану; язвительный намекъ на коалицію Фокса съ Нортонъ въ сѣвѣдующей рѣчи, 267; упорный отказъ въ принятіи должности перваго лорда казначейства; вторичное предложеніе о парламентской реформѣ — прибавить 100 представителей для графствъ и нѣсколько для главныхъ округовъ, съ объявленіемъ противъ подкуповъ; предложеніе отвергнуто, 268; путешествіе по континенту и спутникъ, 269; предметъ надеждъ и выговъ и торіевъ, отпавшихъ отъ Фокса и Норта, 270; первый лордъ и канцлеръ казначейства, 272; большинство въ палатѣ лордовъ; положеніе въ палатѣ общинъ; шансы къ паденію духомъ; твердая борьба; энтузіазмъ общества; патентъ гражданства и банкетъ отъ Сити, 273; иллюминаціи; колебаніе большинства; отказъ оставить казначейство; безкорыстное назначеніе контролера казначейства, 274; депутатъ отъ Кембриджа; высокое положеніе въ кабинетѣ, парламентѣ и глазахъ націи, 275; разница въ талантахъ отъ талантовъ континентальныхъ правителей по свойству парламентскаго управленія, 276; истый парламентаръ; недостатокъ въ сравненіи съ Фоксомъ и Боркомъ, 278; ораторъ, не имѣвшій соперника, 279—80; горделивость по достоинству, 281; частная жизнь, 282; первое управленіе; изворотливость какъ финансиста, 286; отношеніе къ вопросу о регентствѣ, 288—9; популярность и элементъ ея — бѣдность, 290; проектъ для улучшенія представительства, 291; главное участіе въ аболіціонномъ законѣ; поддержка Фокусу; случай торизма, 292; обвиненія въ стимулированіи Французской Революціи (ср. 429—30); сатирическая басня на этотъ счетъ, 292—4; борьба и перемѣна во взглядѣ на значеніе Революціи,

294—6; плохо понятое значеніе ея, 296—7; сообразное тому назначеніе перваго лорда адмиралтейства, 298; парламентъ—мѣсто его побѣдъ, 298—9; ошибка во внутренней политикѣ, 300; состояніе въ Ирландіи, 301 и 297; проектъ о соединеніи съ Англіей, 301; неудача и отставка, 302; надежда противниковъ Аддингтона и чувство къ нему, 304; удаленіе изъ Лондона; борьба друзей съ приверженцами Аддингтона, 306; упорное общественное мнѣніе о его способностяхи ко всѣмъ отраслямъ управленія, даже военной; отказъ на предложеніе мира съ Аддингтономъ, 306; ссора; блистательная рѣчь о дѣлахъ съ Франціей, 307; порученіе составить новое министерство, 309; назначеніе канцлеромъ казначейства и намѣреніе избрать Фокса товарищемъ; борьба съ упрямствомъ короля; нерѣшительность, 310; усміе убить короля о допущеніи Фокса, 311; упадокъ силъ, 311—2; образованіе коалиціи противъ Франціи; извѣстіе о дѣлѣ при Ульмѣ; извѣстіе о битвѣ при Трафальгарѣ; окрилившаяся популярность; задравный гость въ Гильдголтъ, 312; послѣднія общественныя слова; переѣздъ въ Батъ; извѣстіе о пораженіи въ Моравіи, распаденіи коалиціи и верховности Франціи; переѣздъ въ Потни; свиданіе съ Велесли, 313; билль осужденія нравительства; защита Гренвиля и Фокса; рассказы о набожности, 314; смерть; продолжительность общественной службы; предложеніе въ палатѣ общинъ о похоронахъ и монументъ на общественный счетъ; похороны, 315; ассигнованіе отъ палаты общинъ 40,000 ф. ст. для оплаты долговъ; чрезмѣрность ихъ, 316; по-смертное имя—въ устахъ разнокалиберныхъ питтистовъ, 317; отзывъ историка, 318; 400; 429—30; 437; 447; 451; 467.

Платонъ, XIII, 334.
Плодовитость браковъ. См. Народонаселение.
Плутархъ и его школа; извращенное понятие о государственной политике и вредное влияние на европейское политическое образование, XIII, 343—9; драматизмъ, 355; 363.
Повдники, 146.
«Point du Jour», 392.
Полный: достоверность разсказа и преимущество предъ школой Плутарха, XIII, 343.
Политика: послѣдствія нарушения «Прагматической Санкціи», 19—20; переѣмъ въ отношеніяхъ Франціи и Австріи, 51—3.
Политики, XIII, 340.
Полиціанъ, 342.
Польни, Вилліамъ, 346.
Польша: вступленіе въ коалицію противъ Вилгельма, 50; королева въ Дрезденѣ вынуждена выдать оицеру Фридриха коалиціонные документы, 59.
Померанія, 82.
Помпадуръ, m—te: происхождение и роль при дворѣ Людовика XV; письмо Маріи Терезиш, 33—4; въ сатирѣ Фридриха, 75.
Помпей, XIII, 352.
Помпидуръ, Жавъ Жакъ Франкъ, маркизъ, 388.
Помпоній, XIII, 358.
Попъ, 340, 344, 347—8, 371, 451.
Порсонъ, 284.
Портландъ, герцогъ, 265; первый лордъ казначейства, 268; враждебность французской Революціи, 295; противникъ Питта, 299.
Посольства: бѣдность берлинскаго при Фридрихѣ-Вилгельмѣ, отцѣ Фридриха великаго, 3—4; при Фридрихѣ великомъ, 31, 42.
Потсдамъ, 2.
Прага: взята Фридрихомъ, 22; вторично взята имъ, 25.
«Прагматическая Санкція»: причины помяненія и признаніе всѣми державами и общественнымъ мнѣніемъ Европы; миротворное значеніе; особенное признаніе Фридрихомъ и первое его же нарушеніе, 16; законность, 17.

Прайоръ, 336, 375.
Представительство, 393—4.
Прейсъ, д-ръ, 17.
Претиманъ, 285; 314.
Принцъ Валлійскій: порочность, 288—9.
Пристли, 270.
Пруссія: возникновеніе и расширеніе, 2; превосходство войска при Фридрихѣ великомъ, 20; 30; пропорція обязанныхъ военною службою, 30; враждебность къ Австріи, 51; положеніе предъ Семилѣтней войной, 55—7; благодарственный молебень послѣ цорндорфскаго сраженія, 73; положеніе въ началѣ 5-го года Семилѣтней войны, 78; миръ съ Австріей и состояніе вслѣдствіе Семилѣтней войны, 82—3; характеръ торговой политики, 178; 435.
Псалъманазаръ, Джорджъ, 348.
Птоломей, XIII, 339.
Пургане, XIII, 345, 372, 456.
Пятки: Фридрихомъ великимъ отмѣнены, 32.
«Пятидневки», XIII, 339.

Р.

Разбойники: въ Западной Европѣ, 24.
Райландъ, 235.
Расинъ, 458.
Революціонный трибуналъ, 408; судъ, обвиненіе и казнь жирондистовъ, 417 — 8; 424; безпричинная свѣрность; предложеніе о новомъ преобразованіи, 435; предложеніе принято, 436; уничтоженіе, 439.
Революція французская 1788 — 94 гг.: влияние школы Плутарха на вышній колоритъ событія, XIII, 348—9; XIV, 172; отраженіе на Англію и внутренній характеръ, 290—300; собраніе генеральныхъ штатовъ; истинная причина Революціи, 390—1; ошибка между Национальнымъ и Законодательнымъ собраніемъ, 393 — 4; конституція 1791 г. и помѣха ей—европейское вмѣшательство и не-

патриотичность Людожика, 395—8; уничтожение монархии, 398—400; борьба жирондистовъ съ монтаньярами за короля и казнь его, 403—5; побѣда за послѣдними, 409—10; казнь Маріи Антуанеты, 414—5; характеръ революціоннаго краснорѣчія, 415—7; судъ, обвиненіе и казнь жирондистовъ, 417—8; царство террора, 419—21 (434); бездарность и грубость террористовъ, 421—3; ссора вождей Комитета общественной безопасности и казнь побѣжденныхъ, 437—8; реакція, 439—40; литературная реставрація, 458; Сто дней; реставрація Бурбоновъ, 461—3; послѣдствія, 464—5.

Революція польская, 463.

«*Reuearbal*», 328.

Рейнольдсъ, 325, 335; въ клубѣ Джонсона, 362; 370.

Рейнсбергъ, 8.

Реньо, Цецилія, 294.

Республика, 400, 423; могущество, 435.

Реционико (Климентъ XIII), папа: богатый, но осмѣянный подарокъ Даулу, 76.

Римская имперія: исключительность древней цивилизаціи, XIII, 338—60; значеніе нашествія варваровъ, 362. Ср. Цивилизація.

Ричардсонъ, 353, 356.

Ричмондъ, герцогъ, 258.

Ришельё, герцогъ, маршалъ, XIII, 340; волокита и ненавистникъ философовъ. XIV, 67.

Робертсонъ, 372.

Ровеспьеръ, 215, 378—9, 383—4, 411; недовольство осужденіемъ Маріи Антуанеты, 415; обвиненіе и казнь жирондистовъ, 417—8; однимъ изъ 6 владыкъ Франціи, 419; 427; защита Бареру; покушеніе дѣвicy на жизнь, 429—30; предложеніе объ усилении системы террора, 435—6; партія въ Комитетъ, 436; косвенное нападеніе въ Конвентъ; рѣчь противникамъ, 437; пораженіе и казнь; посмертная память, 438—9; 451; 464.

Ровиллякъ, XIII, 354.

Роккинггамъ, Чарльзъ, маркизъ: глава оппозиціонной большой партіи; ораторскій недостатокъ, 261; первый министръ, 263; роль въ министерствѣ и смерть, 265; 287.

Роланъ, 401; причина и мѣсто самоубійства, 418.

Роланъ, ш-те: казнь, 418.

Ролленъ, XIII, 363.

Росбахъ: побѣда Фридриха надъ французами, 68.

Россия: вступленіе въ коалицію противъ Фридриха, 50.

Ротландъ, 239.

Рупрехтъ, XIII, 368.

Русскіе: опустошаютъ восточныя провинціи Пруссіи, 68; проникли до средины прусскихъ владѣній, 72; отброшены при Цорндорфѣ, 73; разбиваютъ пруссаковъ при Одерѣ; укрѣпленія въ Кюнерсдорфѣ; соединяются съ Лаудоновомъ и поражаютъ Фридриха, 76—7; успѣхи въ Помераніи, 79; въ походѣ противъ Наполеона, 312.

С.

Саверияжъ, 270.

Саведжъ, Ричардъ: жизнь, смерть и «*Биографія*», 349—50, 371.

Садлеръ, Микаэль Томасъ: «*The Law of Population: a Treatise in Six Books, in Disproof of the Superfecundity of Human Beings*»; слогъ сочиненія; брань на Мальтуса, 84; мнѣніе о теоріи Мальтуса, 87; возраженіе ей несовѣстностью съ божескою благодатью, 87—9; непониманіе «обратнаго отношенія», 91—4; данныя его о народонаселеніи подтверждаютъ законъ Мальтуса, 94—112; «*A Refutation of an Article in the Edinburgh Review, entitled «Sadler's Law of Population, and Disproof of Human Superfecundity»*», 114; способъ «подтасовки» данныхъ о плодо-

- вѣности, для Франціи, 126—30;
— для Англіи, 130—6.
- Саксонія: оставляетъ союзниковъ,
занята и завоевана Фридрихомъ,
59 — 60; обращеніе Фридриха,
60; оборона Фридриха отъ Дау-
на, 74; занята австрійцами, 76.
- Саксонцы: занимаютъ Богемію, 22;
Саллюстій: заговоръ Катилины;
разнорѣчивость показаній; парал-
лель съ Папистскимъ заговоромъ,
XIII, 351—2.
- Сантвръ, 406.
- Сачверль, 290, 346.
- Светоній, 441.
- Свифтъ, 113.
- Свобода политическая: отсутствіе
въ древней Греціи и Римѣ и на-
слѣдованіе извращеннаго понятія
историковъ, XIII, 343—9.
- С.-Джорджъ, фортъ, 260.
- «Seasons», Томсона, 344.
- Семилѣтняя война: начало, въ авгу-
стѣ 1756 г., 59; второй годъ,
61; третій годъ, 72; четвертый,
76; пятый, 78; шестой, 79; сель-
мой, 81; окончаніе по Губертс-
бургскому миру въ 1763 г., 81—
2.
- Сенать, французскій, 459.
- Сибберъ, 371.
- Сигизмундъ, 2.
- Силезія: покореніе Фридрихомъ,
18—20; занята австрійцами, 68;
снова въ рукахъ Фридриха, 69;
занятіе Гаршемъ; отнятіе Фрид-
рихомъ, 74; окончательное за-
воеваніе Фридрихомъ и уступле-
ніе Австріи по Губертсбургско-
му миру, 81—2.
- Силла, 451.
- Сити, 358.
- Скиннеръ, 353.
- Скоттъ, 284.
- Скромгъ, XIII, 352.
- Скоудери, XIII, 343.
- Смитъ, Адамъ, XIII, 340.
- Совѣтъ пятисотъ, 430, 446, 447;
разогнанъ Наполеономъ, 448.
- Совѣтъ старѣйшинъ, 446; съ На-
полеономъ во главъ, 448.
- Соединенные Штаты, 171.
- Сократъ, XIII, 334; питомецъ—
Ксенофонтъ, 342.
- Сомерсъ, 283, 426.
- Сомерсетъ, 358.
- Сотти: жизнь Нельсона, XIII, 367,
XIV, 235.
- Софокль, 361.
- «Средствъ», 352—3.
- Спенсеръ, 284; противъ францу-
ской Революціи, 295; первый
лордъ адмиралтейства, 298.
- «Spiritual Quixote», 248.
- Спирь Францискъ, 239.
- Стангопъ, 320.
- Стени (Steeny), 278.
- Стивенсъ, Джорджъ, 333.
- Сто дней, 461—3.
- Стокдаль: прощесъ его, 291.
- Страбонъ, XIII, 339.
- Страфорлъ, XIII, 352.
- «Style's Register», 111.
- Стюарты, XIII, 373.
- Субизъ, французскій маршалъ: раз-
бить на-голову Фридрихомъ при
Росбахѣ, 68.
- Сулла, XIII, 358.
- Сышкии, XIII, 340.
- Т...
- Тальенъ: оппозиція Комитету, 436;
пападеніе на Робеспьера, 437.
- Тарквиній, 443.
- «Task», 284.
- Тацитъ: параллель съ Фукидидомъ;
безподобный портретистъ; Ти-
берій; драматизмъ, XIII, 353—4;
преимущества предъ Геродотомъ,
Ксенофонтomъ, Ливіемъ, Плутар-
хомъ и Фукидидомъ, 353; 372.
- Темплъ, графъ, двоюродный братъ
Питта младшаго: выходка по по-
воду проекта Фокса и Норта;
— статсъ-секретарь въ продолженіе
48 часовъ; причина удаленія,
272—3.
- Темплъ, графиня Эстеръ —, бабка
Вилліама Питта (младшаго), 251.
- Тѣо, Катерина, 437.
- Терроръ. См. Царство террора, 419.
- Тест Аст, 317.
- Тиберій, XIII, 353.
- Тикондерога, 251.
- Тимолеонъ, XIII, 346.

Тибет-Самбъ, 389.
 Тистльвудъ, 467.
 Томсонъ, 344.
 Торгау, 78.
 Торин, 80, 269; отпаденіе отъ Нор-
 та, 270.
 Тормо, хранитель большой печати,
 283; отставка, 268; канцлеръ,
 273.
 Толстеньдъ, Чарльзъ, 271, 278.
 Трали, 364—6, 372—4.
 Тукъ, Горнъ, 270, 355.
 Тумонъ, 424, 435.
 Тулуза, 387—8.
 Турція: угрожаетъ Венгріи, 81.
 Тьеръ, 463.
 Тюренъ, 306.

У.

Утилитаризмъ: не требуетъ осо-
 бенной учености; чуждъ изяще-
 ства литературнаго изложения,
 142—3; схоластицизмъ, 144; зна-
 ченіе системы, 200, 204—5; не-
 годность «принципа высшаго
 благоденствія», 200—4 (и 244);
 уровень развитія приверженцевъ,
 208; всеобщая подача голосовъ,
 223 (къ стр. 167); сродство «прин-
 ципа высшаго благоденствія» съ
 известными христіанскими запо-
 вѣдями, 270 (къ стр. 203); го-
 рячность къ рѣшенію правитель-
 ственныхъ вопросовъ—истинная
 цѣль всѣхъ положеній утилитар-
 истовъ, 232. — См. Бентамъ,
 Милль и «Westminster Review».

W. W.

WALSONICUM MENDACIUM, 382.
 «Westminster Review» (NXXII. Art.
 16): «On the Strictures of the
 Edinburgh Review» (N XCVIII. Art.
 1) on the Utilitarian Theory of
 Government, and the Greatest «Hap-
 piness Principle», 207; деспотизмъ,
 209—11 (къ стр. 144, 162, 168); мо-
 нархія, аристократія, демократія и
 конституція, — ихъ взаимныя отно-
 шенія и ограниченія, 212—3 (къ

стр. 155—6);... 213—4 (196),
 215—20.... французская Револю-
 ція, 221 (172); расчетъ риска,
 страхъ наказанія и др. отрица-
 тельныя побужденія стремиться
 къ «высшему благоденствію»,
 225—8; индивидуальность «выс-
 шаго благоденствія», 225—8;
 противорѣчіе его въ этомъ смыс-
 лѣ интересамъ общества, 229.

«World», 355.

WRAHALL, sir Nathaniel, 382.

Ф.

Фаулеръ, Эдуардъ, 242.

Фердинандъ Брауншвейгскій: при
 осадѣ Праги, 61; главнокоман-
 дующій противъ французовъ, 72;
 успѣхи, особенно при Минденѣ,
 78; триумфальный въѣздъ съ
 Фридрихомъ въ Берлинъ, 82.

Философы, XIII, 340.

Фильдингъ, 344.

«Фингалъ», 368, 430.

Фитцвильямъ, графъ, 271; враж-
 дебность къ французской Рево-
 люціи, 295; 430.

Фитцджеральдъ, 393.

Флѣри, 19, 21.

Флетчеръ, 361.

Флетвудъ, XIII, 368.

Фокландъ, 347.

Фоксъ, XIII, 347, XIV, 234; союзникъ
 Роккингама, 261; статсъ-секре-
 тарь, 263; удаление, 265; ошибка
 въ непримиреніи съ Шельбор-
 номъ и соединеніи съ Нортотъ,
 266; дѣйствительный министръ,
 268; отпаденіе партизановъ, 270;
 проектъ объ индійскихъ дѣлахъ;
 взрывъ въ парламентъ и виѣ,
 271; отставка, 272; оппозиція
 Питту, 273; 278; 279; 280; 281;
 поддержка Питта, 292; заступ-
 ничество за французскую Рево-
 люцію, 295; удаление, 299; бли-
 стательная рѣчь о дѣлахъ съ
 Франціей; сторонникъ возобно-
 вленія войны съ Франціей, 308—
 9; не допускается королемъ въ
 кабинетъ, 310; 311; вторичная

- попытка Пятта убѣдить короля о допущеніи въ кабинетъ, 311; защита большому Пятту, 314; оппозиція предложенію о похоронахъ и монументъ Пятту на общественный счетъ, 315; 317; 400; 426; 467.
- Фоксъ: «*Книга мучениковъ*», 241.
- Фонтенелль, 323.
- Фонтэнъ, XIII, 329.
- Фордъ, 361.
- Форстеръ, 336.
- Францискъ Лотарингскій, супругъ Маріи Терезіи, 15; угрожаетъ прервать сообщеніе Фридриха съ Силезіей, 26; императоръ германскій, 27.
- Франція: широкое образовательное вліяніе при Людовикѣ XIV, 8—9; измѣна Фридриха, 23; вторичная измѣна, 27; перемѣна въ отношеніяхъ къ Австріи, 51—3; вступаетъ въ коалицію противъ Фридриха, 54, 58; миръ съ Англіей, 81; союзъ съ Испаніей противъ Англіи, 239; 287; характеръ отраженія Революціи на Англіи, 290—300; Амьенскій договоръ, 303; вліяніе европейскаго вмѣшательства на Революцію 1793 г., 396—400.
- Французы: вторгаются въ Богемію, 22; отступаютъ съ большой потерей въ пути; пораженіе при Деттингенѣ, 22; успѣхи въ Нидерландахъ, 24; побѣда при Гастембекѣ, 63; разбитіе при Росбахѣ, 68; 423.
- Фридрихъ-Вильгельмъ, Великій курфюрстъ, прадѣдъ Фридриха великаго, 2.
- Фридрихъ, дѣдъ Фридриха великаго: завистливое и неохотное признаніе *королемъ*, 2—3.
- Фридрихъ-Вильгельмъ, отецъ Фридриха великаго: административный характеръ; порочность и скупость, 3; мономанія къ рослымъ солдатамъ, 4; грубость къ подданнымъ; свирѣпость въ семействѣ; невѣжество; времяпровожденіе, 5; примѣры семейнаго деспотизма, 6; благорасположеніе къ французскому языку и

взрывъ противъ Золотой Буллы, 9; нравственная и «*интеллектуальная*» дряхлость и смерть, 13.

Фридрихъ великій, король Пруссій: рожденіе, 5; юность, 6; варварство отца до и по случаю дезертирства; облегченіе въ тюрьмѣ, 7; улучшеніе положенія; служба; забавы въ Рейнсбергѣ, 7—8; французское образовательное вліяніе; изученіе языковъ, 8—10; плохіе стихи и хорошія письма, 11; обожатель Вольтера и авторъ «*Анти-Макисвелла*», 11—3; ладитъ съ дряхлымъ деспотомъ—отцомъ; вступленіе на престолъ; перемѣна въ сторону отцовскаго характера и обманутыя ожиданія поклонниковъ, 13—4; разнижа съ отцомъ къ лучшему, 14; вѣроломное нарушеніе «*Прагматической Санціи*», 16—7; собственное признаніе о главномъ побужденіи къ войнѣ (сл. 191 стр.); посланіе къ Маріи Терезіи; вторженіе и покореніе Силезіи, 18—9; побѣда при Мольвицѣ и трусость короля, 21; побѣда надъ Карломъ Лотарингскимъ; получаетъ по миру Силезію и оставляетъ союзниковъ, 23; отвергаетъ стараніе Франціи склонить его на камѣну Маріи Терезіи, но измѣняетъ самъ; занимаетъ Богемію, беретъ Прагу и угрожаетъ Вѣнѣ, 25; побѣда при Гогенфридбергѣ и побѣда при Соррѣ, 26; заключаетъ миръ съ Англіей и Австріей; политическое и общественное мнѣніе, 27; внутреннее управленіе, 28—9; военное управленіе, 30; бережливость, 31; свобода печати, 32; отправленіе правосудія; вѣротерпимость; вмѣшательство въ торговлю и промышленность, 32—3; вмѣшательство въ ходъ юстиціи и образованія и даже въ расходы для путешествій, 34; заботы о сословныхъ различіяхъ, 35; товарищи досужныхъ часовъ, 35—6; деспотическая роль Фридриха и униженіе его лю-

бичевъ и компаньонъ, 37—9; вербованіе Вольтера, 42; приѣмъ, 43; разладъ, 44; неприязни, 45; полный разрывъ съ Вольтеромъ, 47; оскорбленіе Вольтеру во Франкфуртѣ, 48; грубые отзывы о современныхъ государяхъ и государыняхъ, 53—4; планъ коалиціи; вѣроятности успѣха ея, 55—6; вѣроятности неуспѣха, 56—7; наибольшая изъ послѣднихъ—отношеніе Франціи къ Англіи; союзъ съ Англіей, 58; Семилѣтняя война; требованіе у Маріи Терезіи объясненія; занятіе Саксоніи; осада Шпры; занятіе Дрездена; коалиціонные документы; впечатлѣніе обнаруженія ихъ, 59; разбиваетъ Брауна, при Ловозницѣ, и поноруетъ Саксонію, 60; вторженіе въ Богемію; осада Праги; большія потери, 61; отраженіе при Коллинѣ съ громаднымъ урономъ; снятіе осады съ Праги; удаленіе изъ Богеміи; упреки брату, 62; потеря матери; исхудалость; рѣшеніе умереть, 63; стихотворство; попытка примиренія съ Вольтеромъ, 64; образецъ изъ переписки, 65; дѣйствительное мнѣніе о корреспондентѣ, 66; побѣда надъ французами при Росбахѣ; надъ австрійцами при Лейпцигѣ, 68; возвращеніе Силезіи; популярность; значеніе лейтеновской побѣды, 69—71; впечатлѣніе на Англію; отказъ англійскимъ джентльменамъ о поступленіи въ его армию, 71; субсидія отъ Англіи; зимовна въ Бреславлѣ, 72; пораженіе русскихъ при Цорндорфѣ; авогей славы, 73; пораженіе при Гохкнрхѣ; оборона Силезіи и Саксоніи; смерть сестры; занятія на зимовкѣ въ Бреславлѣ; сатира на Людовика XV и m-me Помпадуръ, 75; стихи на подарокъ папы Дауну; депеша въ Берлинъ съ извѣстіемъ о полной побѣдѣ, 76; разбитъ на-голову Лаудоновъ и русскими; депеша объ оставленіи Берлина; прощальныя

письма и обращеніе къ яду; собираетъ войско, 77; неудачи при Мансентѣ, Мейссенѣ и удача Фердинанду Брауншвейгскому при Минденѣ; Берлинъ взятъ и дворецъ разрушенъ; побѣда надъ Лаудоновомъ, и Дауномъ, 78; сила мстительности; безуспѣшность кампаніи 1761 г.; спасающія обстоятельства, 79—81; впечатлѣніе политики Англіи; переѣздна при русскомъ Дворѣ, 80; помощь отъ Петра III, въ 15 тысячъ войска; завоеваніе Силезіи; побѣда надъ Дауномъ; занятіе Швейдница, 81; получаетъ Силезію по Губертсбургскому миру; военные таланты; триумфальный въѣздъ въ Берлинъ съ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ; отвѣтныя чувства на народныя крики, 82; положеніе столицы и королевства, 82—3; 306; 421.

Фридрихъ, принцъ, 353.

Фруассаръ, XIII, 353, 372.

Фулькъ Тенвилъ, 294, 424, 429, 434; арестъ, 441; 469.

Функ, 378; оппозиція Комитету, 436; пожалованъ крестомъ, 449.

Щ.

Царство террора; вожди; характеръ ихъ и ихъ охвостья, 419—20; разгаръ террора, 420—1; бездарность и грубость вождей, 422—3; 424; безпричинное развитіе, 435; новое и роковое усиленіе, 435—6; проектъ усовершенствованія, 442; реакція, 443; 464; послѣдствія, 464—3.

Цезарь, XIII, 351, 358.

Цивилизація: исключительный характеръ развитія Греціи и Рима въ умственномъ, литературномъ и политическомъ отношеніи; вліяніе въ ту же сторону деспотизма цезарей, XIII, 357—60; недостаточное исполненіе христіанской религіи; примѣръ—Византійская Имперія, 361; благодѣтельные плоды паденія Римской имперіи

отъ руки варваровъ: объединеніе европейскихъ народовъ и расширение умственного горизонта, 362—3.

Мишеронъ, XIII, 351, 356, XIV, 351.

Цорндорфъ: побѣда Фридриха надъ русскими, 73.

Ч.

Чатамъ, братъ Питта младшаго, 298.

Члаусеръ, XIII, 372.

Честерфильдъ, графъ, 350, 353, 354—5, 366.

Чиновники Фридриха великаго, 28, 29; безъ жалованья въ 5-й годъ Семилѣтней войны, 78.

Чорчель, 360.

Ш.

Шамье (Chamier), 332.

Дю-Шателе, 42.

Шатору, герпогния: мотивируетъ посольство Вольтера для склоненія Фридриха къ нарушенію мира съ Маріей Терезіей, 24.

Шафтсбѣри, XIII, 340.

Швейдницъ, крѣпость: взятіе Лаудономъ, 79; возвращеніе Фридрихомъ, 81.

Швейцарія, 56.

Шверинъ: кругъ военной службы, 20; побѣла при Мольвицѣ, 21; побѣда при Прагѣ и смерть, 61.

Швеція: вступленіе въ коалицію противъ Фридриха, 54.

Шекспиръ [изланіе сочиненій 1765 года, 356], 357—8 [359—61].

Шельборнъ, Вилліамъ, графъ, 254; глава малой оппозиціонной партіи, 261; статсъ-секретарь, 263; первый министръ; ораторскіе недостатки, 265; удаленіе, 268.

Шериданъ: острота Питту, 254; 267; 273; 279; 280; 310; 400.

Шериданъ, м-съ, 357, 370.

Шометъ: обвиненіе и казнь жироидистовъ, 417—8.

Шионство: состояніе занятія въ Англии и, во Франціи, при Бонапартѣ, 453; общій характеръ процесси, 453—4.

Шуайль, герцогъ и министръ Франціи: поручаетъ Пелиссо отвѣчать на сатиру Фридриха, 75.

Э.

Эвэръ, 378, 406, 414—5; обвиненіе и казнь жироидистовъ, 417—8; казнь, 424; 469.

Эвреншаль, 361.

Эдмондсвѣри, XIII, 352.

Элжвора, лордъ, 416.

Эллотъ: противъ французской Революціи, 295.

Эллисъ, Вельборъ, 262.

Эльдонъ, 311.

Эльсто, 234.

Эмилій Навиль, XIII, 358.

Эннъ, XIII, 358.

Эпикуръ, 231.

Колло д'Эрвэ, XIII, 294; одинъ изъ 6 владыкъ Франціи, 419; 429; партія въ Комитетѣ, 436; пораженіе Робеспьера и собственное паденіе, 438—9; опала, 441; слѣдственная коммиссія, 442; значение въ ссылке, 443; новыя пренія въ Конвентѣ о преступникахъ и товарищахъ; отправленіе; встрѣча въ Орлеанѣ и Турѣ, 444; встрѣча въ Пуатье и у Ніора; мѣсто и характеръ заключенія; предложеніе въ Конвентѣ о казни, 445; переводъ въ Гвиану и участь, 446; 464.

Эрсмайнъ, 310.

Д'Эстре, французскій маршалъ, 63, 67.

Эсхиль, XIII, 333, XIV, 361.

Эччелино, 451.

Ю.

Ювеналъ, XIII, 359, XIV, 347—8, 351.

Юлианъ, XIII, 359.

Юмъ: перемѣна въ историческомъ воззрѣніи, XIII, 364—6; 372.

Юнгъ, 353.
Юнгъ, 355.

•.

Ж.

Языкознание: значеніе для поэзіи, 10.

Яковинцы: цѣли, 405 — 6; 408; 414—5; судъ, обвиненіе и казнь жирондистовъ, 417 — 8; полная побѣда, 419; ср. Царство террора; 426; паденіе, 439 — 40; послѣдняя попытка захватить власть, 445; 450; 454; 464.

Фукидидъ: дисгармонія вымысла съ достоверностью событій, XIII, 338—9; оправданіе въ этомъ недостаткѣ, 339; «практическое чутье», 340; разница съ Геродотомъ въ пользу исторіи, 341; преимущества предъ Ксенофонтомъ, 342; драматизмъ: Перикль, Никій, Клеонъ, Бразидъ, 355; 356; 365; 366; 373.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

15-го Т О М А.

А.

Агитация; значеніе въ англійскомъ обществѣ и правительствѣ, 39—40.
Аддисонъ, 92.
Алдусъ, 161.
Александръ III, шотландскій, 188.
Альторпъ, лордъ, 259.
Америнъ, 90.
Англія: водвореніе христіанства, 8 — 9; пренія въ парламентѣ о войнѣ съ Китаемъ, 80 — 66; политика относительно Ирландіи, 93 — 121; кризисъ 1841 г., 123, 128—9; обстоятельство, обуславливающее экономическую дѣятельность, 130 — 1; фабричное могущество, 149 — 52; экономическое, нравственное и политическое значеніе вестъ-индскаго невольничества, 198 — 203; значеніе министерствъ и вопросъ о

католикахъ, 224—9; отраженное вліяніе Священнаго союза, 236—7; помощь Португаліи, 238.
Микель-Анджело, 161.
Анна, королева англійская, 212.
«Анти-якобинское овозрѣніе», 203.
Д'Арвлэ, ш-ше: «*Evelina*», 87—8.
Аркрайтъ, 151, 153.
Астрономія въ XIII в., 158—9.

Б.

Баконъ, 92, 160, 179.
Барбалостъ, 2, 3, 195.
Баттурстъ, лордъ, 203, 222, 255 и слѣд.
Бексли, лордъ, 205.
Библиотеки, 154—62.
Билль о наказаніяхъ, 228.
Билль о реформѣ, 37—8, 48.
Блэкъ, Адамъ, 129, 155.
Блэкъ (естествоиспытатель), 159.
Богатые и бѣдные; разница относительно средствъ къ образованію, 166.

Боклю, герцогъ, 139.
 Боллингброкъ, 76.
 Боллеръ, Джонъ Гардъ, 32:
 Боннеръ, 98, 218.
 Боркъ, 89, 92; 99, 108, 248—50.
 Борнсъ, 155.
 Босвелль, 80—1, 89.
 Браки: грамотность супруговъ,
 175—6.
 Бретань, 108.
 О'Бринъ, 93.
 Бристоль, 167.
 Брлль, лордъ, 255.
 Брутъ, 226.
 Бозъ, Эдвардъ, 176—7.

В.

Валлисъ, 167.
 Вареортонъ, 18.
 Вардъ, 135 и слѣд.
 Ватли, архіепископъ, 156.
 Вашингтонъ, 171.
 Веллесли, 250.
 Веллингтонъ, герцогъ, 34, 55—7,
 197, 205 и слѣд., 210, 255 и
 слѣд.
 Виль, 96.
 Висли, Джонъ, и вельяцы; 81—2.
 Вестморландъ, лордъ, 205, 229.
 Вити, 205 и слѣд., 247—53.
 Виктория, королева англійская: кри-
 зисъ 1841 г., 123; 183—4; 228.
 Вильберфорсъ, 79, 118, 253.
 Вильгельмъ III, 97—8.
 Вилдгамъ, 34, 250—1.
 Виргилій, 160.
 Висла и Темза, 126.
 Воскресенье: относительно лавокъ,
 швей и прислуги, 145—6; отно-
 сительно заработной платы и
 производительности вообще: 50
 лѣтъ воскресеній, 145 — 8. См.
 Отдыхъ.
 Высокоцерковники, 256, 257.

Г. Ш.

«Наваас софрля», 228.
 Гайдеръ, 53.
 Гант: покушеніе на республику

со стороны Наполеона I и зна-
 ченіе для вестъ-индской полити-
 ки Англии, 200—1.

Галифаксъ, 71.
 Гампденъ, 96.
 Гаргревзъ, 150.
 Гардинеръ, 98.
 Гарриксъ, 77—8.
 Гастингсъ, 53.
 Гейли: «Triumphs of Temper», 76.
 Генрихъ III, 158.
 Георгъ III, 206.
 Георгъ IV, 205.
 Гервуды, 97.
 Геррисъ: неизвѣстность, возвыше-
 ніе и борьба въ палатѣ, 258 и
 слѣд.

Гертфордскій исправительный домъ,
 175.

Гершель, Джонъ, 159.
 Гетъ, 90.
 Гиббоксъ, 78, 92, 256.
 Глостерскій герцогъ, 1.
 Говарды, 107.
 Годжинсъ, 194, 196.
 Годжъ, 194, 196.
 Годрикъ, лордъ: недостойное воз-
 вышеніе, 256 и слѣд.
 Голландъ, лордъ, 255 и слѣд.
 Гомеръ, 161.
 Гонтъ, 3.
 Гордонъ, Джорджъ, 27, 104, 185.
 Гороскопы, 159.
 Горсли, епископъ, 39.
 Госкиссонъ, 42, 255 и слѣд.
 Государственные люди: ихъ харак-
 теръ—достояніе народа, 259.
 Грагамъ, сэръ Джемсъ, 35 — 40,
 50 и слѣд.
 Грантъ, Робертъ, 18, 258.
 Грей, графъ, 37—40, 54, 101, 118,
 213, 250.
 Грей, сэръ Джорджъ, 37.
 Гренвилль, лордъ, 101, 118, 213,
 250.
 Гринъ, 84 и слѣд.

Д.

Даренъ, 208.
 Девн (Davу), 159:
 Девонширъ, герцогъ, 206, 238.

ДНАДЫ, 144.
 ДЕМЕРАРА, 2, 3.
 ДЕМОСЕНЬ, 90.
 ДЕСПОТИЗМЪ, 227.
 ДЖЕФФЕРСОНЪ, 171.
 ДЖЕФФРИЗЪ, 218.
 ДЖИФФОРДЪ, 208.
 ДЖОНСОНЪ, 74—8, 79, 80—1, 89.
 ДЖОНСЪ, Вилліамъ, лингвистъ, 54.
 ДИВРАЗЛИ, 98.
 ДОДЛИ, лордъ, 288.
 ДОНДАСЪ, 34.
 ДОНДИ, 4.
 ДОВКОМЪ, Томасъ, 163 и слѣд.
 ДРАЙДЕНЪ, 88, 208.

Е.

Евреи: вопросъ объ эманципаціи (нмущественное значеніе въ Англіи, 11—7); общее препятствіе—религія, 21—4; примѣрное положеніе судьи—еврея въ процесѣхъ о богохульствѣ, 24—8; значеніе ихъ ожиданія Мессіи, 28; септантская замкнутость, 28—9; вулгарныя обвиненія въ сребролюбіи, торгашествѣ и ненаціотичности, 29—30; бывшая слава, 30.
 Елисавета, англійская, 29, 72, 219.

Ж.

Железные дороги, 137—8.

З.

Законодательство: внимательство и невнимательство, 136—7, 153; железныя дороги, 137—8; городское сообщеніе; табакъ; милиція, 139; проектъ Бокклю касательно общественнаго здоровья, 139—41; безнравственныя книги и картины; лотерея, 141; рабочее время малолѣтнихъ на фабрикахъ, 142—3; праздничное время взрослыхъ рабочихъ, 143—8, шведск. горничной, 145—6.

Заработная плата въ отношеніи къ цѣнѣ на хлѣбъ, 126; примѣры

1835, 1841 и 1845 г., 128—9; обратное отношеніе къ цѣнѣ на хлѣбъ, 133; вѣтныя праздникова, 145—9.

Землевліе, 123; международное значеніе, 130—1.

Знаніе. Такъ—называемаго *полуманія* не существуетъ, судя по безграничности области для знанія и по относительности уровня знанія въ разныхъ обществахъ и въ разные времена, 156—60; значеніе азыковозанія, 161.

И. К.

Іаковъ I, 96.

Іаковъ II, 97.

Избирательное право, 35—6.

Іоркширъ, 167.

Ірландія, 44, 48; политическое значеніе для Англіи, 94 (и 120—1); историческій взглядъ относительно подданства Англіи: завоеваніе, реформація, пуритане, Стюарты, возстанія при Кромвеллѣ, Вильгельмъ III, В. Питтъ; проектъ Питта о соединеніи дублинскій парламентъ, волненія 1813, 1821, 1825 г., уступки Англіи 1829 г., 93—101; волненіе 1844 г.: причины и виновники его, 102—9; клонтарфскій митингъ, 110; процессъ О'Коннеля (недобросовѣстность), 111—6; поземельное право; значеніе установленной церкви, 117—20; перспектива на 1846 г., 132, 262.

К.

Кабинетъ англійскаго двора: значеніе разногласія мнѣній членова, 33—5. См. Министерства.

Кавендишъ, 189.

Камденъ: «*Британія*», 81.

Каннингъ, 34, 44, 101, 204 и слѣд.; отношеніе къ политикѣ Священнаго союза и помощь Португаліи, 238—40; министерскій кризисъ 1826—7 гг. и смерть, 242—6 и слѣд.; 258 и слѣд.

Кантонъ: резиденція англійскаго агента, 56 и слѣд.
 Карлейль, лордъ, 235 и слѣд.
 Карлъ I, 96, 107.
 Карлъ II, 97, 107, 115.
 Карлъ V, 161.
 Кастлеръ, лордъ: характеръ министерской службы, 204; 235 — 8; 240.
 Католики (вопросъ объ эманципации), 12—3; 27—8; 46—7; 96—7; 104; 106 — 21; анти-папистскія возмущенія 1780 г., 166—7; 206; препятствіе не въ министерствахъ, а въ народѣ, 217—9; угрожающее положеніе, 229; 240; 249—51.
 Католическая ассоціація, 44, 240.
 Кентъ, 167.
 Китай: разрывъ съ Англіею изъ-за контрабанды опиумомъ; дипломатическая заносчивость и безтактность «небесной имперіи», 61—5.
 Клайвъ, 53.
 Кларансъ, герцога. 203.
 Кларендонъ, 92, 98.
 Коалиція. См. Партии.
 Ковветъ, 3, 21.
 Кольдвель-фильдская тюрьма, 175.
 Комитетъ совѣщательный, 163—6.
 См. Народное образованіе.
 Конгрегационный союзъ, 176, 186.
 Конкуренція, 172—4.
 О'Коннелъ, предводитель ирландскаго возстанія въ 1844 г.: популярность; недобросовѣстность его процесса, 111—6.
 Константинополь, 227.
 Контрабанда: вообще и опиумомъ въ Китаѣ въ особенности, 57—63.
 Коули, 76.
 Коцебу, 208.
 Кромвель, 28, 98.
 Кроптонъ, 130.

Л.

Лавуазье, 159.
 Ланкаширъ: возмущеніе 1841 г., 129.
 Лавсдаунъ, маркизъ, 205, 255 и слѣд.
 Лангасъ, 159.

Латимеръ, 6.
 Леонидъ, 226.
 Лейбриджъ, сэръ Томасъ, 237.
 Ливерпуль, лордъ, 34, 204 и слѣд.; 242 и слѣд.
 Ливій, 160.
 Лиасъ, 227.
 Линдгурстъ, лордъ, 203.
 Линкольнъ, графъ, 139.
 Лияъ, комиссіонеръ, 36, 61.
 Литература англійская. См. Знаніе; обиліе классическихъ переводовъ, 161.

Литературная собственность: отношеніе къ собственности вообще, 69—70; въ ряду другихъ способовъ вознагражденія, 71; характеръ монополии, 72; расчетъ поощренія автору при жизни, 73—4; какъ налогъ на читателя, 73; вѣроятная надбавка къ цѣнѣ за продолжительное владѣніе и вѣроятный сортъ самихъ владѣтелей, 76; примѣръ внуки Мильтона, 77—8; политическія, нравственныя, родственныя и религиозныя качества владѣтелей какъ препятствія къ перепечатыванію книгъ, 78—82; выгоды и невыгоды публики, 82—3; 42-лѣтній срокъ, 86; преимущества его, 87; примѣры въ доказательство ихъ изъ исторіи литературы, 87—90; доводъ изъ хода развитія ума человѣческаго, 91; справедливость проекта по отношенію къ лучшимъ сочиненіямъ, 92.

Лодердаль, лордъ, 221.
 Лодъ, 170.
 Локкъ, 92, 96.
 Лондондерри, лордъ, 207, 255.
 Лондонъ: возстанія 1780 г., 166—7.
 Лотереи: безнравственность, 141.
 Луканъ, 160.
 Людовикъ XIV, 29, 71, 231.
 Людовикъ XV, 231.

М.

Магонтъ, лордъ, 84 и слѣд.
 Макинтошъ, сэръ Джемсъ, 19, 239.
 Макнэйлль, Гью, 106.

Маколей, Захарій, отецъ историка, 1.
Маколей, Томасъ Бабингтонъ: первая публичная рѣчь, 1—10; первая рѣчь въ парламентъ, 11—7; военный министръ, 33; отвѣтъ Магона, 85; членъ за Лидсъ, 97, 164; полковникъ женскаго школы, 183—4; вигизмъ, 204.

Мальмсбери, 238.

Мануфактурная промышленность: международное значеніе, 130—1.

Манчестеръ, 227.

Марльборо, 212.

Мармонтель, 91.

Массачузетсъ, 170.

Медици, 71.

Международная зависимость, 130—1.

Меланхтонъ, 161.

Мельборнъ, министръ: характеръ управленія, 32—49; 103; 123.

Мельвилъ, лордъ, 244.

Меценатъ, 71.

Мильнзъ, Р., 94.

Мильтонъ, 77—8, 88, 92, 96, 160.

Мильтонъ, лордъ, впоследствии графъ Фитцвильямъ, 97.

Министерства и оппозиціи: Мельборна, 32 и слѣд.; Ливерпуля, 204 и слѣд.; характеръ службы этого министерства, 221—3; расчетъ послѣдствій въ случаѣ его возвращенія, 224—9; кризисъ 1826—7 гг., 241—6; значеніе разномыслия членовъ, 247—50; интриги въ министерствѣ по смерти Каннинга, 256 и слѣд.

Мобрен, 107.

Мойра, лордъ, 250.

Мольеръ, 90.

Монмутширъ, 167.

«Morning Chronicle», 205.

«Morning Post», 205.

Морпетъ, 152.

Моръ, сэръ Томасъ, 220.

Моръ, м-съ, 79.

И.

Наполеонъ I, 108, 200, 210, 235—7.

Народное образованіе: влияние вопроса на общественное мнѣніе, 164—5; основанія для высша-

тельства правительства: разница между образованіемъ богатыхъ и бѣдныхъ, 166, возстаніе 1780 г. и другія, 166—7, охраненіе правъ личности и собственности, 168, возмущеніе моммутширскихъ каторжниковъ, 169; свидѣтельство американской исторіи, 170; оппозиціонныя воззрѣнія на дѣло, 171—2; значеніе конкуренціи и добротнаго участія; разница учительства отъ другихъ искусствъ и профессій; дѣйствительное положеніе школъ; прижръ Шотландіи; практическое и научное значеніе прижра, 172—9; значеніе издержекъ на образованіе, 180; отношеніе къ представительному правительству и влиянію отдѣльных лицъ, 181—2; естественная законность, небезприжрность и конституціонность Совѣщательнаго комитета, 183—4; въ ряду церковной, военной и гражданской администрацій, 184—7.

Народъ: обычный характеръ и пред- революціонная фязіономія, 226—8.

Невольничество, въ англійскихъ колоніяхъ, 1—10; въ Англии, 8—9; въ Вестъ-Индіи: положеніе дѣйствительное и по закону, 192—3; результаты судебныхъ процессовъ, 194; невольничество—въ цвѣтъ и крови, 195; расчетъ и основательность вооруженнаго вмѣшательства, 196—7; стимулы для вмѣшательства—промышленное и нравственное положеніе колоній, 198—9;—источникъ политической опасности для Англии, 200—3; 250.

«Новое анти-яковинское обозрѣніе», 204 и слѣд.

Нортъ, 212, 247—8.

Норфолькъ, остр., 168.

Ноттингамъ, 167.

Нозль, Баптистъ, 1.

Ньюгетъ, 168.

Ньюкастль, герцогъ, 224, 230.

Ньютонъ, 157, 159.

ОБРАЗОВАНИЕ. См. Народное образование.

Овидий, 160.

Оксфордъ, 71.

Опика, 142—3.

Опиумъ: тщетность указовъ китайскаго императора противъ контрабанды; мнѣніе его министра о стратегическомъ значеніи опиума для англичанъ, 58—9; потребность для человѣка, 60; цѣлительныя свойства, 62.

Отдыхъ: значеніе дня отдыха для рабочаго въ недѣль, въ году, въ поколѣніи—для цѣлой націи, 149—52.

Остинъ, миссъ: «Persuasion», 87—8.

И.

Или, 69.

Пальмерстонъ, лордъ, 52, 55, 258.

Парламентская реформа, 220.

Парламентъ: положеніе партій 1823—5 г., 240; министерскій кризисъ, 1826—7 г., 241—6; 251—62.

Парти: потребность человѣческой природы, 211; историческіе примѣры, 212—4; парламентская реформа, 220; хлѣбные законы, 221—3; 234; министерскій кризисъ 1826—7 г.; «либеральная» и «нелиберальная» партія: возникновеніе и будущность, 241—53; значеніе разномыслія членовъ министерствъ, 247—51; министерскій кризисъ по смерти Каннинга, 256—62.

Пельгамъ, 217.

Пембертонъ, 11.

Пенъ, 171.

Перринь, суля, 113—4.

Перси, лордъ, вполнѣнствіи герцога Нортумберландскій, 118.

Персиваль, 213.

Пиль, сэръ Робертъ, 34, 41—7,

124, 205 и слѣд., 222, 225, 244, 255.

Питтъ, 34; планъ соединенія съ Ирландіей, 99—101; 108; 118; 212—4; 220; 248—50.

Политика: подъ влияніемъ французской Революціи и Священнаго союза, 235—8.

Поллювъ, 71.

Польни, 217.

Польша, относительно цѣны на хлѣбъ, 126—9.

Поппъ, 89, 156.

Португалія: помощь отъ Англіи, 238.

Правительство: вмѣшательство и невмѣшательство въ народное образованіе. См. Народное образованіе.

Праздники: повсемѣстность, 143; праздники англійской и французской Революцій, 144. См. Воскресенье.

«Раннимъ новѣцъ», 159.

Присяжные, 113—6.

Пуату, 108.

Пуритане, 170, 226.

Цѣнь: «Волькъ расудка», 24.

Р.

Рабочіе часы:—вопросъ общественнаго здоровья и нравственности, 142; ограниченіе часовъ малолѣтнихъ закономъ, 143 и 147, и взрослыхъ праздниками, 143—8; послѣдствія, 149—51; мѣра ограниченія, 152.

Рамоутъ Рой, 157.

Расинъ, 90.

«Rasselas», 74.

Рафаэль, 161.

Революціи: готовые antecedенты и дѣтели въ Англіи, 225—9; также во Франціи въ XVII в., 230—1; разрушительность революцій, 232—3; 235.

Ридзвель, лордъ, 221.

Ричардсонъ, романистъ, 79—80.

Ровеспьеръ, 4.

Робинзонъ, сэръ Джорджъ, 57.

Ромшанъ, сэръ Самюэль, 239.

Россель, Джонъ, лордъ, 93, 133, 163.

Рудоконь монтмутширскіе: грамотность и возстаніе, 169.

С.

Савиль, Джорджъ, 97.

Салисбѣри, 230.

Сальтаунъ, Флетчеръ, 178.

Сампсонъ, 228.

Санкюлоттиды, 144.

Священный союзъ, 204; вліяніе на Европу, 236—7.

Сервантесъ, 90, 161.

Сеттль, 88.

Сидмутъ, 34, 250.

Сидни, 2, 6.

Вальтеръ-Скоттъ, 92.

«Словарь» Джонсона, 74—5.

Смитъ, Адамъ, 92, 139, 150, 166, 171, 173.

Смитъ, миссіонеръ, 5—6.

Собственность, 69—70.

Сомерсъ, 212.

Софокль, 90.

Спартакъ, 200.

Средній классъ. Обычный характеръ и предреволюціонная физиономія, 225—8.

Станли, лордъ, 38, 110 и слѣд.

Стравоуъ, 157.

Т.

Талфордъ, адвокатъ, 67, 85 и слѣд.

Таможни, вообще и англійская въ особенности, 60—3.

Тангъ Тзи, китайскій министръ, 58—9.

Теренцій, 160.

Тирни, 255 и слѣд.

Тирольскіе католики, 108.

Томпсонъ, 33.

Тонсонъ, 78.

Тонъ, Вольфъ, 100.

Торговля: свобода торговли, 138—9; предметы административнаго

ограниченія, 139—43; праздники, 143—9.

Торин, 205 и слѣд., 247—53.

Торло, лордъ, 250.

Тразелъ, 2.

Трементаиръ, Сеймуръ, 169.

Тюрго, 230.

У.

Уаттъ, 151, 155.

Увертюръ, Туссенъ л', 200—1.

Ф.

Фабричное населеніе. Обычный характеръ и предреволюціонная физиономія, 226—8.

Фарадей, 159.

Ферфаксъ, 107.

Фильденъ, 135.

Фильдингъ, 78, 89.

Фитцаланн, 107.

Фитцвильямъ, лордъ, 229, 250.

Флекно, 88.

Фоксъ, 34, 118, 212—4, 219, 248—50, 261.

Фреръ, 205.

Фримантъ, сэръ Томасъ, 132.

Х.

Хинія въ XIII в., 159—60.

Хлѣвъ: хлѣвные законы, 122—34, 221—3. — Хлѣвные пошлины, 123—4; международное зло, 131; несостоятельность подвижной пошлины, 132—3. — Хлѣбная торговля, 123—4; международное значеніе, 130—1. — Цѣна на хлѣвъ: пропаганда фальшивыхъ возрѣній, 125—6; отношеніе къ другимъ элементамъ благосостоянія, 127; дешевизна 1835 и 1844 и дороговизна 1841 гг. — отношеніе къ заработной платѣ, 128—9; 133.

Христіанство, 31.

Щ.

Щинцивнать, 196.
Щицеронъ, 90, 160.

Ч.

Чамберсъ, Робертъ, 129.
Чартизмъ и Чартисты, 35—8, 103.
Чатамъ, лордъ, 248.
Чу Сингъ, китайскій министръ,
58—9.

Ш.

Шекспиръ, 79, 88, 92, 160.
Шельборнъ, лордъ, 247—50.
Шиллеръ, 90.
Школы, 175.
Шотландія: заведеніе и значеніе
народныхъ школъ, 177—9.

Э.

Эдинбургъ: митингъ противъ хлеб-
ныхъ законовъ, 122; философскій
институтъ, 154.
Элленборо, лордъ, 250, 255 и слѣд.
Эллотъ, капитанъ, 37, 59, 66.
Эльдонъ, графъ, 13, 205, 224, 229.
Энглезі, лордъ, 205.
Эпаминондъ, 226.
Эразмъ, 161.
Эстергази, князь, 73.

Ю.

Юмъ, депутатъ за Монтрозъ, 138
и слѣд., 174.
Юмъ, 92, 174.

Я.

Якобинцы: гомологи въ Англии, 226.
Ямайка, 200—1.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

Стр.

РЪЧИ:

О невольничествѣ въ колоніяхъ	1
О неправопособности евреевъ (1830 г.)	11
О неправопособности евреевъ (1833 г.)	18
О министерствѣ лорда Мельборна	32
О войнѣ съ Китаемъ	50
О литературной собственности (1841 г.)	67
О литературной собственности (1842 г.)	84
О состояніи Ирландіи	93
О хлѣбныхъ законахъ	122
О десяти рабочиихъ часахъ	135
Объ англійской литературѣ	154
О народномъ образованіи	163

СТАТЬИ ПОЛИТИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ:

Невольничество въ Вестъ-Индіи	191
«Новое анти-якобинское обозрѣніе»	204

	<i>Стр.</i>
Духъ партіи (1827 г.)	234
Духъ партіи (1828 г.)	254
СТИХОТВОРЕНІЕ «Виргинія»	263
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 14-го тома.	I—XXV
» » 15-го »	XXVI—XXXIII

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ.

РѢЧЬ О НЕВОЛЬНИЧЕСТВѢ ВЪ КОЛОНИЯХЪ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ГОДОВОМЪ СОБРАНИИ ОБЩЕСТВА УНИЧТОЖЕ-
НІЯ НЕВОЛЬНИЧЕСТВА, 25-го ІЮНЯ 1824 г. (1)

Милостивый государь,

Будь я призванъ поддержать не предложеніе достопочтеннаго друга моего (м-ра Баптиста Ноэль), а какое-нибудь другое, я выступилъ бы очень неохотно. Я сознавалъ бы, что дѣло, занимающее насъ, легко можетъ найти далеко способнѣйшаго и опытнѣйшаго защитника, хотя врядъ ли нашло бы оно болѣе горячаго приверженца. Я бы счелъ далеко лучшимъ, чтобъ съ вами говорилъ человѣкъ, отличившійся въ этой или какой-нибудь предъидущей борьбѣ за права человѣческія, нежели такой, единственное право котораго на ваше вниманіе проистекаетъ не изъ его собственныхъ заслугъ. (2) Но предложеніе, о которомъ идетъ рѣчь, не возбуждаетъ во мнѣ подобнаго сознанія. Я думаю, что

(1) Маколейю было 23 года, когда онъ произнесъ эту первую рѣчь. Предсѣдателемъ на засѣданіи былъ герцогъ Глостерскій.

(2) Намекъ на отца Маколея, Захарія Маколея, который приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность въ агитаціи по поводу уничтоженія торговли невольниками.

я могу поддерживать это предложеніе не подвергаясь упреку въ излишней самоувѣренности. Оно относится, повидимому, преимущественно къ тѣмъ, которые вступаютъ въ жизнь, къ тѣмъ, которые хотя и не способствовали вашему прежнему успѣху, но желаютъ принять участіе въ вашихъ будущихъ работахъ. Оно обязываетъ насъ къ постояннымъ трудамъ, оно возвѣщаетъ, что если тѣмъ, которые теперь ведутъ насъ впередъ, суждено оставить неоконченнымъ столь славно начатое ими дѣло, то оно не должно имѣть недостатка въ новыхъ защитникахъ и, если даже нужно, въ мученикахъ. Какъ другъ человѣчества, я не могу безъ чувства величайшей отрады смотрѣть на собраніе, которое засѣдаетъ здѣсь для подобной цѣли. Конечно, мы не мало слышали о губительныхъ тенденціяхъ этихъ совѣщаній; намъ говорятъ, что они воспламеняютъ страсти рабовъ и подвергаютъ опасности особу и имущество владѣльца, насъ заклиняютъ подумать о возстаніяхъ въ Барбадосѣ и Демерарѣ и видѣть въ нихъ предостереженіе; подобныя увѣщанія могли можетъ быть произвести впечатлѣніе на нѣкоторыя честныя и доброжелательныя сердца. Мнѣ кажется нѣсколько страннымъ, что подобныя рѣчи произносятся тѣми же самыми лицами, которые насъ увѣряли, что система невольничества въ колоніяхъ составляетъ славу британскаго имени, предметъ зависти британскихъ крестьянъ, что все зло невольничества существуетъ только въ теоріи, но что на дѣлѣ это—величайшее благо. Увѣренія, такъ рѣзко противорѣчащія одно другому, не могутъ найти вѣры, какъ бы ни были они смѣлы и настойчивы. Никогда еще не бывало правительства столь кроткаго и столь непрочнаго въ одно и то же время; ни одни подданные не бывали такъ счастливы и такъ безпокойны! Нѣтъ примѣра, чтобъ одни теоретическія злоупотребленія возбудили массу къ мятежу. Развитый человѣкъ съ широкими взглядами и возвышенной душой, какой-нибудь Тразея или Сидни, можетъ придти къ убѣжденію, что одна форма правленія способна обезпечить счастье человѣчества, нежели другая, а въ слѣдствіе подобныхъ соображеній рискнуть на отважныя предпріятія; но на массу нельзя дѣйствовать такимъ образомъ. Когда она рѣшилась на возстаніе, то на это ее подняли не рѣчи, не бро-

шурь, не собранія, но естественное зло, осязательное страданіе, похищеніе честно нажитыхъ плодовъ ея труда, нарушеніе священныхъ узъ природы, лихоимство, позоръ побоевъ, ругательства, могущественная сила голода. Подобныя вещи доводятъ людей до безумія. Подобныя вещи превращаютъ плугъ въ мечъ и садовые ножи въ копья. Но слыханное ли дѣло, чтобъ простое изложеніе теоретическаго зла возбудило народъ къ бунту, въ то время, когда онъ пользуется благосостояніемъ и личной безопасностью? Намъ незачѣмъ далеко ходить за примѣрами; посмотримъ на положеніе нашего собственнаго отечества. Въ продолженіе многихъ лѣтъ сотни людей говорили англійскому народу, что онъ лишенъ своихъ естественныхъ правъ, что онъ униженъ, что онъ въ рабствѣ. Тысячи слушали и читали это, вѣрили этому. Страсти разгорались здѣсь сильнѣе въ теченіе одной недѣли, нежели страсти вестъ-индскихъ рабовъ въ теченіе года. И, тѣмъ неменѣе, кто ожидаетъ возмущенія, кто вѣрить въ возможность нарушенія покоя? Кто не знаетъ, что пока законъ охраняетъ права личности, собственности и совѣсти и пока народъ накормленъ и одѣтъ, Ковчетъ можетъ исписать себѣ руки, а Гонтъ договориться до чаютки, — все будетъ напрасно.

И несмотря на это свидѣтельство насъ хотятъ увѣрить, что люди, которыхъ положеніе не только безконечно лучше положенія англійскихъ крестьянъ, но представляетъ осуществленіе утопій, возобновленіе золотого вѣка, преддверіе тысячелѣтняго царствованія пророка, — что эти люди не могутъ безопасно выслушивать самыхъ слабыхъ возраженій противъ системы, которой они управляются! Не нужно очень искуснаго толмача, чтобъ объяснить этотъ страхъ—самосознаніемъ тиранніи. Что придется думать о системѣ, о которой, по словамъ ея защитниковъ, нельзя говорить безъ того, чтобъ не возбудить мятежа? Что должны мы думать о системѣ, при которой возстанія (опять таки по показаніямъ ея защитниковъ) не могутъ быть подавлены безъ рѣзни? Вспомнимъ наказанія, которымъ подвергались назадь тому нѣсколько лѣтъ возмущившіеся въ Барбадосѣ и которымъ подвергаются въ настоящее время возмущившіеся въ Демерарѣ. Гдѣ,

*

въ цѣлой исторіи Европы, найдемъ мы прииѣръ, чтобъ избіеніе такой громадной массы населенія считалось необходимымъ для безопасности оставшихся въ живыхъ? Британскіе подданные Новаго Свѣта оставили безконечно далеко позади себя всѣхъ военныхъ деспотовъ и всѣхъ безумныхъ якобинцевъ Стараго Свѣта. Ихъ нѣжная ласка безчеловѣчнѣе, чѣмъ мщеніе Донди; Робеспьеръ наказывалъ бичами,—они наказываютъ скорпіонами. А потомъ намъ говорятъ, что это было необходимою для безопасности колоній жестокостью. Допустимъ, что такъ, но чтожь изъ этого слѣдуетъ? Не должна ли каждая малѣйшая частичка порицанія, падающая на тѣхъ, которые дѣйствовали такимъ образомъ, относиться и ко всей системѣ? Каково должно быть положеніе вещей, при которомъ то, что во всякомъ другомъ случаѣ можетъ назваться дьявольскою жестокостью, — называется спасительной строгостью? Что должны мы думать о положеніи народа, которому необходимы такіа страшныя наказанія? Горе обществу, которое держится только кровью! Горе правительству, которое въ часъ успѣха не осмѣливается выказать милосердіе! Я не нуждаюсь въ другихъ свидѣтельствахъ противъ плантаторовъ, кромѣ тѣхъ, которыя они сами намъ даютъ и которыя ежечасно и ежеминутно представляются нашему соображенію. Когда я вижу учрежденіе, которое трепещетъ при всякомъ дуповеніи, которое держится только неусыпной подозрительностью, клеветой, позорнымъ преслѣдованіемъ, военной силой, ложными свидѣтельствами, превратнымъ толкованіемъ закона,—ми не нужно дальнѣйшихъ доводовъ и оснований, чтобъ убѣдиться, что оно такъ же безобразно, какъ и средства, на которыя опирается. Намъ дѣйствительно говорятъ, что эта система, признаваемая презрѣнною въ теоріи, на практикѣ оказывается умѣренною и свободною, и приводятъ много доказательствъ изъ фактовъ мѣстной жизни. Безъ сомнѣнія, такіа доказательства—вещь неощущенная, если они даются намъ неискаженными ни мѣстными интересами, ни мѣстными предубѣжденіями, но я не могу вѣрить чистотѣ этихъ свидѣтельствъ, видя, что они противорѣчатъ великимъ, всемірнымъ принципамъ. Возможно ли, чтобъ безграничная власть, которою законы о невольничествѣ облакаютъ ра-

бвладѣльца, не употреблялась во зло? Если это возможно, то опытъ ложенъ, человѣческая природа бессмысленна, исторія—басня, государственная наука—пустая болтовня, мудрость нашихъ предковъ—безуміе, а британская конституція—пустое названіе! Остается разломать на дрова скамьи въ нижней палатѣ и разрѣзать на азбуку Великую Хартію! Подобныя утверженія нашихъ противниковъ ложны—и должны быть ложны; мы можемъ ихъ опровергнуть не одними умозрѣніями. Мы можемъ доказать собственными голосами нашихъ противниковъ, что рабство въ Вестъ-Индіи—зло, великое и страшное зло, не имѣющее ничего общаго ни съ однимъ добрымъ принципомъ и не могущее произвести ничего хорошаго, зло столь ядовитое, что оно почти каждому противоядію передаетъ свое смертоносное свойство. Когда Англія подвергалась опасности вслѣдствіе угнетеній и обмановъ, то и тогда истина имѣла одно непобѣдимое оружіе, справедливость—одно неподкупное судилище; этимъ оружіемъ была англійская пресса, этимъ судилищемъ—англійскіе присяжные. Но на несчастныхъ островахъ мы видимъ прессу, которая враждебнѣе относится къ истинѣ, чѣмъ всякій цензоръ, и судъ присяжныхъ, который выказываетъ больше равнодушія къ справедливости, чѣмъ любая Звѣздная палата. Только на этихъ островахъ вполнѣ выясняется значеніе страшнаго проклятія противъ павшихъ іудеевъ. «Я прокляню ваше благословеніе!» Я сказалъ, что это можно доказать собственнымъ признаніемъ нашихъ противниковъ. Почти всѣ находящіеся здѣсь лица интересовались дѣломъ умершаго м-ра Смита. (1) Мы помнимъ—и сохрани насъ Богъ отъ забвенія подобныхъ вещей—что ненависть, ненависть глубокая, коварная, непримиримая руководила всѣмъ этимъ про-

(1) М-ръ Смитъ, о которомъ говоритъ Маколей, былъ миссіонеромъ въ Демерарѣ и навлекъ на себя гнѣвъ плантаторовъ, тѣмъ, что внушалъ невольникамъ, что христіанинъ обязанъ соблюдать день воскресный. Извѣстно, что въ жатвенную пору невольники должны были и въ воскресный день работать по 16 часовъ въ сутки. Вслѣдствіе этого, надъ м-ромъ Смитомъ наряженъ былъ военный судъ, приговорившій его къ смертной казни.

цессомъ, подтасовала всё законы, пробилась въ судилище и не пощадила своей жертвы въ святынѣ скорбнаго дома, не оставила ее въ покоѣ даже въ могилѣ. Правда, что члены этого военного суда избѣгли позорнаго порицанія парламента, правда, что собраніе, не довольно жестокосердное чтобъ оправдать ихъ, оказалось не довольно добродѣтельно чтобъ ихъ обвинить. Но правда и то, что публика изслѣдовала дѣло, произнесла свой приговоръ и конечно приведетъ его въ исполненіе; исторія поставитъ этотъ военный судъ наряду съ злодѣями, судившими Латимера и Сидни.

Какія же основанія приводили защитники колонистовъ во время преній, происходившихъ недавно? Какіе доводы противопологали они благороднѣйшей борьбѣ, какую когда-либо велъ человѣческій умъ въ защиту свободы, справедливости и народной чести? Что говорили они? Они открыто утверждали, что, по ихъ мнѣнію, судъ присяжныхъ, составленный изъ плантаторовъ, дѣйствовалъ бы еще съ большимъ самоуправствомъ и несправедливостью, чѣмъ этотъ военный судъ, судъ, не нашедшій ни одного адвоката, который рѣшился бы пожертвовать своей репутаціей, чтобъ придать видъ законности этому процессу! Вотъ что они отвѣчали: «Правда, дѣло это не хорошо; безспорно и то, что судъ допустилъ совершенно незаконныя дѣйствія со стороны судьи; справедливо и то, что съ одной стороны принимались голословныя показанія, а съ другой отвергали ихъ; что судили человѣка, который вовсе не подлежалъ вѣдѣнію этого суда; что его осудили безъ надлежащихъ уликъ; приговорили къ наказанію, не допускаемому закономъ. Но мы должны разобрать всё обстоятельства. Мы должны взглянуть на это дѣло съ сравнительной точки зрѣнія. М-ръ Смитъ имѣетъ много причинъ быть благодарнымъ; могло бы быть еще гораздо хуже. Представьте себѣ, что было бы, еслибъ его судилъ судъ присяжныхъ, составленный изъ бѣлыхъ плантаторовъ! Навѣрно было бы безконечно хуже!»

Милостивый государь, я всегда имѣлъ счастье жить подъ защитой англійскихъ законовъ и поѣтому совершенно не въ состояніи представить себѣ, что могло бы быть хуже. Но, не обладая большими знаніями, я имѣю большой запасъ вѣры. Я не доста-

точно высокомеренъ, чтобъ считалъ возможнымъ опредѣлить границы несправедливости вестъ-индской судебной власти, и если колонисты торжественно завѣряютъ насъ, что судъ присяжныхъ, организованный изъ ихъ среды, не только могъ бы, но положительно сталъ бы поступать еще съ большими насиліемъ и несправедливостью, чѣмъ военный судъ, то я конечно не стану оспаривать подобное утверждение, хотя мнѣ совершенно невозможно выяснить себѣ, какимъ образомъ это было бы возможно.

Итакъ, милостивый государь, собственное признаніе нашихъ противниковъ даетъ мнѣ право утверждать, что эта система не должна существовать долѣе и, благодареніе Богу, характеръ англійскаго народа позволяетъ мнѣ прибавить, что она и не будетъ существовать. Англій не можетъ долѣе терпѣть ее у себя не отказываясь отъ права на величайшую и ей одной принадлежащую славу. Она можетъ гордиться своими древними законами, своей блестящей литературой, длиннымъ рядомъ триумфовъ на морѣ и сушѣ, обширностью и прочностью своего господства, во ея высшая заслуга, ей одной принадлежащая слава, заключается не въ томъ, что она такъ широко распространила свое господство, а въ томъ, что она господствовала только для того, чтобъ разсыпать благословія, и побѣждала, чтобъ падать. Ея державность заключается въ ея нравственности, ея языкѣ и ея законахъ, ея лучшія побѣды тѣ, которыя она одержала надъ варварствомъ и невѣжествомъ, ея прочтѣйшіе трофеи воздвигнуты въ сердцахъ цивилизованныхъ и освобожденныхъ ею народовъ. Глубокое нравственное чувство народа, его ненависть къ несправедливости, его склонность лучше принести всевозможныя жертвы, нежели принять участіе въ преступленіи, вотъ что составило издавна ея славу, ея силу, ея безопасность. Основываясь на этомъ, я думаю, что такъ будетъ и всегда; я думаю, что англичане и въ настоящемъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, почувствуютъ, что только та политика можетъ обезпечить счастье народовъ и безопасность трона, которая опирается на справедливость и милосердіе.

Съ какимъ высокимъ наслажденіемъ смотрю я, милостивый государь, впередъ, на то время, когда рядъ либеральныхъ и ра-

зумныхъ мѣръ освободить эти острова, столь щедро надѣленные благимъ провидѣніемъ, отъ проклятiя, наложеннаго на нихъ безумной алчностью человѣка. Тогда крестьянинъ Антильскихъ острововъ не будетъ уже съ унылымъ и трепетнымъ смиреніемъ красться къ плантаціи, плоды которой не приносятъ ему ни малѣйшей выгоды, къ хижинѣ, дверь которой не представляетъ ему ни малѣйшей защиты. Окончивъ свою радостную и добровольную работу на полѣ, онъ будетъ возвращаться домой твердымъ шагомъ и съ поднятой головой британскаго крестьянина. Это поле будетъ его свободное владѣніе, и этотъ домъ—его крѣпость. Тогда въ странѣ, гдѣ до сихъ поръ проявлялось только могущество цивилизаціи, разовьются плоды ея мудрости и благодѣтелиныя учрежденія, храмы, гдѣ будетъ исповѣдываться чистая религія, рынки, въ которыхъ будетъ производиться законная торговля, суды, гдѣ и негръ и миссіонеръ могутъ разсчитывать на правосудіе, сенатъ, гдѣ приличныя рѣчи и либеральныя чувства смѣнять ученіе и языкъ буканьеровъ. Я не могу не вѣрить въ возможность подобнаго будущаго, припомнивъ прежнее положеніе нашего собственнаго отечества и то великое событіе, которому мы въ значительной степени обязаны настоящимъ своимъ благосостояніемъ. На одномъ итальянскомъ рынкѣ невольниковъ были выставлены на продажу нѣсколько дѣтей замѣчательной красоты, остановившихъ на себѣ вниманіе одного священника, который и спросилъ, откуда они? Изъ Англіи, отвѣчали ему. Состраданіе къ бѣдствіямъ и униженіямъ далекаго народа наполнили его сердце. Едва вступивъ на папскій престолъ, онъ немедленно принялъ мѣры, чтобъ ввести на этомъ островѣ христіанскую религію, а съ нею и всѣ политическія и нравственныя блага, которыми она всегда сопровождалась. Мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній о затрудненіяхъ, которыя ему предстояло преодолѣть; но мы знаемъ, что во всѣ времена человѣческая натура одинакова, что во всѣ времена дорога къ добродѣтели и славѣ шла черезъ ненависть и позоръ. Вѣроятно, нашлись достойные государственные люди, высказывавшіе мнѣніе, что мысль о нравственномъ развитіи Виттенагемотовъ Гептархіи должна

бить оставлена; безъ сомнѣнiя, нашлись рабовладѣльцы, утверждавшiе, что ихъ рабы питаются лучше, чѣмъ король Ломбардiи; безъ сомнѣнiя, нашлось много острiковъ, осмѣивавшихъ экзальтацию папы, и клеветниковъ, маравшихъ его репутацiю. Весьма возможно, что нашлись даже негодяи, разрушавшiе построенныя имъ канеллы, и клятвопреступные рыцари, поднимавшiе на висѣлицу его миссiонеровъ. Какъ бы тамъ ни было, мы знаемъ, что онъ настоялъ на своемъ, и посмотрите на результатъ! Взгляните теперь на жалкую и униженную страну, страну притѣснителей и притѣсняемыхъ. Воздухъ и почва дышать здѣсь свободой! Взгляните на океанъ, который тогда приносилъ только разбойниковъ къ нашимъ берегамъ и уносилъ грузъ горя и отчаянiя. Тотъ же самый океанъ омываетъ наше отечество для того, чтобъ обогащать и защищать насъ; благодаря ему, всѣ наши берега открыты для торговли и неприступны для войны. Взгляните на наше морское могущество, на нашу торговлю, на нашу военную силу, на славный рядъ нашихъ великихъ людей, и подумайте, гдѣ источникъ всего этого. Эта мысль воодушевить васъ надеждой, но одной надеждой—мало. Не обязаны ли мы всѣми этими благами великодушiю невѣжественнаго священника, жившаго въ мрачныя вѣка и въ далекой странѣ? И не должны ли мы, живущiе при полномъ свѣтѣ нравственности и просвѣщенiя, позаботиться о благосостоянiи тѣхъ, которыхъ судьба въ нашихъ рукахъ и въ несправедливомъ обращенiи съ которыми мы глубоко виновны? Мы должны неустанно работать надъ этимъ правымъ дѣломъ. Опасность, затрудненiя, препятствiя только сильнѣе возбуждаютъ нашу ревность. Мы будемъ принимать каждый успѣхъ за предвѣстникъ торжества, каждую неудачу за призывъ къ новымъ усилiямъ. Мы знаемъ, что подвергнемся клеветѣ, враждѣ и посмѣянiю, но мы ихъ презираемъ. Когда крестоносецъ у Тассо поднимаетъ свой мечъ, чтобъ разрушить чары заколдованнаго лѣса, его окружаютъ гигантскiя фигуры, страшные голоса угрожаютъ ему, вѣтеръ воетъ, небо хмурится и земля трепещетъ подъ его ногами; но ударъ нанесенъ—и снова сiяетъ солнце, буря улеглась и демоны съ воплемъ улетаютъ отъ мѣста, которое не смѣютъ долѣе осквернять своимъ присутствiемъ. Мы

преслѣдуемъ высшую цѣль; мы поклялись разрушить еще болѣе позорныя чары и никакая буря, вызванная чернокожиѣмъ нашихъ противниковъ, не заставитъ насъ отступить отъ нашего предпріятія. Никогда и никогда не кончится эта борьба иначе какъ рѣшительной побѣдой, одержанной принципами чести, гуманности и свободы, которые одни могутъ дать истинное благосостояніе государству и безсмертную славу государственнымъ людямъ.

РѢЧЬ О НЕПРАВОСПОСОБНОСТИ ЕВРЕЕВЪ, (1)

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ПАЛАТѢ ОБЩИНЪ 5 АПРѢЛЯ 1830.

Господинъ Предсѣдатель,

Несмотря на параллель, которую мой почтенный другъ, членъ за Оксфордъ (2), старался провести между настоящимъ вопросомъ и вопросомъ касательно католиковъ, представленнымъ палатѣ въ последнюю сессію, я все-таки надѣюсь, что мы не лишимся голосовъ многихъ почтенныхъ джентльменовъ, которые выступили тогда противъ уступки требованіямъ католиковъ. Направленіе, котораго держалось тогда большинство этихъ джентльменовъ, не позволить противиться мѣрѣ, о которой идетъ теперь рѣчь. Общій принципъ религіозной терпимости былъ такъ же сильно затронутъ вопросомъ, занимавшимъ палату въ прошедшемъ году, какъ и теперь; но большая часть джентльменовъ, подававшихъ голоса противъ католиковъ, объявляли себя за этотъ принципъ; они находили только, что особенныя обстоятельства выдвигали вопросъ о католикахъ за предѣлы этого принципа. Но здѣсь, милостивый государь, нѣтъ такихъ обстоятельствъ; здѣсь нѣтъ

(1) Первая рѣчь, сказанная Макколкемъ въ парламентѣ.

(2) М-ръ Пембертонъ.

двухъ различныхъ присягъ; нѣтъ ни буллъ, ни отпущеній, ни разрѣшенія отъ обязательствъ, налагаемыхъ закономъ; нѣтъ священниковъ, которые имѣютъ неограниченную власть надъ совѣстью членовъ ихъ паствы; нѣтъ возмутителей покоя, которые подстрекаютъ и возбуждаютъ народъ къ образу дѣйствій, враждебному всякому хорошему правительству; нѣтъ обществъ, которые собираются съ цѣлью (или которыхъ обвиняютъ въ томъ, что они собираются съ цѣлью) присвоить себѣ власть, которая должна принадлежать только чиновникамъ, признаннымъ закономъ; нѣтъ черни, которой толковали бы о ея назначеніи и которую учили бы правильной военной дисциплинѣ; нѣтъ церковнаго взноса, который взимался бы съ регулярностью налога! Въ прошломъ году было въ модѣ порицать правительства, уступавшія крику, оппозиціи и угрозамъ, измѣнявшія святости своего призванія; но теперь объ этомъ не можетъ быть рѣчи, потому что даже тѣ, которые всего рѣшительнѣе противятся предложенной мѣрѣ, не могутъ отрицать того, что евреи долго и безмолвно переносили свои лишенія, и если жалуются теперь, то дѣлаютъ это кротко и прилично. Католиковъ считаютъ вкрадчивою, коварною, неутомимою и чутко-внимательною сектою, которая только о томъ и думаетъ, чтобы увеличить силу и число своихъ членовъ, которая всѣми путями старалась обращать людей въ свою вѣру и которой только ея безсиліе мѣшаетъ возобновить прежнія преслѣдованія. Но секта, съ которой мы теперь имѣемъ дѣло, хлопочетъ о томъ, чтобы создать *монополью* изъ своей религіи, а не *распространять* ее. Никогда не слыхали ни объ одной попыткѣ евреевъ пріобрѣсти прозелитовъ, и мы справедливо можемъ заключить, что при тѣхъ формахъ и обрядахъ, которыми отличается ихъ религія, врядъ ли кто-нибудь можетъ рассчитывать на успѣхъ пріобрѣтенія новыхъ учениковъ. Но какъ бы то ни было, евреи никогда къ этому не стремились, напротивъ они всегда гнали подобную мысль. Изслѣдуйте исторію Англіи и вы найдете бездну фактовъ, свидѣтельствующихъ противъ католиковъ. Тѣ, которые ищутъ повода говорить о преступленіяхъ, совершенныхъ католиками, имѣютъ въ пожарахъ Смитфилда, въ пороховомъ заговорѣ, въ дѣлѣ семи епископовъ богатый матеріалъ;

но относительно евреевъ исторія Англіи показываетъ вѣчто совершенно противоположное; она представляетъ перечень угнетеній и несправедливостей, которыя претерпѣлъ этотъ народъ, безъ малѣйшей попытки возмездія; съ начала до конца мы видимъ рядъ гнуснѣйшихъ жестокостей и лишеній, перенесенныхъ евреями ради своей вѣры. Во всѣхъ христіанскихъ сектахъ перешны счастья подавали поводъ ко взаимнымъ жалобамъ и обвиненіямъ, но если дѣло касалось евреевъ и христіанъ, то всѣ согласятся въ томъ, на какую сторону клонятся вѣсы. Что касается до сопротивленія настоящему предложенію со стороны моего многоуважаемаго друга, то и не въ состояніи понять, на чемъ онъ основываетъ его, если не на общемъ принципѣ, что никто, не будучи христіаниномъ, не долженъ быть облачаемъ властью; а не въ состояніи понять, какимъ образомъ онъ можетъ противиться новой мѣрѣ не подвергаясь обвиненію въ противорѣчии самому себѣ. Возставать противъ настоящаго предложенія, какъ возставали противъ билля о католикахъ въ послѣднюю сессию, значить осуждать равносильнаго и слабого, пылкаго и терпѣливаго, пропагандиста и человѣка, чуждающагося всякой пропаганды, политика и человѣка религіознаго. Если мы будемъ держаться такого образа дѣйствій, то преслѣдованіе всегда найдеть лазейку, и волкъ никогда не будетъ имѣть недостатка въ предлогѣ, чтобъ броситься на овцу и убить ее. Если такой принципъ будетъ нашимъ девизомъ, то скоро окажется, что обидчикъ всегда правъ, а обижаемый всегда виноватъ. Въ оппозиціяхъ, возникавшихъ въ послѣднее время противъ католиковъ, никогда не предполагалось религіознаго характера, всѣ онѣ были только политическія. Когда желали возбудить кровопролитіе и распри въ странѣ, когда произносились пламенные рѣчи и проповѣди съ бочекъ, то и тогда не говорили народу, что его хотять принудить поклоняться истуканамъ вмѣсто истиннаго Бога. Просвѣщенные и правдивые противники требованій католиковъ никогда не держались подобной точки зрѣнія. Я самъ помню, какъ графъ Эльдонъ объявилъ, что онъ не изъ-за религіозныхъ, а изъ-за политическихъ причинъ противится этой мѣрѣ. Тогда былъ поднятъ вопросъ о пресущественіи, и благородный

лордъ замѣтилъ, что возраженіе противъ католиковъ возникаетъ не отъ того, что они вѣрують въ дѣйствительность пресущевленія, а изъ того, что вопросъ о пресущевленіи составляетъ пробный камень ихъ какъ подданныхъ. Теперь дѣло имѣеть совсѣмъ другой видъ. Политическія соображенія считаются ни во что, а вмѣсто нихъ открыто признаются въ религиозномъ преслѣдованіи. Во всемъ, что сказалъ мой почтённый другъ, членъ за Оксфордъ, я нашёлъ только два политическія возраженія; по моему мнѣнію, ни то, ни другое не имѣютъ той важности, какую приписываетъ имъ мой почтенный другъ. Первое политическое возраженіе противъ предлагаемой мѣры, приведенное моимъ почтеннымъ другомъ, заключается въ томъ, что евреи въ Англіи гораздо болѣе привязаны къ своему племени, разсѣянному и блуждающему по всему земному шару, чѣмъ къ англійскому народу. Я могу отвѣтить на это только тѣмъ, что въ высшей степени несправедливо представлять подобное возраженіе до тѣхъ поръ, пока мы не убѣдились, что они не захотятъ сдѣлаться гражданами Англіи, если мы сдѣлаемъ ихъ англичанами. А до тѣхъ поръ, мы можемъ только сказать, что не будучи англичанами они ни что иное какъ евреи. Второе возраженіе моего почтеннаго друга кажется мнѣ еще удивительнѣе. Онъ говоритъ, что если эта мѣра пройдетъ, то значеніе евреевъ будетъ такъ велико, что они будутъ въ парламентъ въ сравнительно большемъ числѣ, нежели слѣдовало бы пропорціонально общей ихъ численности въ странѣ, вслѣдствіе чего настоящая представительная система непременно рухнетъ, сдѣлавшись неавиестной народу, а за этимъ послѣдуетъ парламентская реформа. Единственное заключеніе, какое я могу вывести отсюда, состоитъ въ томъ, что евреи не должны вступать въ парламентъ потому, что наша представительная система дурна. Одно изъ двухъ—или наша представительная система хороша, или она дурна. Если она дурна, то ясно какъ день, что чѣмъ скорѣе мы съ ней развяжемся, тѣмъ лучше. Если же она хороша, то зачѣмъ жаловаться на то, къ чему она клонится по естественному ходу вещей. Изъ всѣхъ сдѣланныхъ моимъ почтеннымъ другомъ возраженій, противъ предложенной мѣры, это единственныя воз-

раженія, имѣющія политическій характеръ; всѣ остальные составляютъ чистѣйшее религіозное гоненіе. И даже, зайдя такъ далеко, мой почтенный другъ все-таки не можетъ сказать, что онъ противъ билля на томъ основаніи, что еврейская религія опасна. Подобное утвержденіе невозможно. Теперь не слышно крику, который раздавался здѣсь въ предыдущую сессію. Оппозиція, возникшая теперь, есть не болѣе, если смѣю такъ выразиться, какъ сколокъ, какъ остатокъ той нетерпимости, которая проявлялась въ такихъ широкихъ размѣрахъ въ прошедшемъ году. Парламенту выяснили только то, что евреи — не христіане, и поэтому не должны имѣть никакой власти; этого не сказали только такъ ясно и прямо, какъ это дѣлалось прежде. Тогда преслѣдованіе евреевъ было, по крайней мѣрѣ, последовательно. Дѣло дѣлали внолиѣ, отнимая у евреевъ собственность, свободу и жизнь. Мой почтенный другъ очень усердствуетъ отнять у нихъ политическую власть, однакожъ онъ содрогнулся бы, увидѣвъ, какъ мало отниметь у нихъ подобная мѣра въ дѣйствительности. Мой почтенный другъ, повидимому, хочетъ лишить ихъ только той власти, которая заключается въ жезлахъ, золотыхъ цѣпяхъ и пергаментныхъ листахъ съ прикрѣпленными къ нимъ кусочками воску. Но онъ оставляетъ имъ все то, въ чемъ заключается дѣйствительная власть. Онъ позволяетъ имъ имѣть собственность, а въ наши времена собственность — власть, могучая, все побѣждающая власть; онъ позволяетъ имъ обладать знаніемъ, а знаніе тоже — не менѣе могучая власть. Для чего же отравлять всю эту власть нетерпимостью? Почему еврею должна быть предоставлена власть хозяина надъ прикащикомъ, господина надъ слугой, домовладѣльца надъ жильцомъ? Зачѣмъ мой почтенный другъ, допустивъ все это, вслѣдъ за тѣмъ оглядывается и говоритъ: «Всѣ истинныя преимущества вашего положенія останутся при васъ, но въ пользованіи ими вы подвергаетесь гнету и стѣсненію.» При настоящемъ положеніи вещей, еврей можетъ быть богатѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи, можетъ обладать вѣсѣмъ Лондономъ, проценты съ его капитала могутъ быть средствомъ поднять одну партію и придавить другую, назначать ость-индскихъ директоровъ и выбирать членовъ въ парламентъ;

вліяніе еврея можетъ быть въ высшей степени важнымъ въ войнѣ, которая потрясетъ до основанія Европу. Силою своего значенія онъ можетъ поддерживать или ниспровергать величайшіе планы величайшихъ государей, а, между тѣмъ, мой почтенный другъ, допуская и сознавая все это, желаетъ лишить его власти! Если многоуважаемый другъ мой дѣйствительно желаетъ такъ устроить дѣло, то я позволю себѣ предложить ему одинъ вопросъ: вѣрить ли онъ, что богатство даетъ власть? Если да, то можетъ ли онъ утверждать, что евреи не должны обладать властью? Если нѣтъ, то гдѣ проведемъ мы границу? какимъ образомъ можемъ мы устроить, чтобъ они пользовались всѣми преимуществами своего богатства, исключая одного изъ нихъ? Я не могу понять сущности основанія, на которое должна опираться подобная посылка. Я могъ бы еще понять, еслибъ требовали полного и всесторонняго гоненія, слѣдуя примѣру нашихъ предковъ. Еслибъ намъ публично объявили, что мы должны вернуться къ временамъ, когда грабили евреевъ, разрушали ихъ магазины, отнимали у нихъ всякія права,—дѣло было бы ясно. Но это—какое-то нѣжное гоненіе, безъ отвлеченнаго правила, которымъ можно было бы руководиться. Съ точки зрѣнія правъ, которыя имѣютъ евреи, я долженъ сознаться, что если придать праву эпитетъ «законнаго», то дѣйствительно евреи не имѣютъ никакого законнаго права на власть; если разсуждать такимъ образомъ, они, назадъ тому триста лѣтъ, не имѣли никакого законнаго права быть въ Англіи, а назадъ тому шестьсотъ лѣтъ не имѣли никакого права на свои зубы во рту; но если мы посмотримъ съ точки зрѣнія *нравственнаго* права, то я утверждаю, что въ силу всѣхъ нравственныхъ принциповъ еврей имѣетъ право на политическую власть. Каждый имѣетъ право на все, что можетъ доставить ему удовольствіе, не вредя другому. Это одинъ изъ самыхъ общихъ принциповъ человѣческой природы, и я не могу понять, какъ можно сторонниковъ этого принципа вызывать на его защиту: *opus probandi* лежитъ не на защитникахъ свободы, но на сторонникахъ насилія. Многоуважаемый другъ мой долженъ сначала доказать, что изъ допущенія евреевъ въ парламентъ можетъ возникнуть опасность или вредъ для госу-

дарства, и только доказавъ то, что онъ утверждаетъ, можетъ онъ потребовать насъ къ отвѣту. Но пока онъ не представитъ на это положительныхъ доводовъ, я буду бороться за нравственные права евреевъ. Что они желаютъ получить право засѣдать въ парламентъ, это уже доказано. Остается еще доказать, что отъ допущенія ихъ можетъ возникнуть вредъ для государства. Въ случаѣ, если этого не докажутъ, отказъ будетъ ни болѣе, ни менѣе какъ преслѣдованіе. Мой почтенный другъ давалъ различныя толкованія этому совершенно ясному слову, но значеніе его остается все одно и то же, и если мы захотимъ опредѣлить его смыслъ, то и окажется, что споръ идетъ только о словахъ. Каждый съумѣетъ построить теорію; одни вѣроятно поймутъ подъ словомъ преслѣдованіе—костеръ, другіе—пытку, и будутъ оспаривать точность выраженія, если кто-нибудь вздумаетъ назвать бичеваніе преслѣдованіемъ. Но по моему мнѣнію, на политическомъ языкѣ подъ словомъ гоненіе понимается наложеніе какого бы то ни было наказанія за религіозныя мнѣнія и единственно за нихъ. Въ принципѣ, это такое же преслѣдованіе, какъ и костеръ, вся разница только въ степени. При такомъ опредѣленіи слова, какое я дѣлаю, нельзя представить себѣ, чтобъ нашелся доводъ въ пользу слабѣйшей степени этой несправедливости, который при логическомъ образѣ дѣйствій не могъ бы съ равной силой быть употребленъ въ пользу самыхъ жестокихъ наказаній, ради подобныхъ же поводовъ. Я долженъ извиниться предъ почтенными, присутствующими здѣсь, джентльменами въ томъ, что занялъ такъ много времени, но я не могъ удержаться, чтобъ не высказать своего мнѣнія палатѣ общинъ, которая сдѣлала больше для свободы совѣсти, чѣмъ всѣ парламенты, собиравшіеся до сихъ поръ. Ея сессіи 1828 и 1829 отмѣчены славными дѣйствіями въ пользу религіозной свободы, и надѣюсь, что, прежде чѣмъ мы разоидемя, сессія 1830 довершитъ дѣло, котораго окончанія ждетъ столько великихъ и честныхъ людей, но которое можетъ быть приведено къ успѣшному концу не прежде какъ будетъ принята предложенная и въ высшей степени желательная мѣра.

РѢЧЬ О НЕПРАВОСПОСОБНОСТИ ЕВРЕЕВЪ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ПАЛАТѢ ОБЩИНЪ 17 АПРѢЛЯ 1833.

Первое предложеніе по этому вопросу, послужившее поводомъ къ первой рѣчи Маколея въ парламентѣ, было принято большинствомъ 115 голосовъ противъ 97 въ первомъ чтеніи, но во второмъ — отвергнуто большинствомъ 228 противъ 165 (17 мая 1830). Черезъ три года м-ръ Робертъ Грантъ поднялъ снова вопросъ (17 апрѣля 1833 г.) въ общемъ собраніи палаты подъ предсѣдательствомъ м-ра Варбортона. Предложеніе состояло въ томъ,

«Что по мнѣнію собранія необходимо отстранить всѣ гражданскія неправопособности, донинѣ существующія по отношенію къ подданнымъ его Величества, исповѣдующимъ Еврейскую вѣру; съ тѣми лишь исключеніями, какія существуютъ для подданныхъ Римско-Католическаго исповѣданія.»

Рѣшеніе это послѣ жаркихъ преній, во время которыхъ была сказана нижеслѣдующая рѣчь, было принято безъ раздѣленія голосовъ.

М-ръ Варбортонъ!

Я припоминаю и мой почтенный другъ, членъ за оксфордскій университетъ, вѣроятно тоже припомнить, что когда этотъ предметъ былъ разсматриваемъ три года тому назадъ, человекъ, котораго мы оба любили и о которомъ оба сожалѣемъ, замѣтилъ, что въ вопросѣ о евреяхъ всегда было значительное затрудненіе для защитника ихъ дѣла въ томъ, что не возможно было сказать что-нибудь въ ихъ пользу, не утомляя слушателей повтореніемъ избитыхъ истинъ. Если сэръ Джемсъ Макинтошъ чувствовалъ подобное затрудненіе, когда вопросъ въ первый разъ былъ предложенъ въ этой палатѣ, то сомнѣваюсь, чтобы я былъ въ состояніи представить теперь какіе-либо доводы, могущіе имѣть притязаніе на новизну.

Мой многоуважаемый другъ, членъ за оксфордскій университетъ, началъ свою рѣчь объясненіемъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія возбуждать вопросъ о началахъ религіозной свободы. Онъ вполне отвергаетъ гоненіе, въ томъ смыслѣ, какой самъ придаетъ этому слову. По его мнѣнію гоненіемъ было бы повѣсить еврея, бичевать его, ломать ему зубы, подвергать заключенію или обирать его; потому что всякій человекъ, который ведетъ себя мирно, имѣетъ право на свою жизнь, на свои члены, на свою личную свободу и собственность. Но почтенный другъ мой говоритъ, что нельзя назвать гоненіемъ удаленіе какой-нибудь личности или сословія отъ общественныхъ должностей; потому что никто не имѣетъ права на должности. Во всякомъ государствѣ общественныя должности должны быть подчинены тѣмъ правиламъ, какія заблагоразсудитъ установить верховная власть, и никто, изъ членовъ общества, не можетъ благоразумно сѣтовать на такія правила, какъ на несправедливость. Тотъ, кто получаетъ должность, получаетъ ее не по праву, но по благосклон-

*

ности. Тотъ, кто не получаетъ должности, не можетъ себя считать обиженнымъ, но находится въ положеніи, въ которомъ, по необходимости, должно быть значительнѣйшее большинство всякаго сословія. Въ Соединенномъ королевствѣ считается двадцать пять милліоновъ христіанъ безъ мѣстъ, и если они не жалуются, то изъ-за чего же двадцать пять тысячъ евреевъ роптали бы на то, что они находятся въ подобномъ же положеніи? Такимъ образомъ многоуважаемый другъ мой убѣдилъ себя, что такъ какъ весьма нелѣпо было бы, съ его или съ моей стороны, сказать, что мы обижены тѣмъ, что мы не государственные секретари, то и весьма неблагоприятно, со стороны евреевъ, утверждать, что они обижены тѣмъ, что они удалены отъ общественныхъ должностей.

Вѣроятно мой почтенный другъ не обдумалъ, къ какимъ заключеніямъ ведутъ его разсужденія. Эти заключенія такъ чудовищны, что, я увѣренъ, онъ отступилъ бы отъ нихъ. Неужели онъ дѣйствительно полагаетъ, что не было бы несправедливымъ постановить, чтобы никто не могъ быть судьей, если не вѣситъ двѣнадцати стонъ, или чтобы ни одинъ человѣкъ не могъ засѣдать въ парламентѣ, если онъ не имѣетъ шести футовъ роста. Мы готовимся внести билль объ индійскомъ правленіи. Положимъ, что мы включили бы въ этотъ билль статью, по которой никто изъ получившихъ ученые степени въ оксфордскомъ университетѣ, не могъ бы быть генералъ-губернаторомъ или губернаторомъ какого-нибудь президентства; не возсталъ ли бы мой многоуважаемый другъ противъ такой статьи, какъ въ высшей степени несправедливой въ отношеніи къ ученому сословію, котораго онъ представитель? И считалъ ли бы онъ себя достаточно удовлетвореннымъ, еслибъ ему отвѣтили, его же словами, что назначеніе въ должность есть дѣло милости и что не допустить какую-либо личность или сословіе къ общественнымъ должностямъ не есть несправедливость? Вѣроятно, по размышленіи, онъ сознается, что общественныя должности не должны быть подчинены чисто случайнымъ правиламъ, зависящимъ не отъ какихъ-либо опредѣленныхъ причинъ, а отъ одного только произвола, и

что тѣ, которые отрѣшаютъ какое-нибудь сословіе отъ общественныхъ занятій, обязаны привести на это основательную причину.

Мой почтенный другъ обратился къ намъ какъ къ христіанамъ. Такъ позвольте же и мнѣ спросить его, какъ онъ понимаетъ великую заповѣдь, которая заключаетъ въ себѣ всѣ остальные заповѣди и пророчества. Можно ли сказать, что мы поступаемъ въ отношеніи къ другимъ такъ, какъ мы желали бы, чтобы они поступали относительно насъ, если мы безъ нужды причиняемъ имъ хотя малѣйшую непріятность? Какъ христіане, мы обязаны подумать, вопервыхъ, обижаемъ ли мы евреевъ лишеніемъ имъ общественнаго довѣрія и, вовторыхъ, необходимо ли причинять имъ эту обиду съ цѣлью устранить какое-либо большое зло. Что лишеніемъ общественнаго довѣрія мы ихъ оскорбляемъ, въ этомъ мой почтенный другъ не будетъ сомнѣваться. Слѣдовательно, какъ христіанинъ, онъ обязанъ избавить ихъ отъ этого оскорбленія; развѣ только онъ докажетъ, — чего онъ еще до сихъ поръ не сдѣлалъ, — что общественное благо требуетъ, чтобы они продолжали терпѣть.

Но если вы допустите въ нижнюю палату людей, отвергающихъ значеніе Евангелія, то гдѣ же, — говоритъ онъ, — вы остановитесь? Допустите ли вы магометанина или индуса, поклоняющагося семи-головому идолу? На вопросъ моего многоуважаемаго друга я отвѣчу вопросомъ же. Гдѣ онъ полагаетъ остановиться? Согласенъ ли онъ жечь невѣрующихъ медленнымъ огнемъ? Если нѣтъ, то пускай онъ скажетъ причину; и я докажу, что его причины такъ же дѣйствительны въ отношеніи къ нетерпимости, которую онъ считаетъ справедливою, какъ и въ отношеніи къ нетерпимости, которую онъ считаетъ преступною. Допустивъ разъ, что мы обязаны оскорблять человѣка, потому что онъ не принадлежитъ къ нашей религіи, гдѣ же вы остановитесь? Почему остановимся мы на мѣстѣ, избранномъ моимъ многоуважаемымъ другомъ, а не на мѣстѣ, опредѣленномъ почтеннымъ членомъ за Ольдгемъ, ⁽¹⁾ — который не хотѣлъ допустить

(1) М-ръ КОВБЕТЪ.

евреевъ до права землевладѣнія? И почему остановимся мы на мѣстѣ, назначенномъ почтеннымъ членомъ за Ольдгемъ, а не на томъ, которое избралъ бы испанскій инквизиторъ XVI столѣтія? — Если вы разъ уже приняли гоненіе за правило, то я сомнѣваюсь, чтобы вы нашли причину останавливаться прежде, нежели достигнете крайняго предѣла. Мой многоуважаемый другъ самъ себѣ противорѣчитъ, когда говоритъ, что онъ позволилъ бы евреямъ владѣть собственностью какой угодно цѣны, но что не позволилъ бы имъ имѣть малѣйшую власть въ государствѣ. Собственность есть власть. Почтенный членъ за Ольдгемъ рассуждаетъ логичнѣе моего многоуважаемаго друга. Онъ ясно видитъ, что невозможно лишить человѣка власти въ государствѣ, если позволить ему быть владѣльцемъ половины какого-нибудь графства, и поэтому, весьма послѣдовательно, предлагаетъ конфисковать земли у евреевъ. Но даже и почтенный членъ за Ольдгемъ не зашелъ еще достаточно далеко. Онъ не предложилъ конфисковать движимую собственность евреевъ. Между тѣмъ всѣмъ понятно, что еврей, владѣющій милліономъ, можетъ легко сдѣлаться весьма необходимымъ человѣкомъ въ государствѣ. Такимъ путемъ мы переходимъ отъ государственной власти къ поземельному владѣнію, отъ поземельнаго владѣнія къ личной собственности, отъ движимой собственности къ свободѣ и наконецъ отъ свободы къ жизни. Гонители, которые прибѣгаютъ къ пыткѣ и насилію, могутъ многое сказать въ свою защиту. Они убѣждены, что цѣль ихъ хороша, и, нужно сознаться, что для достиженія этой цѣли они употребляютъ средства очень дѣйствительныя. Религіозныя ереси не разъ низвергались кровавыми гоненіями. Такимъ путемъ были уничтожены альбигойцы. Такимъ же образомъ былъ подавленъ протестантизмъ въ Испаніи и Италіи такъ, что съ тѣхъ поръ уже болѣе не проявлялся тамъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь привелъ примѣръ, въ которомъ лишеніе гражданскихъ правъ, подобное разсматриваемому нами, произвело бы какое-либо дѣйствіе кромѣ озлобленія и упорства притѣсненныхъ. Мой почтенный другъ долженъ былъ бы вести преслѣдованія съ какой-нибудь опредѣленной цѣлью или вовсе не вести ихъ. Онъ не любитъ слово: преслѣдованіе, я это знаю. Онъ не

признаётъ, чтобы евреевъ преслѣдовали. А все-таки я увѣренъ, что онъ скорѣе согласился бы подвергнуться 3-хъ мѣсячному заключенію или заплатить 100 ф. штрафа, нежели подвергнуться тѣмъ притѣсненіямъ, какимъ подвергаются евреи. Какъ же онъ можетъ сказать, что подобное лишеніе правъ не есть преслѣдованіе, а что наложеніе денежныхъ пеней и заключеніе можно назвать преслѣдованіемъ. Все его разсужденіе заключается въ проведеніи произвольныхъ границъ: то, чего онъ не хочетъ ввести, онъ называетъ преслѣдованіемъ; то, что желаетъ наложить, не согласенъ назвать этимъ именемъ. То, что онъ отнимаетъ у евреевъ, онъ называетъ общественною властью; а то, что оставляетъ имъ, не хочетъ назвать общественною властью. Еврей не можетъ засѣдать въ парламентѣ, но можетъ быть владѣльцемъ всѣхъ домовъ въ городѣ или мѣстечкѣ, приносящихъ по десяти фунтовъ доходу. Онъ можетъ имѣть большее число фермеровъ, платящихъ ему по 50 ф., нежели любой перъ въ королевствѣ. Онъ можетъ задавать избирателямъ пиры, какъ будтобы онъ былъ христіанинъ и маркизь. Все остальное въ томъ же родѣ. Еврей можетъ быть присяжнымъ, но не судьей. Онъ можетъ судить о фактѣ, но не о правѣ. Онъ можетъ заплатить сто тысячъ фунтовъ по судебной процедурѣ; но не можетъ быть поручителемъ въ самомъ ничтожномъ дѣлѣ. Онъ можетъ управлять денежнымъ рынкомъ; можетъ имѣть вліаніе на биржу, можетъ быть приглашенъ на конгрессъ коронованныхъ особъ. Въмѣсто того, чтобы пыткой вынуждать у него ссуду, особы эти могутъ договариваться съ нимъ какъ съ равнымъ и быть вынужденными отложить объявленіе войны или заключеніе мира до тѣхъ поръ, пока не получатъ его отзыва. Все это такъ должно быть; но еврей не можетъ быть тайнымъ совѣтникомъ, не долженъ имѣть титула; потому что это уже государственная власть. И кого же мы стараемся обмануть такимъ путемъ?—Всеѣдущаго! — Да, милостивый государь, намъ положительно сказано было, что евреи находятся подъ гнѣвомъ Всевышняго и что если мы имъ дадимъ общественную власть, то Богъ пошлетъ намъ наказанія. Неужели же мы думаемъ, что Богъ не можетъ отличить сущности отъ формы? Развѣ Онъ не знаетъ, что, лишая евреевъ на-

ружнаго вида общественной власти, мы между тѣмъ позволяемъ имъ владѣть ея сущностью? Многоуважаемый другъ увлеченъ въ одну сторону своими понятіями, а въ другую, совершенно противоположную, своей превосходной душой. Онъ останавливается между двумя мнѣніями. Онъ старается согласовать начала, которыя не допускаютъ соглашенія. Онъ дѣйствуетъ сперва въ духѣ нетерпимости; потомъ останавливается, не будучи въ состояніи привести тому причину. Но я знаю причину: это его гуманность. Тѣ, которые вѣкогда, привязавъ жидовъ къ хвостамъ лошадей, таскали ихъ или опаливали имъ бороды, были гораздо хуже моего многоуважаемаго друга; но они были послѣдователями въ своихъ убѣжденіяхъ, нежели онъ.

Говорятъ, что чудовищно было бы видѣть еврея разбирающимъ дѣло о богохульствѣ. По моему мнѣнію, при нынѣ существующихъ законахъ, странно было бы видѣть какого бы то ни было судью разбирающимъ дѣло о богохульствѣ. Но еслибы законы по этому предмету были согласны съ здравымъ разсудкомъ, то я не вижу причины, почему добросовѣстный еврей не могъ бы судить богохульника. Я думаю, что всякій человѣкъ долженъ имѣть право разбирать религіозные доводы. Но никто не долженъ имѣть права насильно заставлять людей слушать и видѣть то, что надоѣдаетъ имъ и раздражаетъ ихъ. Различіе весьма ясно. Я считаю несправедливымъ наказывать человѣка за продажу въ задней лавкѣ сочиненія Пэна: «*Вѣкъ разсудка*» тѣмъ, которые желаютъ купить книгу, или за производство деистическаго чтенія, въ частномъ домѣ, предъ людьми, которые желаютъ его слушать. Но если кто-нибудь выставитъ въ окнѣ, на многолюдной улицѣ, гнусную каррикатуру на то, что служитъ предметомъ уваженія и почитанія, для 999 человѣкъ изъ 1,000 прохожихъ; или если кто-нибудь на мѣстѣ общественныхъ сборищъ придаетъ позорные эпитеты именамъ, почитаемымъ всѣми христіанами: то такой человѣкъ долженъ быть, по моему мнѣнію, строго наказанъ,—не за различіе отъ насъ въ своихъ мнѣніяхъ, но за производство оскорбительнаго безпокойства, порождающаго въ насъ нувство отвращенія. Онъ столько же имѣетъ права оскорблять чаши чувства, навязываніемъ намъ своего нечестія, и говорить,

что онъ это дѣлаетъ по праву разсужденія, сколько онъ вправѣ устроить лошадиную бойню рядомъ съ нашими домами и говорить, что онъ это дѣлаетъ по праву на свою собственность,— или же бѣгать голымъ по улицамъ и утверждать, что онъ это дѣлаетъ по праву своему двигать членами. Онъ безъ сомнѣнія вправѣ разсуждать совершенно такъ же, какъ владѣть собственностью или двигаться. Но онъ долженъ пользоваться своими правами такъ, чтобы не нарушать правъ другихъ лицъ.

Вотъ, милостивый государь, начала, на которыхъ бы я опредѣлилъ законы о богохульствѣ, и еслибы законы были такъ постановлены, то я затрудняюсь понять, почему еврей не могъ бы приводить ихъ въ исполненіе точно такъ же, какъ христіанинъ. Я не католикъ, но еслибы я былъ судьей въ Мальтѣ, то ничуть не задумался бы наказать суевѣрнаго протестанта, который сжегъ бы изображеніе папы въ глазахъ тысячи католиковъ. Я не магометанинъ, но еслибы занималъ должность судьи въ Индіи, то ничуть не задумался бы наказать христіанина, осквернившего мечеть. Почему же я сталъ бы сомнѣваться, что еврей, возведенный за свои способности, знанія и честность въ должность судьи, поступилъ бы несправедливо съ тѣмъ, кто въ христіанской странѣ оскорблялъ бы христіанскую религію?

Но, говорить многоуважаемый другъ мой, пророками было предсказано, что евреи должны быть скитальцами на землѣ и что они не должны быть никогда сравнены съ жителями тѣхъ странъ, въ которыхъ они проживаютъ. Я увѣренъ, милостивый государь, что могу доказать, что не въ этомъ заключается смыслъ пророчествъ. Несомнѣнно, что въ Соединенныхъ Штатахъ Америки граждане изъ евреевъ пользуются всѣми преимуществами, присвоенными гражданамъ—христіанамъ. Поэтому если смыслъ пророчествъ тотъ, что евреи никогда не будутъ, во время своихъ странствованій, допущены другими народами къ равному съ ними участию въ общественныхъ правахъ, то пророчества ложны. Но пророчества ложны быть не могутъ. Поэтому ихъ значеніе не можетъ быть то, которое имъ придаетъ многоуважаемый другъ мой.

Другое возраженіе, сдѣланное на разбираемое предложеніе,— то, что евреи ожидаютъ пришествія великаго избавителя и возвращенія въ Палестину, ожидаютъ возобновленія своихъ храмовъ и возрожденія своей прежней вѣры и что, поэтому, они будутъ постоянно считать Англію не отечествомъ своимъ, а только мѣстомъ изгнанія. Но грубое незнаніе человѣческой природы обнаружили бы мы, милостивый государь, еслибъ предположили, что событіе, которое должно совершиться въ какое-то совершенно неопредѣленное время,—событіе, котораго тщетно ожидаютъ евреи въ продолженіе многихъ вѣковъ и котораго даже самые ревностные изъ нихъ не надѣются дождать ни лично, ни въ дѣтяхъ и внукахъ своихъ, могло бы когда-либо занимать мысли людей до такой степени, чтобы сдѣлать ихъ безопасными къ тому, что имъ близко, что вѣрно и что существуетъ въ настоящее время. Христіане, точно такъ же какъ и евреи, думаютъ, что существующій порядокъ вещей будетъ имѣть свой конецъ. Многіе изъ христіанъ вѣрують, что Иисусъ будетъ видимо царствовать на землѣ, въ продолженіе тысячи лѣтъ. Толкователи пророчествъ зашли даже такъ далеко, что назначили годъ, въ который начнется тысячелѣтній періодъ. Большинство изъ нихъ считаетъ кажется этимъ годомъ 1866 г.; но другіе толкователи сообщаютъ, что срокъ гораздо ближе. Неужели же мы должны отрѣшить всѣхъ миллиаріевъ отъ ихъ должностей, на основаніи того, что они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ чудеснаго царства, которое должно замѣнить настоящую династію и уничтожить настоящее государственное устройство Англіи, и что поэтому они не могутъ быть душевно преданы королю Вильгельму?

Въ одномъ, весьма важномъ пунктѣ, мой многоуважаемый другъ, членъ за оксфордскій университетъ, долженъ однако согласиться, именно, что еврейская религія изъ всѣхъ порочныхъ вѣрованій самое безвредное. Нѣтъ ни малѣйшей опасности, чтобы она распространилась. Евреи не желаютъ увеличивать число послѣдователей своего закона,—можно даже сказать, что они отвергаютъ ихъ. Они считаютъ почти преступленіемъ переходъ въ ихъ вѣру чело- вѣка, не принадлежащаго къ ихъ націи. Поэтому неудивительно,

что обращеніе изъ христіанства къ еврейскому закону было бы случаемъ болѣе рѣдкимъ, нежели полное затмѣніе солнца. Въ прошедшемъ столѣтіи былъ одинъ замѣчательный случай подобнаго перехода, съ лордомъ Джоржемъ Гордономъ, исторія обращенія котораго заслуживаетъ быть вспомянутой. Если когда-нибудь былъ новобранецъ, которымъ могла бы гордиться свращающая секта, то это былъ лордъ Гордонъ; не потому только, что онъ стоялъ высоко по рожденію и по занимаемому имъ мѣсту, не потому только, что онъ былъ членомъ законодательнаго собранія; но и по той причинѣ, что онъ когда-то былъ замѣчательнъ по своей нетерпимости или, вѣрнѣе сказать, по свирѣпой ревности къ прежнему своему вѣроисповѣданію. Но былъ ли онъ привлеченъ въ синагогу? былъ ли по крайней мѣрѣ радушно принять ея?—Нѣтъ, милостивый государь, ему было сухо и неохотно позволено раздѣлять страданія избраннаго народа; но онъ былъ строго удаленъ отъ пользованія привилегіями евреевъ. Онъ претерпѣлъ тягостный обрядъ, предписываемый ихъ закономъ; но когда на смертномъ одрѣ умолялъ быть похороненнымъ вмѣстѣ съ ними и согласно ихъ обрядамъ, ему отвѣтили, что его просьба не можетъ быть уважена. (*Слушайте!*) Я понимаю этотъ крикъ: «слушайте!» Онъ мнѣ напоминаетъ, что однимъ изъ доводовъ противъ разсматриваемаго предложенія служить то, что еврей народъ необщительный; что они дружно соединяются между собою и стоятъ въ сторонѣ отъ чужихъ. Интересно, милостивый государь, сличить способъ, которымъ нѣкогда извѣстные лица разбирали вопросъ объ эманципации католиковъ, съ тѣмъ, какимъ тѣми же самыми людьми разбирается нынѣ вопросъ объ эманципации евреевъ. Когда вопросъ шелъ объ освобожденіи католиковъ, кричали: «Смотрите, какъ безпокоенъ, какъ уклончивъ, какъ алченъ, какъ вкрадчивъ духъ римской церкви. Посмотрите, какъ ея проповѣдники объѣзжаютъ земли и моря, чтобы пріобрѣсти одного послѣдователя; какъ неутомимо они работаютъ; какъ внимательно они изучаютъ слабыя и сильныя стороны всякаго характера; какъ ловко употребляютъ они литературу, искусства и науки орудіями для распространенія своей вѣры. Вы встрѣчаете ихъ во всѣхъ странахъ и во вся-

нихъ костюмахъ, за манускриптами въ Бодлеянской библиотекѣ, за подозрными трубами въ Пекинской обсерваторіи и среди дикихъ Парагвая, обучаемыхъ ими употребленію плуга и прѣли. Дадите ли вы власть членамъ такой дѣятельной, предприимчивой и ненасытной церкви?» Теперь вопросъ идетъ о народѣ, который никогда не старается прельщеніями приманить къ себѣ кого-либо изъ чужестранцевъ и который не желаетъ, чтобы кто-нибудь, изъ непринлежащихъ къ нимъ по происхожденію, принадлежалъ къ ихъ вѣрѣ. И вы спрашиваете: «Можно ли дать власть сектѣ, которая съ упорствомъ стоитъ отдѣльно отъ прочихъ сектъ, которая не только не приглашаетъ, но даже неохотно принимаетъ новообращенныхъ?» Дѣло въ томъ, что ханжество никогда не будетъ имѣть недостатка въ доводахъ. Какая бы ни была секта, въ пользу которой предлагается терпимость, особенности ея будутъ навремя считаться людьми, не терпящими иновѣрія, самыми гнусными и опасными, какія только можно себѣ представить. Что евреи необщительны въ томъ, что касается религіи, это правда, да тѣмъ и лучше; потому что мы, какъ христіане, вѣроятно не желаемъ, чтобы они были дѣятельны въ сообрашеніи насъ изъ нашей собственной вѣры. Но никогда еще не было доказано, чтобы евреи были необщительными членами гражданскаго общества, еслибы это общество поступало съ ними справедливо. Мой многоуважаемый другъ, сдѣлавшій настоящее предложеніе, представилъ множество доказательствъ того, что свойства евреевъ были выставлены въ грубо-искаженномъ видѣ, и эти доказательства не были опровергнуты моимъ многоуважаемымъ другомъ, членомъ за оксфордскій университетъ. Но что еслибы и было справедливо, что евреи необщительны? Что еслибы и была правда, что они не считаютъ Англію своимъ отечествомъ? Не послужило ли бы обращеніе, которое они претерпѣвали, объясненіемъ и извиненіемъ ихъ антипатіи къ обществу, въ которомъ они живутъ? Развѣ угнетенные христіане не питали такой же ненависти къ обществу, которое ихъ притѣсняло? Въ то время, когда кровавыя уложенія Елисаветы, направленныя противъ католиковъ, приводились въ исполненіе, каковъ былъ ихъ патріотизмъ? Оливеръ Кромвель говорилъ,

что въ его время они были испанскими католиками. Позднѣе можно было ихъ назвать французскими католиками. Тоже самое было и съ кальвинистами. Какихъ болѣе заклятыхъ враговъ имѣла Франція, во времена Людовика XIV, какъ не угнетенныхъ гугенотовъ? Но заключилъ ли бы по этимъ даннымъ кто-нибудь изъ разсудительныхъ людей, что эти католики или кальвинисты не способны любить свою родину? Еслибы Англія была въ настоящее время завоевана католиками, сколько англійскихъ католиковъ перешло бы на сторону побѣдителей? Еслибы Франція была атакована протестантами, сколько французскихъ протестантовъ подали бы имъ помощь? Почему не испытать, какое дѣйствіе произвела бы на евреевъ свисходительная политика, подобная той, которая сдѣлала англійскихъ католиковъ хорошими англичанами, а французскихъ кальвинистовъ хорошими французами.

Противъ евреевъ сдѣлано было еще другое обвиненіе, но не многоуважаемымъ другомъ моимъ, членомъ за оксфордскій университетъ, человѣкомъ, который имѣетъ слишкомъ много знаній и слишкомъ много души чтобы сдѣлать подобное обвиненіе,—а почтеннымъ членомъ за Ольдгемъ, который, какъ я съ сожалѣніемъ замѣчаю, оставилъ свое мѣсто. Почтенный членъ за Ольдгемъ говоритъ, что евреи отъ природы низкое, скупое и сребролюбивое племя; что они чужды всякому благородному призванію; что пользоваться незаконными процентами есть единственное занятіе, для котораго они годны; что они лишены всякихъ возвышенныхъ и благородныхъ чувствъ. Таково, милостивый государь, было всегда разсужденіе ханжей. Они никогда не упускали случая привести въ оправданіе гоненія тѣ пороки, которые имъ же и порождены. Англія была для евреевъ менѣе, нежели полу-отечествомъ, а мы презираемъ ихъ за то, что они не чувствуютъ къ ней болѣе чѣмъ полу-патріотизмъ. Мы обращаемся съ ними какъ съ рабами и удивляемся, что они не смотрятъ на насъ какъ на собратій. Мы допускаемъ ихъ только до низшихъ занятій и потомъ ихъ же упрекаемъ въ томъ, что они не избираютъ благородныхъ промысловъ. Мы долго запрещали имъ владѣть землей, а потомъ жалуемся, что они преимущественно

занимаются торгомъ. Мы запираемъ имъ всё пути честолюбія, а презираемъ ихъ за то, что они прибѣгаютъ къ корыстолюбію. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, при всѣхъ сношеніяхъ съ евреями, мы употребляли во зло наше превосходство въ силѣ, и послѣ того мы же обвиняемъ ихъ за то, что они прибѣгаютъ къ хитрости, которая служитъ единственной и повсемѣстной защитой слабого отъ притѣсненій сильнаго. Но всегда ли и вездѣ ли они были только мѣнялами, ростовщиками и скупцами? Никто не знаетъ лучше моего многоуважаемаго друга, члена за оксфордскій университетъ, что въ народномъ характерѣ евреевъ нѣтъ ничего такого, что дѣлало бы ихъ неспособными къ занятію высшихъ гражданскихъ должностей. Онъ знаетъ, что когда образованіе было еще въ дѣтствѣ, когда нашъ островъ былъ такимъ же дикимъ, какъ Новая Гвинея; когда литература и науки еще не были знакомы англичанамъ и когда на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии былъ основанъ Римъ, едва стояла крытая соломою избушка, — презрѣнный народъ этотъ имѣлъ уже свои укрѣпленные города и кедровые дворцы, свои великолѣпные храмы, свой флотъ торговыхъ кораблей, свои духовныя школы, своихъ государственныхъ мужей и воиновъ, своихъ философовъ, историковъ и писателей. Какой народъ когда-либо съ большимъ мужествомъ противился междоусобіямъ для поддержанія своей независимости и вѣры? Какой народъ, въ предсмертныхъ борьбахъ своихъ, представилъ такія замѣчательныя доказательства того, что можетъ быть совершенно храбрымъ отчаяніемъ? Если, въ теченіе многихъ вѣковъ, угнетенные потомки воиновъ и философовъ утратили качества своихъ отцовъ; если въ то время, какъ они были лишены покровительства законовъ и угнетаемы игомъ рабства, они усвоили себѣ нѣкоторые пороки, свойственные ссыльнымъ и невольникамъ, то можемъ ли мы упрекать ихъ за это? Не будемъ ли мы скорѣе смотрѣть на это какъ на фактъ постыдный для насъ самихъ? Будемъ же къ нимъ справедливы. Отворимъ имъ двери въ нижнюю палату. Откроемъ имъ всѣ дороги, на которыхъ могутъ быть выказаны способности и энергія. Но пока мы этого не сдѣлали, не будемъ предполагать, что

нѣтъ дарованій у соотечественниковъ Исаи и нѣтъ мужества у потомковъ Маккавеевъ.

Милостивый государь, поддерживая предложеніе моего многоуважаемаго друга, я твердо убѣжденъ, что поддерживаю честь и интересы христіанской религіи. Я счелъ бы оскорбленіемъ этой религіи, еслибы сказалъ, что она не можетъ держаться безъ помощи законовъ, не терпящихъ иновѣрія. Безъ такихъ законовъ была она установлена, безъ нихъ можетъ она быть и сохранена. Она восторжествовала надъ суевѣріями самыхъ образованныхъ и самыхъ дикихъ народовъ, надъ прелестной греческой мнелогіей и надъ кровавымъ идолопоклонствомъ сѣверныхъ лѣсовъ. Она восторжествовала надъ властью и политикой Римской имперіи. Она смирила варваровъ, низвергнувшихъ имперію. Но всѣ эти побѣды были одержаны не при помощи нетерпимости, а напротивъ, среди угнетенія. Вся исторія христіанства доказываетъ, что оно должно мало опасаться отъ гоненія въ качествѣ противника, но много отъ гоненія въ качествѣ приверженца? Да будетъ оно еще надолго освящать нашу страну своимъ благимъ вліяніемъ, — сильная своей высокой философіей, — сильная своими безупречными нравоченіями, — сильная тѣми внутренними и виѣшними очевидностями, которымъ покорно подчинились самые могущественные человѣческіе умы, — послѣднее утѣшеніе тѣхъ, которые пережили всякія земныя надежды, — единственное обузданіе тѣхъ, которые стоятъ выше всякаго земнаго страха. Но не будемъ же мы, — ошибочно понявъ ея характеръ и интересы, — вести войну правды оружіемъ заблужденія и не будемъ стараться поддерживать притѣсненіями религію, которая первая внушила людямъ великую заповѣдь любви къ ближнему.

РѢЧЬ О МИНИСТЕРСТВѢ ЛОРДА МЕЛЬБОРНА,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ПАЛАТѢ ОБЩИНЪ 29-го январа 1840.

28-го январа 1840 г., сэръ Джонъ Гардъ Боллеръ предложилъ слѣдующую резолюцію:

«Что правительство ея Величества, въ настоящемъ своемъ составѣ, не пользуется довѣріемъ палаты.»

Послѣ четырехдневныхъ преній предложеніе было отвергнуто 308 голосами противъ 287. Слѣдующая рѣчь была произнесена на второй день преній.

Палата могла бы подумать, милостивый государь, что я встаю съ нѣкоторымъ чувствомъ озлобленія и желаю отвѣтить на личности, вкравшіяся въ пренія. Не трудно было бы отвѣтить на эти личности, еще легче—опровергнуть ихъ; но я считаю и то и другое недостойнымъ себя и важности предмета. Еслибъ я когда-нибудь забылся до того, чтобы перейти отъ предмета преній къ самому себѣ, то я надѣюсь, что это не случится въ минуту, когда самые дорогіе интересы нашей страны зависятъ отъ

результата прений. Я ветаю теперь съ такимъ чувствомъ безопасности, которое убиваетъ всякое личное тщеславіе или мелкую истительность. Я глубоко убѣжденъ, что, заступаясь за правительство, къ которому принадлежу, ⁽¹⁾ я заступаюсь за безопасность государства, за устраненіе злоупотребленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, за сохраненіе почтенныхъ и великихъ учреждений, и я увѣренъ, господинъ предсѣдатель, что, когда дѣло идетъ о томъ, достоинъ ли кабинетъ довѣрія парламента или нѣтъ, первый членъ этого кабинета, выступающій для защиты своихъ товарищей и самого себя, встрѣтитъ хоть часть того великодушія и снисходительности, которыя отличали всегда англичанъ. Но какъ бы то ни было, мой голосъ будетъ слышенъ. Я повторяю, что заступаюсь за улучшение и сохраненіе нашихъ учреждений, за свободу и порядокъ, за справедливость, соединенную съ милостью, за равенство всѣхъ предъ закономъ, за свободу совѣсти и за дѣйствительное соединеніе Великобританіи съ Ирландіей. Если при такомъ важномъ случаѣ, я намерну реза два на обвиненія, взведенныя на меня лично, то это только потому, что эти обвиненія, на мой взглядъ, падаютъ отчасти и на правительство, къ которому я принадлежу.

Одно изъ главныхъ обвиненій почтеннаго баронета, ⁽²⁾ открывшаго пренія, его сторонника, ⁽³⁾ повторившаго его мнѣнія, и почти всѣхъ джентльменовъ, обращавшихся къ палатѣ, состоитъ въ томъ, что я получилъ приглашеніе принять должность, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что мое мнѣніе о способѣ подачи голосовъ не сходится съ мнѣніемъ моихъ сотоварищей. Намъ постоянно повторяли, что министерство, не единодушное въ такомъ важномъ вопросѣ, недостойно общаго довѣрія. Дѣйствительно, милостивый государь, я стою за тайную подачу голосовъ, а мои благородные и достопочтенные друзья стоятъ за

(1) Маколей былъ военнымъ министромъ этого министерства.

(2) Сэръ Джонъ Гардъ Боллеръ.

(3) Ольдерманъ Томпсонъ.

открытую подачу голосовъ, и тѣмъ неменѣе мы засѣдаемъ вмѣстѣ въ кабинетѣ. Но если, на основаніи такого разногласія, правительство не достойно довѣрія общества, то едвали какое-нибудь правительство когда-либо заслуживало этого довѣрія. Всѣмъ извѣстно, что въ кабинетѣ м-ра Питта, м-ра Фокса, лорда Ливерпуля, м-ра Каннинга, герцога Веллингтона существовали очень важные спорные вопросы. М-ръ Питтъ, стоявшій за парламентскую реформу, допустилъ въ кабинетъ лорда Гренвилля, противника парламентской реформы. Тотъ же м-ръ Питтъ, краснорѣчиво поддерживавшій уничтоженіе торговли невольниками, допустилъ въ кабинетъ м-ра Дондаса, главнаго защитника торговли невольниками. М-ръ Фоксъ, страстно ненавидѣвшій торговлю невольниками, засѣдалъ въ одномъ кабинетѣ съ лордомъ Сидмуттомъ и м-ромъ Виндгамомъ, до конца своихъ дней дѣйствовавшихъ противъ уничтоженія этой торговли. М-ръ Каннингъ, лордъ Ливерпуль, герцогъ Веллингтонъ, всё оставляли вопросъ объ эманципаціи католиковъ нерѣшеннымъ, а изъ всѣхъ вопросовъ это можетъ-быть послѣдній, который можно оставить нерѣшеннымъ, потому что вопросъ этотъ касался не одного законодательства, но затрогивалъ почти всѣ части исполнительной администраціи. Но перейдемте къ настоящему времени. Положимъ, ваша резолюція пройдетъ, положимъ, вы свергнете настоящее министерство, но кто же будетъ въ силахъ составить кабинетъ, въ которомъ не было бы спорныхъ вопросовъ? Можетъ развѣ достопочтенный баронетъ, членъ за Тамвортъ, ⁽¹⁾ составить кабинетъ, не оставляя вопроса о нашихъ привилегіяхъ спорнымъ? Чѣмъ этотъ вопросъ маловажнѣе вопроса о выборахъ? Всѣ вопросы объ устройствѣ палаты получаютъ свое значеніе только вслѣдствіе привилегій палаты. Не все ли равно, какъ насъ выбирали, если мы, собравшись, не имѣемъ достаточно власти для исполненія обязанностей законодательнаго собранія? Между тѣмъ вы, желающіе паденія настоящаго министерства, изъ-за того, что члены его различно смот-

(1) Сэръ Робертъ Пилъ.

ять на способъ избирания представителей въ эту палату, вы хотите ввести въ должность людей, совершенно различно смотрящихъ на отношенія этой палаты къ націи, къ другой палатѣ, къ судебнымъ палатамъ. Въ послѣднихъ преніяхъ вы были одного мнѣнія о важности вопроса, хотя не сходились ни въ чемъ другомъ. Нѣкоторые изъ васъ говорили, что мы боремся изъ-за власти, необходимой для нашей чести и пользы; другіе протестовали противъ насъ, говоря, что мы захватываемъ область трибуналовъ, нарушаемъ свободу нашихъ согражданъ, наказываемъ честныхъ чиновниковъ за то, что они не хотятъ нарушать своей клятвы. Можемъ ли мы послѣ этого повѣрить, что вы действительно не терпите нерѣшенныхъ вопросовъ. А замѣтите, что вопросъ о привилегіяхъ, который былъ тогда на очереди, — вопросъ первой важности. Я думаю, что гораздо хуже оставить этотъ вопросъ нерѣшеннымъ одинъ мѣсяць, чѣмъ вопросъ о способѣ подачи голосовъ десять лѣтъ.

Мои мнѣнія считаются опасными по поводу не одного только вопроса о способѣ подачи голосовъ. Достопочтенный баронетъ, членъ за Пемброкъ, ⁽¹⁾ называетъ настоящее правительство чартистскимъ. Онъ доказываетъ свое мнѣніе тѣмъ, что я принимаю участіе въ правленіи и желаю распространить избирательное право на всякаго домохозяина, имѣющаго 10 ф. дохода, будь его домъ въ городѣ или за городомъ. Неужели достопочтенный баронетъ не знаетъ, что основнымъ принципомъ плана правленія, называемаго хартіей народа, есть то, что каждый мужчина двадцати одного года долженъ имѣть право голоса? Возможно ли ему не видѣть разницы между дарованіемъ избирательнаго права владѣтелю десяти-фунтоваго дохода или всякому мужчинѣ двадцати одного года? Считаетъ ли онъ владѣтелей десяти-фунтоваго дохода нравственно или умственно недостойными избирательнаго права, — онъ, который главнымъ образомъ содѣйствовалъ дарованію имъ этого права? Или хочетъ онъ сказать, что владѣтель десяти-фунтоваго дохода, живущій въ городѣ, до-

(1) Сэръ Джемсъ Грагамъ.

стоить этого права, а живущий в деревнѣ не достоинъ его? Развѣ доходъ съ дома не гораздо выше въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ? Не вѣроятно ли поэтому, что владѣтель дома, дающаго 10 ф. дохода въ деревнѣ, будетъ гораздо больше заинтересованъ въ мирѣ и благоденствіи страны, чѣмъ человекъ, имѣющій десяти-фунтовый домъ въ Бирмингамѣ или Манчестерѣ? Можете вы защитить на консервативныхъ началахъ устройство, дающее избирательное право болѣе бѣдному классу и не дающее его болѣе богатому? Я съ своей стороны считаю необходимымъ для благоденствія страны, чтобы избирательное право опредѣлялось денежными средствами. Я думаю, никто не докажетъ, чтобы ценсъ въ 10 ф. былъ слишкомъ высокъ или слишкомъ низокъ. Переимѣна, которая можетъ внослѣдствіи произойти въ цѣнности денегъ и въ положеніи народа, приведетъ къ измѣненію ценса. Но я думаю, что десяти-фунтовый ценсъ хорошо приурочивленъ къ настоящему положенію дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, я никакъ не могу понять, почему этотъ ценсъ годенъ для города и не годенъ за-городомъ; годенъ для Найтсбриджа, не годенъ для Кенсингтона; годенъ для Ламбета, не годенъ для Баттерси? Если кто-нибудь назоветъ это чартизмомъ, я долженъ сказать ему, что онъ не знаетъ, что такое—чартизмъ.

Предложеніе, которое мы разсматриваемъ, имѣетъ отношеніе ко всей полтикѣ государства, домашней, иностранной и колониальной. Не мудрено, поэтому, что въ этихъ преніяхъ было нѣсколько эпизодовъ. Было говорено о враждебныхъ дѣйствіяхъ на Ла-Платѣ, о враждебныхъ дѣйствіяхъ на китайскихъ берегахъ, о комиссіонерѣ Линъ, о капитанѣ Эллиотъ. На этихъ пунктахъ незачѣмъ останавливаться, потому что мнѣніе палаты объ этихъ вопросахъ не будетъ имѣть вліянія на исходъ преній. Главный аргументъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ на противоположной сторонѣ палаты, слѣдующій: «Положеніе страны не удовлетворительно; въ ней проявляется много безпокойствъ, сильное стремленіе къ государственному перевороту; политика виговъ произвела это зло. Агитаціей 1830 г. они получили власть; они удержали ее агитаціей во время послѣдующихъ безпокойныхъ мѣсяцевъ; билль о реформѣ проведенъ былъ посред-

ствомъ агитаціи; потерявъ власть, виги снова добились ея посредствомъ агитаціи—и мы теперь расплачиваемся за ихъ преступленія. Чартизмъ—законное дѣтище вигизма. Мы не можемъ ждать удовлетворенія отъ тѣхъ, кто произвелъ все зло. Первымъ дѣломъ, нужно отрѣшиться ихъ отъ власти и передать ее людямъ, не вызывавшимъ народъ къ беспорядкамъ и способнымъ, поэтому, требовать строгаго исполненія законовъ, не выказывая несостоятельности.»

Мнѣ кажется, милостивый государь, что этотъ аргументъ былъ вполне опровергнутъ умной и талантливой рѣчью моего достопочтеннаго друга судьи адвоката. ⁽¹⁾ Онъ замѣтилъ совершенно справедливо, что говорившіе это обвиняли не министерство лорда Мельборна, а министерство лорда Грея. Поэтому, послѣ рѣчи моего достопочтеннаго друга, я былъ очень удивленъ услышать достопочтеннаго баронета, члена за Пемброкъ, ораторствовавшего противъ агитаціи, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ кабинета лорда Грея. Онъ не отказывается отъ того, что самъ былъ агитаторомъ, но говоритъ въ свое извиненіе, что онъ любилъ билль о реформѣ; считалъ его хорошимъ биллемъ и агитировалъ въ пользу его, и въ агитаціи этой шелъ до крайнихъ предѣловъ, допускаемыхъ осторожностью и законностью. Какъ достопочтенный баронетъ не замѣчаетъ, что защищая такимъ образомъ свой прошлый образъ дѣйствій, онъ допускаетъ, что агитація можетъ быть хороша или дурна, судя по дѣлу, къ которому относится? Когда я слышу его говорящимъ объ агитаціи какъ о дѣлѣ, недостойномъ государственнаго человѣка и въ особенности министра короны, и примѣняю эти слова къ себѣ, я не могу не удивляться, какъ онъ не видитъ, что упреки его падаютъ не на меня, а на него самого. Я не былъ членомъ кабинета, предложившаго билль о реформѣ, распустившаго парламентъ въ минуту крайняго возбужденія, для того, чтобы провести этотъ билль,—отказавшагося служить долге своему государю, если онъ не пожелаетъ перовъ въ достаточномъ

(1) Сэръ Джоражъ Грей.

числѣ для проведенія билля о реформѣ. Я былъ тогда въ числѣ тѣхъ сотенъ членовъ этой палаты, тѣхъ миллионѣвъ англичанъ, которые считали билль о реформѣ однимъ изъ лучшихъ законовъ когда-либо предложенныхъ и смотрѣли съ полнымъ довѣріемъ на способности, честность и патриотизмъ министровъ; и я долженъ прибавить, что ни одинъ членъ не вселялъ въ меня больше довѣрія, какъ достопочтенный баронетъ, бывшій тогда первымъ лордомъ адмиралтейства, и благородный лордъ, бывшій тогда секретаремъ Ирландіи. (1) Я, конечно, не могъ не видѣть, что общественное мнѣніе было сильно, даже опасно возбуждено; но я вполнѣ вѣрилъ, что честность и таланты людей, вызвавшихъ эту бурю, проведутъ насъ къ берегу невредимыми. Не несправедливо ли, что мое довѣріе къ достопочтенному баронету и благородному лорду вмѣняется мнѣ въ преступленіе тѣми самими людьми, которые стараются доставить имъ власть? Въ настоящихъ преніяхъ намъ объясняли, что чартизмъ есть дѣтище билля о реформѣ. Но чье же дитя—билль о реформѣ? Если люди считаются недостойными должности за то, что возбудили общественное мнѣніе къ поддержкѣ этого билля, что дошли до крайностей для проведенія билля, тогда можно сказать, что нѣтъ человѣка менѣе достойнаго власти, какъ достопочтенный баронетъ и благородный лордъ. Можно бы принять за высокоуміе съ моей стороны защиту двухъ людей, способныхъ такъ хорошо защищаться, тѣмъ болѣе, что они имѣютъ могущественную поддержку въ достопочтенномъ баронетѣ, членѣ за Тамвортъ, который два раза предлагалъ имъ важныя должности и тѣмъ доказалъ, что не считаетъ ихъ неспособными быть министрами изъ-за того, что они были агитаторами. Тѣмъ неменѣе, я представлю нѣсколько аргументовъ въ оправданіе поведенія моихъ благородныхъ и достопочтенныхъ друзей, какъ я нѣкогда называлъ ихъ и теперь еще назову съ удовольствіемъ, несмотря на враждебный характеръ настоящихъ преній. Можно сказать относительно ихъ, что агитацію нельзя осуждать безъ разбора; что предстояло

(1) Сэръ Грагамъ и лордъ Станли.

отмѣненіе великихъ злоупотребленій; что въ нашей странѣ трудно искоренить злоупотребленіе, пока общественное мнѣніе не возбуждено противъ него, и что общественное мнѣніе рѣдко возбуждалось другими средствами, кромѣ агитаціи. Я вовсе не согласенъ съ мнѣніемъ, часто повтореннымъ въ продолженіе этихъ преній, будтобы правительству, допускающему агитацію, нельзя доверить подавленія возстанія. Вы говорите: агитація и возстаніе почти одно и то же, разница только въ степени. Милостивый государь, они настолько одно и то же, какъ прорѣзать вену или перерѣзать горло. Есть много общаго между дѣйствіемъ хирурга и дѣйствіемъ убійцы. Въ обоихъ случаяхъ играютъ роль инструментъ, рана, боль, кровь. Но дѣйствіе крайне противоположно, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. То же самое съ агитаціей и возстаніемъ. Я не думаю, чтобы послѣ революціи 1688 г. какое-нибудь возстаніе въ нашей странѣ могло быть извиняемо. Съ другой стороны я считаю, что мы обязаны агитаціи многими благами, которыхъ никогда не достигли бы другими путями. Я вообще не могу понять, какъ можно осуждать агитацію саму по себѣ, если не придерживаться мнѣнія епископа Горсли, говорившаго, что народъ не долженъ имѣть никакого отношенія къ законамъ, какъ только подчиняться имъ. Сущность въ томъ, что агитація неразрывна съ народнымъ правленіемъ. Иначе нужно ввести олигархію въ родѣ венеціанской. Но у насъ народъ, какъ избиратель, можетъ рѣшать самые важные вопросы. Не слѣдуетъ ли ему читать и слушать, прежде чѣмъ рѣшать дѣло? Но какъ же ему читать, если никто не станетъ писать, кого ему слушать, если никто не станетъ говорить? Вы должны поэтому согласиться, что мы вправѣ, если не обязаны, вліять словомъ и перомъ на нашихъ соотечественниковъ въ пользу рѣшенія, которое считаемъ вѣрнымъ, и что такое агитація, если не это? Говоря такъ, я защищаю не одну только партію. Развѣ не было торійскихъ агитацій? Или агитацій противъ нацизма? Или агитацій противъ новаго «закона о бѣдныхъ»? Или противъ плана настоящаго правительства о воспитаніи? Или—перехода отъ вопросовъ, въ которыхъ мы расхолимы, къ вопросамъ, въ которыхъ мы одного мнѣнія,—уничтожилась ли бы

торговля невольниками безъ агитаціи? Измѣнились ли бы безъ агитаціи нашъ уголовный кодексъ, когда-то поображеніе Книги Статутовъ? Я нисколько не утверждаю, чтобъ агитація не могла довести до плохихъ результатовъ и дойти до преступныхъ предѣловъ. Но тоже самое можетъ быть и съ свободою рѣчи, этой драгоцѣнной привилегіей палаты. Сходство дѣйствительно поразительное. Что такое агитація, если не пренія публики, общества, котораго мы представители, великаго виѣшняго собранія—если можно такъ выразиться? Для хорошаго управленія страны дебаты нашихъ избирателей такъ же важны, какъ и наши пренія. Избиратели ошибаются иногда, какъ и мы иногда ошибаемся. Въ преніяхъ ихъ часто бываетъ много преувеличенія, несправедливости, язвительности? Но развѣ у насъ этого не бываетъ? Нѣкоторые безчестные демагоги могли возбуждать народъ къ противодѣйствію законамъ. Но какой членъ правленія лорда Грея или настоящаго правленія покровительствовалъ когда-нибудь противозаконнымъ дѣйствіямъ? Правда, что нѣкоторыя слова, высказанныя здѣсь и тамъ, слова, совершенно разумныя, конституціонныя и умѣренныя, если ихъ взять въ связи съ остальнымъ,—были выставлены отдѣльно и перетолкованы въ нѣчто возмутительное. Но кто изъ насъ не подверженъ перетолкованію? Уже конечно не достопочетный баронетъ, членъ за Пемброкъ. Онъ долженъ помнить, что собственныя его рѣчи были злоупотреблены дурными людьми. Онъ долженъ помнить, что нѣкоторыя выраженія, употребленныя имъ въ 1830 г., были перетолкованы чартистами въ пользу своихъ крайностей. Обвиняю ли я его за это? Нисколько. Онъ ничего не говорилъ предосудительнаго. Но нѣтъ такого человѣка, который былъ бы такъ сдержанъ въ своей рѣчи, чтобы глупымъ людямъ не случилось не понять и дурнымъ людямъ употребить во зло нѣкоторыя выраженія. Я не говорю, что обвиняю его за такія выраженія: но я говорю, что, зная, какъ его собственныя выраженія были перетолкованы, ему не слѣдовало обвинять людей, не менѣе его преданныхъ закону, порядку и собственности, въ преступленіяхъ, столь же лишенныхъ основанія, какъ и его собственныя.

Теперь, милостивый государь, оставляя въ сторонѣ много пунктовъ, о которыхъ хотѣлось бы поговорить, еслибъ не было такъ вездно—позвольте напомнить палатѣ, что вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, не есть вопросъ положительный, а только сравнительный. Ни одинъ человекъ, хотя бы онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и не одобрялъ поведенія настоящихъ министровъ, не имѣетъ права подавать голосъ въ пользу разсматриваемаго нынѣ предложенія, если онъ не увѣренъ, что перемена будетъ во всѣхъ отношеніяхъ полезна. Совершеннаго правительства нѣтъ, но безъ правительства обойтись нельзя; и еслибъ настоящее правительство было даже хуже, чѣмъ полагаютъ его враги, оно должно бы существовать, пока не замѣнится лучшимъ. Мнѣ кажется совершенно яснымъ, что въ случаѣ паденія настоящихъ министровъ, главою новой администраціи долженъ быть достопочтенный баронетъ, членъ за Тамвортъ. Къ достопочтенному баронету и многимъ господамъ, находящимся съ нимъ въ связи, я чувствую самое почтительное расположеніе. Я надѣюсь, что никогда не дойду до такой односторонности, чтобы видѣть достоинства только въ людяхъ своей партіи. Передѣлывая старую венеціанскую поговорку я сказалъ бы: «Сперва будь англичаниномъ, потомъ вигомъ.» Я горжусь своимъ отечествомъ, когда вижу, сколько таланта, честности и патріотизма можно найти на обѣихъ сторонахъ палаты. Изъ всѣхъ нашихъ противниковъ выдѣляется достопочтенный баронетъ, членъ за Тамвортъ, по талантамъ, краснорѣчію и гражданскому чувству. Послѣ этого, я не стану извиняться за замѣчанія на его прошлыя и настоящія дѣйствія, замѣчанія, которыя я дѣлаю по обязанности своей общественной службы и въ которыхъ, надѣюсь, не проглянетъ и тѣни личнаго недоброжелательства.

Ему пришлось, не скажу по его винѣ, но по несчастью, по волѣи судьбы, быть предводителемъ партіи, которой онъ не сочувствуетъ. Возвращаясь къ предмету, сдѣланному уже достояніемъ исторіи, достопочтенный баронетъ игралъ важную роль въ восстановленіи обращенія монеты. Большая часть его послѣдователей считала это восстановление главной причиной несчастій страны. Достопочтенный баронетъ горячо поддерживалъ тор-

говую политику м-ра Госкиссона. Но не было имени болѣе ненавистнаго большинству торійской партіи, какъ имя Госкиссона. Достопочтенный баронетъ поддерживалъ актъ уничтоженія неправопоспособности протестантскихъ диссидентовъ. Но недавно еще благородный герцогъ, одинъ изъ могущественнѣйшихъ приверженцевъ достопочтеннаго баронета, отказался примѣнить къ дѣлу этотъ актъ. Достопочтенный баронетъ предложилъ билль объ уничтоженіи неправопоспособности католиковъ: но его приверженцы обвиняли насъ въ практическомъ примѣненіи этого самаго акта, составляющаго одно изъ лучшихъ его дѣйствій. Достопочтенный баронетъ стоялъ открыто за новый законъ о бѣдныхъ. Но какъ только слышится голосъ противъ «витскихъ бастилій» и «королей Сомерсетъ-Гауза», можно быть почти увѣреннымъ, что голосъ этотъ принадлежитъ какому-нибудь фанатическому послѣдователю достопочтеннаго баронета. Въ вѣликомъ вопросѣ о привилегіяхъ, достопочтенный баронетъ принялъ участіе, заслуживающее благодарности всѣхъ людей, заинтересованныхъ въ этой отрасли законодательства. Но если кто-нибудь называетъ насъ тиранами и арестованныхъ нами людей — мучениками, можно быть увѣреннымъ, что это одинъ изъ послѣдователей достопочтеннаго баронета. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда достопочтенному баронету удается согласиться съ своими послѣдователями относительно какого-нибудь заключенія, доказательства его никогда не убѣждаютъ ихъ. Многіе вопросы, считаемые ими вопросами о правдѣ и неправдѣ, о религіозныхъ и нравственныхъ принципахъ, вопросами, которыми нельзя пожертвовать ни при какихъ обстоятельствахъ, самъ онъ считаетъ временными и случайными. Онъ противодействовалъ многимъ биллямъ настоящаго правительства, но противодействовалъ имъ такимъ образомъ, что ничто не мѣшало ему предложить въ будущемъ году тѣ же самые билли, можетъ быть съ маленькими измѣненіями. Когда онъ говорилъ въ прошлую сессію о воспитаніи, я слушалъ его съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и всегда. Меня не могло не забавлять искусство, съ которымъ онъ превращалъ болтовню ханжей въ языкъ совершенно достойный разумныхъ людей. Я былъ увѣренъ, что онъ презиралъ предраз-

судьи, которые употреблялъ для своихъ цѣлей, и что въ душѣ онъ совершенно сходился со мною во мнѣніяхъ о нормальныхъ школахъ. Я поэтому не думаю, чтобы distinguished баронетъ былъ способенъ управлять администраціей, въ такое время, какъ наше, съ честью для себя и удовлетворительно для тѣхъ, кто желаетъ видѣть его во главѣ правленія. Я не хочу дѣлать вида, что имѣю опасенія, которыхъ у меня вовсе нѣтъ. Я не боюсь, что distinguished баронетъ будетъ тираномъ и преслѣдователемъ. Я не думаю, чтобы онъ отдалъ Ирландію на попеченіе тѣхъ фанатиковъ, которые составляютъ, кажется, самую сильную и, навѣрное, самую шумную часть его приверженцевъ. Я не думаю, чтобы онъ вычеркнулъ имена католиковъ изъ книги тайнаго совѣта и изъ списковъ мировыхъ судей. Я не думаю, чтобы онъ представилъ отъменіе великому акту, предложенному имъ самимъ въ 1829 г. Но я боюсь, что онъ постарается соединить свою партію средствами, которыя возбуждаютъ сильное недовольство, и что ему не удастся соединить ее; что онъ лишится поддержки торіевъ и не приобрететъ поддержки націи и что его правительство падетъ отъ чисто внутреннихъ причинъ.

Это не одинъ предположенія, милостивый государь. Драма эта не нова. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она была разыграна на той же сценѣ, почти тѣми же актерами. Въ 1827 г. distinguished баронетъ былъ, какъ и теперь, главою могущественной торійской оппозиціи. Какъ и теперь, ее поддерживало тогда сильное меньшинство въ этой палатѣ. Какъ и теперь, онъ имѣлъ сильное большинство въ другой палатѣ. Какъ и теперь, онъ былъ любимцемъ церкви и университетовъ. Всѣ, боящіеся политической реформы и религіозной свободы, соединялись вокругъ него тогда, какъ и теперь. Они кричали, какъ и теперь, что правленіе, враждебное гражданскому и церковному устройству государства, поддерживалось интригами и благосклонностью двора и что distinguished баронетъ такой человѣкъ, отъ котораго народъ долженъ ждать защиты законовъ противъ революціонеровъ и религіи противъ идолопоклонниковъ. Наконецъ этому крику нельзя было противостоятъ. Ненависть торіевъ преслѣдовала самаго лучшаго изъ торійскихъ государственныхъ людей и ораторовъ до

тѣхъ поръ, пока онъ не нашелъ себѣ успокоенія въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ. (1) Министерство, созданное послѣ его смерти, держалось только нѣсколько мѣсяцевъ: торійское правленіе было устроено; достопочтенный баронетъ сдѣлался предводительствующимъ министромъ короны въ палатѣ общинъ. Его приверженцы были въ восторгѣ и вѣровали въ продолжительное торжество и власть. Нужно ли сказать, какимъ разочарованіемъ, какою печалью, какимъ бѣщенствомъ кончились эти ожиданія? Страсти и предрасудки, съ которыми онъ не имѣлъ ничего общаго, дали ему власть. Его послѣдователи были ханжи; онъ былъ государственный человѣкъ. Онъ хладнокровно обсуждалъ удобства и неудобства, тогда какъ они были готовы рисковать междуособною войною скорѣе, чѣмъ отказываться отъ такъ-называемыхъ своихъ принциповъ. Навремя онъ думалъ идти по средней дорогѣ, онъ думалъ, что будетъ возможно остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ старыми друзьями и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнять часть своихъ обязанностей относительно государства. Но тогда нельзя было долго держаться между двумя мнѣніями. Его возвышеніе вызвало надежды притѣснителей и ужасъ притѣсняемыхъ. Волненіе, дремавшее въ Ирландіи въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пробудилось съ новой силой и сдѣлалось скоро опаснѣе чѣмъ когда-либо. Католическая ассоціація пользовалась властью, какую ирландскій парламентъ никогда не имѣлъ во время своей независимости. Агитаторъ сдѣлался могущественнѣе лорда-наместника. Насиліе порождаетъ насиліе. Всякій взрывъ на одной сторонѣ канала порождалъ еще болѣе сильный взрывъ на другой сторонѣ. Выборы, митинги показывали, что время уловокъ и медлительности прошло. Начался кризисъ, въ которомъ правительству пришлось выбирать между одной стороной или другою. Достопочтенному баронету предстоялъ простой исходъ: уступка или междуособная война; разочаровать свою партію или пожертвовать всей страной. Онъ выбралъ хорошую дорогу. Онъ совершилъ свой долгъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тагостный,

(1) Каннингъ.

даже унижительный, но въ сущности дѣлающій ему честь. Онъ пришелъ въ эту палату и предложилъ эманципацію католиковъ. Между его приверженцами было нѣсколько людей, противившихся эманципаціи католиковъ только изъ политическихъ видовъ, и они съ радостью пристали къ его новой политикѣ. Но большинство его послѣдователей было не такого рода. Они стояли за преобладаніе протестантовъ съ какою-то страстью, которую считали добродѣтелью. Они возвысили человѣка, котораго считали больше всѣхъ способнымъ поддержать это преобладаніе — и онъ не только отступился отъ ихъ дѣла, но сдѣлался его противникомъ. Никто не забудетъ, до какихъ предѣловъ доходила ихъ злоба. Никогда еще не сыпалось столько клеветы и нападковъ на одного человѣка. Старые друзья достопочтеннаго баронета подняли всю литературу. Одинъ почтенный джентльменъ, котораго я къ сожалѣнію не вижу на мѣстѣ, нашелъ англійскую прозу слишкомъ слабою для выраженія своего негодованія и преслѣдовалъ своего коварнаго предводителя упреками оставленной Дидоны. Другой торіи взялся за Священное Писаніе и не нашелъ лучшаго сравненія для баронета, какъ Іуду Искаріота. Университетъ, гордившійся достопочтеннымъ баронетомъ, первый называлъ его безчестнымъ. Изъ Кориваллиса и Нортумберланда, священники стекались сотнями въ Оксфордъ, чтобы подавать голосъ противъ человѣка, котораго нѣсколько дней до того приняли бы съ колокольнымъ звономъ. Вражда ихъ была такова, что вражда къ вигамъ, радикаламъ, диссидентамъ и папистамъ казалась забытою. Министерство, бывшее въ 1828 г. однимъ изъ сильнѣйшихъ, когда-либо существовавшихъ въ Англии, было въ 1829 г. однимъ изъ слабѣйшихъ. Оно чахло еще годъ, опираясь то на одну, то на другую сторону; оно должно было пасть, какъ только явится вопросъ, на которомъ сойдутся вигская и торійская оппозиціи. Такой вопросъ появился, и министерство пало безъ борьбы.

Теперь мнѣ интересно было бы знать, какая причина можетъ заставить насъ предполагать, что новая администрація достопочтеннаго баронета будетъ имѣть другой удѣлъ? Измѣнился онъ съ 1829 г.? Измѣнилась его партія? Охъ, я думаю, тотъ же умѣренный, осторожный государственный человѣкъ, совершенно свобод-

ный отъ фанатизма большинства его послѣдователей. Я допускаю, что его партія уже не та, потому что она стала гораздо хуже. Она несомнѣнно еще менѣе уступчива и разумна, чѣмъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ. Я сужу по ея митингамъ, по ея журналамъ. Часть этой партіи измѣнилась; но навѣрное не бѣольшая часть. Торизмъ прежде отличался своей безпредѣльной, устойчивой вѣрноподданностью, имѣвшей въ своей силѣ нѣчто почтенное. Теперь дѣло иное. Составилась отвратительная партія изъ худшихъ кавалеровъ и худшихъ круглоголовыхъ; явилось поколѣніе мятежныхъ торіевъ. Мы видѣли торіевъ, похожихъ на дерзкихъ солдатъ, курившихъ подъ носъ Карлу I. Итакъ, предводитель остался тѣмъ же, чѣмъ былъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ своей умѣренностью сдерживалъ необузданность своихъ послѣдователей, а послѣдователи его стали необузданнѣе, чѣмъ когда-либо. Я убѣжденъ, что большинство изъ нихъ желаетъ уничтоженія правъ католиковъ. Вы говорите, что нѣтъ. Но я докажу свое мнѣніе. Чѣмъ вы объясните поднятый вами и распространенный по всему королевству крикъ по поводу трехъ папистскихъ тайныхъ совѣтниковъ? Вы говорите, что васъ оклеветали, говоря, что вы желаете уничтожить актъ о правахъ католиковъ; а между тѣмъ вы кричите, что государство и церковь въ опасности, какъ только этотъ актъ примѣняется къ дѣлу. Отчего же не уничтожить акта, если его нельзя примѣнять? Я понимаю, что честный человѣкъ можетъ желать его уничтоженія. Но я не понимаю, какъ честный человѣкъ можетъ говорить: «Я желаю поддержать актъ о правахъ католиковъ, но пусть онъ останется мертвою буквой. Если вы осмѣлитесь привести его въ дѣйствіе, мы будемъ агитировать противъ васъ.» Я сказалъ, что считаю возможнымъ, чтобы честный человѣкъ не сочувствовалъ этому акту. Но можетъ ли человѣкъ, считающій возможнымъ допустить католиковъ въ правленіе, сказать, что они больше чѣмъ удовлетворены своимъ настоящимъ положеніемъ? Католики составляютъ четвертую часть населенія государства. Пропорція же католиковъ, принятыхъ въ тайный совѣтъ, составляетъ одну семидесятую. И какова же, наконецъ, власть тайнаго совѣтника? Можно ли допустить, чтобы люди, кричащіе противъ трехъ католическихъ тай-

ныхъ совѣтниковъ, допустили бы католика до высшей должности въ государствѣ? Я говорю, что всѣ, кричащіе противъ этихъ трехъ совѣтниковъ, или неразумны, или враждебны акту о правахъ католиковъ.

Итакъ, достопочтенный баронетъ такъ же умѣренъ, какъ и прежде, а послѣдователи его такіе ханжи, какими никогда не были. Управлять Ирландіей безъ сочувствія націи, вѣроятно, такъ же трудно теперь, какъ и одиннадцать лѣтъ тому назадъ. Какова же будетъ участь новаго министерства достопочтеннаго баронета? Положимъ, результатъ настоящихъ прейій сдѣлаетъ его первымъ министромъ. Неужели я не правъ, предсказывая, что чрезъ три года онъ будетъ ненавидимъ торійской партіей настолько, насколько любимъ ею теперь, и что тѣ люди, которые теперь выбиваются изъ силъ для доставленія ему власти, будутъ желать возвращенія лорда Мельборна? Я не могу допустить, чтобы послѣдователи достопочтеннаго баронета стали поддерживать его изъ личной привязанности, когда увидятъ, что его политика въ сущности не отличается отъ политики лорда Мельборна. Они поддерживаютъ его, потому что считаютъ его полезнымъ для своихъ видовъ, но они не вполне примирились съ нимъ: они не могутъ забыть, что онъ однажды измѣнилъ имъ. Они смотрятъ не на лицо, а на принципы. Они не имѣютъ личной вражды ни къ одному изъ послѣднихъ намѣстниковъ въ Ирландіи, но ненавидятъ ихъ за ихъ гуманность и справедливость. Какого бы намѣстника ни избрали, они желаютъ только одного: деспотизма одного племени надъ другимъ, одной вѣры надъ другой. Исполните ихъ желанія, вы погубите государство; откажите имъ, вы разрушите торійскую партію. Достопочтенный баронетъ, вѣроятно, самъ предчувствуетъ, что, получи онъ теперь власть, исторія 1829 г. опять возобновится. Онъ, конечно, тоже имѣлъ предчувствія, когда ему предложено было составить планъ новаго министерства. Времена были тогда смутныя, въ Канадѣ, въ Индіи были безпорядки, но онъ понялъ, что камнемъ преткновенія будетъ для него Ирландія. Между тѣмъ, милостивый государь, слабость его администраціи составляетъ силу настоящей администраціи: министры пользуются довѣріемъ ирландцевъ.

Я опасюсь за послѣдствія настоящихъ преній, собственно изъ-за Ирландіи. Я знаю, что говоря объ этомъ я не встрѣчу симпатіи, что слушатели мои не смотрятъ на этотъ предметъ какъ смотрятъ иностранныя державы, какъ будутъ смотрѣть будущія поколѣнія. Будутъ говорить, что одна часть владѣній королевы Викторіи представляла ужасающій контрастъ съ другими частями. Почва была богатая, народъ способный, но все несчастіе происходило отъ ошибокъ и преступленій людей. Въ XII столѣтіи этотъ прекрасный островъ былъ покоренной провинціей, въ XIX столѣтіи онъ былъ все тѣмъ же. Всѣ благодѣтельныя реформы, произведенныя временемъ, только ухудшали положеніе Ирландіи. Протестантизмъ, источникъ свободы для Англіи и Шотландіи, усилилъ бѣдствія Ирландіи. Революція дала Англіи и Шотландіи гражданскую и религіозную свободу, а Ирландіи только униженіе и преслѣдованія. Союзъ не могъ соединить двухъ народовъ, актъ о правахъ католиковъ появился слишкомъ поздно и произвелъ одно недовольство. Послѣ этого возникло волненіе, порождавшее постоянныя ошибки съ обѣихъ сторонъ. Опасность возрастала. Наконецъ появилось правительство, взявшееся за единственное еще неиспробованное средство: справедливость и милосердіе. Народъ началъ смотрѣть дружелюбно на своихъ управителей. Полкъ за полкомъ могли быть вызваны изъ страны, которою до тѣхъ поръ управляли только штыками, и спокойствіе постоянно возрастало.

Такъ, я увѣренъ, будетъ говорить слѣдующее поколѣніе о происшествіяхъ нашего времени. Разсчитывая на судъ исторіи, я не придаю важности вопросу, удержимся ли мы или нѣтъ. Исходъ зависитъ отъ палаты. Я не знаю, чья будетъ побѣда, но я знаю, что бывають пораженія не менѣ славныя, нежели побѣда. Между тѣмъ, я участвовалъ и въ блистательныхъ побѣдахъ. То были счастливые дни, когда мой благородный другъ предводительствовалъ нами во время великой борьбы за билль о реформѣ; когда народъ окружалъ палату вплоть до утра, чтобы узнать рѣшеніе; когда населеніе провинціальныхъ городовъ встрѣчало почту на большой дорогѣ, чтобы скорѣе узнать, побѣдилъ ли народъ или нѣтъ. Такихъ дней мой благородный другъ боль-

ше не увидитъ. Два раза въ жизни не бываетъ такого торже-
ства. Но ему предстоитъ можетъ быть трудъ не менѣ почтен-
ный, хотя и не столь блестящій. Насъ могутъ смѣнить, насъ
могутъ преслѣдовать ненавистью, но справедливость будетъ ока-
зана подь-конецъ; и часть похвалъ, воздающихся мученикамъ сво-
боды, будетъ воздана будущими поколѣніями людямъ, старавшимся
соединить два народа, слишкомъ долго враждовавшіе другъ съ
другомъ, людямъ, старавшимся излечить раны, нанесенныя дур-
нымъ управленіемъ цѣлыхъ вѣковъ.

РѢЧЬ О ВОЙНѢ СЪ КИТАЕМЪ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ПАЛАТѢ ОБЩИНЪ 7-ГО АПРѢЛЯ 1840 Г.

7-го апрѣля 1840 г. сэръ Джемсъ Грагамъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе:

«Палата полагаетъ на основаніи бумагъ, относящихся до Китая, представленныхъ палатѣ по приказанію ея Величества, что прекращеніе дружескихъ и торговыхъ сношеній съ Китаемъ и враждебныя дѣйствія, начавшіяся въ послѣднее время, слѣдуетъ приписать преимущественно неосторожности и необдуманности настоящихъ совѣтниковъ короны, которые особенно виновны въ томъ, что не дано суперъинтенденту въ Кантонѣ достаточно инструкцій и власти, для противодѣйствія увеличивавшейся контрабандной торговлѣ опиумомъ и для поддержки этого чиновника въ новомъ и трудномъ его положеніи.»

Слѣдующая рѣчь была произнесена немедленно по объявленіи предложенія. Предложеніе было отвергнуто послѣ дебатовъ, длившихся три ночи, 271 голосами противъ 261.

Г. Предсѣдатель,

Если достопочтенный баронетъ, вставая для нападокъ на правительство, долженъ былъ сознаться, что важность вопроса, о которомъ приходилось ему говорить, совершенно обезсилила его, то человѣкъ, встающій для опроверженія, можетъ безъ стыда сознаваться въ такомъ же волненіи. Я долженъ однако сказать, что естественное безпокойство, съ которымъ министры ея Величества ожидали суда палаты надъ бумагами, представленными ей, было сильно уменьшено предложеніемъ и рѣчью достопочтеннаго баронета. Мы нисколько не могли сомнѣваться ни въ его желаніи, ни въ его способности отыскать и выставить малѣйшую нашу ошибку; намъ остается только поздравить себя, что послѣ серьезнаго просмотра цѣлаго ряда переговоровъ, столь продолжительныхъ, запутанныхъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ столь бѣдственныхъ, проицательный противникъ могъ выставить только такое ничтожное обвиненіе.

Вопервыхъ, милостивый государь, предложеніе достопочтеннаго баронета относится только къ дѣйствіямъ, происходившимъ до разрыва съ Китаемъ. Разрывъ же случился въ мартѣ 1839 года. Достопочтенный баронетъ не осуждаетъ ни одного дѣйствія правительства въ послѣдніе тринадцать мѣсяцевъ; и всякій согласится, что если онъ не осуждаетъ дѣйствій правительства, то это только потому, что самая враждебная критика не могла найти въ нихъ ничего предосудительнаго. Мы нисколько не опровергаемъ его права вотировать осужденіе мѣръ, принятыхъ въ 1837 или 1838 гг. и въ тоже время не можемъ не

*

радоваться, что онъ доволенъ нашей настоящей политикой и мѣрами, принятыми нами послѣ разрыва, для восстановления національной чести и для поддержанія національныхъ интересовъ.

Слѣдуетъ замѣтить еще, что достопочтенный баронетъ, ни въ предложеніи, ни въ рѣчи своей, не обвиняетъ министровъ ея Величества въ какомъ-нибудь дѣйстви, унижительномъ для Англій или несправедливомъ относительно Китая. Онъ обвиняетъ ихъ только въ нѣкоторыхъ упущеніяхъ. Онъ жалуется только на то, что они не предвидѣли хода дѣлъ, совершившихся въ Кантонѣ, и поэтому не дали достаточно точныхъ инструкцій британскому резиденту въ Китаѣ. Между тѣмъ, подобное обвиненіе требуетъ самыхъ точныхъ доказательствъ, потому что въ такомъ дѣлѣ очень легко обвинить и очень трудно доказать свою правоту. Человѣку, обвиненному въ преступленіи, котораго онъ не совершилъ, сравнительно очень легко доказать свою невинность. Но если его обвиняютъ только въ томъ, что онъ во время продолжительныхъ переговоровъ не сдѣлалъ всего того, что было бы разумно сдѣлать,—какъ ему оправдать себя? Вопросъ, разсматриваемый нами теперь, имѣетъ ту особенность, что посланникъ, которому министры дали, говорятъ, слишкомъ неопредѣленное полномочіе, находился въ пятнадцать тысячахъ миль отъ нихъ. Ихъ обвиняютъ, слѣдовательно, въ томъ, что они дали посланному ими дѣятелю недостаточно подробныя инструкціи, которыми можно было бы руководствоваться при всѣхъ случайностяхъ. Еслибы вопросъ относился къ важнымъ переговорамъ съ какой-нибудь сосѣдней державой, напр. съ Франціей, и нашъ посланникъ въ Парижѣ получилъ бы такія же неопредѣленныя и неточныя инструкціи, благородный другъ мой, секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, ⁽¹⁾ заслужилъ бы, конечно, порицанія. Потому что онъ знаетъ сегодня то, что происходило вчера между нашимъ посланникомъ и французскими министрами, и гонецъ, отправленный сегодня изъ Доунингъ-Стрита, будетъ послѣ-завтра въ Faubourg Saint-Honoré. Но постоянный и по-

(1) Лордъ Пальмерстонъ.

дробный контроль, необходимый надъ дипломатами, находящимися не далеко, становится бесполезнымъ и вреднымъ промедленіемъ, когда извѣстія могутъ дойти до нашего агента только послѣ пятимѣсячнаго путешествія. На обѣихъ сторонахъ палаты находятся джентльмены, знакомые съ дѣлами Индіи. Я ссылаюсь на этихъ господъ. Индія ближе къ намъ, чѣмъ Китай. Мы гораздо лучше знакомы съ Индіей, чѣмъ съ Китаемъ. Между тѣмъ, не всеми ли признано, что Индіей управлять можно только въ Индіи? Губернаторъ получаетъ изъ Англіи только главныя очертанія политики, которой онъ долженъ слѣдовать; подробности представляются ему самому. Возможно ли дѣйствительно давать ему подобныя наставленія? Подумайте, какъ пошли бы дѣла въ Англіи, еслибъ ими управлялъ государственный человекъ, живущій въ Бенгалѣ. Деша, требующая инструкцій, отправляется когда Лондонъ празднуетъ Амьенскій миръ иллюминаціей. Инструкціи получаютъ, когда французская армія расположилась лагеремъ въ Булони и весь островъ взялся за оружіе. Деша отправлена за инструкціями, когда Наполеонъ на Эльбѣ. Инструкціи получаютъ, когда онъ въ Тюильери. Деша отправляется, когда онъ въ Тюильери; отвѣтъ приходитъ, когда онъ на о. св. Елены. Управлять Индіей въ Лондонѣ столь же невозможно, какъ управлять Англіей въ Калькуттѣ. Пока здѣсь отправляются письма въ полной увѣренности, что въ Карнатикѣ невозмутимый миръ, Гайдербъ стоитъ подъ фортомъ Св. Георгія. Пока здѣсь готовятся письма въ полной увѣренности, что торговля процвѣтаетъ и доходъ превышаетъ расходъ, посѣвъ пропалъ, самые богатые банкирскіе дома обанкротились и государство дѣлаетъ заемъ на тяжкихъ условіяхъ. Всѣмъ извѣстно, что великіе люди, основавшіе и поддержавшіе наше владычество въ Индіи, Клайвъ и Гастингсъ, смотрѣли на всѣ частныя приказанія какъ на измаранную бумагу. Не будь эти великіе люди настолько умны, чтобы смотрѣть такимъ образомъ на такія приказанія, мы не имѣли бы теперъ индійской имперіи. Но съ Китаемъ дѣло еще труднѣе, потому что человекъ, пишущій въ Каннонъ-Ро или Лиденголь-Стритъ депеша для Форта Вилльяма, не знаетъ происшествій, случившихся въ Индіи въ послѣдніе два мѣсяца; но хо-

рошо можетъ быть знакомъ съ общимъ состояніемъ страны, съ ея нуждами, съ источниками ея богатства, съ нравами и привычками народа, съ характеромъ каждаго князя, каждаго министра. Но кто знаетъ у насъ что-нибудь о Китаѣ? Даже тѣ европейцы, которые были въ этой имперіи, знаютъ о ней такъ же мало, какъ и мы всѣ. Тамъ все покрыто тайною, въ которую иной разъ и случается проникнуть европейцу, но все, что онъ узнаетъ, можетъ только раздражить его воображеніе и свести его на ложный путь. Достопочтенный баронетъ говорилъ, что англичанинъ въ Кантонѣ знаетъ столько же о Китаѣ, сколько иностранецъ, который высадился въ Ваппингѣ и уже дальше не поѣхалъ, знаетъ объ Англіи. Конечно, Ваппингъ далъ бы иностранцу только очень скудное понятіе о правительствѣ, земледѣліи и мануфактурахъ, о состояніи науки и искусствъ въ нашей странѣ.

Но примѣръ этотъ все-таки слабъ. Иностранецъ можетъ не бывавъ даже въ Ваппингѣ, никогда не видавъ Англіи, изучить нашу литературу и почерпнуть изъ нея правильное и живое понятіе о нашихъ учрежденіяхъ и нравахъ. Но китайская литература не представляетъ подобнаго удобства. Изученіе китайскаго языка сопряжено почти съ непреодолимыми трудностями. Выучиться читать требуетъ полъ-жизни. Легче сдѣлаться такимъ лингвистомъ, какъ сэръ Вилліамъ Джонсъ, чѣмъ хорошимъ знаткомъ китайскаго языка. Можно по пальцамъ пересчитать европейцевъ, которые при трудолюбіи и геніальности, соединенныхъ съ самымъ сильнымъ религіознымъ фанатизмомъ, сдѣлались знатоками этого языка. Итакъ, дѣло идетъ о странѣ, отдѣленной отъ насъ половиною земнаго шара и еще болѣе отдѣленной преградами, противопоставленными иностранцамъ самымъ упорнымъ изъ правительствъ и самымъ труднымъ изъ языковъ. Можно ли разумно обвинять моего благороднаго друга въ томъ, что онъ не далъ нашимъ посламъ въ подобной странѣ столь же точныхъ и пространныхъ инструкцій, какъ какому-нибудь министру въ Брюсселѣ или Гагѣ. Достопочтенный баронетъ, выступающій съ обвиненіемъ въ такомъ дѣлѣ, въ сущности обвиняетъ самого себя. Онъ участвовалъ въ правленіи лорда Грея. Онъ участвовалъ въ

составленія первыхъ инструкцій, посланныхъ моимъ благороднымъ другомъ первому агенту въ Кантонѣ. Достопочтенный баронетъ открыто признаетъ себя отвѣтственнымъ за эти инструкціи. Были ли то подробныя инструкціи? Нисколько. Онѣ трактовали только объ общихъ принципахъ. Резиденту, напримѣръ, предписывается уважать народные обычаи и избѣгать всего, что могло бы оскорблять предрасудки китайцевъ; но о подробностяхъ ничего не говорится. Въ 1834 г. мой благородный другъ оставилъ министерство иностранныхъ дѣлъ и герцогъ Веллингтонъ занялъ его мѣсто. Посылалъ ли герцогъ Веллингтонъ такія пространныя и точныя инструкціи, которыя, по мнѣнію достопочтеннаго баронета, правительство обязано давать своимъ агентамъ въ Китаѣ. Нѣтъ, милостивый государь, герцогъ Веллингтонъ, посѣдѣвшій въ веденіи великихъ дѣлъ, знаетъ лучше всякаго другаго, что человѣкъ самыхъ обыкновенныхъ способностей въ Кантонѣ знаетъ лучше, чѣго требуетъ страна, чѣмъ величайшій государственный человѣкъ въ Вестминстерѣ. Его свѣтлость, какъ умный человѣкъ, написалъ только одно письмо къ резиденту, въ которомъ онъ отсылалъ его къ общимъ инструкціямъ лорда Пальмерстона. И чѣмъ докажетъ достопочтенный баронетъ, что министры ея Величества вызвали разрывъ, о которомъ мы всё сожалѣемъ, — тѣмъ, что придерживались политики, которой держался онъ самъ, когда былъ въ должности, и которой держался лордъ Веллингтонъ, когда былъ въ должности? Изъ безчисленныхъ бумагъ, лежащихъ предъ нами, онъ прочелъ многое, что имѣетъ только отдаленную связь съ настоящимъ вопросомъ. Онъ говорилъ многое о дѣлахъ, совершившихся до вступленія настоящаго министерства, и дѣлахъ, совершившихся послѣ разрыва; но очень мало, относящагося къ главному пункту, выставленному имъ въ своемъ предложеніи. Этотъ пунктъ слѣдующій: произведенъ ли разрывъ дурнымъ управленіемъ министерства? Я съ полнымъ вниманіемъ слушалъ его длинную и умную рѣчь и старался отдѣлать то, что относится къ его предложенію, отъ того, что вовсе къ нему не подходитъ. Если мой анализъ вѣренъ, то обвиненія его противъ правительства состоятъ изъ четырехъ пунктовъ:

1) что правительство не измѣнило ту часть первоначальныхъ

инструкцій, гдѣ главному агенту предписывается жить въ Кантонѣ;

2) что правительство не измѣнило тѣхъ предписаній, гдѣ резиденту повелѣвается входить въ сношенія непосредственно съ представителями императора;

3) что правительство не послѣдовало совѣту герцога Веллингтона, оставившаго въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ меморандумъ, въ которомъ предлагалъ держать англійскій военный корабль въ Китайскомъ морѣ;

4) что правительство не уполномочило главнаго агента уничтожить контрабандную торговлю, веденную британскими подданными съ Китаемъ.

Вотъ главные обвинительные пункты. Изъ нихъ только четвертый потребуетъ нѣсколько продолжительной защиты. О первыхъ трехъ можно говорить въ нѣсколькихъ словахъ.

Что касается перваго пункта, то отвѣтъ не труденъ. Правда, что правительство не измѣнило ту часть инструкцій, которая требовала пребыванія главнаго агента въ Кантонѣ; правда тоже, что именно это повело когда-то къ спору между агентомъ нашимъ и китайскими властями. Но этотъ споръ былъ улаженъ въ началѣ 1837 г.; китайское правительство дало агенту разрѣшеніе жить въ Кантонѣ; въ продолженіе двухъ лѣтъ, прошедшихъ до разрыва, китайское правительство не изъявляло неудовольствія по поводу его пребыванія въ Кантонѣ, и во всѣхъ этихъ бумагахъ нѣтъ ни одного слова, доказывающаго, что разрывъ былъ произведенъ, посредственно или непосредственно, его пребываніемъ въ Кантонѣ. Относительно перваго пункта, я поэтому думаю, что приговоръ долженъ быть: невиновенъ.

На второй пунктъ мы имѣемъ такой же отвѣтъ. Правда, что былъ споръ съ китайскими властями по поводу средствъ сношенія. Но правда и то, что этотъ споръ былъ улаженъ соглашеніемъ. Китайцы сдѣлали уступку относительно средствъ сношенія. Агентъ сдѣлалъ уступку относительно формы. Такимъ образомъ вопросъ былъ улаженъ до разрыва и не имѣлъ съ нимъ ничего общаго.

Что касается третьяго пункта, нужно замѣтить достопочтенному баронету, что онъ вовсе не понялъ меморандумъ, на который ссылается съ такою увѣренностью. Герцогъ Веллингтонъ вовсе не совѣтовалъ держать постоянно военный корабль въ Китайскихъ моряхъ. Онъ писалъ въ 1835 г., когда правильная торговля была уже прервана, и предлагалъ, чтобы военное судно стояло близъ Кантона, «пока торговля не приметъ опять мирнаго хода.» Вотъ собственныя слова его свѣтлости. Не говорить ли эти слова, что слѣдуетъ удалить военное судно, какъ только торговля не будетъ встрѣчать болѣе препятствій? Между тѣмъ, милостивый государь, послѣ составленія этого меморандума торговля пошла опять своимъ мирнымъ ходомъ; съ этимъ согласится и самъ достопочтенный баронетъ, потому что онъ говорить, что сэру Джорджу Робинзону удалось возстановить спокойствіе и безопасность. Третье обвиненіе состоитъ, слѣдовательно, только въ томъ, что министры не сдѣлали во время мира того, что совѣтовалъ герцогъ Веллингтонъ сдѣлать на время раздора.

Теперь поговоримъ о четвертомъ пунктѣ, составляющемъ единственное обвиненіе; остальные три такъ ничтожны, что я удивляюсь, какъ достопочтенный баронетъ рѣшился привести ихъ. Четвертый пунктъ обвиненій слѣдующій: министры не послали главному агенту приказаній и полномочія остановить контрабанду, и это было причиною разрыва.

Теперь, милостивый государь, позвольте спросить, было ли извѣстно, что контрабанда ведется британскими подданными съ Китаемъ, въ то время, когда достопочтенный баронетъ былъ въ должности? Далъ ли онъ или товарищи его инструкцію для уничтоженія этой торговли? Въсве нѣтъ. Контрабанда продолжалась и при герцогѣ Веллингтонѣ. Далъ ли онъ повелѣніе уничтожить эту торговлю? Нѣтъ. Можно ли обвинять преемниковъ достопочтеннаго баронета и герцога Веллингтона въ томъ, что они послѣдовали ихъ примѣру? Мало этого. Со времени вступленія послѣдняго министерства, причины, не позволявшія посылать подобныя инструкции, были гораздо важнѣе, чѣмъ при достопочтенномъ баронетѣ и герцогѣ Веллингтонѣ. До мая 1838 г.

мой благородный другъ имѣлъ полное основаніе думать, что китайское правительство разрѣшить торговлю опиума. Слѣдовать за изгибами китайской политики далеко не легко. Но известно, что четыре года тому назадъ въ Пекинѣ серьезно разсматривали этотъ вопросъ. Вниманіе императора было наведено на то обстоятельство, что запрещеніе торговли опиумомъ давно сдѣлалось мертвою буквою. Этотъ законъ былъ изданъ для избѣжанія двухъ золъ, одинаково ненавистныхъ китайскимъ законодателямъ: ввоза вреднаго товара и вывоза драгоцѣннаго металла. Но оказалось, что на дѣлѣ столько же фунтовъ опиума ввозилось и столько же фунтовъ серебра вывозилось, какъ будто и не существовало подобнаго закона. Единственнымъ послѣдствіемъ запрещенія было то, что народъ сталъ равнодушенъ къ императорскимъ указамъ и что огромныя суммы, истрачиваемыя на запрещенную роскошь, совершенно миновали императорскую казну. Эти взгляды были выставлены въ очень мудромъ и проницательномъ докладѣ Тангъ Тзи. Искренно сожалею, что этотъ просвѣщенный министръ потерялъ должность за свою либеральность; потому что потерять должность гораздо болѣе серьезное несчастіе въ Китаѣ, чѣмъ въ Англіи. Тангъ Тзи говорилъ, что неразумно запрещать торговлю опиумомъ, потому что, если милліоны людей желаютъ имѣть его, никакой законъ не остановитъ ихъ; между тѣмъ способъ его ввоза имѣетъ гибельныя послѣдствія, какъ на государственный доходъ, такъ и на нравственность народа. Противникомъ Тангъ Тзи былъ Чу Сингъ, государственный человекъ совершенно другаго разряда, къ несчастью встрѣчающагося не въ одномъ Китаѣ. Чу Сингъ принадлежитъ, повидимому, къ тѣмъ закоренѣлымъ консерваторамъ, которые, видя, что законъ не дѣйствителенъ, потому что слишкомъ строгъ, думаютъ добиться его исполненія дѣлая его еще строже. Его свѣдѣнія по части исторіи равняются его законодательной мудрости. Онъ обращалъ, повидимому, большое вниманіе на увеличеніе нашей индійской имперіи и объявлялъ императору, что опиумъ есть оружіе англичанъ во всѣхъ ихъ завоеваніяхъ. Они уговаривали народъ Индостана курить и пить это одуряющее снадобье, пока онъ сдѣлался такъ слабъ тѣломъ и умомъ, что мы овладѣли имъ безъ

труда. Нѣсколько времени прошло, пока императоръ рѣшилъ спорный пунктъ между Тангъ Тзи и Чу Сингомъ. Нашъ агентъ, капитанъ Эллиотъ, думалъ, что онъ рѣшитъ въ пользу разумнаго взгляда Тангъ Тзи; таково же было мнѣніе и всего купечества въ Калькуттѣ въ 1837 г. Дѣйствительно, съ каждымъ кораблемъ, приходившимъ изъ Кантона въ Гугли, ожидали извѣщенія, что торговля опиумомъ сдѣлана законною. Въ Лондонѣ узнали только въ маѣ 1838 г., что аргументы Чу Синга одержали верхъ. Конечно, милостивый государь, бессмысленно было бы остановить эту торговлю въ ту минуту, какъ всё ожидали, что она перестанетъ быть контрабандою. Достопочтенный баронетъ вѣроятно самъ согласится, что до мая 1838 г. правительство ничего важнаго не упустило.

Вопросъ сводится поѣтому въ очень узкія границы. Вотъ въ чемъ дѣло: слѣдовало ли моему благородному другу въ маѣ 1838 г. послать капитану Эллиоту приказаніе уничтожить торговлю опиумомъ? Я думаю, что было бы не справедливо и не разумно послать такое повелѣніе. Сообразите, каковы должны были бы быть силы, необходимыя агенту. Онъ долженъ былъ бы арестовать и послать за море всякаго британскаго подданнаго, котораго могъ бы подозрѣвать въ сношеніяхъ съ контрабандистами. Я не говорю, что, съ согласія парламента, правительство не могло бы дать ему такую диктатуру. Но я говорю, что правительству не легко дать такую диктатуру какому бы то ни было лицу и что палата потребовала бы отъ министровъ строгой отвѣтственности, еслибъ большое число подданныхъ ея Величества были арестованы и отправлены въ Бенгалъ или Англію, не имѣя возможности распутать сперва своихъ дѣлъ. Къ тому же, я не думаю, чтобы даже такія инструкціи могли предотвратить разрывъ. Я иду дальше. Я думаю, что еслибъ подобныя инструкціи были посланы, мы все-таки были бы вовлечены въ войну съ Китаемъ и что обстоятельства, при которыхъ началась война, были бы крайне плохи и вовсе не почетны.

Положимъ, что агентъ получилъ приказаніе запретить британскимъ подданнымъ торговлю опиумомъ; положимъ, что онъ издалъ приказаніе,—чѣмъ было ему поддержать его? Достопочтенный

баронетъ слишкомъ хорошо знаетъ общественныя дѣла, чтобы предполагать, что выгодная торговля будетъ остановлена листкомъ бумаги съ приложенной печатью. Таможни въ Англіи стоятъ намъ полъ-милліона въ годъ. Больше пятидесяти крейсеровъ охраняютъ наши берега. Шесть тысячъ человекъ заняты поимкою контрабандистовъ. Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что каждый предметъ, на который спросъ великъ, который легко упрятать и на которомъ лежитъ высокая пошлина,—всякій такой предметъ ввозится контрабандою въ большомъ количествѣ. Водки ввозится беспошлинно до 600,000 галлоновъ въ годъ. Нѣкоторые думаютъ, что табакъ ввозится беспошлинно въ такомъ же количествѣ, какъ и чрезъ таможни. Какъ бы то ни было, тайный ввозъ громаденъ. Въ комитетѣ нашей палаты было доказано, что не меньше четырехъ милліоновъ фунтовъ табаку было недавно тайно ввезено въ Ирландію. И все это было сдѣлано при самой лучшей таможенной системѣ, какая когда-либо существовала въ мірѣ. Примите въ соображеніе и то, что унція опиума несравненно дороже фунта табаку. Зная это, зная, что корона, перы и общины не могутъ остановить торговлю менѣе удобную и менѣе прибыльную, чѣмъ торговля опиумомъ, какъ же предположить, что простое запрещеніе остановитъ послѣднюю. Припомните, какія важныя причины заставили бы покупателя и продавца дѣйствовать заодно. Покупателя тянуло бы къ продавцу, вслѣдствіе мученій, порождаемыхъ одной изъ самыхъ сильныхъ физическихъ потребностей, потому что возбуждательныя средства такого рода, что послѣ долгаго употребленія составляютъ предметъ бѣшеной потребности. Надежда на легкій и громадный барышъ тянула бы продавца къ покупателю. И неужели вы думаете, что съ одной стороны страстное желаніе, сдѣлавшееся необходимостью жизни, а съ другой—надежда на обогащеніе могли бы быть сдержаны нѣсколькими строками, подписанными: Чарльзъ Эллиотъ? Единственное послѣдствіе, которое можно было бы допустить, то, что торговля опиумомъ не осталась бы въ Кантонѣ, гдѣ она сопряжена съ рискомъ, а распространилась бы по берегамъ. Если намъ что-нибудь извѣстно о китайскомъ правительствѣ, такъ это то, что берега имперіи охраняются очень плохо; намъ извѣстно

кроме того, что такая превосходная таможенная система, какъ наша, неспособна прекратить сношеній между продавцомъ, хлопчущимъ изъ-за денегъ, и покупателемъ, хлопчущимъ о своей трубкѣ. Цѣлые флоты кораблей старались бы провезти товаръ на берегъ. Между нашими соотечественниками и мѣстнымъ начальствомъ, не привыкшимъ еще къ европейскимъ обычаямъ, происходили бы постоянныя столкновенія. «*Malum prohibitum*» произвело бы, какъ всегда, только «*mala in se*». Незаконная торговля привела бы къ безчисленнымъ дѣйствіямъ, столько же незаконнымъ, сколько и безнравственнымъ. Изъ контрабандиста обстоятельства сдѣлали бы морскаго разбойника. Мы знаемъ, что даже въ Кантонѣ, гдѣ контрабандисты нѣсколько опасаются власти агента и общества тамошнихъ англичанъ, состоящаго изъ многихъ почтенныхъ лицъ, даже и тамъ незаконная торговля производила нерѣдко ссоры и оскорбленія. Что было бы, еслибы капитанъ каждаго корабля, нагруженнаго опиумомъ, былъ единственнымъ судьей своихъ поступковъ? Не трудно разсчитать послѣдствія. Лодка посылается на берегъ за водой и съѣстными припасами, въ которыхъ имъ отказываютъ. Матросы прибѣгаютъ къ силѣ. Населеніе отравляетъ колодезь. Нѣсколько человекъ на кораблѣ умираетъ. Команда въ бѣшенствѣ бросается на берегъ, убиваетъ встрѣчнаго и поперечнаго, сжигаетъ и грабитъ деревню. Развѣ это невѣроятно? Развѣ подобныя причины не имѣли часто подобныхъ послѣдствій? Развѣ намъ не извѣстно, какъ строгость, съ которою Испанія не допускала кораблей другихъ націй къ своимъ за-атлантическимъ владѣніямъ, заставила многихъ честныхъ и предприимчивыхъ купцовъ превратиться въ морскихъ разбойниковъ? Тѣ же причины, которыя породили поколѣніе морскихъ разбойниковъ въ Мексиканскомъ заливѣ, породили бы ихъ и въ Китайскомъ морѣ. Можемъ ли мы сомнѣваться въ дѣйствіяхъ китайскаго правительства при такихъ обстоятельствахъ? Мы видѣли, что Линъ арестовалъ многихъ людей совершенно честныхъ, не имѣя ни малѣйшаго основанія подозрѣвать ихъ въ незаконной торговлѣ. Онъ сдѣлалъ это на основаніи того, что нѣкоторые изъ соотечественниковъ этихъ господъ нарушили таможенные законы Китая. Что бы онъ сдѣлалъ, еслибы узналъ, что

рыжіе дьяволы не только продавали опиумъ, но дрались, жгли, грабили, убивали? Онъ издалъ бы вѣроятно прокламацію, что заморскіе варвары обѣщали остановить контрабанду, но оказались обманщиками; что приказъ суперинтендента былъ простою уловкою; что контрабанда стала сильнѣе, чѣмъ когда-либо, и еще съ прибавкою грабежа и убійства; что онъ поэтому возьметъ въ залогъ всѣхъ людей этой расы, пока не получитъ удовлетворенія. На основаніи этого я и говорю, что сдѣлай министры то, что требуетъ достопочтенный баронетъ, мы пришли бы къ тому же положенію дѣлъ, только худшимъ путемъ.

Теперь, милостивый государь, мы разсмотрѣли всѣ четыре пункта обвиненій противъ правительства; и я говорю съ увѣренностью, что разрывъ нашъ съ Китаемъ не можетъ по справедливости быть приписанъ вышеупомянутымъ упущеніямъ. Еслибъ я былъ увѣренъ, что никто не подастъ голоса не прочитавъ внимательно предложенія и не разсмотрѣвъ доказательствъ, я нисколько не сомнѣвался бы въ рѣшеніи. Но я знаю, что при простой подачѣ голосовъ никто не обдумываетъ своего рѣшенія такъ же серьезно, какъ при клятвенномъ показаніи. И я увѣренъ, что нѣсколько членовъ, которыхъ я вполнѣ уважаю за ихъ гуманность и честность, подадутъ голосъ въ пользу достопочтеннаго баронета, не потому, чтобы онъ доказалъ свое мнѣніе, а потому, что они вообразили, будтобы мы ведемъ войну изъ-за того, чтобы принудить китайское правительство допустить торговлю опиумомъ. Дѣйствительно, милостивый государь, еслибъ мы были виновны въ такой безсмыслицѣ, насъ слѣдовало бы не только обвинять, но и наказывать. Но это мнѣніе не имѣетъ основанія. Наше дѣло чисто. Мы можемъ конечно сомнѣваться въ томъ, хорошо ли сдѣлалъ китайскій императоръ, что послушался Чу Синга и отрѣшился отъ должности Тангъ Тзи. Мы можемъ сомнѣваться въ томъ, хорошо ли дѣлаетъ правительство; не допуская въ страну лекарство, которымъ часто злоупотребляютъ, но которое при умѣренномъ употребленіи составляетъ одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ даровъ. Провидѣнія, средство, унимающее боль, успокаивающее раздраженія, восстанавливающее здоровье. Мы можемъ сомнѣваться, разумно ли издавать законы

противъ вывоза драгоценныхъ металловъ, безъ котораго не можетъ обойтись правильная торговля. Мы знаемъ по исторіи и собственному опыту, что никакія таможи не остановятъ ввоза предметовъ роскоши, за которые потребители готовы платить большія деньги, и что золото и серебро уйдутъ за границу въ обильнѣе на эти предметы. Нельзя предполагать, чтобы то, что невозможно въ Англіи съ ея превосходно организованной фискальной системой и громаднымъ флотомъ, удалось лодкамъ китайскихъ мандариновъ. Но, каково бы ни было наше мнѣніе объ этихъ предметахъ, мы очень хорошо понимаемъ, что обсуживать ихъ—дѣло китайскаго императора, а не наше. Онъ имѣлъ полное право запретить ввозъ опиума и вывозъ серебра, если только это было согласно съ правилами нравственности и съ законами страны. Когда его чиновники захватывали партію опиума, мы не имѣли права жаловаться и мы не жаловались. Но увидѣвъ невозможность искоренить контрабанду честными средствами, китайское правительство прибѣгло къ явно несправедливымъ выходкамъ; и когда захватывали невинныхъ нашихъ соотечественниковъ, когда оскорбляли нашу королеву въ лицѣ ея представителя,—обязанностью нашей было требовать удовлетворенія. Вопросъ не въ томъ, вредна ли торговля опиумомъ или нѣтъ. Возьмите другой случай такого же рода; самое страшное изъ преступленій когда-либо облеченныхъ именемъ торговли—торговля невольниками. Вы едвали найдете, что контрабандная торговля опиумомъ безнравственнѣе торговли неграми. Мы запретили послѣднюю; мы назвали ее преступленіемъ, морскимъ разбоемъ; мы угворили иностранныя державы помочь намъ въ уничтоженіи ея; нѣкоторымъ державамъ мы платили большія суммы за ихъ содѣйствіе; мы употребили нашъ флотъ на поимку торговцевъ человѣческими существами. Между тѣмъ, несмотря на всѣ старанія и жертвы, большое число негровъ было, не дальше какъ десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, перевезено изъ Мадагаскара на нашъ островъ св. Маврікія. Намъ по праву и по обязанности слѣдовало охранять берега этого острова, останавливать корабли съ невольниками, наказывать покупателей и продавцовъ. Но положимъ, что корабль подъ французскимъ флагомъ

приближался къ острову, что губернаторъ былъ вполнѣ убѣжденъ, судя по строенію корабля и его движеніямъ, что это корабль торгующій неграми, который ждетъ только ночи для выгрузки своего живаго товара. Положимъ, что, не имѣя достаточно военныхъ судовъ для овладѣнія этимъ кораблемъ, онъ вдругъ арестовалъ бы тридцать или сорокъ французскихъ купцовъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ торговлею неграми. Положимъ, онъ позволилъ бы себѣ насильственные дѣйствія противъ французскаго консула. Положимъ, губернаторъ грозилъ бы умерить съ голоду плѣнниковъ, если ему не выдадутъ собственника невольническаго корабля. Не имѣло ли бы французское правительство права требовать удовлетворенія силою оружія? Можно ли было бы намъ отвѣтить имъ: «Торговля эта безирравственна и безчеловѣчна. Подумайте о несчастныхъ, исторгнутыхъ изъ своихъ семей. Подумайте объ ужасахъ цвишендека. Хотите вы вести войну съ нами, чтобы заставить насъ держать невольниковъ въ нашихъ колоніяхъ?» Французы конечно отвѣтили бы: «Мы не ведемъ войны съ вами для того, чтобы заставить васъ держать невольниковъ на островѣ св. Маврікія. Дѣлайте все, что можете, противъ этого зла. Наказывайте всякаго француза или англичанина, котораго вы обличили въ торговлѣ неграми. Мы жалуемся на то, что вы смѣшали невиннаго съ виновнымъ и дѣйствовали съ представителемъ нашего государя вопреки всѣмъ законамъ международнаго права. Нельзя изъ ревности къ одному великому принципу топтать ногами всѣ другіе великіе принципы нравственности.» Совершенно таковы причины, заставившія ея Величество потребовать разрыва съ Китаемъ. Неужели можно было еще ждать? Посмотрите, съ какою быстротою слѣдовали оскорбленія за оскорбленіями. Императорскій уполномоченный, ободренный легкостью, съ какой онъ нанесъ первое оскорбленіе, и не имѣя ни малѣйшаго понятія объ относительномъ положеніи обѣихъ странъ на ступеняхъ цивилизаціи и могущества, увеличилъ свои требованія. Онъ началъ монфисковать собственность. Потомъ потребовалъ невинной крови. Одинъ китасецъ былъ убитъ. Началось слѣдствіе; но никакъ нельзя было опредѣлить, кто былъ убійца, ни даже къ какой націи онъ принадлежалъ. На

это не обращали вниманія. Агенту нашему было объявлено, что ему слѣдуетъ выдать какого-нибудь подданнаго ея Величества, праваго или виноватаго — все равно, и что этотъ человекъ будетъ казненъ. Агентъ отказался. Тогда схватили нашихъ соотечественниковъ въ Кантонѣ; поселенцевъ Макао выгнали оттуда, и не однихъ мужчинъ, но и женщинъ съ дѣтьми. Изгнанники напрасно молили о кускѣ хлѣба. Одинъ джентльменъ былъ жестоко изувѣченъ. Можно ли было смотрѣть на это спокойно? Я далеко отъ того, чтобы требовать въ нашихъ сношеніяхъ съ китайцами строгаго соблюденія этикета. Наше положеніе между народами таково, что намъ не нужно мстить за дерзость, происходящую отъ незнанія. Зная нашу силу, мы можемъ спокойно выслушать, когда насъ называютъ данниками божественной имперіи. При знаніяхъ вашихъ мы не можемъ оскорбляться, если насъ называютъ невѣжественными варварами. Требованіе колѣнопреклоненія отъ нашего посланника только позабавило насъ, хотя въ Европѣ такая вещь считалась бы унизительною. Прибѣгнуть къ оружію изъ-за неучливой фразы или несогласія насчетъ какой-нибудь церемоніи было бы недостойно насъ. Но тутъ вопросъ касался не фразъ и церемоній. Свобода и жизнь англичанъ была въ опасности: и нужно доказать народамъ, цивилизованнымъ и нецивилизованнымъ, что куда бы англичанинъ ни направилъ своего пути, за нимъ слѣдитъ его правительство и охраняетъ его своимъ могуществомъ.

Въ одной изъ депешъ капитана Эллиота было мѣсто, сильно тронувшее меня, и вѣроятно и многихъ другихъ. Я говорю о томъ мѣстѣ, гдѣ онъ описываетъ свое прибытіе къ факторіи, въ минуту крайней опасности. Какъ только онъ присталъ къ берегу, его окружили соотечественники, доведенные до отчаянія. Прежде всего онъ велѣлъ перенести англійскій флагъ съ лодки на балконъ. Это зрѣлище мгновенно оживило сердца людей, которые за минуту до того, считали себя потерянными. Этотъ побѣдоносный флагъ не могъ не вселить въ нихъ надежды и довѣрія; потому что онъ напоминалъ имъ, что они принадлежатъ къ странѣ, не привыкшей къ пораженіямъ, къ покорности, къ униженію, къ странѣ, мстящей за оскорбленія своихъ сыновъ, къ

странѣ, заставившей алжирскаго дея унижаться въ прахъ предъ оскорбленнымъ консуломъ, къ странѣ, отмстившей на поляхъ Пласси за жертвы Черной ямы, къ странѣ, не измѣнившей съ тѣхъ поръ, какъ великій протекторъ клялся сдѣлать англичанина тѣмъ же, чѣмъ былъ когда-то римскій гражданинъ. Они знали, что, несмотря на то, что они окружены врагами, отдѣлены отъ всякой помощи океанами и материками, ни одинъ волосъ на ихъ головѣ не будетъ тронуть безнаказанно. Я думаю, что на эту сторону вопроса всѣ враждебныя партіи палаты смотрятъ одинаково. Несмотря на все вниманіе, съ которымъ я слушалъ достопочтеннаго баронета, я не замѣтилъ въ его рѣчи ни одного намека на то, что онъ меньше насъ желаетъ настаивать на полномъ удовлетвореніи за великое оскорбленіе, нанесенное намъ. Я не могу вѣрить, чтобы палата вотировала въ пользу порицанія, столь несправедливаго, какъ то, которое онъ предложилъ. Но я съ радостью думаю о томъ, что, будутъ ли насъ порицать или нѣтъ, національная честь останется невредимою. Можетъ случиться измѣненіе въ лицахъ, но въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ относительно Китая, перемѣны не будетъ. Я кончилъ, и могу только желать, чтобы эта справедливая борьба была доведена до скораго и благополучнаго окончанія; чтобы храбрые люди, которымъ ввѣрена обязанность добиться удовлетворенія, сдѣлали Англію извѣстною въ странахъ, гдѣ едва знаютъ ея имя, — не только за ея храбрость и ловкость, но и за ея милосердіе и умѣренность, и чтобы Провидѣніе, такъ часто приводящее зло къ добру, допустило, чтобъ война, которую мы начали противъ воли, кончилась продолжительнымъ миромъ, столь же полезнымъ побѣдителю, какъ и побѣжденному.

РѢЧЬ О ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ПАЛАТѢ ОБЩИНЪ 5-ГО ФЕВРАЛЯ 1841 Г.

29-го января 1841 г. адвокатъ Тальфордъ внесъ билль объ измѣненіи закона о литературной собственности. Предлагалось увеличить срокъ ея на 60 лѣтъ со дня смерти автора. ⁽¹⁾

5-го февраля Тальфордъ предложилъ прочесть билль во второй разъ. Слѣдующая рѣчь была произнесена въ отвѣтъ ему. Большинствомъ 45 голосовъ противъ 38 постановлено было снова внести билль по прошествіи 6 мѣсяцевъ.

Милостивый государь. Хотя въ нѣкоторомъ отношеніи пріятно приняться за вопросъ, не имѣющій ничего общаго съ враждою

⁽¹⁾ По англійскимъ законамъ права литературной собственности автора ограничивались 28 годами. Если же авторъ переживалъ этотъ срокъ—ограничивались днемъ его смерти.

политических партій, однако я обращаюсь къ вамъ не совѣмъ охотно. Меня останавливаетъ мысль, что мнѣнія мои могутъ быть перетолкованы, могутъ быть представлены враждебными литературѣ и литераторамъ. Кромѣ того, мнѣ тяжело опровергать моего достойнаго и ученаго друга въ вопросѣ, который онъ поднималъ съ самыми чистыми намѣреніями и къ которому относится съ чисто отеческимъ интересомъ. Эти чувства заставляли меня молчать до сихъ поръ во время преній о литературной собственности. Но такъ какъ я, послѣ полного обсуждения предмета, пришелъ къ заключенію, что будь эта мѣра принята, она принесетъ сильный вредъ обществу, безъ малѣйшей пользы литераторамъ, — я считаю долгомъ высказать свое мнѣніе и защищать его.

Первымъ долгомъ нужно объяснить, на основаніи какихъ принциповъ можно разсуждать объ этомъ вопросѣ. Имѣемъ ли мы право издавать законы для общаго блага, или нѣтъ? Вопросъ ли это удобства, или вопросъ права? Многіе изъ писавшихъ и подававшихъ просьбы противъ существующаго положенія дѣлъ, смотрятъ на него какъ на вопросъ права. Законъ природы даетъ каждому человѣку несомнѣнное и священное право на его собственныя идеи, на плодъ его собственнаго мышленія и воображенія. Законодательство имѣетъ конечно власть отнять эту собственность, точно такъ же какъ оно имѣетъ власть издать актъ о гражданской смерти для казни человѣка невиннаго. Но какъ подобный актъ былъ бы легальнымъ убійствомъ, точно такъ же уничтожить право собственности автора на его произведеніе было бы, по мнѣнію этихъ господъ, легальнымъ воровствомъ.

Если это такъ, пусть справедливость будетъ соблюдена, чего бы она ни стоила. Я не могу, подобно моему ученому и почтенному другу, примирить право съ удобствомъ и быть несправедливымъ во вниманіе общественной пользы. Но я долженъ сознаться, что теорія его выше моего пониманія. Въ настоящемъ случаѣ незачѣмъ пускаться въ метафизическое изслѣдованіе о началахъ права собственности, и, конечно, только крайняя необхо-

димость могла бы заставить меня говорить о предметѣ, по всей вѣроятности, неприятномъ палатѣ. Я схожусь тутъ во мнѣніи съ Палли, который говорить, что собственность есть произведеніе закона и что можно защищать законъ, порождающій собственность, только на основаніи того, что законъ этотъ полезенъ для человѣчества. Но объ этомъ пунктѣ разсуждать нечего; потому что, если бы я и вѣрилъ въ естественное право на собственность, совершенно независимое отъ полезности ея, я все-таки отвергалъ бы существованіе этого права послѣ смерти первоначальнаго владѣльца. Не многіе, я думаю, даже изъ тѣхъ, кто учился въ самыхъ мистическихъ и самыхъ сантиментальныхъ школахъ нравственной философіи, станутъ утверждать, что есть какой-то естественный законъ наслѣдства, существовавшій раньше и имѣющій больше значенія, чѣмъ любой человѣческой сводъ законовъ. Если бы это было такъ, намъ, естественно, предстояло бы уничтоженіе злоупотребленій, гораздо болѣе серьезныхъ, чѣмъ вопросъ о литературной собственности; потому что естественныхъ законовъ не можетъ быть больше одного, а во владѣніяхъ ея Величества ихъ двадцать. Въ Англіи помѣстья обыкновенно переходятъ къ старшему сыну. Въ Кентѣ сыновья наслѣдуютъ одинаково. Во многихъ округахъ младшій получаетъ все. Прежде, часть личной собственности чело-вѣка переходила къ семейству и онъ могъ располагать по усмотрѣнію только излишкомъ. Теперь онъ можетъ передать по завѣщанію все свое состояніе; но вѣскольکو лѣтъ тому назадъ это право было ограничено тѣмъ, что духовное завѣщаніе законно только при подписи двухъ свидѣтелей. Если чело-вѣкъ умираетъ безъ завѣщанія, личная собственность его переходитъ къ наслѣдникамъ по закону; но существуютъ мѣстные обычаи, измѣняющіе этотъ законъ. Которая же изъ всѣхъ этихъ системъ согласна съ вѣчнымъ мѣриломъ права? Право ли первородства, или одинаковое распределеніе между всѣми сыновьями, или право младшаго? Можно ли считать завѣщаніе *jure divino*? Можно ли считать обоихъ свидѣтелей *jure divino*? Не слѣдуетъ ли считать *pars rationabilis*, нашихъ старыхъ законовъ, небеснаго происхожденія? Былъ ли законъ о наслѣдованіи усвоенъ небомъ задолго до того, какъ былъ принятъ въ парламентъ? Кому при-

надлежитъ въ этомъ первенство, обычаю ли Гюга или обычаю Лондона? Конечно, милостивый государь, даже и тѣ, которые признаютъ естественное право собственности, должны согласиться, что правила, по которымъ должно быть распредѣляемо наследство умершаго, совершенно произвольны и основаны исключительно на волѣ законодателей. Если это такъ, то между почтеннымъ и ученымъ другомъ моимъ и мною не можетъ быть другаго спора, какъ о принципахъ, на основаніи которыхъ можно разсуждать объ этомъ вопросѣ. Сущестующій законъ допускаетъ литературную собственность во время жизни автора, и мы нисколько не думаемъ нападать на эту привилегію; напротивъ, мы защищали бы ее изъ всѣхъ силъ противъ всякаго нападенія. Единственный спорный между нами пунктъ слѣдующій: сколько времени послѣ смерти автора, должно государство признавать литературную собственность за наследниками и представителями ея. Ни одинъ здравомыслящій человекъ не станетъ, я думаю, опровергать, что въ этомъ случаѣ законодательство можетъ выбрать ту дорогу, которая покажется ему всего полезнѣе для общества.

Теперь, я думаю, намъ можно остановить нашъ высокій полетъ и съ облаковъ спуститься на землю. Посмотримъ на вопросъ, какъ законодатели, взвѣсимъ его удобства и неудобства и рѣшимъ его въ смыслѣ существующихъ постановленій или предлагаемаго мнѣнія. Подобно многимъ вопросамъ гражданской мудрости, вопросъ о литературной собственности, ни черный, ни бѣлый, а сѣрый. Система литературной собственности имѣетъ большія выгоды и большія невыгоды; наша обязанность взвѣсить все это и устроить дѣло такъ, чтобы выгоды были по возможности сохранены, а невыгоды по возможности уничтожены. Я обвиняю билль моего почтеннаго и ученаго друга въ томъ, что онъ оставляетъ выгоды почти такими же, какими они были до сихъ поръ, и, по крайней мѣрѣ, въ четверо увеличиваетъ невыгоды.

Выгоды системы литературной собственности ясны. Желательно имѣть много хорошихъ книгъ, а ихъ нельзя имѣть иначе,

какъ при щедромъ вознагражденіи литераторовъ, а наиболее удобный способъ вознагражденія ихъ достигается правомъ литературной собственности. Удовольствіе и познанія, доставляемыя литературою, не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ досуга людей, занятыхъ практическимъ дѣломъ. Такіе люди могутъ, при случаѣ, написать очень полезное сочиненіе, но отъ нихъ нельзя ждать произведеній, которыя требуютъ глубокихъ размышленій и долгихъ изслѣдованій. На подобныя сочиненія способны только люди, отдающіе всю жизнь литературѣ, а между ними не многіе принадлежатъ къ богатому классу или къ знати. Необходимость не заставляетъ богатыхъ и знатныхъ заниматься умственнымъ трудомъ. Ихъ можетъ побудить къ умственному труду желаніе отличиться или желаніе быть полезнымъ обществу. Но чаще всего они стараются выказаться или служить своимъ согражданамъ въ стѣнахъ этого зданія. Въ такой странѣ, какъ наша, честолюбіе и общественныя склонности, естественно, принимаютъ политическій характеръ. Поэтому, за полезными книгами нужно обращаться къ литераторамъ по ремеслу, частныя средства которыхъ не велики. Такихъ людей нужно вознаграждать за литературный трудъ. Вознаграждать же ихъ можно только двумя путями: покровительствомъ или правомъ на литературную собственность.

Были времена, когда литераторы ждали вознагражденія не отъ общества, а отъ правительства или знатныхъ людей. Такъ было во времена Мецената и Полліона въ Римѣ, Медичи во Флоренціи, Людовика XIV во Франціи, лорда Галифакса и лорда Оксфорда у насъ. Я очень хорошо знаю, что бываютъ случаи, гдѣ нетолько прилично и умѣстно, но гдѣ является священной обязанностью наградить заслуги или уменьшить бѣдствія гениальныхъ людей, такого рода щедростью. Но эти случаи исключительны. Нельзя вообразить системы болѣе вредной для чести и независимости литераторовъ, какъ та, при которой насущный хлѣбъ ихъ зависитъ отъ милости министровъ и знати. Нельзя вообразить системы, болѣе способной превратить въ язву общества людей, предназначенныхъ природою быть услудою и украшеніемъ человѣчества.

Затѣмъ остается только одно средство — литературная собственность, каковы бы ни были ея неудобства. Неудобства же эти не малочисленны и не ничтожны. Литературная собственность — монополія и имѣетъ всѣ послѣдствія, которыми общій людскій родъ признаетъ за всякой монополіей. Мой ученый и почтенный другъ говоритъ весьма презрительно о людяхъ, подавшихся теоріи, что предметы дорожаютъ вслѣдствіе монополіи. Что предметы дорожаютъ вслѣдствіе монополіи, конечно, — теорія, какъ и всѣ великія истины, упроченныя опытомъ всѣхъ вѣковъ и націй и считающіяся доказанными во всѣхъ разсужденіяхъ. Это такая же теорія, какъ и то, что день смѣняетъ ночь, что свинець тяжелѣе воды, что хлѣбъ питателенъ, что мышьякъ отравляетъ, что спиртъ опьяняетъ. Если, какъ повидимому думаетъ мой почтенный и ученый другъ, весь свѣтъ ошибается въ этомъ отношеніи, если монополія въ сущности дѣлаетъ предметы дешевле и лучше, то отчего же онъ останавливается на своемъ пути перемѣнъ? Отчего же онъ ограничиваетъ дѣйствіе такого полезнаго принципа шестидесятью годами? Зачѣмъ онъ не простираетъ его на вѣчность? Онъ говоритъ, что соглашается на опредѣленіе срока только для того, чтобы сохранить равновѣсіе между правомъ и удобствомъ. Но будь его мнѣніе о монополіи справедливо, право и удобство сходились бы. Отчего же не возратить индійской компаніи монополію торговли въ Ост-Индіи? Отчего не возобновить всѣ старыя монополіи, которыя во времена Елисаветы невыносимой несправедливостью своей озлобили нашихъ предковъ до того, что они противопоставили своей государынѣ отпоръ, предъ которымъ въ первый и послѣдній разъ склонился ея гордый духъ? Не дешевизна ли и доброкачественность товаровъ произвели этотъ страшный взрывъ негодованія въ англійскомъ народѣ? Я думаю, милостивый государь, что могу спокойно принять за рѣшенное, что монополія дѣлаетъ предметы рѣдкими, дорогими и дурными. Съ такой же безопасностью могу я вызвать моего почтеннаго друга на объясненіе разницы между литературной собственностью и другими монополіями такого рода; на объясненіе причины, почему монополія книгъ будетъ имѣть совершенно противоположныя послѣд-

ствія, нежели монополія чая Остъ-индской компаніи, или монополія сладкихъ винъ лорда Эссекса. Положеніе дѣла слѣдующее: авторы должны быть вознаграждаемы; наименѣ вредное вознагражденіе состоитъ въ монополіи. Несмотря на то, монополія — зло. Во вниманіе пользы мы должны перенести зло, но зло не должно продолжаться и днемъ долѣе, нежели необходимо для обезпеченія пользы.

Я не желаю, конечно, утверждать, чтобы существующій законъ былъ безукоризненъ, чтобы онъ доходилъ именно до той точки, гдѣ монополія должна прекращаться; но я утверждаю, что существующій законъ гораздо ближе къ этой точкѣ, нежели законъ, предлагаемый моимъ почтеннымъ и ученымъ другомъ. Нужно принять въ соображеніе слѣдующее: дурныя послѣдствія монополіи соразмѣрны ея продолжительности. Шестидесятилѣтняя монополія вдвое вреднѣе тридцатилѣтней и втрое вреднѣе двадцатилѣтней монополіи. Но никакъ нельзя сказать, чтобы монополія, продолжающаяся шестьдесятъ лѣтъ послѣ смерти автора, была ему втрое полезнѣе или втрое сильнѣе подстрекала его къ дѣятельности, нежели двадцатилѣтняя посмертная монополія. Напротивъ, разница такъ мала, что едвали будетъ имѣть даже и самое ничтожное вліяніе. Всѣмъ извѣстно, какъ мало на насъ дѣйствуютъ отдаленныя въ будущемъ выгоды, даже если мы можемъ надѣяться, что воспользуемся ими сами. Но выгоды, которыми будетъ пользоваться чрезъ полъ-столѣтія послѣ нашей смерти можетъ-быть не родившіяся еще человекъ, человекъ, не имѣющій ни малѣйшаго отношенія къ намъ,—это уже никакъ не можетъ побудить насъ къ дѣятельности. Очень возможно, что нѣсколько поколѣній спустя неизслѣдованныя еще земли внутри австраійскаго континента будутъ очень цѣнны. Но теперь, ни одинъ изъ насъ не далъ бы пяти фунтовъ за цѣлую провинцію въ центрѣ Австраліи. Мы знаемъ, что ни мы, ни кто-либо изъ близкихъ намъ людей не получить ни фартинга дохода отъ такой провинціи. Очень мало можетъ вліять на человека мысль, что въ 2000 или 2100 г. кто-нибудь изъ его потомковъ будетъ содержать больше пастуховъ, нежели князь Эстергази, и будетъ имѣть самый лучшій домъ и

самую отборную картинную галерею въ Викторіи или Сидни. Между тѣмъ подарокъ, который мой почтенный и ученый другъ готовить писателямъ, совершенно такого свойства. Если смотрѣть на него какъ на награду писателямъ, онъ не имѣетъ ни малѣйшей цѣны, но какъ налогъ на общество онъ представляетъ серьёзную и очень грустную реальность. Вотъ вамъ примѣръ. Д-ръ Джонсонъ умеръ пятьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ. Еслибы законъ былъ таковъ, какимъ его желаетъ мой почтенный и ученый другъ, кто-нибудь имѣлъ бы теперь монополію сочиненій Джонсона. Кто бы это былъ, намъ никакъ нельзя сказать, но попробуемъ догадаться. Я предполагаю, что это могъ бы быть какой-нибудь книгопродавецъ, имѣющій притязанія на другаго книгопродавца, внука третьяго книгопродавца, который купилъ въ 1785 или 1786 г. право на это же изданіе у негра Франка, слуги и наследника Джонсона. Теперь спрашивается, доставила ли бы доктору какое-нибудь удовольствіе мысль, что литературная собственность его будетъ существовать еще въ 1841 г.? Поощряла ли бы она его къ труду? Заставила ли бы она хоть разъ встать съ постели ранѣе полудня? Развеселила ли бы хоть разъ во время мрачной меланхоліи? Заставила ли бы написать хоть одну лишнюю аллегорію, одну біографію или одно подражаніе Ювеналу? Я твердо утверждаю, что нѣтъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что сто лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда онъ описывалъ наши дебаты для «*Gentleman's Magazine*», онъ далеко предпочелъ бы этой монополіи два пенса на покупку куска говядины въ подвальной тавернѣ. Со стороны вознагражденія, разница между двадцатью и шестидесятью годами посмертнаго права на изданіе не имѣла бы никакого или почти никакого значенія. Но какова эта разница для насъ? Я могу приобрести теперь «*Rasselas*» за шесть пенсовъ, а иначе мнѣ пришлось бы платить пять шиллинговъ. Я могу купить «*Словарь*», весь подлинный словарь, за двѣ гинеи, можетъ быть и дешевле, а иначе мнѣ пришлось бы платить за него пять или шесть гиней. Жалѣю ли я этихъ денегъ для такого человѣка, какъ Джонсонъ? Нисколько. Докажите мнѣ, что надежда на такую награду двинула его на какой-ни-

будь замѣчательный трудъ или поддержала его во время тяжелыхъ обстоятельствъ, и я готовъ платить, какъ бы велика ни была цѣна. Но я сѣтую на то, что мои обстоятельства ухудшаются, а обстоятельства Джонсона не улучшаются, что я долженъ платить пять фунтовъ за то, что ему не приносить и фартига.

Принципъ литературной собственности слѣдующій: это налогъ на читателя въ пользу писателя. Налогъ этотъ очень вреденъ, онъ налагается на самое невинное и самое полезное изъ человѣческихъ удовольствій, а налагать подать на невинное удовольствіе значитъ давать премію порочнымъ. Я признаю, однако, что нужно вознаграждать гевій и ученость, и во вниманіе этого вознагражденія я охотно подчиняюсь тяжелому и строгому налогу. Мало того, я согласенъ увеличить налогъ, если можно доказать, что вознагражденіе увеличится въ той же мѣрѣ. Я жалуясь на то, что мой почтенный и ученый другъ увеличиваетъ налогъ вдвое, втрое, вчетверо, а почти вовсе не увеличиваетъ вознагражденія. До какой суммы дошелъ бы налогъ на сочиненія одного Джонсона, еслибы билль моего почтеннаго и ученаго друга былъ закономъ страны? Миѣ не хватаетъ данныхъ, чтобы подкрѣпить свое мнѣніе, но я убѣжденъ, что одинъ налогъ на «Словарь» дошелъ бы до нѣсколькихъ тысячъ фунтовъ. Считая всю добавочную сумму, какую въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, владѣтели его сочиненій вынули бы изъ кармана публики, въ двадцать тысячъ фунт. стерл., я навѣрное еще далекъ отъ истины. Повторяю еще разъ, я считаю вполне справедливымъ, чтобы мы платили двадцать тысячъ фунт. стерл., еслибъ этимъ можно было доставить д-ру Джонсону наслажденіе и поддержку, равняющіяся этой суммѣ. Но я считаю несправедливымъ платить двадцать тысячъ фунт. стерл. за то, что онъ не оцѣнилъ бы и въ пять шиллинговъ.

Мой почтенный и ученый другъ говоритъ о правахъ наследниковъ великихъ писателей. Нѣтъ сомнѣнія, милостивый государь, что было бы очень пріятно видѣть потомка Шекспира живущимъ въ роскоши плодами генія своего великаго предка. Домъ, содержимый въ роскоши такимъ наследствомъ, былъ бы

гораздо болѣе интереснымъ и трогательнымъ предметомъ, нежели Бленгеймъ для насъ или Страдфильдзей для нашихъ дѣтей. Но къ несчастью едвали возможно, чтобы что-нибудь подобное могло случиться при какой бы то ни было системѣ. Мой ученый и почтенный другъ не предлагаетъ, чтобы право на изданіе переходило къ старшему сыну или какому-либо опредѣленному наследнику. Оно должно быть чисто личной собственностью. Поэтому весьма невѣроятно, чтобы оно въ продолженіе шестидесяти лѣтъ или даже половины этого срока могло переходить отъ отца къ сыну. Всего вѣроятнѣе, что право это будетъ принадлежать нѣсколькимъ лицамъ, которые, какъ надо предполагать, продадутъ его и подѣлятся барышами. Цѣна, заплаченная книгопродавцемъ, не будетъ ни въ малѣйшемъ соотношеніи съ суммою, которую онъ впоследствии вернетъ изъ продажи, если только спекуляція его хороша. Онъ не много, а можетъ быть вовсе ничего не прибавитъ за владѣніе въ шестьдесятъ лѣтъ вмѣсто тридцати или двадцати лѣтъ. Цѣнность очень отдаленной выгоды всегда очень мала въ настоящемъ, но если можно предполагать, что эта отдаленная выгода вовсе не будетъ выгодною, то за нее не дадутъ ровно ничего. Непостоянство общественнаго вкуса такъ велико, что ни одинъ разумный человѣкъ не скажетъ положительно, какова будетъ въ 1890 или 1900 г. цѣнность книги, напечатанной въ наше время. Въ приемахъ письма и мысли происходили перемѣны въ періодъ гораздо болѣе короткий, нежели тотъ, который мой почтенный и ученый другъ желаетъ постановить для посмертнаго права на изданіе. Что считали бы самой лучшей литературной собственностью въ началѣ царствованія Карла II? Я полагаю—поэмы Коули. Перешагните шестьдесятъ лѣтъ, и вы будете въ томъ поколѣніи, у котораго Подъ спрашиваетъ: «кто читаетъ теперь Коули?» Чьи сочиненія ожидала публика съ большимъ нетерпѣніемъ, нежели сочиненія лорда Боллингброка, которыя вышли, кажется, въ 1754 г. Въ 1814 г. ни одинъ книгопродавецъ не поблагодарилъ бы васъ за право издать ихъ всѣ, даже еслибы вы предлагали ихъ даромъ. Что далъ бы теперь Патерностеръ-Ро за право издать «*Triumphs of Temper*» Гейли, книги, сдѣлавшей столь-

ко шума на памяти многихъ людей, находящихся еще въ живыхъ? Поэтому я утверждаю, что по самой своей сущности литературная собственность почти никогда не останется въ семействѣ автора и что плата, полученная за нее семействомъ, будетъ очень мала въ сравненіи съ податью, которую купившій рукописи наложить на общество на многія лѣта, если спекуляція окажется хорошею.

Еслибы я, милостивый государь, желалъ найти сильное и неопровержимое доказательство въ пользу того, чего я ожидаю отъ продолжительной литературной собственности, я избралъ бы—мой почтенный и ученый другъ будетъ удивленъ—я избралъ бы примѣромъ внучку Мильтона. Всякій разъ, когда бывали пренія объ этомъ биллѣ, приверженцы монополіи приводили судьбу внучки Мильтона. Мой почтенный и ученый другъ неоднократно повторялъ эту исторію съ большимъ краснорѣчіемъ и эффектомъ. Онъ распространялся о страданіяхъ и страшной бѣдности этой несчастной женщины, послѣдней представительницѣ знаменитаго рода. Онъ рассказываетъ, какъ Гарриксъ помогъ ей, давъ представленіе въ ея пользу, какъ Джонсонъ написалъ прологъ, а публика пожертвовала нѣсколько сотъ фунт. стерл. Прилично ли, спрашиваетъ онъ, чтобы она получала въ видѣ милостыни незначительную часть того, что въ сущности принадлежало ей по праву? Отчего, спрашиваетъ онъ, получала она бездѣлицу изъ милости, вмѣсто того, чтобы жить въ комфортахъ и роскоши на деньги, вырученныя изъ продажи сочиненій ея предка? Но чѣмъ же докажетъ мой почтенный и ученый другъ, что это событіе, которое онъ такъ часто и такъ трогательно описывалъ, было слѣдствіемъ короткаго срока литературной собственности? Вѣдь въ то время срокъ литературной собственности былъ продолжительнѣе даже того срока, который онъ теперь самъ предлагаетъ. Монополіи продолжалась не шестьдесятъ лѣтъ, а вѣчно. Въ то время, когда внучка Мильтона просила милостыню, сочиненія Мильтона были исключительной собственностью одного книгопродавца. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ Гарриксъ далъ представленіе въ ея пользу, книгопродавецъ, имѣвшій право на изданіе «*Pompe-*

ряннаго Рая» (кажется Тонсонъ) подалъ въ судъ на какого-то другаго книгопродавца, напечатавшаго дешовое изданіе великой эпической поэмы, и противникъ его былъ обвиненъ. Представленіе «*Комуса*» было, если я не ошибаюсь, въ 1750 г.; обвиненіе въ 1752 г. Вотъ вамъ отличное доказательство послѣдствій продолжительной литературной собственности. Сочиненія Мильтона — собственность одного издателя. Всякій, кто желаетъ имѣть ихъ, долженъ покупать ихъ въ лавкѣ Тонсона и по цѣнѣ Тонсона. Тотъ, кто пожелалъ бы продавать ихъ дешевле, будетъ вовлеченъ въ процессъ. Тысячи людей, желающихъ имѣть экземпляръ «*Потеряннаго Рая*», должны отказать себѣ въ этомъ удовольствіи. А каково положеніе единственнаго лица, которымъ могъ бы интересоваться авторъ, огражденный такимъ образомъ въ ущербъ публики? Оно находится въ крайней бѣдности. Сочиненія Мильтона составляютъ монополию. Внука Мильтона бѣдствуетъ. Читателя грабятъ, а семейство писателя не обогащается. На обществѣ лежитъ двойной налогъ: оно платитъ страшныя цѣны за поэму и въ то же время собираетъ деньги для поддержки потомка поэта.

Но это еще не все. Я считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе общества на зло, которое, пожалуй, опаснѣе, когда авторское право остается въ семействѣ, чѣмъ если оно переходитъ къ книгопродавцамъ. Я сильно опасаюсь, что, будь такая мѣра принята, много превосходныхъ сочиненій будутъ или вовсе не изданы, или сильно изуродованы. Я могу доказать, что это не воображаемая опасность, и увѣренъ, что если опасность дѣйствительна, то предохранительныя средства, предложенныя моимъ почтеннымъ и ученымъ другомъ, совершенно тщетны. Что опасность не воображаемая, можно легко доказать. Многіе изъ насъ, я думаю, знали людей, которые совершенно ошибочно, но по самымъ чистымъ побужденіямъ, не желали бы перепечатать повѣстей Фильдинга или «*Исторію паденія Римской Имперіи*» Гиббона. Нѣкоторые господа пожалуй того мнѣнія, что лучше никогда не перепечатывать «*Тома Джонса*» и «*Исторію*» Гиббона. Я не стану распространяться о подобныхъ случаяхъ. Я возьму примѣры, по поводу которыхъ едвали будетъ разногла-

сіе въ мнѣніяхъ, примѣры, гдѣ опасность, о которой я говорю, не предполагаемая, но совершившаяся. Возьмемъ-те романы Ричардсона. Каково бы ни было мое мнѣніе о моемъ почтенномъ и ученомъ другѣ, какъ о законодателѣ, я не могу не уважать его какъ критика. Онъ, конечно, скажетъ, что романы Ричардсона принадлежатъ къ самымъ цѣннымъ, къ самымъ оригинальнымъ произведеніямъ нашей литературы. Ни одни сочиненія не возвысили до такой степени славы англійскаго генія за границей. Нѣтъ сочиненій болѣе трогательныхъ. Нѣтъ сочиненій, за исключеніемъ произведеній Шекспира, выказывающихъ большее знаніе человѣческаго сердца. Что касается ихъ нравственнаго направленія, я могу представить самыя почтенныя свидѣтельства. Д-ръ Джонсонъ говоритъ о Ричардсонѣ какъ о человѣкѣ, заставившемъ страсти повиноваться добродѣтели. Дорогой и уважаемый другъ мой, м-ръ Вильберфорсъ, говоря, въ своемъ знаменитомъ религіозномъ трактатѣ, объ антихристіанскомъ направленіи романовъ XVIII вѣка, исключаетъ при этомъ Ричардсона. М-съ Моръ, замѣчательная женщина, о которой я никогда не могу говорить безъ глубочайшаго почтенія и любви, часто повторяла въ разговорѣ и объявила печатно въ одномъ изъ своихъ произведеній, что она въ сочиненіяхъ Ричардсона впервые почерпнула тѣ правила благочестія, которыя руководили ея жизнью. Я могу смѣло сказать, что книги, прославленныя во всемъ цивилизованномъ мірѣ за художественность и прославленныя за нравственность такими людьми какъ Джонсонъ, м-ръ Вильберфорсъ, м-съ Моръ, должны остаться въ обращеніи. И я вполне убѣжденъ, милостивый государь, что, будь законъ такимъ, какимъ его предлагаетъ мой почтенный и ученый другъ, онъ не остался бы въ обращеніи. Я очень хорошо помню внука Ричардсона; онъ былъ священникомъ въ Сити; онъ былъ прямой, превосходный человѣкъ, но имѣлъ сильное предубѣжденіе противъ произведеній вымысла. Онъ считалъ чтеніе романовъ не только легкомысленнымъ, но грѣховнымъ занятіемъ. Онъ говорилъ—я ссылаюсь на авторитетъ одного изъ его друзей, занимающаго въ настоящее время мѣсто епископа,—онъ говорилъ, что никогда

не считалъ себя вправѣ читать ни одного изъ романовъ своего дѣла. Предположимъ-те, что право на изданіе романовъ Ричардсона перешло бы къ этому господину. Я глубоко убѣжденъ, что онъ почелъ бы предосудительнымъ дать имъ ходъ. Я глубоко убѣжденъ, что онъ за сотни тысячъ фунтовъ не согласился бы сдѣлать то, что считалъ предосудительнымъ. Онъ не перепечаталъ бы этихъ сочиненій. Чѣмъ же ограждаетъ мой почтенный и ученый другъ публику въ такомъ случаѣ? Онъ предлагаетъ слѣдующее: если въ продолженіе пяти лѣтъ книга не была перепечатана и кто-нибудь желаетъ ея изданія, пусть онъ объявитъ объ этомъ въ «*Лондонской Газетѣ*»; объявленіе должно быть повторено три раза; затѣмъ, если по прошествіи года новаго изданія не будетъ, владѣтель сочиненія теряетъ свои исключительныя права. Теперь спрашивается, какая тутъ гарантія для публики? Чтò такое новое изданіе? Опредѣляетъ ли законъ число экземпляровъ, составляющихъ изданіе? Ограничиваетъ ли онъ цѣну экземпляра? Можно ли считать изданіемъ двѣнадцать экземпляровъ большаго формата по тридцати гиней каждый? При пожалованіи монополій обыкновенно опредѣляли число и цѣну. Но въ настоящемъ случаѣ я не вижу, чтобы мой почтенный и ученый другъ предлагалъ сдѣлать тоже самое, а за неимѣніемъ такихъ опредѣленій предлагаемая имъ гарантія очевидно обманчива. Я убѣжденъ, что при предлагаемой системѣ экземпляръ «*Clarissa Harlow*» былъ бы такою же рѣдкостью, какъ какой-нибудь «*Aldus*» или «*Caxton*».

Возьмемъ другой примѣръ. Одна изъ самыхъ поучительныхъ, интересныхъ и прелестныхъ книгъ на англійскомъ языкѣ есть «*Жизнь Джонсона*» Босвелля. Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что старшій сынъ Босвелля смотрѣлъ на эту книгу и на всѣ отношенія Босвелля къ Джонсону какъ на пятно семейнаго герба. Онъ полагалъ—пожалуй не безъ основанія—что отецъ его выставился тутъ въ смѣшномъ и унижительномъ свѣтѣ; сынъ сдѣлался дотога раздражительнымъ и желчнымъ, что не могъ переносить если при немъ упоминали объ этой книгѣ. Предположимъ-те, что законъ былъ бы такимъ, какимъ его предлагаетъ мой почтенный и ученый другъ. Предположимъ-те, что право на

изданіе «Жизни Джонсона» принадлежало бы шестьдесятъ лѣтъ старшему сыну Босвеля. Каковы были бы послѣдствія этого? Нейскаженный экземпляръ лучшей біографіи въ мірѣ былъ бы такой же рѣдкостью, какъ первое изданіе «Британіи» Кларка.

Это крупныя примѣры. Я показалъ вамъ, что, будь законъ тѣмъ, чѣмъ его теперь хотятъ сдѣлать, лучшее прозаическое произведеніе вымысла и лучшая біографія на нашемъ языкѣ не были бы вѣроятно въ обращеніи. Но я сказалъ еще мало. Книги, о которыхъ я упомянулъ, самаго невиннаго свойства, онѣ не касаются ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые заводятъ даже мудрыхъ людей за предѣлы мудрости. Есть книги совершенно иного свойства, книги, составляющія пунктъ соединенія великихъ политическихъ и религіозныхъ партій. Какова будетъ участь подобной книги, если право на изданіе ея перейдетъ къ какому-нибудь фанатику противнаго лагеря? Возьмемъ-те одинъ только примѣръ. Джонъ Весли умеръ всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; будь законъ такимъ, какимъ его предлагаетъ мой почтенный и ученый другъ, всѣ его сочиненія были бы теперь собственностью какого-нибудь отдѣльнаго лица. Секта, основанная Весли, самая многочисленная, самая богатая, самая могущественная, самая фанатическая изъ сектъ. При парламентскихъ выборахъ крайне важно имѣть поддержку веслеянскихъ методистовъ. Число ихъ простирается до сотенъ тысячъ. Память основателя хранится съ величайшимъ благоговѣніемъ, и не безъ причины, потому что онъ былъ несомнѣнно великимъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ. Они постоянно руководствуются его авторитетомъ. Въ ихъ глазахъ сочиненія его безцѣнны. Въ его ученіи они видятъ лучшую теологическую систему, когда-либо выведенную изъ Священнаго писанія. Его дневники, интересныя для всякаго, особенно привлекательны для методистовъ, потому что содержатъ въ себѣ всю исторію этой странной коммуны, которая изъ слабой и презрѣнной сдѣлалась—по прошествіи столѣтія—столь сильной, богатой и грозной. Гимны его составляютъ весьма важную часть богослуженія его послѣдователей. Представьте себѣ, что право на изданіе этихъ сочиненій принадлежало бы

человѣку, неавидящему какъ память Весли, такъ и доктрины и дисциплину методистовъ. Такихъ людей много. Духовный судъ въ настоящее время разсматриваетъ дѣло священника установленной церкви, отказавшаго въ христіанскомъ погребеніи ребенку, крещенному методистскимъ проповѣдникомъ. На дняхъ я просматривалъ сочиненіе, считающееся однимъ изъ самыхъ почтенныхъ органовъ обширной партіи англиканской церкви; Весли называли въ ней клятвопреступнымъ священникомъ. Представьте себѣ, что сочиненія Весли были бы изъяты изъ обращенія. Этого было бы достаточно для потрясенія основъ государства. Пусть послѣдователи англиканской церкви подумаютъ, каковы были бы ихъ чувства, еслибъ «*Общій Молитвословъ*» не перепечатывался въ продолженіе тридцати или сорока лѣтъ, еслибъ цѣна его дошла до пяти или десяти гиней. Послѣ этого пусть они обдумаютъ, пропустятъ ли они законъ, при которомъ возможно и даже вѣроятно, что такая нестерпимая несправедливость можетъ быть причинена сектѣ, состоящей почти изъ полумилліона гражданъ.

Я такъ благодаренъ палатѣ за любезность, съ которою она выслушала меня, что я, милостивый государь, не желаю болѣе задерживать васъ. Я прибавлю только одно: если предлагаемая мѣра будетъ принята и причинитъ только десятую часть того зла, котораго можно ожидать и котораго я неминуемо ожидаю, то скоро явится противъ него средство, хотя и весьма сомнительнаго достоинства. Точно такъ же какъ браконьеры отмѣнили на дѣлѣ нелѣпный законъ, запрещавшій продажу дичи, точно такъ же какъ контрабандисты отмѣнили на дѣлѣ нѣкоторые нелѣпые таможенные законы, такъ пираты-книгопродавцы отмѣнятъ на дѣлѣ и этотъ законъ. Въ настоящее время владѣтель какой-нибудь литературной собственности имѣетъ общественное мнѣніе на своей сторонѣ. На нарушителя литературной собственности всякій смотритъ какъ на негодяя, отнимающаго хлѣбъ у достойнаго человѣка. Всякій радуется, когда законъ заставляетъ его возратить неправильно пріобрѣтенныя деньги. Ни одинъ купецъ, дорожащій своей репутаціей, не пустится на такія унизительныя операціи. Но пропустите предлагаемый законъ, и мнѣніе пере-

мѣнится. Люди, вовсе не похожіе на пиратовъ—книгопродавцевъ, скоро нарушать невыносимую монополію. Огромные капиталы пойдутъ на то, чтобы обойти законъ; всякія хитрости будутъ употреблены на то, чтобы ускользнуть отъ преслѣдованія, и вся нація будетъ участвовать въ заговорѣ. Въ самомъ дѣлѣ, на чьей сторонѣ можетъ быть общественное мнѣніе, когда вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы книги, столь популярныя, какъ «*Робинзонъ Крузо*» или «*Путешествіе Странника*», могли находиться въ каждой хижинѣ, или же только въ библіотекѣ богача, — и это въ угоду праправнука какого-нибудь книгопродавца, который сто лѣтъ тому назадъ купилъ рукопись за бездѣлицу у нуждавшагося автора. Примите во вниманіе и то, что съ той минуты, какъ перестанутъ смотрѣть на нарушеніе литературной собственности какъ на зло и безчестіе, нельзя разсчитать, гдѣ кончится это нарушеніе. Публика рѣдко пускается на тонкости. Настоящій законъ о литературной собственности будетъ раздѣлять непопулярность и опасности новаго закона, который вы намѣрены издать. И вы увидите, что, желая наложить неразумныя ограниченія на перепечатываніе сочиненій умершихъ авторовъ, вы уничтожите тѣ ограниченія, которыя теперь ограждаютъ живыхъ. Еслибъ я, милостивый государь, могъ предвидѣть, что билль зтогъ будетъ измѣненъ въ комитетѣ до такой степени, что устранивать мои возраженія, я не потребовалъ бы собранія голосовъ. Но такъ какъ я вполне убѣжденъ, что только измѣненія, невыносимыя для моего почтеннаго и ученаго друга, могли бы сдѣлать проектъ выносимымъ для меня, то я вынужденъ предложить, хотя и съ сожалѣніемъ, чтобы билль былъ прочтенъ вторично по прошествіи шести мѣсяцевъ.

*

РѢЧЬ О ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ,

**ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ КОМИТЕТѢ ПАЛАТЫ ОБЩИНЪ 6 АПРѢЛЯ
1842 г.**

3-го марта 1842 г. лордъ Магонъ получилъ позволеніе представить билль объ измѣненіи закона о литературной собственности. Этотъ билль простиралъ право на изданіе книги на двадцать пять лѣтъ со дня смерти автора.

6-го апрѣля было обсужденіе билля въ комитетѣ, предсѣдателемъ котораго былъ м-ръ Гринъ. Послѣ нѣкоторой разногласицы, планъ, предложенный въ слѣдующей рѣчи, былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями.

М-ръ Гринъ,

Не мало позабавили и удовлетворили меня замѣчанія, сдѣлан-

ныя моимъ благороднымъ другомъ, (1) по поводу аргументовъ, которыми я склонилъ послѣднюю палату общинъ не принимать билля, предложеннаго весьма почтеннымъ и способнымъ человекомъ, и-ромъ Тальфордомъ. Мой благородный другъ сдѣлалъ мнѣ великую и рѣдкую честь. Это кажется первый разъ, что на рѣчь, произнесенную въ одной палатѣ, отвѣчаютъ въ другой. Мнѣ не трудно было бы защищать разумность причинъ, приведенныхъ мною прежде, выставить ихъ въ болѣе ясномъ свѣтѣ и подкрѣпить ихъ еще многими фактами. Но мнѣ кажется лучше обсуживать билль, лежащій теперь на столѣ, чѣмъ тотъ, который былъ предложенъ четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ. Мнѣ очень пріятно видѣть, что разница между обоими биллями весьма значительна и что мой благородный другъ, хотя и опровергаетъ мои аргументы, однако дѣйствуетъ какъ будто-бы былъ ими убѣжденъ. Я говорилъ противъ шестидесятилѣтняго срока, какъ слишкомъ продолжительнаго. Мой благородный другъ предлагаетъ двадцать пять лѣтъ. Я предостерегалъ палату, что при биллѣ м-ра Тальфорда цѣнныя произведенія могли бы легко быть изъяты изъ обращенія представителями авторовъ. Мой благородный другъ придумалъ условіе, которое по его мнѣнію предостережетъ отъ этой опасности. Я поэтому не стану терять времени на разсмотрѣніе пунктовъ, въ которыхъ онъ уступилъ, и примусь прямо за дѣло.

Я, милостивый государь, ничего не имѣю противъ сущности билля моего благороднаго друга. Я ничего не имѣлъ и противъ принципа прошлагодняго билля. Я давно думалъ, что срокъ литературной собственности долженъ быть увеличенъ. Когда м-ръ Тальфордъ просилъ позволенія представить свой билль, я не противился этому. Я въ сущности хотѣлъ подать голосъ въ пользу вторичнаго чтенія и оставить свои замѣчанія для комитета. Но ученый адвокатъ не оставилъ мнѣ выбора. Онъ въ строгихъ выраженіяхъ просилъ, чтобы никто не подавалъ голосъ за него, изъ тѣхъ, кто не былъ согласенъ на шестидесятилѣтній срокъ.

(1) Лордъ Магонъ.

«Вовсе не давайте мнѣ вашего голоса, говорилъ онъ, если вы думаете прибавить какія-нибудь ничтожныя четырнадцать или пятнадцать лѣтъ къ принятому теперь сроку. Такой поддержки я не желаю. Я презираю ее.» Такъ какъ я не хотѣлъ навязывать ученому адвокату поддержку, которую онъ презиралъ, мнѣ пришлось спросить мнѣніе палаты по поводу втораго чтенія. Обстоятельства тѣ же самыя. Билль моего благороднаго друга нельзя пока назвать хорошимъ биллемъ, но изъ него можно сдѣлать очень хорошій билль; и я увѣренъ, что онъ не возьметъ его назадъ послѣ улучшенія. Мы съ нимъ идемъ къ одной цѣли, но мы расходимся въ средствахъ къ достиженію ея. Мы одинаково желаемъ обезпечить писателей. Вопросъ въ томъ, чтобы по возможности увеличить вознагражденіе писателей съ наименьшимъ неудобствомъ для публики.

Въ настоящее время законъ слѣдующій: авторъ въ продолженіе двадцати осьми лѣтъ имѣетъ право на изданіе своихъ сочиненій, если же онъ переживетъ этотъ срокъ, право на изданіе остается за нимъ до смерти.

Мой благородный другъ не предлагаетъ увеличить двадцати-осьмилѣтній срокъ, но желаетъ, чтобы литературная собственность была обезпечена на двадцать пять лѣтъ послѣ смерти автора. Такимъ образомъ мой благородный другъ не прибавляетъ ничего къ опредѣленному сроку и прибавляетъ очень много къ неопредѣленному.

У меня другой планъ. Я ничего не прибавилъ бы къ неопредѣленному сроку и значительно увеличилъ бы срокъ опредѣленный. Я предлагаю прибавить четырнадцать лѣтъ къ двадцати осьми годамъ, обезпеченнымъ теперь за авторомъ. Право его на изданіе будетъ такимъ образомъ продолжаться до смерти, или до исхода сорока двухъ лѣтъ, смотря по тому, что прежде случится. Я полагаю, что буду въ состояніи доказать комитету, что мой планъ будетъ болѣе полезенъ литературѣ и литераторамъ, чѣмъ планъ моего благороднаго друга.

Вѣроятно, милостивый государь, всякій согласится, что наше покровительство книгамъ должно быть распределено по возмож-

ности справедливо, что каждая книга должна быть обеспечена въ-мѣру, и ни одна чрезъ-мѣру. Было бы очевидно нелѣпостью положить въ колесо билеты, съ различными номерами и заставлять писателей вынимать наудачу — одному срокъ въ двадцать восемь лѣтъ, другому въ пятьдесятъ, третьему въ девяносто. Между тѣмъ, мой благородный другъ предлагаетъ устроить именно такую лотерею. Я знаю, что намъ нельзя вполне избѣгнуть случайностей. Есть два срока литературной собственности—одинъ опредѣленный, другой неопредѣленный, и я допускаю, что намъ нельзя отдѣлаться отъ неопредѣленнаго срока. Естественно, что право на изданіе должно остаться за авторомъ пожизненно. Но, милостивый государь, хотя мы и не въ силахъ исключить случай вполне, мы все-таки можемъ уменьшить вліяніе его на распредѣленіе награды гению и учености. По мѣрѣ того, какъ мы увеличиваемъ опредѣленный срокъ, мы уменьшаемъ вліяніе случая. Меня лучше поймутъ, если я приведу примѣръ. Возьмите двухъ замѣчательныхъ писательницъ, которыя умерли на нашей памяти—m-me д'Арвлэ и миссъ Оустенъ. При настоящемъ законѣ, право на изданіе прелестныхъ романовъ миссъ Оустенъ продолжалось бы отъ двадцати осьми до тридцати трехъ лѣтъ, потому что эта замѣчательная женщина умерла рано: она умерла, когда гений ея не былъ еще вполне оцѣненъ. M-me д'Арвлэ пережила все поколѣніе, къ которому принадлежала. Право на изданіе ея знаменитой повѣсти «*Evelina*» продолжалось, при настоящемъ законѣ, шестьдесятъ два года. Это—сильная несправедливость, шестьдесятъ два года для «*Evelina*» и двадцать восемь для «*Persuasion*». Но эта несправедливость кажется еще недостаточною моему почтенному другу. Онъ предлагаетъ прибавить двадцать пять лѣтъ къ сроку m-me д'Арвлэ и ни одного дня къ сроку миссъ Оустенъ. Право на изданіе «*Persuasion*» продолжалось бы двадцать восемь лѣтъ, какъ и теперь, а право на изданіе «*Evelina*» продолжалось бы втрое дольше, а именно восемьдесятъ семь лѣтъ. Разумно ли это? Посмотрите теперь на послѣдствія моего предложенія. Я ничего не прибавляю къ шестидесяти двумъ годамъ m-me д'Арвлэ, которые я считаю вполне достаточными, но я простираю срокъ миссъ Оустенъ на

сорокъ два года, что по моему мѣнью не лишнее. Вы видите, милостивый государь, что въ настоящее время случай играетъ слишкомъ большую роль, что государство покровительствуетъ литературѣ безъ всякой справедливости. Вы видите, что будъ планъ моего благороднаго друга принять, случай будетъ играть еще бѣльшую роль, чѣмъ теперь, и вы увидите несправедливости, которыхъ нѣтъ при настоящей системѣ. Вы видите также, что при моей системѣ вы будете имѣть, хотя и не полную справедливость, но все-таки бѣльшую, чѣмъ теперь.

Но это еще не все. Планъ моего благороднаго друга нетолько допускаетъ лотерею, въ которой одни писатели получаютъ выигрышъ, а другіе пустые билеты. Его лотерея устроена такъ, что въ большинствѣ случаевъ пустые билеты придутся на долю хорошихъ книгъ, а выигрыши на долю посредственныхъ.

Возьмите Шекспира. Мой благородный другъ даетъ больше вознагражденія, нежели даетъ мой проектъ, «*Love's Labour's Lost*» и «*Периклу, принцу Турскому*», но меньше — «*Отелло*» и «*Макбету*».

Возьмемъ-те Мильтона. Онъ умеръ въ 1674 г. По плану моего благороднаго друга, право на изданіе великихъ его сочиненій простиралось бы до 1699 г. «*Комусъ*» вышелъ въ 1634 г., «*Потерянный Рай*» въ 1668 г. Право на изданіе «*Комуса*» продолжалось бы шестьдесятъ пять лѣтъ, а право на изданіе «*Потеряннаго Рая*» только тридцать одинъ годъ. Разумно ли это? «*Комусъ*» — благородная поэма; но кто поставитъ ее рядомъ съ «*Потеряннѣмъ Раемъ*»? По моему плану право на изданіе обѣихъ поэмъ продолжалось бы сорокъ два года.

Перейдемъ-те отъ Мильтона къ Драйдену. Мой благородный другъ даетъ шестьдесятъ лѣтъ литературной собственности худшимъ изъ его сочиненій, хвалебнымъ стихамъ на Кромвеля, «*Wild Gallant*», «*Rival Ladies*» и другимъ несчастнымъ произведеніямъ, стоящимъ на-ряду съ худшими сочиненіями Флекно или Сеттля; но «*Теодора и Гонорію*», «*Таттрета и Сизимунду*», «*Кимона и Ифигенію*» и «*Пиръ Александра*» онъ считаетъ достойными только двадцати осьми лѣтъ. Изъ всѣхъ произведе-

ній Попа мой благородный другъ даетъ самое продолжительное покровительство тому пастушескихъ стихотвореній, замѣчательныхъ только какъ произведенія мальчика. Первая книга Джонсона была переводъ «*Путешествій въ Абиссиніи*», изданный въ 1735 г. Переводъ былъ такъ плохъ, что Джонсонъ не любилъ впоследствии, чтобы о немъ вспоминали. Босвелль отыскалъ какъ-то экземпляръ этого сочиненія и объявилъ о находкѣ своему другу. «Не говорите мнѣ объ этомъ», сказалъ Джонсонъ; эта вещь должна быть забыта.» Этому труду мой благородный другъ даетъ покровительство въ семьдесятъ пять лѣтъ. А «*Lives of the Poets*» пользовались бы этимъ покровительствомъ только тридцать лѣтъ. Возьмемъ-те Фильдинга; первыя его сочиненія читаются только любопытными, и даже они не читали бы ихъ, еслибъ не слава автора, которую онъ приобрѣлъ позднѣйшими сочиненіями. Какова цѣнность «*Temple Beau*» или «*Intriguing Chambermaid*» и полдюжины другихъ сочиненій, о существованіи которыхъ рѣдко кто и знаетъ? Между тѣмъ право на изданіе этихъ дрянныхъ пьесъ продолжалось бы двадцатью годами долѣе «*Тома Джонса*» и «*Амеліи*».

Перейдемъ-те къ Борку. Его маленькая диссертация «*Защита естественнаго общества*» конечно не безъ достоинствъ; но кто помнилъ бы ее, еслибъ она не была подписана именемъ Борка. Право на изданіе этой диссертации продолжалось бы около семидесяти лѣтъ, тогда какъ сочиненіе о Французской Революціи, «*Апелляція Новыхъ Виговъ къ Старымъ*», письма «*О Царевубійственномъ Мирѣ*» не имѣли бы больше тридцати лѣтъ.

Обратите вниманіе, милостивый государь, что я не подбираю примѣровъ тамъ и сямъ, для того только, чтобы лучше выставить свое мнѣніе. Я беру величайшія имена нашей литературы въ хронологическомъ порядкѣ. Обратитесь къ другимъ націямъ, къ другимъ временамъ, общее правило останется все то же. Литературной собственности не существовало въ Аѳинахъ и въ Римѣ, но исторія греческой и латинской литературы поддерживает мое мнѣніе такъ же хорошо, какъ еслибъ литературная собственность существовала въ древнія времена. Изъ всѣхъ про-

изведеній Софокла самое ничтожное вознагражденіе пришлось бы, по плану моего благороднаго друга, на «*Эдипа*», это великолѣпнѣйшее изъ сочиненій. Кто поставитъ рядомъ рѣчь Демосокна за корону съ рѣчью противъ его опекуновъ? Мой благородный другъ не поставилъ бы ихъ въ одномъ разрядѣ, потому что рѣчи противъ опекуновъ онъ обезпечилъ бы право на изданіе на семьдесятъ лѣтъ, а неподражаемой рѣчи за корону только половину этого срока. Перейдемъ-те къ Риму. Срокъ литературной собственности юношеской декламации Цицерона въ защиту Американа былъ бы вдвое продолжительнѣе срока «*Второй Филиппики*». Перейдите къ Франціи; мой благородный другъ далъ бы «*Братьямъ Врагамъ*» Расина срокъ вдвое продолжительнѣе, чѣмъ его «*Аталии*», и «*Внутреннику*» Мольера—чѣмъ его «*Тартюфу*». Перейдите къ Испаніи. Мой благородный другъ далъ бы болѣе продолжительный срокъ забытымъ, никѣмъ не читаемымъ произведеніямъ Сервантеса, чѣмъ его «*Донъ-Кихоту*». Перейдите къ Германіи. По плану моего благороднаго друга, изъ всѣхъ сочиненій Шиллера всего больше были бы вознаграждены «*Разбойники*»; а изъ всѣхъ сочиненій Гёте—«*Страданія Вертера*». Я благодарю комитетъ за терпѣніе, съ которымъ онъ выслушиваетъ этотъ длинный перечень. Слушатели мои поймутъ—я увѣренъ—что не педантизмъ заставляетъ меня называть такъ много именъ. Но какъ при преніяхъ о гражданскихъ дѣлахъ мы беремъ примѣры изъ гражданской исторіи, такъ должны брать примѣры изъ исторіи литературы при преніяхъ о литературной собственности. Теперь, милостивый государь, я, кажется, доказалъ, что планъ моего благороднаго друга давалъ бы юношескимъ, несовершеннымъ сочиненіямъ преимущество предъ величайшими произведеніями генія. Невозможно приписать факты, приведенные мною выше, одному случаю. Число ихъ слишкомъ велико, характеръ ихъ слишкомъ однообразенъ. Слѣдуетъ искать другое объясненіе, найти которое будетъ не трудно.

По законамъ нашей природы, умъ достигаетъ полной силы только постепенно; это въ особенности оправдывается на великихъ людяхъ. Мы, конечно, часто бываемъ обязаны очень хорошими произведеніями молодымъ людямъ; но не найдется ни

одного первокласснаго писателя, юношескія произведенія котораго были бы лучшими. Едвали кто-нибудь станеть оспаривать, что всё хорошія сочиненія по исторіи, филологіи, политической экономіи, естественнымъ и метафизическимъ наукамъ принадлежатъ людямъ зрѣлыхъ лѣтъ. Вопросъ не такъ ясенъ, когда дѣло касается произведеній воображенія. Между тѣмъ, я не знаю ни одного великаго произведенія фантазій, которое принадлежало бы человѣку моложе тридцати пяти лѣтъ. Каковы бы ни были силы юноши, невозможно, чтобы его вкусъ и сужденіе были уже зрѣлы, чтобы его воображеніе изобиловало образами, чтобы онъ зналъ превратности жизни и успѣлъ подмѣтить мелкіе оттѣнки характеровъ. Мармонтель очень вѣрно сказалъ: «какъ можетъ человѣкъ писать портреты, когда онъ не видѣлъ ни одного лица?» Въ цѣломъ, я могу, кажется, сказать утвердительно и не опасаясь противорѣчій, что изъ всѣхъ хорошихъ книгъ, существующихъ теперь въ мірѣ, больше девятнадцати двадцатыхъ были напечатаны, когда писатели достигли уже сорокалѣтняго возраста. Если это такъ, то естественно, что планъ моего благороднаго друга основанъ на ложномъ принципѣ, потому что онъ даетъ юношескимъ произведеніямъ гораздо большее покровительство, чѣмъ теперешній законъ, дѣлаеть сравнительно очень мало для произведеній людей въ полной силѣ таланта и ровно ничего не дѣлаеть для произведеній послѣднихъ трехъ годовъ жизни писателя. Потому что при существующемъ законѣ право на изданіе продолжается двадцать восемь лѣтъ со дня выхода, а мой благородный другъ даетъ только двадцать пять лѣтъ со дня смерти автора.

Я предлагаю, чтобы опредѣленный срокъ, считаемый со дня выхода, былъ въ сорокъ два года вмѣсто двадцати осьми. Этотъ планъ не допускаеть ни колебаній, ни несправедливости. Каждая книга будетъ пользоваться одинаковыми правами. Ни одно сочиненіе не будетъ представлять ни такой продолжительной литературной собственности, ни такой короткой, какъ выходитъ по плану моего благороднаго друга. Право на изданіе не будетъ доходить до девяноста лѣтъ, но не будетъ кончатся и двадцатью осью годами. Всѣмъ книгамъ, напечатаннымъ въ послѣдніа семнадцать

лѣтъ жизни автора, я даю болѣе продолжительное право на изданіе, чѣмъ мой благородный другъ; и увѣренъ, что никто изъ знающихъ литературу не станетъ опровергать, что, вообще говоря, лучшія произведенія приходятся обыкновенно на послѣднія семнадцать лѣтъ жизни автора. Я вкратцѣ укажу на нѣсколько великихъ произведеній англійской литературы, для которыхъ мой планъ выгоднѣе плана моего почтеннаго друга. Я даю болѣе продолжительное, нежели мой благородный другъ, право на изданіе слѣдующимъ сочиненіямъ: «*Лиру*», «*Макбету*», «*Отелло*», «*Потерянному Раю*»; «*Новит Органит*» и «*De Augmentis*» Бакона; «*Опытъ о челоувѣческомъ пониманіи*» Локка; исторіи Кларендона, Гиббона, Юма; «*Богатству народовъ*» Смита; «*Зрителю*» Аддисона, почти всѣмъ сочиненіямъ Борка, «*Клариссъ*», «*Тому Джонсу*» и всѣмъ романамъ Вальтеръ-Скотта, за исключеніемъ «*Веверлекъ*». Можетъ ли онъ прибрать такой же перечень? Не назвалъ ли я всѣ величайшія имена Англии, въ поэзіи, философіи, исторіи, краснорѣчіи, остроуміи? Я поэтому не стѣсняясь совѣтую комитету отдать предпочтеніе моему плану. Я доказалъ, что его покровительство литературѣ не справедливо. Я доказалъ, что онъ даетъ покровительство книгамъ въ обратномъ отношеніи къ ихъ достоинству. Я предлагаю замѣнить двадцатипятилѣтній и двадцатисемилѣтній срокъ срокомъ въ «сорокъ два года». Я надѣюсь, что комитетъ приметъ эти измѣненія, и вполне убѣжденъ, что въ такомъ видѣ планъ моего благороднаго друга будетъ очень полезенъ литераторамъ, съ наименьшей долей неудобства для публики.

РѢЧЬ О СОСТОЯНІИ ИРЛАНДІИ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ПАЛАТѢ ОБЩИИЪ 19-ГО ФЕВРАЛЯ 1844 Г.

13-го февраля 1844 г. лордъ Джонъ Россель предложилъ, чтобы палата составила комитетъ для обсужденія положенія Ирландіи. Послѣ преній, длившихся девять ночей, предложеніе было отвергнуто 324 головами противъ 225. Въ пятую ночь преній была произнесена слѣдующая рѣчь.

Не могу не поздравить васъ, милостивый государь, и всю палату, что вы не замѣтили меня, когда я въ первый разъ всталъ. Мнѣ было бы очень досадно, еслибъ я помѣшалъ ирландскому члену обратиться къ палатѣ по поводу предмета столь близко касающагося Ирландіи, и особенно досадовалъ бы, что сталъ на дорогѣ почтеннаго джентльмена, который сегодня защищалъ дѣло своей родины съ такой силой и такимъ краснорѣчіемъ. (1)

(1) М-ръ О'Бриенъ.

Мнѣ очень жаль, что совѣсть моя никакъ не можетъ помириться съ совѣтомъ, только-что даннымъ мнѣ почтеннымъ моимъ другомъ членомъ за Помфретъ, ⁽¹⁾ несмотря на весь авторитетъ, который—какъ онъ самъ объявилъ—принадлежитъ его почтенной молодости. Я никакъ не могу согласиться съ нимъ, что всего разумнѣе съ нашей стороны не вмѣшиваться въ образъ дѣйствій министровъ ея Величества, потому что вижу, что образъ дѣйствій ихъ положительно вреденъ. По этимъ простымъ причинамъ я поддерживаю предложеніе моего благороднаго друга.

Вопервыхъ, я утверждаю, что Ирландія находится въ положеніи очень неудовлетворительномъ, даже опасномъ.

Вовторыхъ, я утверждаю, что въ положеніи Ирландіи въ сильной степени виноваты министры ея Величества, которые показали, что они, ни какъ законодатели, ни какъ администраторы, не способны уменьшить зло, ими самими причиненное.

Слѣдовательно, милостивый государь, если я докажу эти два предложенія, ясно, что вмѣшаться въ это дѣло составляетъ конституціонное право и обязанность представителей націи, и я нахожу, что предложеніе моего благороднаго друга составить комитетъ изъ всей палаты—предложеніе разумное и вполнѣ конституціонное.

Первое мое положеніе едва ли будетъ оспариваемо. Обѣ стороны палаты вполнѣ согласны съ тѣмъ, что состояніе Ирландіи таково, что можетъ возбудить сильныя опасенія. Островъ этотъ по обширности составляетъ четвертую часть Соединеннаго королевства, по народонаселенію больше четвертой части; по плодородію онъ стоитъ вѣроятно выше любой территоріи такой же величины во всей Европѣ; подобныя облегченія торговлѣ нигдѣ, вѣроятно, не найдутся при подобныхъ размѣрахъ береговъ; страна эта даетъ неисчислимое количество храбрыхъ солдатъ и вообще гораздо важнѣе для силы и достоинства великой нашей имперіи, нежели всѣ наши отдаленныя владѣнія, взятые вмѣ-

(1) М-ръ Р. Мильнзъ.

стѣ, важнѣе Канады и Вестъ-Индіи, даже если прибавить сюда Южную Африку, Австралійскія владѣнія, Цейлонъ и обширныя владѣнія Могола. И эта страна, милостивый государь, признается всѣми такою безпокойною и дотога дурно настроенной, что она ничего не прибавляетъ къ нашему могуществу, но скорѣй убавляетъ его. Вы соглашаетесь, что управляете этимъ островомъ не такъ, какъ управляете Англіей и Шотландіей, а такъ, какъ управляете новыми завоеваніями, не посредствомъ уваженія народа къ закону, а посредствомъ штыковъ, артиллеріи, укрѣпленныхъ лагерей.

Первое предложеніе я считаю доказаннымъ. Состояніе Ирландіи опасно. Теперь остается еще вопросъ: должны ли министры ея Величества отвѣчать за это состояніе Ирландіи?

Я конечно съ перваго слова соглашаюсь съ тѣмъ, что часть недуговъ слѣдуетъ приписать причинамъ, въ которыхъ неповинны какъ министры ея Величества, такъ и вообще всѣ государственные люди нашего времени. Не стану утомлять палату длиннымъ разсужденіемъ объ этихъ причинахъ, но мнѣ кажется необходимымъ поговорить о нихъ вкратцѣ. Для этого, милостивый государь, нужно возвратиться къ періоду, когда не родились еще государственные люди, сидящіе въ этой палатѣ, когда не существовали даже великія партіи, которыми предводительствуютъ эти государственные люди; когда названія Тори и Вигъ, Круглоголовый и Кавалеръ не вошли еще въ употребленіе; когда не было еще тѣхъ пуританъ, которымъ почтенный членъ за Шрусбери⁽¹⁾ приписываетъ, въ очень остроумной рѣчи, всѣ несчастія Ирландіи.

Первой причиной нужно считать, конечно, тѣ обстоятельства, при которыхъ Ирландія сдѣлалась подвластною англійской коронѣ. Присоединеніе было слѣдствіемъ завоеванія, и завоеванія особеннаго рода. Не къ такимъ завоеваніямъ привыкли мы въ современной Европѣ. Оно было не такимъ, какимъ присоединились

(1) М-ръ Дизраели.

Артуа и Франшъ-Конте къ Франціи, или Силезія къ Пруссіи. Это была побѣда расы надъ расою, подобно тому, какъ установилось владычество испанцевъ надъ американскими индѣйцами, или владычество мараттовъ надъ поселенцами Гужерата и Танжора. Владычество націи надъ націей мнѣ кажется худшей изъ всѣхъ тиранній. Народности, разъединенныя морями и горными цѣпями, могутъ называть другъ друга естественными врагами, могутъ вести продолжительныя войны, могутъ гордиться побѣдами, одержанными другъ надъ другомъ, хвалиться знаменами, пушками, кораблями, захваченными у непріятеля. Но взаимная ненависть такихъ народовъ никогда не сравнится съ ненавистью народовъ, соединенныхъ по географическому положенію, но никогда не сходящихся въ нравственномъ и политическомъ мірѣ. Таково было положеніе англичанъ и ирландцевъ. Несмотря на то, можно было надѣяться, что время и цивилизація уничтожатъ различіе между притѣснителемъ и притѣсненнымъ. И нашъ островъ страдалъ отъ того же зла. Саксы угнетали кельтовъ, датчане—саксовъ, норманны—кельтовъ, саксовъ и датчанъ. Между тѣмъ въ продолженіе вѣковъ изъ четырехъ націй произошелъ великій англійскій народъ. Тоже самое случилось бы вѣроятно въ Ирландіи, еслибъ не Реформація. Англійскіе переселенцы перешли къ протестантскимъ доктринамъ, принятымъ въ Англіи. Туземные жители были единственнымъ изъ народовъ сѣверной Европы оставшимся при старой вѣрѣ. Этимъ усилилось разединеніе между обѣими націями. Къ старой ненависти прибавилась новая, еще болѣе сильная. Потомъ случились обстоятельства, на которыя указываетъ почтенный членъ за Шрусбери. Духъ свободы въ Англіи былъ тѣсно соединенъ съ духомъ пуританизма и смертельно враждебенъ папству. Такіе люди, какъ Гампденъ, Венъ, Мильтонъ, Локкъ, хотя вообще страстные приверженцы гражданской свободы и свободы убѣжденій, считали терпимость къ католическому вѣроисповѣданію вредною. Съ другой стороны, всѣ четыре государя изъ дома Стюартовъ покровительствовали католикамъ гораздо больше, чѣмъ любому разряду протестантскихъ нонконформистовъ. Іаковъ I надѣялся одно время на примиреніе съ Ватиканомъ. Карлъ I вступилъ въ тайные

переговоры съ цѣлю выхлопотать индульгенцію римскимъ католикамъ. Карлъ II былъ тайнымъ католикомъ. Яковъ II—явнымъ католикомъ. Поэтому, въ продолженіе всего XVII в. свобода Ирландіи и рабство Англіи значили одно и тоже. Всѣ имена, мѣста, дни, соединенные у англичанъ съ воспоминаніемъ объ освобожденіи, благоденствіи, національномъ достоинствѣ, были у ирландцевъ соединены съ порабощеніемъ, разореніемъ и униженіемъ. Примѣры тому память о Вильгельмѣ III, день сраженія при Бойнѣ. Меня очень поразило обстоятельство, случившееся въ день, который я не могу вспомнить безъ чувства гордости и благодарности, день, въ который я имѣлъ великую честь быть выбраннымъ первымъ изъ двухъ членовъ за Лидсъ. Карета моя была покрыта оранжевыми лентами, лошади были едва видны изъ-за украшеній оранжеваго цвѣта. Оранжевыя кокарды были на всѣхъ шляпахъ, оранжевыя ленты развѣвались на всѣхъ окнахъ. Нечего прибавлять, что избиратели мои были подобно мнѣ приверженцами эманципаціи католиковъ. Я не могъ не замѣтить, что званіи были выбраны не совсѣмъ удачно. Мнѣ объяснили, что приверженцы эманципаціи католиковъ въ Йоркширѣ всегда соединялись подъ оранжевымъ знаменемъ, что это былъ цвѣтъ Джорджа Савила, который ввелъ законъ, имѣвшій слѣдствіемъ антипапистскія возмущенія 1780 г.; что въ той самой каретѣ, въ которой я сидѣлъ, лордъ Мильтонъ, теперь графъ Фитцвидгамъ, держалъ торжественный въѣздъ послѣ великой побѣды, одержанной имъ въ 1807 г. надъ антипапистскою партией, предводительствуемой тогда Гервудами. Я подумалъ тогда, какое впечатлѣніе подобная процессія произвела бы въ Лимерикѣ или Коркѣ; съ какими криками ненависти и бѣшенствомъ обитатели этихъ городовъ преслѣдовали бы тотъ самый оранжевый флагъ, который въ Йоркширѣ напоминаетъ римскому католику о побѣдѣ, одержанной въ пользу самыхъ дорогихъ ему нравъ. Обстоятельство это, какъ оно ни незначительно, хорошо выказываетъ разницу между исторіей Англіи и исторіей Ирландіи.

Въ продолженіе XVII в. ирландцы два раза поднимались противъ англійской колоніи. Два раза они были усмирены и строго наказаны. Первое возмущеніе было подавлено Оливеромъ Крам-

велемъ, второе—Вильгельмомъ III. Эти два великіе мужа воспользовались своей побѣдой не одинаковымъ образомъ. Политика Кромвеля была мудра, строга, неуклонна и жестока. Ее можно характеризовать однимъ словомъ, бывшимъ тогда, по убѣренію Кларендона, часто въ устахъ англичанъ. Это слово было—истребленіе. Цѣлью Кромвеля было сдѣлать Ирландію совершенно англосаксонскою и протестантскою. Живи онъ двадцатью годами больше, онъ достигъ бы, пожалуй, своей цѣли; но онъ умеръ и планъ его умеръ съ нимъ. Политика Вильгельма или, вѣрнѣе, политика людей, съ которыми ему по необходимости приходилось совѣтоваться, была менѣе ловка, менѣе энергична и, хотя съ виду гуманнѣе, на дѣлѣ можетъ-быть не менѣе жестока. Объ истребленіи не было рѣчи. Ирландскимъ католикамъ позволялось жить, плодиться и заселять міръ; но ихъ обрекли на судьбу илотовъ въ Спартѣ, грековъ подъ оттоманскимъ владычествомъ и, въ наше время, негровъ въ Нью-Йоркѣ. Каждый членъ побѣжденной касты былъ строго исключенъ изъ общественной дѣятельности. Какую дорогу онъ ни избери, его всюду встрѣчали самыя оскорбительныя ограниченія. Онъ могъ жить безопасно на родной землѣ, только держась въ сторонѣ, въ совершенномъ бездѣйствіи. Желалъ ли онъ власти и почестей, емуир ежде всего нужно было эмигрировать. Добивался ли онъ военной славы, онъ долженъ былъ искать маршальскаго жезла въ арміяхъ Франціи или Австріи. Имѣлъ ли онъ способности къ политической дѣятельности, онъ могъ отличаться въ дипломатіи Италіи или Испаніи. Только у себя дома онъ оставался простымъ дровосѣкомъ или водовозомъ. Книга статутовъ Ирландіи наполнена законами, вполне оправдывающими всѣ жалобы, которыми католики отвѣчаютъ на наши толки о жестокостяхъ Боннера и Гардинера; и жестокость законовъ была еще усилена ненавистной администраціей. Какъ ни дурны были законодатели, учрежденія были еще хуже. Въ эти печальныя времена началась несчастная вражда между помѣщикомъ и арендаторомъ, составляющая одно изъ главныхъ золъ Ирландіи. Угнетеніе и мятежность взаимно порождали другъ друга. Деревенскимъ тиранамъ противодействовали деревенскіе бандиты. Суды и присяжные существовали только

въ пользу господствующей секты. Съ священниками, на которыхъ милліоны смотрѣли какъ на естественныхъ своихъ покровителей и совѣтниковъ, какъ на единственныхъ законныхъ толкователей христіанскихъ истинъ, единственно законныхъ раздавателей таинствъ,—съ этими священниками сквайры господствующей партіи и ихъ жены обращались какъ никогда порядочный человѣкъ не обращался съ самымъ презрѣннымъ нищимъ. Такимъ образомъ прошло столѣтіе. Тогда началась французская революція и великое движеніе умовъ въ Европѣ. Было бы неестественно, еслибъ Ирландія осталась спокойною, когда самыя счастливыя и спокойныя націи были волнуемы неопредѣленными неудовольствиями и неопредѣленными надеждами. Якобинизмъ, по правдѣ сказать, былъ не совсѣмъ естественнымъ союзникомъ римско-католической вѣры. Но общая ненависть доводитъ до странныхъ союзовъ, и странный союзъ былъ заключенъ. Началось третье возстаніе ирландцевъ противъ англійскаго и протестантскаго владѣнства. Возстаніе было усмирено оружіемъ и лица, стоявшія во главѣ управленія, должны были думать о томъ, какъ воспользоваться побѣдою.

Меня, конечно, не заподозрятъ въ пристрастіи къ памяти Питта. Но я не могу не назвать его мудрымъ и гуманнымъ, сравнивая планъ, составленный имъ въ минуту торжества, съ планами прежнихъ англійскихъ управителей Ирландіи. Соединеніе было только частью плана Питта, правда, превосходной и одной изъ важнѣйшихъ, но все-таки только частью. Мы были бы очень несправедливы къ уму и сердцу этого человѣка, еслибы забыли, что ему дали выполнить только несвязанныя части обдуманнаго и хорошо составленнаго проекта. Онъ желалъ соединить не только парламенты, но и народы общими интересами и любовью. Неспособность католиковъ должна была быть уничтожена; положеніе католическихъ священниковъ обезпечено; предполагалось принять мѣры къ либеральному воспитанію католиковъ. Мнѣнія Питта объ этомъ предметѣ принадлежали отчасти уму, еще болѣе мощному и способному, м-ру Борку. Еслибы мнѣніе этихъ двухъ замѣчательныхъ людей взяло верхъ, соединеніе съ Ирландіей было бы, вѣроятно, столь же прочнымъ, какъ соедине-

*

ніе съ Шотландіей. Парламентъ въ Дублинѣ считался бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, самымъ тиранническимъ, продажнымъ и безнравственнымъ собраніемъ, когда-либо существовавшимъ на лицѣ земли. Я не думаю, что, говоря это, я могу обидѣть какого-нибудь ирландскаго джентльмена, какъ бы онъ ни стоялъ за *Оттмненіе*, потому что я повторяю только слова Вольфа Тона. Вольфъ Тонъ говоритъ, что видѣлъ множество совѣщательныхъ собраній; онъ видѣлъ англійскіе парламентъ, американскій конгрессъ, французскіе Совѣтъ старѣйшихъ и Совѣтъ пяти сотъ, батавскій конвентъ; но нигдѣ онъ не видѣлъ ничего подобнаго низости и безстыдству негодяевъ, какъ онъ называетъ дублинцевъ. Еслибы планъ м-ра Питта былъ осуществленъ, этотъ гнусный парламентъ, это пятно на имени парламента, не оставилъ бы за собою сожалѣній, и послѣдній день его существованія считался бы ирландцами первымъ днемъ ихъ гражданской и религіозной свободы. Великое благодѣяніе, полученное отъ Питта, было бы принято съ благодарностью, потому что его не могли бы приписать божани: это было бы благодѣяніемъ, оказаннымъ сильными слабыму, побѣдителемъ побѣжденному. Къ несчастью, изъ всѣхъ его плановъ относительно Ирландіи одно Соединеніе было приведено въ исполненіе и оно было поэтому соединеніемъ только по названію. Ирландцы находили, что лишились только названія и вида независимости, но не получили за это оскорбленіе національной гордости никакого вознагражденія. Соединеніе, могущее быть синонимомъ свободы и справедливости, означало для нихъ только разрушенныя надежды и несдержанныя обѣщанія. Но и тогда даже дѣло не было еще потеряннымъ, какъ оно не было потеряннымъ въ 1813, 1821 и 1825 гг. Да, даже въ 1825 г. нѣкоторые изъ людей, занимавшихъ тогда, какъ и теперь, высокое положеніе въ государствѣ, могли бы сдѣлать то, къ чему были вынуждены четыре года спустя, могли бы выполнить великіе замыслы примиренія м-ра Питта. Волненіе не дошло еще до крайнихъ предѣловъ, къ правительству не подступили еще съ ножомъ къ горлу и уступки могли еще быть приняты съ благодарностью. Этимъ случаемъ не воспользовались и онъ никогда больше не возвращался.

Въ 1829 г. наконецъ рѣшились на уступки; онъ были обшир-

ны, безъ условій, которыя несомнѣнно выговаривалъ бы Питтъ и на которыя всѣ католики съ радостью согласились бы, потому что они были выговариваемы Питттомъ. Но уступки были сдѣланы нехотя, нелюбезно, грубо и единственно вслѣдствіе опасенія гражданской войны. Какимъ же образомъ могли онѣ произвесть довольство и покой? Къ чему могла вести эта внезапная и щедрая либеральность, слѣдовавшая за продолжительнымъ и упрямымъ сопротивленіемъ самымъ разумнымъ требованіямъ, какъ не къ тому, чтобы убѣдить ирландцевъ въ необходимости бунта для облегченія своего положенія? Могли ли они забыть, что въ продолженіе 28 лѣтъ они умоляли парламентъ о справедливости, выставя неопровержимые аргументы, доказывающіе священное право на свободу совѣсти; что они требовали исполненія обѣщаній министровъ и государей, но умоляли, убѣждали и требовали напрасно? Могли ли они забыть, что два поколѣнія самыхъ глубокихъ мыслителей, самыхъ блестящихъ умовъ, самыхъ краснорѣчивыхъ ораторовъ напрасно писали и говорили въ ихъ пользу? Могли ли они забыть, что величайшіе государственные люди, стоявшіе на ихъ сторонѣ, дорого заплатили за свое великодушіе? М-ръ Питтъ старался исполнить свое обѣщаніе и потерялъ мѣсто. Лордъ Грей и лордъ Гренвилъ старались сдѣлать хоть часть того, что Питтъ считалъ справедливымъ и полезнымъ, и потеряли мѣста. М-ръ Квинингъ пошелъ по той же дорогѣ и въ знакъ благодарности былъ замученъ до смерти той самою партіей, лучшимъ украшеніемъ которой онъ былъ. Наконецъ, когда и егѣ не стало, католики начали надѣяться не на кабинеты, не на парламенты, а на самихъ себя. Они выказали ужасающую физическую силу, оставаясь при этомъ въ полныхъ предѣлахъ законности. Этимъ они въ два года достигли отъ своихъ враговъ того, чего ни одинъ благоразумный другъ не рѣшился бы выпрашивать для нихъ: Да, два года послѣ того, какъ м-ръ Квинингъ сошелъ въ могилу, его преслѣдователи сдѣлали все то, чего онъ желалъ, и гораздо больше, чѣмъ ему удалось бы исполнить. Какъ же не придти католическому населенію Ирландіи къ убѣжденію, что отъ Англій или по крайней мѣрѣ отъ партіи, управляющей тогда и теперь еще управ-

ляющей еѹ, ничего нельзя добиться убѣжденіями, просьбами, терпѣніемъ, а страхомъ—всего? Позднее раскаяніе не заслуживало благодарности и не получило его. Волненіе было повсемѣстное и вполне организованное. Предводители узнали удовольствіе популярности, масса—удовольствіе возбужденія. Демагоги и ихъ слушатели одинаково жаждали ежедневнаго подстреканія. Богу извѣстно, сколько еще осталось злоупотребленій, могущихъ служить предлогомъ для волненій; и все поведеніе правительства заставило страдалцевъ вѣрить, что только возмущеніемъ можно добиться удовлетворенія.

Вотъ, милостивый государь, исторія начала и усиленія безпорядковъ въ Ирландіи. Постоянно дурное управленіе, начиная съ Генриха II до Вильгельма IV, произвело такое недовольство, что задача любого государственнаго человѣка, котораго королева призвала бы къ власти, будетъ очень трудна, даже въ обыкновенное время. Но, несмотря на справедливость вышеупомянутыхъ причинъ, не менѣе справедливо и то, что непосредственная причина необыкновеннаго волненія, озабочивающаго насъ теперь, лежитъ въ дурномъ управленіи настоящихъ совѣтниковъ ея Величества. Ирландія, хотя и всегда легко воспламеняется, но не всегда же охвачена пламенемъ. Нужно различать хроническіе недуги, порождаемые отдаленными причинами, отъ острой болѣзни, произведенной недавними неосторожностями. Хотя это несчастное общество и предрасположено къ болѣзни, но сильные пароксизмы являются только отъ времени до времени. Я долженъ сознаться, что обязанъ отчасти этими картинами достопочтенному баронету, первому лорду казначейства. Когда онъ сѣлъ на этой скамьѣ и былъ только кандидатомъ къ высокому посту, имъ занимаемому, онъ сравнивалъ себя съ докторомъ у кровати больного. Продолжая его метафору, я могу сказать, что его предсказаніе болѣзни, ея опредѣленіе и леченіе были одинаково не вѣрны. Я не отрицаю, что болѣзнь была трудная. Пациентъ былъ слабого тѣлосложенія и прежде много страдалъ отъ разныхъ докторовъ, между прочимъ и отъ самого достопочтеннаго баронета. Между тѣмъ, болѣзнь была остановлена нѣсколько времени тому назадъ разумнымъ употребленіемъ успокоивающихъ

средствъ, и при продолжительномъ пользованіи такого рода можно было надѣяться на скорое улучшение общаго состоянія здоровья. Къ несчастью, новый государственный врачъ вздумалъ примѣнить возбуждающія средства и произвелъ этимъ рядъ конвульсій, которыя съ каждымъ припадкомъ становились сильнѣе. Оставивъ метафорическій языкъ,—нѣтъ сомнѣнія, что правительство лорда Мельборна было популярно у большинства католиковъ Ирландіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оба намѣстника, посланные имъ въ Ирландію, были болѣе любимы и уважаемы, чѣмъ любой изъ прежнихъ намѣстниковъ. При предъидущемъ управленіи государству, безъ сомнѣнія, угрожало много опасностей, но каковы бы ни были эти опасности, на Ирландію министры могли вполне полагаться. Когда дурные люди производили безпорядки у насъ, когда толпа чартистовъ стрѣляла въ солдата ея Величества, цѣлые полки могли быть вызваны изъ Ирландіи, безъ малѣйшаго риска. Когда вспыхнуло возстаніе въ одной изъ нашихъ колоній,—возстаніе, на которое ирландцы легко могли смотрѣть съ симпатіей, потому что это было возстаніе католиковъ противъ протестантскихъ правителей, — и тогда Ирландіи осталась вѣрною общинъ интересамъ имперіи и войска были посланы изъ Монстера и Коннаута для усмиренія возстанія въ Канадѣ. Всякій согласится съ нами, что еслибы мы въ 1840 г. были вовлечены въ войну и еслибы непріятельская армія высадилась въ Бантри-Беѣ, все населеніе Корка и Типперари возстало бы какъ одинъ человекъ для защиты трона ея Величества и отпоръ ихъ былъ бы такъ же энергиченъ, какъ въ Кентѣ или Норфолькѣ. И чѣмъ была произведена эта благодѣтельная перемѣна? Не великими законодательными реформами; потому что, къ несчастью, правительство имѣло добрую волю, но не имѣло силы провести подобныя реформы противъ сильнаго меньшинства этой палаты и рѣшительнаго большинства перовъ. Нѣтъ, милостивый государь, эта перемѣна была произведена единственно мудростью, справедливостью и гуманностью, съ какими прилагался дурной существующій законъ. Предъидущее правительство, оклеветанное и сдерживаемое со всѣхъ сторонъ, боровшееся противъ вліянія всей установленной церкви и большинства дворян-

ства и сельской аристократіи, все-таки выказывало желаніе дѣйствовать справедливо и мягко въ Ирландіи и дѣлало все, что могло, для уменьшенія различія между протестантами и католиками. Еслибы мы были такъ же сильны парламентской поддержкой, какъ наши преемники, еслибы мы могли заставить обѣ палаты придерживаться тѣхъ же принциповъ въ законодательствѣ, которыхъ придерживалась администрація, соединеніе съ Ирландіей было бы въ настоящее время такъ же прочно, какъ соединеніе съ Шотландіей. Но этого не было. Въ продолженіе шести лѣтъ, оппозиція, сильная числомъ и талантами, нападала самымъ ожесточеннымъ и устойчивымъ образомъ на тѣ самыя дѣйствія правительства, которыя чуть было не примирили обѣ стороны, послѣ вѣковой, обоюдной ненависти. Тѣхъ самыхъ лордовъ намѣстниковъ, которыхъ въ Ирландіи уважали, какъ ни одного изъ прежнихъ, бранили въ Англіи, какъ никогда прежде не бранили ни одного лорда намѣстника. Каждое слово, каждое дѣйствіе, встрѣчаемое рукоплесканіями народа, которымъ они управляли, у насъ вмѣнялось имъ въ преступленіе. Каждый билль въ пользу Ирландіи извращался или вовсе не принимался. Нѣкоторые католики высокихъ достоинствъ получили мѣста, конечно не соотвѣтствовавшія ихъ дарованіямъ, но все-таки болѣе важныя, чѣмъ какой-либо католикъ занималъ въ продолженіе цѣлыхъ поколѣній. Два или три католика были приняты въ Совѣтъ; одинъ получилъ мѣсто въ казначействѣ, другой въ адмиралтействѣ: Ирландія была въ восторгѣ, и совершенно естественно. Сдѣлако было не много, но опала прекратилась. Актъ объ эманципации, остававшійся долго мертвой буквой, перешелъ наконецъ въ дѣйствительность. Но въ Англіи, всѣ мелкія орудія великой торійской партіи, подняли вопль бѣшенства и ненависти, достойный крика предводительствуемой лордомъ Джорджемъ Гордономъ черни: «Долой папистовъ!» Достопочтенный баронетъ, стоявшій теперь во главѣ казначейства, съ свойственной ему осторожностью, не принялъ участія въ этихъ крикахъ, но внималъ имъ съ удовольствіемъ и воспользовался ими. Многіе же изъ близкихъ ему вождей оппозиціи не подражали его политической сдержанности. Одинъ великій мужъ называлъ ирландцевъ чужестранцами, дру-

гой любимыми дѣтищами папизма. Священники, къ которымъ миліоны отнеслись съ любовью и почтеніемъ, назывались въ протестантской литературѣ слугами демона, подлецами въ стихарѣ; съ протестантскихъ кафедръ гремѣли противъ нихъ какъ противъ первосвященниковъ Ваала, ложныхъ пророковъ, которыхъ нужно истреблять мечомъ. Намъ дѣлали намеки на то, что царица избраннаго народа когда-то покровительствовала идолопоклонникамъ, и тѣло ея было брошено псамъ. Мало того, что не давали хода или искажали всѣ законы въ пользу Ирландіи, мало того, что строго порицали всякое дѣйствіе правительства, вызывавшее удовлетвореніе въ Ирландіи, вы, да, вы всѣ, занимающіе теперь высокія должности въ государствѣ, вы взяли на себя инициативу. Сперва вы служили препятствіемъ, потомъ стали открыто противодействовать. Вы предложили билль, названный вами Внесеніемъ въ списки избирателей Ирландіи. Мы говорили вамъ тогда, что билль этотъ совершенно уничтожалъ избирательное право Ирландіи. Мы доказали вамъ, что подъ предлогомъ реформы въ примѣненіи закона, вы измѣняли сущность закона; что вы положительно уничтожали голоса десятковъ тысячъ людей, отнимая у нихъ возможность доказать свое право на голосъ, безъ издержекъ, потери времени и неприяностей. Вы тогда отвергали все это. Теперь вы совершенно спокойно признаетесь въ этомъ. Можно ли повѣрить, что вы въ 1841 г. не знали этого такъ же хорошо, какъ въ 1844 г.? Или какой-нибудь новый фактъ выставилъ дѣло въ новомъ свѣтѣ? Или кто-нибудь привелъ новый аргументъ, который три-четыре года тому назадъ не былъ повторенъ двадцать, тридцать, сорокъ разъ въ этой палатѣ? Отчего, когда власть была въ вашихъ рукахъ, вы не предложили перемѣны въ способѣ внесенія въ списки, которую вы, лишившись власти, считаете необходимою? Вы извиняетесь тѣмъ, что отвѣтственность должностей лежитъ теперь на насъ. Простыми словами, уловка ваша достигла своей цѣли. Цѣль ваша, — нужно отдать справедливость вашему патриотизму, — была не разореніе отечества, а полученіе должностей; и вы получили ихъ. Такая общественная добродѣтель заслуживала такой награды; награды, которую можно назвать наказаніемъ, награ-

ды, которая на вѣки вѣковъ должна остаться предостереженіемъ противъ недобросовѣстнаго честолюбія. Много причинъ содѣйствовало вашему настоящему положенію. Но главной причиной было, безъ сомнѣнія, предубѣжденіе, которое вы ввели въ большинство англичанъ, противъ справедливаго и гуманнаго управления Ирландіею предыдущихъ министровъ. Въ вашемъ нетерпѣніи достигнуть власти, вы вызвали злаго духа релягіозной нетерпимости, котораго гораздо легче вызвать, чѣмъ устранить. Онъ сдѣлалъ ваше дѣло, но теперь держитъ васъ въ рукахъ. Однажды онъ былъ вамъ полезнымъ работъ; но съ тѣхъ поръ онъ оказался требовательнымъ властелиномъ. Было, конечно, пріятно слышать рукоплесканія высокоцерковниковъ и низкоцерковниковъ, рукоплесканія Шельдонскаго театра и Экстеръ-Голля. Было, конечно, пріятно являться поборникомъ протестантской релягій, людьми, сражающимися за Евангеліе противъ ложнаго либерализма, не дѣлающаго различія между правдою и ложью. Было, конечно, пріятно, когда вашими противниками расточали всѣ грязныя прозвища, какія только можно было найти въ словарѣ преподобнаго Гью Макнейлла. Пріятно было слышать, что они союзники Антихриста, что они слугами грѣховнаго челоуѣка, что на нихъ лежитъ клеймо Змѣри. Но когда вся эта болтовня и шутство довели васъ до власти, когда вамъ пришлось управлять милліонами людей, которыхъ вы и ваши лакеи цѣлые годы постоянно оскорбляли и унижали, храбрость вамъ измѣнила. Теперь вы говорите, что чувствуете только благосклонность и уваженіе къ католикамъ, что вы желаете успокоить ихъ; что вы желаете привести въ дѣйствіе актъ объ эманципациі; что нѣтъ для васъ большаго удовольствія, какъ дать мѣсто на судейской скамьѣ адвокату-католику, консервативнаго направленія; что нѣтъ для васъ большаго удовольствія, какъ дать мѣсто въ канцелярствѣ или адмиралтействѣ католику консервативнаго направленія и извѣстному своимъ талантами. Вы увѣряете насъ, что единственнымъ препятствіемъ для доставленія мѣстъ католикамъ то, что всѣ католики ваши враги, и спрашиваете, можно ли ожидать отъ министра, чтобы онъ покровительствовалъ своимъ врагамъ. Я съ своей стороны, яв-

сколько не сомнѣваюсь, что вы охотно покровительствовали бы католикамъ; потому что, какъ я уже прежде сказалъ, я вполнѣ допускаю, что вы не желаете причинить странѣ больше вреда, чѣмъ нужно для того, чтобы вытѣснить виговъ изъ должностей или не допускать ихъ къ должностямъ. Я также вполнѣ сознаю, что васъ нельзя осудить за то, что вы не покровительствуете своимъ врагамъ. Но мнѣ было бы интересно знать, какимъ образомъ могло случиться, что все католики Соединеннаго королевства ваши враги. Слышалъ ли кто-нибудь что-либо подобное прежде? Предъ вами шесть или семь милліоновъ людей всѣхъ профессій, всѣхъ классовъ, всѣхъ ступеней богатства, умственнаго развитія, образованія. Начните съ перваго пера, съ оберго-маршала королевства, съ главы Говардовъ, съ наследника Мозрековъ и Фитцалановъ, возьмите всѣхъ графовъ, бароновъ, баронетовъ, адвокатовъ и купцовъ и кончайте послѣднимъ изъ крестьянъ, питающимся картофелемъ безъ соли въ Майо,—и всѣ эти милліоны до одного вооружены противъ правительства. Какъ объясните вы это? Есть ли что-либо общее между католической вѣрой и политическими теоріями виговъ и другихъ преобразователей, еще болѣе демократическихъ, нежели виги? Тутъ не только нѣтъ ничего общаго, но есть чистая противоположность. Изъ всѣхъ христіанскихъ сектъ, католическая церковь больше всего придерживается авторитета старины и традицій. Духъ ея положительно консервативный, мало того, по мнѣнію всѣхъ протестантовъ, консерватизмъ этотъ доходитъ до неразумныхъ и гибельныхъ размѣровъ. Человѣкъ, привыкшій съ дѣтства смотрѣть съ ужасомъ на всякое нововведеніе въ религію, долженъ меньше всякаго другаго быть склоненъ къ нововведеніямъ въ политикѣ. Всего вѣроятнѣе, что ревностный католикъ будетъ тори, если не будетъ тому какихъ-нибудь препятствій; и католики были все тори, пока вы преслѣдованіями не довели ихъ до вигизма и радикализма. Много ли было католиковъ въ арміи Фрэнкса во время междоусобной войны? Я думаю ни одного. Они все были приверженцами Карла I. Когда предлагалось пять тысячъ фунт. отеръ. тому, кто представитъ Карла II живымъ или мертвымъ; когда укрывать его значило подвергнуться сильной опасности

быть повѣшеннымъ, онъ находитъ убѣжище у католиковъ. То же самое происходило и въ другихъ странахъ. Когда вся Франція падала ницъ предъ якобинцами, крестьяне Бретани и Пуату поднялись въ пользу Бурбоновъ. Католическіе крестьяне Тироля поддержали безъ всякой помощи дѣло Габсбургскаго дома противъ гигантской силы Наполеона. Легко представить еще безчисленные примѣры. И можно ли допустить мысль, что вопреки исторіи и логикѣ, католики были бы противъ правительства, еслибы ими управляли хоть сколько-нибудь справедливо? Я думаю, что торіи никогда не сдѣлали болѣе крупной ошибки, какъ оскорбляя и угнетая католиковъ до оупаденія. М-ръ Боркъ очень хорошо понялъ это. Чувство, овладѣвшее имъ вполнѣ, къ концу его жизни, было отвращеніе, подъ-конецъ болѣзненное отвращеніе, къ якобинству и ко всему, что могло вести къ якобинству, и какъ великій государственный человѣкъ и философъ—какимъ онъ остался и въ своихъ заблужденіяхъ—онъ понималъ и говорилъ м-ру Питту, что въ войнѣ противъ якобинства римскіе католики были естественными приверженцами королевской власти и аристократіи. Но содѣйствіе этихъ приверженцевъ было съ презрѣніемъ отвергнуто тѣми государственнымъ людьми, которые дѣлались смѣшными пируя въ день рожденія Питта, тогда какъ сами отказывались отъ всего его придиоровъ. Вы сами должны сознаться, что послѣдствіемъ этого сдѣлалось то, что во всемъ королевствѣ нѣтъ ни одного католика съ вѣсомъ, который былъ бы вашимъ другомъ. Поэтому, каковы бы ни были ваши наклонности, вы должны вѣрять управленіе Ирландіи протестантамъ, ультра-протестантамъ, людямъ оранжистскаго направленія, принадлежатъ ли они къ оранжистскимъ локамъ или нѣтъ. Каждое назначеніе съ вашей стороны усиливаетъ недовольство католиковъ. Чѣмъ сильнѣе ихъ недовольство, тѣмъ меньше вамъ можно рисковать ихъ назначеніемъ. Ваше обращеніе съ ними, когда вы были въ оппозиціи, произвело въ нихъ такое отвращеніе и недовѣріе, что вамъ нельзя привести въ дѣйствіе актъ объ эманципаціи, хотя вы говорите, что искренно желаете этого, въ чемъ мы несколько не сомнѣваемся. По отношенію къ должностямъ, которыми вы располагаете, актъ

этотъ не имѣетъ никакого значенія. Изъ всѣхъ благодѣяній этого акта они въ дѣйствительности пользуются только однимъ: доступомъ въ парламентъ; и этимъ они не пользовались бы, еслибы вамъ, три года тому назадъ, удалось ввести вашъ актъ о выборныхъ спискахъ. Вы оскорбили національное чувство, вы оскорбили религиозное чувство, и вражда, вызванная вами, высказывается сотнями прииѣровъ, большинствомъ которыхъ я гнушаюсь, часть которыхъ я оплакиваю, но изъ которыхъ ни одному не удивляюсь. Въ нихъ проявляются только естественныя послѣдствія оскорбленій и поруганія живой и несдержанной чувствительности. Вы возбудили, для вашихъ собственныхъ цѣлей, общественное мнѣніе Англіи противъ Ирландіи, и вы не имѣете права удивляться, что общественное мнѣніе Ирландіи возбуждено противъ Англіи. Вы называли чужестранцами четвертую часть Соединеннаго королевства, и вы не можете порицать ихъ за то, что они чувствуютъ и дѣйствуютъ какъ чужестранцы. Всѣ общественныя должности вы заняли ихъ врагами. Чего же вамъ было ожидать, какъ не того, что они противопоставятъ вашему лорду-намѣстнику и вашей общественной іерархіи своего болѣе могущественнаго предводителя и свою болѣе могущественную организацію? Они помнятъ, и странно было бы имъ забыть, чего они добились отъ васъ въ 1829 г. при томъ же предводителѣ и при подобной же организаціи, и хотятъ убѣдиться, больше ли вы дерзки и упрямы теперь, чѣмъ тогда.

Таковы затрудненія настоящаго кризиса. Большею частью, вы породили ихъ сами. И что предпринимали вы для того, чтобы выдти изъ этого положенія? Великіе государственные люди дѣлали иногда еще большія ошибки, но они мудростью и энергіею умѣли выпутаться изъ затрудненій, слѣдовавшихъ за этими ошибками. Посмотрите, можно ли васъ причислять къ такимъ государственнымъ людямъ. Впервыхъ, что сдѣлали вы по части законодательства, при томъ огромномъ большинствѣ, какимъ располагаете въ обѣихъ палатахъ? Отвѣтъ простъ и коротокъ. Начало и конецъ всѣхъ вашихъ законодательныхъ трудовъ для Ирландіи заключается въ Актѣ о вооруженіи. Вы едва ли назовете это примиреніемъ, а я не назову этого насиліемъ. Это была

одна мелкая придирка. Никто не былъ удовлетворенъ. Мы вызвали васъ на облегченіе положенія Ирландіи. Многие изъ вашихъ друзей требовали, чтобы вы задушили ея жалобы. Одинъ благородный и ученый мужъ чувствовалъ такое отвращеніе къ вашей слабости, что употребилъ свои великія способности и свое драгоценное время на составленіе за васъ новаго понудительнаго закона. Вы не слушались ни насъ, ни его. Весь плодъ вашей законодательной мудрости составляла эта единственная жадная, докучливая полицейская мѣра.

Ваша административная дѣятельность во все время вакацій была одной продолжительной ошибкой. Одно дѣйствіе вашего лорда-намѣстника и его совѣтниковъ относительно клонтарфскаго митинга заслужило бы выраженіе строгаго порицанія. Благородный лордъ, секретарь колоній, ⁽¹⁾ говорилъ намъ, что правительство сдѣлало все возможное для удержанія народа отъ этого митинга и что было бы неразумно порицать людей за неисполненіе невозможнаго. Между тѣмъ, милостивый государь, сами министры признаются, что въ пятницу, предшествовавшую дню, назначенному для митинга, лордъ-намѣстникъ рѣшился издать прокламацію, запрещающую собранія. Но прокламація была обнародована въ Дублинѣ и предмѣстьяхъ только въ субботу послѣ наступленія ночи. Митингъ же былъ назначенъ на воскресенье утромъ. Найдется ли у кого бы то ни было храбрости утверждать, что нельзя было написать, напечатать и разослать прокламацію въ сутки, даже въ шесть часовъ? Безсмысленно толковать о необходимости взвѣшивать фразы такого документа. Лордъ-намѣстникъ могъ бы взвѣсить цѣну жизни подданныхъ ея Величества. Подумай онъ объ этомъ, прокламація была бы, безъ сомнѣнія, прибита ко всѣмъ стѣнамъ Дублина и его окрестностей въ субботу утромъ. Нерадѣніе правительства было бы причиною смерти многихъ людей, еслибъ не вмѣшательство человека, котораго вы преслѣдуете. Счастье было за васъ, и онъ былъ

(1) Лордъ Станли.

за васъ; такимъ образомъ была отвращена рѣзня болѣе ужасная, чѣмъ рѣзня въ Манчестерѣ, двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Но вы были несправимы. Едва вы, по странному счастью, выпутались изъ одного затрудненія, какъ успѣшили попасть въ другое, изъ котораго, насколько можно предвидѣть, вамъ нельзя будетъ выпутаться. Вы начали самый неразумный, самый несчастный изъ всѣхъ государственныхъ процессовъ. Вы повидимому вовсе не знали, что вы дѣлали. Вы, повидимому, не знали, что есть разница между уголовнымъ судомъ, который обратитъ на себя вниманіе всей Европы, и простымъ процессомъ. Свидѣтельства и законъ были таковы, что вамъ можно было рассчитывать на обвиненіе и на приговоръ; только этого вамъ и было нужно. Между тѣмъ, милостивый государь, вѣроятно, что можно будетъ добиться обвиненія и приговора, составляетъ только часть и весьма незначительную часть того, на что долженъ обратить вниманіе государственный человѣкъ. Прежде, чѣмъ привести самага способнаго, самага могущественнаго, самага популярнаго изъ вашихъ противниковъ къ рѣшеткѣ какъ преступника, на основаніи того, что онъ противодействовалъ вамъ, слѣдовало обдумать, будетъ ли голосъ вашего отечества, другихъ странъ и потомства на сторонѣ рѣшенія, котораго вы ожидали отъ трибуналовъ; не будетъ ли общее мнѣніе человечества таково, что, хотя и правы по закону, вы были нравственно неправы. Человѣкъ, котораго вы желали наказывать, былъ не обыкновенный человѣкъ. Я, по правдѣ сказать, очень затрудняюсь говорить о немъ. Онъ въ такомъ положеніи, которое не позволяетъ благороднымъ врагамъ, которое не позволило членамъ этой палаты—за однимъ постыднымъ исключеніемъ—нападать на него съ ожесточеніемъ. Я постараюсь, говоря о немъ, не забывать почтенія должнаго знаменитости и несчастью, не оскорбляя при этомъ истины. Я убѣжденъ, что цѣль, къ которой онъ стремится, не только вредна, но и недостижима; нѣкоторыя средства его для достиженія этой цѣли я никакъ не могу оправдать. Но я не могу не сознаться, что мѣсто, занимаемое имъ въ уваженіи своихъ согражданъ, таково, что съ нимъ нельзя сравнить положеніе самага популярнаго изъ предводителей нашего отечества

и даже всего міра. Къ тому же интересъ, возбуждаемый его личностью, вовсе не сосредоточенъ въ одной Ирландіи или въ Соединенномъ королевствѣ. Отправьтесь куда угодно на материкъ: въ кофейнѣ, за публичнымъ обѣдомъ, на пароходѣ, въ дилижансѣ, на желѣзной дорогѣ, вездѣ гдѣ только узнаютъ въ васъ англичанина, первымъ вопросомъ вашего собесѣдника, будь онъ врачомъ, адвокатомъ, купцомъ, фабрикантомъ, будетъ навѣрное: «Что сдѣлаютъ съ м-ромъ О'Коннелемъ?» Просмотрите любую французскую газету и вы увидите, какое мѣсто онъ занимаетъ въ мнѣніи французскаго народа. Что наши сосѣди смотрятъ на наши дѣйствія относительно Ирландіи съ весьма неблагоприятнымъ чувствомъ, это къ несчастью истина, которую намъ не мѣшало бы имѣть всегда въ виду. Все сочувствіе государственныхъ людей материка на сторонѣ ирландцевъ. На насъ смотрятъ какъ на угнетателей, на нихъ какъ на угнетенныхъ. Большинство людей въ Европѣ желало бы полнаго успѣха возстанію въ Ирландіи. И это естественно. Причины, заставляющія ирландцевъ желать отдѣленія отъ Англіи, двоякаго рода: онѣ демократическія и католическія, и поэтому иностранцы самыхъ различныхъ убѣжденій будутъ смотрѣть на нихъ съ симпатіей. Крайняя лѣвая—по французскому опредѣленію—желаетъ успѣха великому народному движенію противъ трона и аристократіи. Крайняя правая желаетъ успѣха движенію, предводительствуемому епископами и священниками истинной церкви, противъ еретическаго правительства и еретической іерархіи. Слѣдствіемъ этого будетъ то, что, въ случаѣ борьбы съ Ирландіею, вы за предѣлами этого острова не найдете ни одного человѣка, желающаго вамъ успѣха. Я не говорю это съ цѣлью напугать васъ. Но я говорю, что когда весь христіанскій міръ смотрѣлъ на вашъ образъ дѣйствій враждебно и недоувѣрчиво, вамъ слѣдовало избѣгать всего, что похоже на нечистую игру. Къ несчастью, вы слишкомъ жаждали побѣды; и вы одержали побѣду, болѣе постыдную и вредную, нежели любое пораженіе. М-ръ О'Коннель признанъ виновнымъ, но вы не можете не согласиться, что съ нимъ поступили несправедливо; вы не можете отрицать, что произошли нѣкоторыя неправильности и что вслѣдствіе этихъ неправильностей

ваше положеніе стало лучше и его положеніе хуже, чѣмъ было бы по закону. Признано уже, что въ числѣ присяжныхъ: не было нѣсколькихъ людей, которые должны были быть тамъ. Признано, что всѣ или почти всѣ имена, исключенныя изъ списка присяжныхъ, были имена католиковъ. Относительно числа неправильно исключенныхъ существуетъ нѣкоторое разногласіе. Существуетъ одно клятвенное показаніе, признающее, что ихъ было двадцать семь. Достопочтенный джентльменъ, дублинскій судья, который конечно уменьшаетъ число; насколько это возможно, говорить—двадцать четыре. Но нѣкоторые господа утверждаютъ, что эта неправильность, хотя несомнѣнно и предосудительная, не могла имѣть никакого вліянія на ходъ дѣла. Что, говорятъ они, сдѣлали бы двадцать или двадцать семь именъ въ числѣ семи сотъ двадцати? Но, милостивый государь, простое арифметическое исчисленіе покажетъ, что неправильность эта была очень важна. Изъ семи сотъ двадцати сорокъ восемь именъ должны были быть выбраны по жребію и въ свою очередь доведены до двѣнадцати. Сорокъ осьмая часть семисотъ двадцати—пятнадцать. Поэтому, если бы на мѣстѣ присяжныхъ было пятнадцатью католиками больше, всѣ шансы за то, что было бы однимъ католикомъ больше въ числѣ сорока осьми. Если бы было двадцатью семью католиками больше на списокѣ, почти столько же шансовъ за то, что было бы двумя католиками больше въ числѣ сорока осьми. Неужели невозможно или неіроатно, чтобы изъ-за этой уловки, или этой ошибки (не стану разбирать теиерь, что она была), послѣдствія суда могли бы измѣниться? Не забудьте, какую власть даетъ законъ одному только присяжному. Онъ можетъ, если вопліи на то рѣшился, остановить приговоръ. Я слышалаъ ропотъ, когда произнесъ слово — уловка. Развѣ я не имѣю права чувствовать сомнѣнія тамъ, гдѣ совершенно очевидно, что г. судья Перринъ чувствовалъ его? Онъ, говорятъ, сказалъ (я ссылаюсь на газеты благопріятствующія правительству), что это дѣло велось съ большою безпечностью и недобросовѣстностью, что нѣкоторые обстоятельства возбудили сильное подозрѣніе и что онъ не можетъ утвердительно сказать, чтобы неправильность эта была случайна. Благородный лордъ,

секретарь колоній, увѣщевалъ насъ отдавать должное почтеніе судьямъ. Я долженъ сказать, что чувствую величайшее уваженіе ко всему, что относится къ г. судѣ Перрину. Онъ долженъ знать лучше меня, лучше всякаго другаго англичанина, къ какимъ условіямъ могутъ прибѣгать ирландскіе чиновники для устраненія присяжныхъ, и онъ говоритъ, что не убѣжденъ въ случайности этихъ неправильностей. Но достопочтенный баронетъ, секретарь министерства внутреннихъ дѣлъ, говоритъ: «Я не отвѣчаю за эту неправильность.» Совершенно справедливо; никто и не требуетъ отвѣтственности отъ достопочтеннаго баронета. Но далѣе онъ говоритъ: «Я искренно сожалею, что случилась эта неправильность, потому что мнѣ кажется, что она возбуждала сильное предубѣжденіе противъ порядковъ судопроизводства.» Совершенно такъ. Это именно то, что я говорю. Я говорю, что возникло предубѣжденіе противъ порядковъ судопроизводства. Я говорю, что обвиненіе, котораго вы добились, подозрительно. И я спрашиваю: справедливо ли, прилично ли вамъ пользоваться приговоромъ суда, на которомъ лежитъ такое подозрѣніе? Единственнымъ честнымъ, единственнымъ благоразумнымъ выходомъ для васъ былъ — сказать: «Случилась ошибка; эта ошибка даетъ намъ несправедливое преимущество; но мы не воспользуемся этимъ преимуществомъ.» Къ несчастью время прошло, когда вы могли дѣйствовать такимъ образомъ и этимъ загладить до нѣкоторой степени ваши прежнія ошибки.

Итакъ, вы имѣли сорокъ восемь именъ вынутыхъ по жребію изъ этого искаженнаго списка присяжныхъ; но потомъ оставался выборъ. Вы вычеркнули всѣ имена католиковъ; причины, заставившія васъ вычеркнуть ихъ, мы не станемъ разбирать здѣсь. Вопросъ, на который вамъ слѣдовало обращать вниманіе, слѣдующій: можетъ ли великій спорный пунктъ между двумя враждебными религіями (потому что въ этомъ и заключался вопросъ) быть рѣшенъ, безъ всякой тѣни подозрѣнія, присяжными, принадлежащими исключительно къ одной изъ этихъ религій? Я знаю, что, вычеркивая имена католиковъ, вы ничего не сдѣлали противъ буквы закона. Но обвиненіе мое противъ васъ состоитъ именно въ томъ, что вы во всемъ этомъ дѣлѣ придерживались

только буквы закона, что вы были дворянами, тамъ гдѣ слѣдовало быть государственными людьми. Буква закона была за васъ, но благородный духъ закона — конечно нѣтъ. Съ незапамятныхъ временъ принять между нами судъ присяжныхъ «*de medietate linguae*». Предположимъ-те, что голландскій матросъ судится въ Вадингѣ за то, что убилъ англичанина во время ссоры. Судьба виновнаго рѣшается шестью англичанами и шестью голландцами. Вотъ обезпеченіе, предоставленное нашими предками иностранцамъ. Вы съ удовольствіемъ навываєте м-ра О'Коннелла чужестранцемъ, когда это согласно съ вашей выгодой. Вы ради оставить за католікомъ Ирландіи всѣ неудобства чужестранца. Но единственную привилегію, единственное удобство иностранца, вы отнимаете у него. Въ случаѣ, больше всего требующемъ суда присяжныхъ «*de medietate*», въ случаѣ, вызванномъ обидной враждою расъ и сектъ, вы составляете судъ присяжныхъ изъ одной расы и одной секты. Отчего, если вы уже разъ рѣшились дать ходъ этому несчастному предѣлованію, отчего не собрано было обнаго суда присяжныхъ. Вамъ не трудно было составить такой судъ, и между присяжными могли быть почтенные католики, не добивавшіеся отдѣленія. Рѣшеніе «не виновенъ» такого суда присяжныхъ принесло бы вамъ гораздо меньше вреда, чѣмъ рѣшеніе «виновенъ», котораго вы добились. Да, вы добились рѣшенія «виновенъ»; но вы добились его отъ двѣнадцати человѣкъ, собранныхъ незаконнымъ образомъ и выбранныхъ такимъ путемъ, который не можетъ возбудить довѣрія. Вы добились осужденія съ помощью главнаго судьи, о дѣйствіяхъ котораго я не берусь даже и говорить. Правда, нужно отдать ему справедливость, дѣйствія его не были безъ примѣровъ, какъ думали нѣкоторые господа; они очень похожи на то, что часто встрѣчалось въ государственныхъ процессахъ царствованія Карла II. И съ такими присяжными, съ такимъ судьей вы добились обвиненія. Чего же вы достигли этимъ? Успокоили вы Ирландію? Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту минуту тамъ господствуетъ мнимое спокойствіе. Но это спокойствіе опаснѣе волненія. Ирландцы останутся спокойными, пока вы не приведете въ исполненіе рѣшеніе суда, востановившее въ тюремномъ заключеніи; теперь

*

они ничего не сдѣлаютъ, что могло бы повредить гонимому ихъ трибуну, потому что они слишкомъ заинтересованы его судьбою. Но будутъ ли они спокойны, когда тюрьма закроется за ними? Возможно ли допустить, что они перестанутъ любить агитатора съ той минутъ, какъ онъ сдѣлается мученикомъ общаго дѣла, когда они обожали его, пока агитація приносила ему пользу? Если я, который стою за Соединеніе, который считаю Отмѣнныя преданыя государству и дѣйствія м-ра О'Коннелли въ высшей степени предсудительными, если я не могу сказать по совѣсти, что судъ его былъ оправдливъ, если сами гонители должны сознаться, что случились въ некоторыхъ несправедливостяхъ; возбужденія недовѣрія къ суду, то каковы же должны быть чувства народа ирландскаго, который не только находить м-ра О'Коннелли безвиннымъ, но считаетъ его лучшимъ своимъ другомъ? Народъ уже не услышитъ болѣе его рѣчи; но обиды, нанесенныя имъ, будутъ сильнѣе возбуждать его согражданъ, нежели все его краснорѣчіе. Къ тому же, подвергшись заточенію, ему нельзя будетъ пользоваться тѣмъ вліяніемъ, которое такъ часто останавливало ирландцевъ даже во время самаго страшнаго возбужденія отъ насильственныхъ дѣйствій.

Въ какую сторону мы ни посмотрѣли бы, насъ встрѣчаетъ пасмурный видъ; и больше всего разстраиваетъ меня мысль, что школа, которую вы прошли, не сдѣлала васъ умнѣе. Все, что я могъ припомнить изъ вашихъ объясненій, заставляетъ меня думать, что, пока власть будетъ въ вашихъ рукахъ, будущее будетъ похоже на прошлое. Что касается вашихъ административныхъ мѣръ, вы не подаете надежды, чтобы онѣ измѣнились. Посмотрите на прошлое: единственными мѣрами, принятыми вами противъ безпорядковъ Ирландіи, были неполитическій государственный процессъ, несправедливый судъ, казармы и солдаты. Въ будущемъ вы общаете намъ несправедливый приговоръ, строгое исполненіе этого приговора, еще больше казармъ и еще больше солдатъ.

Вы, правда, стараетесь облагодѣлать насъ въ одной или двухъ законодательныхъ реформахъ, благотворныхъ для Ирландіи; но я

боюсь, что эти надежды не оправдаются. Вы намекаете на приговоренный вами билль о выборныхъ спещкахъ, слѣдствіемъ котораго будетъ увеличеніе избирательнаго права. Подробности этого билля мы не знаемъ. Но мы знаемъ одно, что въ этомъ дѣлѣ вамъ положительно невозможно предпринять что-либо почетное для васъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полезное для страны. Пока мы не видали вашего плана, мы можемъ сказать съ полною увѣренностью, что онъ долженъ или уничтожить послѣдніе остатки представительной системы въ Ирландіи или послѣдніе остатки вашей репутаціи въ послѣдовательности.

По поводу вопроса о поземельныхъ правѣхъ, о которомъ было такъ много говорено, вы говорите, что пока ничего еще не можете предложить. Докладъ намъ обѣщанъ, но вы не можете опредѣлить срока.

Ирландскую церковь, съ ея настоящимъ устройствомъ и доходомъ, вы намѣрены поддержать. Современемъ я надѣюсь вполне объяснить вамъ свои мнѣнія объ этомъ предметѣ. Сегодня я усталъ и утомилъ вѣроятно внимательную благосклонность палаты. Поэтому, я коснусь только вкратцѣ нѣкоторыхъ вопросовъ касательно церкви, вопросовъ, о которыхъ шла рѣчь въ настоящихъ преніяхъ.

Нѣкоторые джентльмены говорили, въ выраженіяхъ, дѣлающихъ имъ честь, о религиозныхъ раздорахъ, составляющихъ язву Ирландіи, и мы можемъ только сожалѣть, что не будемъ пользоваться ихъ голосами. Но со скамьи казначейства мы слышали только одно, что установленная церковь существуетъ въ Ирландіи, будетъ и должна существовать тамъ. Что касается рѣчи благороднаго лорда, секретаря колоній, то, услышавъ такую печальную защиту великаго учрежденія изъ устъ человѣка такихъ замѣчательныхъ способностей, какое вывести тутъ заключеніе, какъ не то, что это учрежденіе вовсе не допускаетъ защиты? Благородный лордъ говорилъ намъ, что ирландскіе католики были совершенно согласны оставить установленную церковь при всѣхъ ея доходахъ, когда они въ 1757 г. просили освободить ихъ отъ уголовныхъ законовъ и въ 1792 г. просили уничтожить ихъ

гражданскую непривоспособность. Какое же имъ дѣло, милостивый государь, было ли оно такъ или нѣтъ? Если вы можете доказать, что эта церковь полезное учрежденіе, она конечно должна быть поддерживаема. Но считаете ли вы нужнымъ поддерживать дурное учрежденіе потому, что нѣкоторые люди, давно покоящіеся въ могилѣ, сказали, что они не жалуются на него? Что если католики настоящаго поколѣнія думаютъ объ этомъ предметѣ иначе, нежели католики предыдущаго поколѣнія? Развѣ эта неослѣдательность, которая повидимому такъ огорчаетъ благороднаго лорда, не есть неизбежное и естественное послѣдствіе всякой реформы? Угнетенный народъ, не надѣющийся на полную справедливость, проситъ объ уничтоженіи того, что больше всего озлобляетъ его. Онъ увѣряетъ притѣснителя, что будетъ совершенно доволенъ, если строгости будутъ нѣсколько уменьшены. Но развѣ такого рода выраженія, такіа просьбы, вызванныя крайностью, могутъ обязать людей со всѣмъ ихъ потомствомъ никогда не требовать полной справедливости? Неужели я лишень права отыскивать украденную собственность только потому, что, когда воръ приставилъ пистолетъ къ моей груди, я просилъ его взять все, что у меня есть, но не лишить меня жизни? Благородный лордъ знаетъ очень хорошо, что во время существованія торговли невольниками, великіе люди, старавшіеся уничтожить эту торговлю, не говорили ни слова объ эманципаціи негровъ. Въ эти дни м-ръ Питтъ и Фоксъ, лордъ Гренвиль, лордъ Грей и даже мой дорогой и уважаемый другъ м-ръ Вильберфорсъ, о которомъ я не могу вспомнить безъ удивленія, всегда говорили, что обвинять ихъ въ желаніи освободить негровъ на сахарныхъ островахъ — суцая клевета. Въ 1807 г., герцогъ Нортумберландскій, тогда лордъ Перси, съ благороднымъ энтузіазмомъ юности, предложилъ въ этой палатѣ уничтоженіе рабства. М-ръ Вильберфорсъ оставилъ лорда Перси, почти заставилъ его сѣсть опять на мѣсто. Несмотря на то, въ 1833 г. благородный лордъ, секретарь колоній, предложилъ билль объ уничтоженіи рабства. Предположите, что послѣ краснорѣчиваго изложенія этого плана всталъ бы какой-нибудь вестъ-индскій плантаторъ и сказалъ, что въ 1792,

1796 и 1807 гг. всѣ передоше филантропы торжественно объявляли, что не нахѣтены освободить негровъ; неужели благородный лордъ не отвѣтилъ бы ему, что все оказанное въ 1792 или 1807 гг. нисколько не препятствуетъ намъ дѣлать то, что намъ кажется справедливымъ въ 1833 г.?

Это не единственный пунктъ, въ которомъ рѣчь благороднаго лорда вовсе не согласуется съ его собственными дѣйствіями. Онъ напираетъ на пятый параграфъ Трактата о Соединеніи. Онъ говоритъ, что, измѣняя привилегіи и доходы установленной церкви, мы нарушаемъ этотъ параграфъ; а нарушение одного параграфа Трактата о Соединеніи онъ считаетъ, повидимому, непозволительнымъ вѣроломствомъ. Но, милостивый государь, отчего же пятый параграфъ болѣе ненарушимъ, нежели четвертый, который опредѣляетъ число ирландскихъ членовъ парламента? Мы всѣ знаемъ, что четвертый параграфъ былъ измѣненъ. А кто предложилъ билль объ измѣненіи этого параграфа? Самъ благородный лордъ.

Потомъ благородный лордъ ссылается на клятву, требуемую отъ католическихъ членовъ парламента. Они обязуются, говорить онъ, не дѣйствовать противъ установленной церкви. Я жалѣю, что благороднаго лорда нѣтъ теперь въ палатѣ. Будь онъ здѣсь, я сдѣлалъ бы нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ изъ его выраженій. Но, милостивый государь, пусть его аргументы останутся какими они были. Что они доказываютъ? Не то, что установленная церковь Ирландіи хорошее учрежденіе, не то, что ее нужно поддерживать, а только то, что, когда мы разсуждаемъ о вопросахъ, касающихся этой церкви, католическіе члены должны удалиться въ бібліотеку. Клятва католиковъ вовсе не касается до меня и другихъ протестантскихъ членовъ палаты. Положимъ, наши католическіе друзья вышли. Положимъ, мы протестанты, въ числѣ шестисотъ двадцати или тридцати остаемся въ палатѣ. Тогда аргументъ о клятвѣ не имѣетъ уже силы. Какую же причину представить тогда благородный лордъ въ пользу поддержанія установленной церкви въ Ирландіи въ настоящемъ ея положеніи?

Я надѣюсь, милостивый государь, что достопочтенный баронетъ не будетъ смотрѣть на этотъ предметъ такъ же какъ его сотоварищи. Мы имѣемъ право ожидать, что человѣкъ его способностей, поставленный во главѣ правленія, постарается защищать ирландскую церковь мужественно и разумно. Я спросилъ бы его обратить вниманіе на слѣдующіе вопросы: Для чего существуютъ установленныя церкви? Достигаетъ ли ирландская установленная церковь одну изъ этихъ цѣлей? Можетъ ли установленная церковь, не основанная на любви народа, быть полезною, или не будетъ ли она гораздо хуже чѣмъ бесполезною? Привязаны ли ирландцы къ установленной церкви? Дѣлаетъ ли она много прозелитовъ? Можно ли ее назвать церковью бѣднаго, какъ по справедливости называется установленная церковь Англіи и когда-то называлась установленная церковь Шотландіи? Подстрекала ли она большинство народа къ добродѣтели, утѣшала ли она его въ печали, привязала ли она его къ себѣ и государству? Отвѣйте на эти вопросы утвердительно, и мы будемъ обязаны вамъ тѣмъ, чего мы до сихъ поръ еще не видали, — хорошею защитою установленной церкви Ирландіи. Но приводить намъ выдержки изъ забытыхъ рѣчей и сгпившихъ прошеній временъ Георга II, когда уголовные законы были еще въ полной силѣ, это чистая насмѣшка.

Теперь, милостивый государь, мнѣ нужно остановиться. Я сказалъ довольно въ оправданіе подачи своего голоса въ пользу предложенія моего благороднаго друга. Я доказалъ, если не ошибаюсь, что необыкновенные беспорядки въ Ирландіи въ настоящее время произведены опасною политикою правительства. Я доказалъ, что мѣры, предпринимаемыя теперь правительствомъ, гораздо больше озлобятъ, чѣмъ успокоятъ ее. Пока эта система существуетъ, Ирландія никогда не будетъ спокойна; а пока Ирландія не успокоится, Англія не будетъ тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть между другими державами міра. Внутренній миръ необходимъ для достоинства, силы и безопасности этого великаго государства. Во всѣхъ переговорахъ, будутъ ли то съ Франціей о правѣ осмотра судовъ, или съ Америкой по поводу пограничной линіи, фактъ, что Ирландія недовольна, стоитъ на первомъ пла-

нѣ въ умахъ дипломатовъ и дѣлаеть британскихъ представителей робкими, а противниковъ смѣлыми. И тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Наше государство велико и могущественно, какъ для нападенія, такъ и для защиты. Англія способна на многое, что недостижимо для другихъ державъ. Она предписала миръ Китаю. Она господствуетъ въ Каффаріи и Австраліи. Она могла бы опять остановить всякую морскую торговлю. Она могла бы опять блокировать всѣ порты отъ Балтійскаго моря до Адриатическаго. Она можетъ защищать свои громадныя владѣнія въ Индіи противъ всякаго нападенія на сушѣ и на морѣ. Но въ этомъ огромномъ тѣлѣ есть одно больное мѣсто близъ сердца. Сорокъ шесть лѣтъ тому назадъ одинъ ударъ чуть было не попалъ въ это мѣсто и, попади онъ, былъ бы смертельнымъ. Правительство и законодательство одинаково виноваты, что опасное для государства положеніе дѣлъ продолжается до сихъ поръ. Я снимаю съ себя эту отвѣтственность голосомъ, который я подамъ теперь, и надѣюсь, что число и честность тѣхъ, съ которыми я отправлюсь въ залу конференцій, убѣдитъ католиковъ, что они могутъ еще надѣяться на справедливость и мудрость парламента.

РѢЧЬ О ХЛѢБНЫХЪ ЗАКОНАХЪ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ЭДИНБУРГѢ 2 ДЕКАБРЯ 1845 Г.

Слѣдующая рѣчь была произнесена на публичномъ митингѣ въ Эдинбургѣ, собравшемся для подачи прошенія ея Величеству о свободномъ ввозѣ хлѣба и всякой пищи во всѣ порты Соединеннаго королевства.

Милордъ меръ и джентльмены,

Вы, надѣюсь, повѣрите, какъ глубоко я благодаренъ за любезность, съ которою вы приняли меня. Позвольте васъ попросить увеличить еще вашу любезность и извинить, еслибъ голосъ измѣнилъ мнѣ во время моей рѣчи. Я счелъ своею обязанностью послѣдовать вашему приглашенію, хотя я едвали способенъ говорить публично; къ тому же обстоятельства позволяютъ мнѣ оставаться съ вами только нѣсколько часовъ. Но мнѣ казалось,

что это не простой митингъ и не простой кризисъ. Мнѣ казалось, что теперь предстоитъ великая эпоха и что въ такихъ обстоятельствахъ вамъ необходимо знать мнѣнія и намеренія того, кто имѣетъ честь быть однимъ изъ вашихъ представителей.

Что касается прошлаго, мнѣ придется можетъ-быть объяснить кое-что, но мнѣ конечно не въ чемъ раскаиваться и не отъ чего отступаться. Съ того дня, какъ я вступилъ въ общественную жизнь, мои мнѣнія не измѣнились. Я всегда смотрѣлъ на принципъ покровительства земледѣлю какъ на дурной принципъ. Я всегда думалъ, что этотъ вредный принципъ принялъ въ актахъ 1815, 1828 и 1842 гг. особенно вредную форму. Это я говорилъ 12 лѣтъ тому назадъ, когда я былъ представителемъ Лидса; это я говорилъ въ маѣ 1839 г., когда впервые представился вамъ, и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда лордъ Мельборнъ предлагалъ мнѣ участвовать въ его правленіи, я открыто сказалъ ему, что въ должности или безъ должности я одинаково буду стоять за полное уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ.

Но въ 1841 г. случился странный кризисъ. Можно было надѣяться найти средній путь, который, не уничтоживъ вполне все зло, нераздѣльное съ системою покровительства, могъ однако сильно уменьшить его. Въ финансовомъ положеніи государства случились обстоятельства, которыя позволили совѣтникамъ короны надѣяться замѣнить подвижную пошлину умѣренной и постоянной пошлиной. Мы предложили пошлину въ 8 шиллинговъ съ четверти пшеницы. Парламентъ отказался даже разсмотрѣть нашъ планъ. Ея Величество обратилась къ народу. Я представился вамъ, и вы отдадите мнѣ справедливость, что я ничего не скрывалъ. Я говорилъ: «Я стою за совершенно свободную торговлю хлѣбомъ; но въ нашемъ настоящемъ положеніи я считаю разумнымъ согласиться на сдѣлку. Если вы вновь пошлете меня въ парламентъ, я подамъ голосъ за пошлину въ 8 шиллинговъ. Отъ васъ зависитъ возвратить меня въ парламентъ, при такихъ условіяхъ, или нѣтъ.» Вы согласились со мною. Вы

послали меня въ палату общинъ съ тѣмъ, что я подамъ голосъ въ пользу плана, предложеннаго правительствомъ, котораго я былъ членомъ. Какъ только собрался новый парламентъ, администрація переѣхалась. Но, лишившись должности, я все-таки считалъ своимъ долгомъ поддерживать мѣру, за которую стоялъ, пока находился въ должности. Я поэтому не считалъ возможнымъ подавать голосъ за совершенно свободную торговлю, пока парламентъ не рѣшитъ противъ нашей установленной пошлины и за новую подвижную пошлину сэра Роберта Пилля. Какъ только это рѣшеніе вышло, я счелъ себя болѣе не связаннымъ соглашеніемъ, которое я не безъ опасеній предложилъ агрономамъ и на которое агрономы не согласились. Съ тѣхъ поръ, я всегда подавалъ голосъ въ пользу каждаго предложенія объ уничтоженіи пошлины на хлѣбъ.

Между мною и нѣкоторыми изъ насъ было, правда, небольшое разногласіе въ мнѣніяхъ. Мы принадлежали къ одному лагерю, мы не соглашались только относительно средствъ къ веденію войны. Я видѣлъ страшную силу интересовъ, соединенныхъ противъ насъ. Я видѣлъ, что монополія на хлѣбъ никогда не кончится, если защитники ея будутъ соединены, а противники разъединены. Я видѣлъ, что многіе люди, замѣчательные по патриотизму и талантамъ, надѣялись еще уладить дѣло соглашеніемъ, подобнымъ тому, которое было предложено въ 1841 г. Я считалъ содѣйствіе такихъ людей необходимымъ для нашего дѣла и боялся, что мы не будемъ въ состояніи противостоятъ общинъ врагамъ, если потеряемъ такихъ союзниковъ. Намъ незачѣмъ разсматривать, какого рода отношенія должны были бы быть между нами и партіей, стоявшей за умѣренную, установленную пошлину. Эта партія исчезла. Время, размышленіе и споры имѣли свое вліяніе на людей положительно даровитыхъ. Теперь уже не существуетъ мелкихъ оттѣнковъ въ мнѣніяхъ. Двѣ партіи противостоятъ другъ другу. Съ одной стороны стоятъ за монополію, съ другой—за свободу торговли; и я обязуюсь никогда не отступить отъ знамени свободы торговли.

Джентльмены, мнѣ подали резолюцію, съ которой я вполне

согласенъ. Въ этой резолюціи въ сильныхъ выраженіяхъ высказана великая истина, что настоящіе хлѣбные законы падаютъ всею своею тяжестью на бѣдныхъ. Было время, когда государственные люди не стыдились защищать хлѣбные законы для того, чтобы деньги массы переходили въ карманы нѣсколькихъ личностей. Намъ необходимо, такъ говорили эти господа, имѣть сильный и богатый классъ аристократовъ; для того, чтобы могли существовать такіе вельможи, нужно поддержать поземельную ренту; для поддержки поземельной ренты нужно поддержать цѣну на хлѣбъ. Теперь, можетъ быть, существуютъ еще люди съ такимъ образомъ мыслей, но они очень разумно дѣлаютъ, что не высказываютъ ихъ. Никто теперь не позволитъ себѣ объявить публично, что 10,000 семействъ должны имѣть недостатокъ въ пищѣ съ тѣмъ, чтобы одинъ человѣкъ могъ имѣть великолѣпный конскій заводъ или прекрасную картинную галерею. Наши монополисты перемѣнили почву. Они отступились отъ старыхъ доводовъ; но новые ихъ доводы, хотя и не такъ ненавистны, пожалуй еще болѣе нелѣпы. Они сдѣлались филантропами. Сердца ихъ обливаются кровью при мысли о бѣдности хлѣбопашца. Они постоянно повторяютъ, что крикъ противъ хлѣбныхъ законовъ былъ поднятъ капиталистами; что капиталисты желаютъ разбогатѣть насчетъ рабочаго класса и сельской аристократіи; что за всякимъ уменьшеніемъ цѣны на хлѣбъ послѣдуетъ уменьшеніе заработной платы; что съ той минуты, какъ цѣна на хлѣбъ уменьшится на половину, земледѣлецъ и работникъ впадутъ въ несчастіе и униженіе, а выиграютъ одни капиталисты. Не одни поземельные собственники, не одни торіи говорить эту бессмыслицу. Мы слышали это и отъ людей совершенно иного разряда, отъ демагоговъ, желающихъ удержать хлѣбные законы потому, что эти законы дѣлаютъ народъ бѣднѣе, а бѣдность дѣлаетъ народъ безпокойнымъ. Вы знаете, какъ эти враги порядка и собственности старались увѣрить народъ, что дешевый хлѣбъ будетъ несчастіемъ для него, и нельзя сказать, чтобы они дѣйствовали всегда безуспѣшно. Вы помните, какъ даже въ этомъ большомъ и просвѣщенномъ городѣ публичный митингъ, на которомъ разсматривались хлѣбные законы, былъ

прерванъ обманутой толпой. Каждый разъ, когда ханжи, враждебные всякой реформѣ, и анархисты, добивающіеся всеобщихъ беспорядковъ, соединяются во мнѣніяхъ, я убѣжденъ, что они стремятся къ чему-то бессмысленному и вредному. И конечно, никогда не могло существовать болѣе нелѣпаго и вреднаго крика, какъ этотъ крикъ противъ дешеваго хлѣба. Странно сказать, что консерваторы, говорящіе всегда противъ новыхъ теорій, всегда восхваляющіе мудрость нашихъ предковъ, выставляютъ намъ, какъ неоспоримую истину, странный парадоксъ, о которомъ никто не слышалъ съ сотворенія міра до нашего времени. Начиная съ самой древней изъ существующихъ книгъ, Книги Бытія, и кончая парламентскими преніями 1815 г., вы увидите, что партія, толкующая всегда объ уваженіи къ старинѣ и ея предписаніямъ, имѣетъ противъ себя всеобщій голосъ 33 столѣтій. Если есть предметъ, въ которомъ согласны всѣ люди, народы, языки, то это то, что дороговизна пищи есть великое зло для бѣднаго. Сильны же должны быть аргументы, составляющіе противавѣсъ такому авторитету. Что же это за аргументы? Я знаю только одинъ. Если кто-нибудь знаетъ еще другой, я допросилъ бы его сообщить его намъ. Единственный аргументъ, о которомъ я знаю, слѣдующій: есть много странъ, гдѣ хлѣбъ дешевле, чѣмъ въ Англии, и гдѣ народъ бѣднѣ англійскаго. Упоминаютъ о Бенгалѣ, но Польша остается любимымъ примѣромъ. Какъ только мы говоримъ, что не мѣшало бы допустить свободную торговлю хлѣбомъ между Вислою и Темзою, намъ отвѣчаютъ: «неужели вы желаете, чтобы наши работники были доведены до положенія крестьянъ на Вислѣ?» Слыхали ли вы когда-нибудь прежде такое разсужденіе? Посмотрите, какъ легко его можно повернуть противъ тѣхъ, кто приводятъ его. Хлѣбъ дешевле въ Цинциннати, чѣмъ у насъ; но заработная плата гораздо выше въ Цинциннати, чѣмъ у насъ; итакъ, чѣмъ дешевле хлѣбъ, тѣмъ выше будетъ заработная плата. Это разсужденіе такъ же хорошо, какъ и разсужденіе нашихъ противниковъ, т. е. они одинаково никуда не годятся. Одна причина никогда не дѣлаетъ народъ богатымъ или бѣднымъ. Ни одинъ поборникъ свободной торговли не будетъ такимъ идиотомъ, чтобы сказать, что свободная тор-

госда существовавшее хорошее дѣло въ мирѣ; что религія, правительство, образованіе, финансы, иностранныя сношенія не имѣютъ ничего общаго съ благосостояніемъ народа; что народъ, погруженный въ варварство, рабство и предрассудки, долженъ быть счастливъ, если только хлѣбъ дешевъ. Эти господа берутъ въ примѣръ самую несчастную страну въ мирѣ, страну, которая во время независимости имѣла самое дурное изъ независимыхъ правительствъ; государь былъ однимъ привракомъ; аристократія презирала его и враждовала между собою; масса народа находилась въ рабствѣ; средняго класса не было; не было промышленности; почти не было торговли, и та, какая была, находилась въ рукахъ евреевъ-разночковъ. Такова была Польша, пока она составляла отдѣльное государство. Затѣмъ она была завоевана и раздѣлена, снова завоевана и снова раздѣлена; теперь она находится въ рукахъ правительствъ, совершенно отличныхъ отъ нашего. И въ этой-то странѣ эти господа изучаютъ послѣдствія дешевыхъ цѣнъ. Когда они желаютъ говорить о высокихъ цѣнахъ, они берутъ наше отечество, страну, въ продолженіе многихъ поколѣній пользовавшуюся лучшимъ изъ правленій во всей Европѣ; страну, въ которой личное рабство неизвѣстно уже много вѣковъ; страну, пользующуюся чистой религіей, свободой, порядкомъ; страну, защищенную моремъ отъ иностранныхъ нападений; страну, въ которой старожилы не видали чужеземнаго флага иначе какъ въ видѣ трофея. Между этими двумя странами наши политическіе философы дѣлаютъ сравненіе. Они находятъ положеніе британца лучше положенія поляка; а изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что англичанинъ счастливъ потому, что хлѣбъ дорогъ, а полякъ несчастливъ потому, что хлѣбъ дешевъ. Послѣ этого можно доказать, что всякое добро есть зло и всякое зло—добро. Возьмите безногаго человѣка. Я докажу вамъ, что нѣтъ ничего лучше какъ быть безногимъ, потому что я могу показать вамъ безногихъ, которые гораздо счастливѣе другихъ, у которыхъ дѣйствуютъ обѣ ноги. Я докажу вамъ, что здоровье есть несчастіе, потому что я могу легко показать вамъ людей, совершенно здоровыхъ, но благосостояніе которыхъ исчезло, результаты которыхъ замарана и которые гораздо несчастнѣе многихъ

невалидою. Не можетъ ли разбуждать такимъ образомъ чело-
вѣкъ, одаренный здравымъ смысломъ? Нѣтъ, вопросъ вотъ въ
чемъ: не будетъ ли безвѣстнѣй счастливѣе, если онъ будетъ снова
владѣть водами члвчави? Не будетъ ли здоровѣй человекъ еще
несчастливѣе, если къ бѣдствіямъ его прибавится еще ревматизмъ
или подагра? Не будутъ ли англичане счастливѣе, если хлѣбъ у
нихъ будетъ дешевле, нежели въ Польшѣ?

Единственно-разумный способъ разсмотрѣнія подобныхъ во-
просовъ слѣдующій: нужно сравнить положеніе общества, когда
хлѣбъ дешевъ, съ положеніемъ того же общества, когда хлѣбъ
дорогъ; а такое сравненіе не трудно сдѣлать: Намъ стоитъ толь-
ко припомнить то, что мы сами видѣли въ продолженіе послѣд-
нихъ десяти лѣтъ. Возьмите 1835 г. Хлѣбъ тогда былъ дешевъ
и капиталисты процвѣтали. Но не былъ ли хлѣбонашець несчаст-
ливъ? Напротивъ, всѣмъ извѣстно, что заработная плата была
высока; что работъ было много, что народъ преуспѣвалъ и
былъ доволенъ. Потомъ случился перемена, какъ въ Фарасо-
вошъ ошъ. Тонія коровы съѣли жирныхъ коровъ; дни необилия
миновали, настали дни недостатка. Капиталисты явно находи-
лись въ дурномъ положеніи въ 1841 г. Но не захочетъ ли
кто-нибудь доказать, что капиталисты были единственнымъ или
главнымъ страдальцами? Неужели вы забыли положеніе рабочаго
класса, въ этотъ несчастный годъ? Бѣдствія мануфактурныхъ го-
родовъ были такъ очевидны, что человекъ съ мягкимъ сердцемъ
не рѣшался проѣзжать такой городъ. Всюду его встрѣчали грязь
и нагота, жалобные голоса, исхудалыя лица. Государственные
люди, никогда не отличавшіеся тревожностью, начали опасаться
за безопасность самыхъ основъ общества. Сперва уменьшили
рабочее время на фабрикахъ; потомъ работа прекратилась окон-
чательно. Потомъ, скудное достояніе работника пошло въ за-
кладъ: сперва его незначительные предметы роскоши, потомъ
его комфортъ, потомъ необходимое. Книжки опустошались, но-
ка онъ не сдѣлались столь же голыми, какъ избушки нищѣнца.
Среди всеобщаго бѣдствія, процвѣтала только лавина съ тремя
золотыми шарами и была переполнена, отъ сарая до чердака,
часами, столами, посудой, библіями бѣдныхъ. Я хорошо помню

впечатлѣніе, произведенное въ Лондонѣ при видѣ тяжелыхъ пушекъ, отправляемыхъ на сѣверъ, для усмиренія голоднаго населенія Ланкашира. Эти дурные дни прошли. Послѣ того, хлѣбъ опять подешевѣлъ. Капиталистъ процвѣталъ. Но онъ ли одинъ процвѣталъ? Не захотятъ ли доказать господа, говоряшіе, что польскій земледѣлецъ въ худшемъ положеніи, нежели англійскій,—не захотятъ ли они доказать, что положеніе англійскаго работника было хуже въ 1844, нежели въ 1841 г.? Не видѣли ли мы, какъ достояніе бѣдняка всюду возвращалось къ нему изъ магазина заимодавца? Не видѣли ли мы, по дому работника, по его одеждѣ, по самому его виду, что онъ былъ гораздо счастливѣе? Что же касается его удовольствій, самаго лучшаго изъ удовольствій, спросите умнаго и полезнаго согражданина вашего, м-ра Роберта Чамберза, когда больше продавалось народныхъ книгъ, въ 1841 или въ прошломъ году. Я убѣжденъ, что на двадцать миль отъ Манчестера сумма, выплаченная за работу въ одну недѣлю, превосходитъ на 1¹/₂ милліона сумму, уплаченную въ соответствующую недѣлю въ 1841 г.

Джентльмены, капиталистъ и земледѣлецъ одинаково выиграли отъ уменьшенія цѣны на хлѣбъ; такъ оно и должно быть. Но есть еще третья партія, которая не должна была выиграть отъ этого, однако осталась въ сильномъ выигрышѣ; эта партія—настоящее правительство ея Величества. Интересъ управителей требуетъ, чтобы управляемый имъ народъ былъ счастливъ. Но благоденствіемъ послѣдняго времени мы не были обязаны нашимъ правителямъ. Оно явилось помимо ихъ намѣреній. Оно было слѣдствіемъ дешевицы того, что они старались сдѣлать дорогимъ. Подъ предлогомъ, что они желали сдѣлать насъ независимыми отъ заграничнаго ввоза, они установили систему, которая дѣлаетъ насъ зависимыми въ худшемъ смыслѣ слова. По превосходному выраженію моего уважаемаго друга, лорда-мера, (1)

(1) М-ръ Адамъ Блэкъ.

народы находятся другъ отъ друга въ зависимости, противъ которой ничего нельзя сдѣлать. Всѣмъ извѣстно, что Провидѣніе распредѣлило различные продукты на различные климаты. Но это еще не все. Даже при одинаковыхъ условіяхъ климата, продукты измѣняются по ширѣ цивилизаціи народа. Какъ одна широта способствуетъ разведенію вина, другая—сахарнаго тростника, точно такъ же въ одной и той же широтѣ состояніе одного общества требуетъ земледѣлія, состояніе другаго—мануфактурнаго производства. Нѣтъ болѣе естественной, полезной, свободной отъ всякаго униженія зависимости, какъ обоюдная зависимость, существующая между народомъ, обладающимъ огромнымъ пространствомъ плодородной земли, и народомъ, обладающимъ огромнымъ богатствомъ машинъ; между народомъ, занимающимся превращеніемъ пустынь въ плодородную землю, и народомъ, ловкими операціями удешевляющимъ цѣну на шерсть и желѣзную руду. Будь эта зависимость и менѣе полезна, мы должны были бы подчиниться ей, потому что она неминуема. Каковы бы ни были наши законы, мы должны быть въ зависимости отъ другихъ народовъ относительно многихъ предметовъ пищи. Этотъ пунктъ былъ рѣшенъ, когда Англія перестала быть вывознымъ государствомъ; потому что не трудно доказать, что только государство, вывозящее съѣстные продукты, можетъ быть независимо отъ иностраннаго ввоза. Если фабрикантъ рѣшилъ произвести 10,000 паръ чулокъ, онъ сдѣлаетъ это, и ни больше и ни меньше. Земледѣлецъ же не можетъ сказать, что произведетъ ни больше, ни меньше какъ 10,000 четвертей хлѣба. Для того, чтобы въ дурной годъ имѣть 10,000 четв., ему нужно засѣять такое количество земли, съ котораго онъ въ хорошій годъ получить гораздо больше 10,000 четв. Очевидно, что если нашъ островъ въ обыкновенные годы не производитъ больше четвертей, чѣмъ намъ нужно, то онъ въ дурной годъ произведетъ меньше, чѣмъ намъ нужно. Точно такъ же очевидно, что наши земледѣльцы не стануть производить больше четвертей, чѣмъ необходимо, если имъ не предостоятъ возможности сбыть излишекъ за границу. Никто не отважится сказать, что Англія въ обыкновенные годы можетъ быть вывозящимъ государствомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мы

должны быть зависимы; остается только выбрать лучшую изъ зависимостей. Это не трудно разрѣшить. Отправьтесь въ Ланкаширъ; посмотрите на города, изъ которыхъ многіе не уступаютъ по величинѣ столицамъ великихъ государствъ. Посмотрите на амбары, машины, каналы, желѣзныя дороги, доки. Посмотрите на движеніе этого человѣческаго улья: какъ все занято производствомъ, упаковкой, отправкой матерій, которыя будутъ носить въ Канадѣ и Каффарин, въ Чили и Японіи. Вы, естественно, спросите: чѣмъ пропитать это громадное населеніе, скопленное на пространствѣ, которое можетъ дать пищу только десятой его части? Но, переѣдемъ—те сцену. Отправьтесь на ту сторону Огею; тамъ вы увидите другаго рода промышленность, не менѣе распространенную, не менѣе процвѣтающую. Вы увидите, какъ пустыня исчезаетъ отъ наплыва жизни и цивилизаціи, какъ богатый урожай получается въ томъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ находились непроходимыя лѣса, какъ дома, риги, мельницы воздвигаются посреди логовищъ медвѣдя и водка. Здѣсь вы найдете больше хлѣба, чѣмъ нужно для прокормленія нашего густо населеннаго острова; и собственникъ этого хлѣба съ радостью промѣнялъ бы его на шеффилдскій ножикъ, на бирмингемскую ложку, на теплую одежду изъ лидскаго сукна, на легкое платье изъ манчестерской пряжи. Но наши правители запрещаютъ такой обмѣнъ. Они говорятъ нашимъ промышленнымъ округамъ: «Вы желали бы изготовлять платье для американцевъ, а они желали бы снабжать васъ хлѣбомъ, но мы запрещаемъ эту сдѣлку. Мы обрекаемъ ваши ткацкіе станки и ихъ плуги на бездѣйствіе. Мы заставимъ васъ платить дорогую цѣну за ввозные припасы. Мы заставимъ быть вашими соперниками тѣхъ, которые желали бы покупать у васъ и продавать вамъ. Мы заставимъ ихъ сдѣлаться фабрикантами въ видахъ самосохраненія, и когда они, подражая намъ, наложатъ высокія пошлины на англійскія произведенія, для огражденія своихъ собственныхъ, мы изъяснимъ, въ рѣчахъ и депешахъ, свое удивленіе и сожалѣніе по поводу ихъ страннаго невѣжества въ политической экономіи.»

Такова была политика министровъ ея Величества; но они до

*

силь моръ еще не подвергались настоящей критикѣ. Хорошіе урожаи сгладили послѣдствія дурныхъ законовъ. Правительство было необыкновенно счастливо, и обыкновенные наблюдатели приняли счастье за мудрость. Но такое счастье не будетъ вѣчнымъ. Провидѣніе перестанетъ испосылать дожди и солнце, когда тѣ и другое будутъ нужны для спасенія репутациі близорукихъ государственныхъ людей. Многія причины заставляютъ думать, что дурныя времена скоро наступать. Избѣгать преувеличенія въ такомъ дѣлѣ есть священная обязанность человѣка и я не забуду ея. Нужно замѣтить, что писатели — жалкіе эти писатели — защищающіе настоящую администрацію, считаютъ возвышеніе цѣнъ на жизненные припасы невѣроятнымъ и говорятъ, что виги и лига противъ хлѣбныхъ законовъ стараются возбудить ужасъ въ народѣ, распространяя ложные слухи. На меня никто не будетъ въ силахъ возвести такое обвиненіе, потому что я буду говорить словами самихъ министровъ. У меня въ рукахъ письмо сэра Томаса Фримантля, секретаря Ирландіи, въ которомъ онъ требуетъ указаній относительно сбора картофеля въ этой странѣ. Вотъ его слова. «Правительство ея Величества желаетъ узнать мнѣніе должностныхъ лицъ и знающихъ людей всѣхъ частей Ирландіи о томъ, вѣроятно ли, чтобы хватило запаса на прокормленіе народа въ продолженіе слѣдующей зимы и весны, если только запасъ будетъ тщательно охраненъ и будетъ соблюдена экономія въ потребленіи.» Замѣьте, что здѣсь принимаютъ за доказанное, что запаса не хватитъ на цѣлый годъ; принимаютъ за доказанное, что безъ осторожности и экономіи запасъ изсякнетъ раньше окончанія весны, и сомнѣваются въ томъ, чтобы его хватило даже на зиму при экономіи и осторожности. Въ этомъ письмѣ, министры короны говорятъ намъ, что предстоитъ голодъ; между тѣмъ, когда письмо было писано, пошлина на заграничный хлѣбъ была 17 пшланиновъ на четверть. Нужно ли говорить еще что-нибудь о достоинствахъ подвижной пошлины? Насъ увѣрили, что это великолѣпное изобрѣтеніе освободитъ насъ отъ опасности недостатка. Но къ несчастью есть закавычка; подвижная пошлина не хочетъ двигаться: министры кричатъ «голодъ» въ то время, когда

ниже выдуманный указатель все-еще показываетъ — «низшекъ».

Итакъ, сэръ, я возвращаюсь къ резолюціи, находящейся у меня въ рукахъ. Намъ предстоитъ дорогой годъ. Цѣна на муку, вѣжета, поднялась уже наполовину выше, чѣмъ стояла нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Къ несчастью мы опять увидимъ въ примѣненіи къ дѣлу теорію, что дороговизна пищи полезна для работника и вредна одному капиталисту. Цѣна на хлѣбъ поднимается. Увеличивается ли заработная плата? Напротивъ, она уменьшается. Во многихъ округахъ симптомы бѣдствій уже показались. Фабриканты начинаютъ сокращать работу. Проученные опытомъ, они знаютъ, что имъ предстоитъ, и ожидаютъ, что 1846 годъ будетъ вторымъ 1841 годомъ.

Если такія дѣла не сдѣлаютъ насъ умнѣе, тогда надо махнуть рукою на насъ. Два раза въ десять лѣтъ мы были свидѣтелями, какъ цѣна на хлѣбъ поднималась и, по мѣрѣ того какъ она поднималась, заработная плата рабочихъ классовъ уменьшалась. Два раза, въ продолженіе того же времени, мы видѣли, что цѣна на хлѣбъ падала, а съ нею увеличивалась заработная плата рабочаго класса. Во всякой наукѣ, такіе опыты считались бы, конечно, неопровержимыми.

Будущность наша мрачна, нѣтъ сомнѣнія; но въ ней есть и свѣтлая сторона. Я уже поздравилъ васъ съ тѣмъ, что лордъ Джонъ Россель и его сообщники по этому дѣлу перестали и думать объ установленной пошлинѣ. Я могу поздравить васъ еще съ другимъ, не менѣе важнымъ фактомъ. Меня увѣряютъ, что рабочіе классы фабричныхъ скруговъ поняли наконецъ этотъ вопросъ. Строгіе уроки, которымъ они подверглись, имѣли то хорошее послѣдствіе, что люди эти никогда уже не станутъ внимать оратору, который вздумалъ бы объяснять имъ, что заработная плата возвышается и понижается вмѣстѣ съ цѣною на хлѣбъ. Теперь мы начнемъ борьбу съ такими предводителями и такими послѣдователями, какихъ прежде на бывало. Лучшая часть аристократіи будетъ стоять во главѣ насъ. Милліоны работниковъ, отчужденныхъ отъ насъ продѣлками обманщиковъ, послѣдуютъ за нами. Съ такими предводителями и такими послѣдователями,

мы, кажется, можем надѣяться на побѣду, если не въ настоящемъ, то въ слѣдующемъ парламентѣ. Но близка ли наша побѣда, или отдаленна, я увѣряю васъ, что буду вашимъ вѣрнымъ представителемъ во всемъ, что касается этого вопроса. Теперь, милордъ, я передаю въ ваши руки резолюцію — «что настоящіе хлѣбные законы всю тяжесть свою лежатъ на бѣдныхъ классахъ.»

РѢЧЬ О ДЕСЯТИ РАБОЧИХЪ ЧАСАХЪ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ПАЛАТѢ ОБЩИНЪ 22 МАЯ 1846 Г.

29 апрѣля 1846 г. м-ръ Фильдентъ, членъ за Ольдгемъ, предложилъ второе чтеніе билля о томъ, чтобы рабочее время малолѣтнихъ не превышало десяти часовъ въ сутки. Пренія были отложены и возобновлены послѣ долгихъ промежутковъ. Наконецъ 22 мая билль былъ отвергнутъ 203 голосами противъ 193. Въ этотъ день была произнесена слѣдующая рѣчь.

Невозможно мнѣ не говорить, милостивый государь, послѣ явнаго намека, сдѣланнаго на меня коимъ почтеннымъ другомъ, членомъ за Шеффилдъ. (1) Но еслибъ онъ и не вызвалъ меня,

(1) М-ръ Вардъ.

я все-таки съ нетерпѣніемъ ожидалъ случая объяснить причины, по которымъ я подамъ голосъ въ пользу вторичнаго чтенія этого билля.

Мнѣ, надѣюсь, не нужно объяснять моему почтенному другу, что я сильно порицаю какъ эту, такъ и другую палату, за клеветы на фабрикантовъ. Я чувствую полное почтеніе къ этому полезному классу людей. Я убѣжденъ, что интересы всего общества, а въ особенности рабочаго класса, тѣсно связаны съ его интересами. Я могу также объявить съ полной искренностью, что голосъ мой не будетъ имѣть ничего общаго съ духомъ партіи; ни при какихъ обстоятельствахъ я не позволилъ бы себѣ дать мѣсто чувствамъ партіи въ обсужденіи такого вопроса. Но въ настоящемъ случаѣ я желалъ бы поддержать, а не ослабить министровъ ея Величества; мнѣ вовсе не пріятно быть принужденнымъ къ противодѣйствию имъ. Я увѣряю ихъ, я увѣряю моихъ друзей на этой сторонѣ палаты, съ которыми я къ несчастью расхожусь, я увѣряю въ особенности моего почтеннаго друга, члена за Шеффилдъ, говорившаго уже слишкомъ жалобнымъ тономъ, что я не желаю заслужить репутацію гуманности на ихъ счетъ. Я вполне убѣжденъ, что они такъ же симпатично относятся къ рабочему классу, какъ и я. Мы расходимся только относительно цѣлей и средствъ, и намъ слѣдовало бы разсуждать о пунктахъ, въ которыхъ мы расходимся, безъ злобы и безъ горечи.

О подробностяхъ билля приличнѣе разсуждать въ комитетѣ. Теперь дѣло касается принципа,—и многіе джентльмены говорятъ намъ, что принципъ не хорошъ. По ихъ мнѣнію, нельзя защищать ни этотъ, ни какой-либо другой билль, опредѣляющій рабочіе часы. Это одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, говорятъ они, о которыхъ вовсе не слѣдуетъ издавать законовъ,—одно изъ тѣхъ дѣлъ, которыя лучше всего устриваются сами собою. Разъясненіе этого пункта весьма важно. Намъ конечно не слѣдуетъ брать на себя обязанности, которыя насъ не касаются, но, съ другой стороны, не слѣдуетъ отказываться отъ обязанностей, подлежащихъ намъ. Я не знаю, что хуже для общества, отеческое ли правительство, вмѣшивающееся во всѣ подробности жизни и пола-

тающее, что оно все может для людей, а они сами для себя ничего, или безопасное, вялое правительство, не допускающее злоупотреблений, которые от этого растут и умножаются, и на всё жалобы отвѣчающее: «Нужно предоставлять судь дѣлъ собственному течению, равновѣсіе опредѣлится само собою.» Самая трудная проблема въ политикѣ—найти среднюю между этими двумя вредными крайностями, различить случаи, когда необходимо вѣдшиваться, отъ случаевъ, гдѣ невмѣшательство становится обязанностью. Въ старое время правители, безъ сомнѣнія, грѣшили излишнею заботливостью. Законодатель постоянно объяснялъ людямъ, какъ содержать свои лавки, какъ обращаться наемъ, какъ воспитывать дѣтей, сколько блюдъ подавать за обѣдомъ, сколько платить за сумку для платья. Онъ постоянно старался отвѣщать злоупотребленія, не подлежащія его вѣдомству, и усиливалъ зло, которое хотѣлъ искоренить. Его такъ сокрушали несчастія, неразлучныя съ недостаткомъ, что онъ издалъ законы противъ скупинчества и превратилъ недостатокъ въ голодъ. Онъ былъ до того возмущенъ хитростью и безсердечіемъ ростовщиковъ, что издалъ законы противъ реста; вслѣдствіе этого заемщикъ, легко получившій деньги по 10 процентовъ, пожа ему не покровительствовали, съ трудомъ получалъ ихъ по 15, когда ему стали покровительствовать. Замѣчательныя политическіе философы прошлаго столѣтія доказали безумство такого законодательства и этимъ оказали огромную услугу человечеству. Явилась реакція, имѣвшая отличныя послѣдствія, но подобно всѣмъ реакціямъ не лишенная и опасностей. Нашихъ государственныхъ людей нельзя назвать хлопотунами. Но я боюсь, что склонность къ противоположной ошибкѣ вырвалась въ самыхъ лучшихъ изъ нихъ. Вотъ припрѣръ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ становилось яснымъ, что желѣзныя дороги скоро замѣнятъ старыя почтовые дороги во всемъ королевствѣ. Проложеніе новыхъ дорогъ для соединенія главныхъ городовъ, портовъ и морскихъ арсеналовъ, было дѣломъ первой важности для государства. Но къ несчастью тѣ, кто должны были дѣйствовать въ пользу народа, отказались отъ вмѣшательства. Поэтому безчисленные вопросы, касавшіеся общаго удобства и

общественной безопасности, одѣлались частными вопросами. Что хорошее внутреннее вообщеніе близко касалось всего общества, это было забыто. Интересы спекулятора, хлопотавшаго о высокомъ дивидендѣ, интересы помѣщика, просившаго большую сумму за свои десятины, принимались въ расчетъ. Но защитника интересовъ общества не нашлось. Теперь еще мы ощущаемъ, и пожалуй долго еще будемъ ощущать, последствия этой великой ошибки. Если я не заблуждаюсь, мы легко могли бы впасть въ подобную ошибку сегодня. Почтенный членъ за Монтрозъ (1) и мой почтенный другъ, членъ за Шеффиндъ, полагаютъ, что настоящей вопросъ касается только старыхъ и новыхъ теорій торговли. Они не понимаютъ, какъ поборникъ свободной торговли можетъ вмѣшиваться въ дѣла капиталиста съ рабочими. Они говорятъ: «Вы не издаете закона относительно цѣны перчатокъ, качества матеріала, изъ котораго онѣ сдѣланы, или продолжительности кредита обязательнаго для перчаточника. Вы предоставляете ему опредѣлять цѣну, выбирать матеріалъ, отдавать въ кредитъ или продавать на чистыя деньги. Вы допускаете, что тутъ какъ вмѣшиваться нечего, что эти вопросы должны рѣшаться между нинѣ и потребителями. Очень возможно, что онъ дурно поведетъ свою торговлю. Но на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ вы предоставляете продавцу перчатокъ и покупателю перчатокъ устроить договоръ между собою, вамъ слѣдуетъ предоставить самимъ себѣ и покупателей труда и продавцовъ труда.»

Относясь съ полнымъ почтеніемъ къ господамъ, разсуждающимъ такимъ образомъ, я все-таки не могу смотрѣть на этотъ предметъ такъ же, какъ они, и хотя могу не довѣрять своему сужденію, но могу руководствоваться только имъ. Я, вѣроятно, не меньше всякаго другаго члена этой палаты, сочувствую правильно понятой свободѣ торговли. Торговля едвали можетъ быть слишкомъ свободна, если смотрѣть на нее съ чисто денежной стороны. Но въ торговлѣ есть много страстей, на которыя

(1) М-ръ Юмъ.

нельзя смотрѣть какъ на простую торговлю и съ которыми связаны не одни денежныя, но и высшія интересы. Говорить, что правительство не должно вмешиваться въ устройство подобной торговли, мысль неестественная, которая испугала бы Адама Смита. Мы налагаемъ нѣкоторыя ограниченія на торговлю въ полицейскихъ видахъ. Мы не позволяемъ всякому владѣтелю каба и лошади перевозить пассажировъ по улицамъ Лондона. Мы не позволяемъ, чтобы цѣна за ѣзду обуславливалась спросомъ и предложениемъ. Мы не позволяемъ извозчику брать гиней за полъ-мили, въ дождливый день, потому, что не было другога возницы на мѣстѣ. Мы налагаемъ нѣкоторыя ограниченія на торговлю въ пользу государственныхъ доходовъ. Поэтому мы запрещаемъ фермеру разводить табакъ на своихъ поляхъ. Мы налагаемъ нѣкоторыя ограниченія на торговлю въ пользу вынаты государства. Такимъ образомъ мы заставляемъ человѣка идти въ милицію, тогда какъ онъ лучше желалъ бы быть хлѣбопашцемъ или ткачомъ; мы назначаемъ ему жалованье, вовсе не спрашивая его мнѣнія. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего несогласнаго съ здравыми политико-экономическими правилами; потому что политическая экономія говоритъ, что мы не должны нарушать свободы торговли изъ-за торговыхъ интересовъ, но мы вмешиваемся въ свободу торговли изъ-за высшихъ интересовъ.

Итакъ, милостивый государь, я говорю, что государство должно смотрѣть за договорами отдѣльныхъ лицъ, когда тутъ замѣшано благосостояніе общества. Правительство ея Величества конечно согласится съ этимъ. Я только-что читалъ очень интересный докладъ, подписанный двумя членами этого правительства, герцогомъ Боклю и благороднымъ графомъ, бывшимъ прежде главнымъ начальникомъ лѣсныхъ учрежденій, а теперь занимающимъ должность секретаря Ирландіи; ⁽¹⁾ послѣ подачи этого доклада самъ благородный графъ предложилъ, съ разрѣшенія кабинета, билль о покровительствѣ общественному здоровью. Этотъ билль запрещаетъ человѣку строить домъ на собственной

(1) Графъ Линкольнъ.

землѣ въ большомъ городѣ безъ разрѣшенія особихъ комиссаровъ. Никто не имѣетъ права устроить педвалъ безъ разрѣшенія этихъ комиссаровъ. Ширина дома должна быть опредѣленнаго размѣровъ. Каждый домъ долженъ имѣть водосточную трубу; если въ старомъ домѣ ея нѣтъ, комиссаръ можетъ заставить владѣльца сдѣлать трубу. Если онъ отказывается, комиссары дѣлаютъ трубу и посылаютъ ему счетъ. Они могутъ заставить его выѣхать изъ дому; если онъ отказывается, они дѣлаютъ это на его счетъ. Положимъ, что какой-нибудь домовладѣлецъ въ Манчестерѣ или Лидсѣ возражалъ бы правительству такъ же, какъ теперь возражаютъ господамъ, поддерживающимъ быль объ устанавленіи рабочихъ часовъ на фабрикахъ. Положимъ, онъ сказалъ бы благородному графу: «Ваше сіятельство считается приверженцемъ свободной торговли. По правиламъ вашего сіятельства всякій человѣкъ воленъ покупать дешево и продавать дорого. Отчего же мнѣ не выстроить домъ по возможности дешево и отдавать квартиры по возможности дорого? Ваше сіятельство не любитъ домовъ безъ водосточныхъ трубъ. Не покупайте дома у меня. Вы находите, что спальни у меня грязны. Никто не заставляетъ васъ спать въ нихъ. Вы вольны дѣйствовать по усмотрѣнію, но не мѣшайте свободѣ вашихъ сосѣдей. Я найду много семействъ, готовыхъ жить за шиллингъ въ недѣлю въ томъ, что вы называете лачугой. Отчего же не брать мнѣ шиллинга, который мнѣ предлагаютъ? Отчего не брать имъ квартиры, которую я предлагаю за шиллингъ? Отчего вы велѣли выѣхать мой домъ, безъ моего позволенія, и заставили меня платить за это? Мои жильцы считали домъ достаточно чистымъ для нихъ, иначе они не жили бы у меня; а если они и я были довольны, зачѣмъ же вы вмѣшались въ наши дѣла, вопреки всѣмъ принципамъ свободной торговли?» Это разсужденіе одного закала съ разсужденіями почтеннаго члена за Монтрозъ и моего почтеннаго друга, члена за Шеффилдъ. Если благородный графъ позводитъ мнѣ отвѣтить за него, то, я думаю, онъ сказалъ бы слѣдующее: «Я придерживаюсь здоровой доктрины о свободѣ торговли. Но ваше понятіе о свободѣ торговли есть преувеличеніе, карикатура здоровой доктрины; а выставляя такую карикатуру,

вы бросаете тѣмъ на хорошую доктрину. Мы не забывались бы въ ваши дѣла съ жильцами, еслибъ дѣло шло объ однихъ денежныхъ интересахъ. Но тутъ замѣнены высшіе интересы! Благо общества требуетъ, чтобы жизнь большинства народа не унорачивалась, не дѣлалась несчастною, чтобы умъ и здоровье не тратились понапрасну. Если многіе изъ нашихъ соотечественниковъ приняли привычки свищей, потому что жили въ домкѣ, похожихъ на свиные хлѣба, если они такъ привыкли къ зловохию, грязи и заразамъ, что прячутся безъ отвращенія въ норы, могущія произвестъ дурноту въ человѣкѣ опятномъ, то это только еще больше доказываетъ, что мы слишкомъ долго пренебрегали своею обязанностью и скорѣе должны приняться за искорененіе злоупотребленій.»

Вотъ рыхъ, я утверждаю, что правительство обязано выѣшиваться въ договоры отдѣльныхъ лицъ, когда дѣло касается общественной нравственности. Возьмите торговлю безнравственными книгами и картинами. Опровергнетъ ли кто-нибудь, что правительство съ успѣхомъ можетъ запретить такую торговлю? Или возьмемъ-те лотереи. У меня, положимъ, помѣстье, за которое я желалъ бы получить двадцать тысячъ фунтовъ. Я объявляю о своемъ намѣреніи выдать тысячу билетовъ по двадцати фунтовъ каждый. Первый вышедшій номеръ выиграетъ помѣстье. Но магистраты вмѣшиваются; договоръ между мною и покупателями билетовъ уничтоженъ, и мнѣ приходится платить большой штрафъ за такіе дѣйствія. Я ссылаюсь на принципъ свободной торговли, высказанный почтенными членами за Монтрозъ и Шеффилдъ. Я говорю законодателямъ, ограничившимъ мою свободу: «Что вамъ выѣшиваться въ дѣла покупателя и продавца? Если моя спекуляція вамъ не нравится, не берите билетовъ. Но не запрещайте другимъ людямъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію.» Вы конечно отвѣтили бы: «Вы были бы правы, еслибъ дѣло касалось однихъ денегъ; но тутъ замѣшая вопросъ о нравственности. Мы запрещаемъ вамъ располагать своимъ помѣстьемъ такимъ образомъ, потому что этимъ поддерживаются вредныя воззрѣнія, воззрѣнія несовмѣстныя со всеми качествами, необходимыми для благосостоянія отдѣльныхъ лицъ и націй.»

Всякій, я думаю, согласится, что, когда дѣло идетъ о нравственности и общественномъ здоровьи, государство имѣть право вмѣшиваться въ договоры отдельныхъ лицъ. А если это признано, то слѣдуетъ, что рассматриваемый нами вопросъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые подлежатъ правительственному контролю.

Никто, вѣроятно, не будетъ оспаривать, что здоровье возрастающаго поколѣнія сильно страдаетъ отъ договоровъ, которые настоящій билль долженъ ограничить. Можетъ ли кто-нибудь опровергать, что двѣнадцать часовъ въ сутки работы на фабрикѣ слишкомъ много для мальчика тринадцати лѣтъ? Съ этимъ всякій согласится, кто только прочиталъ предложенныя намъ свѣдѣтельства, кто наблюдалъ за дѣтьми и помнитъ собственные ощущенія молодости.

Ужели станетъ кто-нибудь отрицать, что предлагаемый вопросъ касается общественной нравственности? Можно ли сомнѣваться, — я думаю, ни одинъ изъ окружающихъ меня друзей не сомнѣвается, — что образованіе дѣло первой важности для счастья и добродѣтели народа? Между тѣмъ мы знаемъ, что нѣтъ образованія безъ свободнаго времени. Естественно, что, вычитая двѣнадцать часовъ для работы на фабрикѣ и необходимое время на обѣдъ, движеніе и отдыхъ, не остается ничего для образованія.

Я теперь, надѣюсь, доказалъ, что въ принципѣ билль этотъ не допускаетъ возраженій; но я не говорю еще о важнѣйшей сторонѣ этого дѣла. Я полагаю, что въ дѣлѣ нравственности и общественного здоровья правительство вправѣ вмѣшиваться въ договоры даже взрослыхъ людей. Но мы предлагаемъ ограничить только договоры съ несовершеннолѣтними. Существовало ли какое-нибудь цивилизованное общество, гдѣ договоры съ дѣтьми не были бы подъ контролемъ? Допустятъ ли хоть одна членъ этой палаты, чтобы богатый мальчикъ тринадцати лѣтъ имѣлъ право располагать своимъ помѣстьемъ или выдать обязательство въ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ? Еслибъ кто-нибудь вздумалъ сказать: «Какое дѣло до этого законодателя? Отчего не допустить свободы торговли? Неужели вы лучше помни-

маете интересы мальчика, чѣмъ онъ самъ?» вы отвѣтили бы: «Когда онъ вырастетъ, пусть промотаетъ свое состояніе, если это ему нравится; но пока онъ находится подъ опекою государства, и ему не позвоятъ разорваться раньше достиженія лѣтъ, дающихъ возможность понять, что онъ дѣлаетъ.» Несовершеннолѣтніе, за которыхъ мы желаемъ заступиться, не имѣютъ, правда, большаго состоянія, которое могли бы промотывать; но они тѣмъ неменѣе подлежатъ нашему покровительству. Единственное ихъ богатство, единственное наследство, на которое они могутъ рассчитывать для пропитанія, — здоровый умъ и здоровое тѣло. И не обязаны ли мы удерживать ихъ отъ траты этого драгоценнаго капитала, пока они не знаютъ еще его цѣны?

Но билль этотъ, говорятъ, хотя непосредственно ограничиваетъ только рабочіе часы несовершеннолѣтнихъ, будетъ имѣть посредственное вліяніе на работу взрослыхъ. Хотя я не подаю бы голоса въ пользу прямаго ограниченія рабочихъ часовъ взрослыхъ, но скажу прямо, что вовсе не боюсь тѣхъ страшныхъ послѣдствій, которыя намъ предсказываютъ въ случаѣ ограниченія рабочихъ часовъ взрослыхъ. Вы прерываете меня съ такимъ торжествующимъ видомъ, какъ будтобы я сказалъ самый несмысленный парадоксъ. Но извините, не кажется ли вамъ, что работа взрослыхъ уже ограничена у насъ? Не замѣчаете ли вы, что работа производится изъ семи дней шесть? Не я, а вы поддерживаете парадоксъ противъ мнѣній и обычаевъ всѣхъ народовъ и вѣковъ. Слышали ли вы о какомъ-либо государствѣ, съ самыхъ древнихъ временъ, гдѣ правительство не устанавливало бы извѣстнаго времени для отдыха взрослыхъ людей? Это устройство обыкновенно предписывалось религіей. Египтяне, евреи, греки, римляне, всѣ имѣли праздники; индусы имѣютъ свои праздники; мусульманинъ имѣетъ свои праздники; греческая, римская, англійская церковь — всѣ имѣютъ свои праздники. Не забавно ли слышать людей, говорящихъ о страшныхъ послѣдствіяхъ ограниченія рабочихъ часовъ взрослыхъ и не замѣчающихъ, что въ обществѣ, въ которомъ они живутъ, и во всякомъ обществѣ когда-либо существовавшемъ, законодательство ограничивало рабочее время безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій? Правда, что

пуританское правленіе въ Англіи и атеистическое правленіе во Франціи уничтожили старыя праздники, какъ дѣло предрасудка. Но эти же правительства поняли необходимость учредить новыя праздники. Вмѣсто релігіозныхъ праздниковъ явились гражданскіе. Между приказами Долгаго парламента вы найдете законъ, что вмѣстъ праздниковъ Святой Недѣли, Троицы и Рождества второй вторникъ каждаго мѣсяца предоставляется на отдыхъ рабочему классу и что всякій подмастерье, принужденный къ работѣ въ такой день, имѣетъ право жаловаться предъ судомъ. Французскіе якобинцы рѣшили, что воскресенье не будетъ больше днемъ отдыха, но установили вмѣсто него другой день отдыха, декаду. Они уничтожили католическіе праздники, но установили вмѣстъ другой рядъ праздниковъ, Санкилоттиды или праздники Генія, Индустрии, Общественнаго мнѣнія и т. д. Итакъ, я утверждаю, что ограниченіе рабочаго времени взрослыхъ не только не безсмысленная, неслышанная выдумка, но явленіе столь же обыкновенное, какъ приготовленіе обѣда, употребленіе одежды и разведеніе домашнихъ животныхъ.

И можно ли доказывать, чтобы это ограниченіе было вредно? Возьмемъ-те самый близкій намъ примѣръ. Разсмотримъ-те послѣдствія законовъ нашей страны, постановляющихъ работать взрослымъ людямъ шесть дней изъ семи. Намъ незначѣмъ разсматривать, христіанскій ли законъ обязываетъ насъ праздновать воскресенье или нѣтъ, потому что вліяніе праздника на мірскіе интересы не измѣнится отъ того, установленъ ли онъ свѣтскою или церковною властью. Посмотрите теперь, есть ли хоть одинъ аргументъ въ рѣчи моего почтеннаго друга, члена за Шеффилдъ, который не говоритъ одинаково сильно противъ празднованія воскресенья, какъ и противъ предложеннаго намъ билля? Нѣтъ сомнѣнія, что если аргументація его вѣрна относительно часовъ, она должна быть столь же вѣрна относительно дней.

Онъ говоритъ: «Если это ограниченіе полезно работникамъ, будьте увѣрены, что они сами установятъ его безъ всякихъ законовъ.» Отчего же не приложить тѣ же доказательства и къ

соблюдению воскресенья? Отчего намъ не говорить: «Если население Лондона почтетъ удобнымъ закрывать лавки разъ въ недѣлю, оно сдѣлаетъ это безъ всякихъ законовъ?» Ответъ на это очевиденъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что огромное большинство торговцевъ въ Лондонѣ, можетъ-быть сто противъ одного, стояли бы за то, чтобы закрывать лавки въ воскресенье. Между тѣмъ, положительно необходимо поддержать это желанiе силою закона, потому что, не будъ закона, меньшинство, открывая свои лавки въ воскресенье, скоро заставило бы большинство дѣлать тоже самое.

Но, говорить почтенный другъ мой, вы не можете ограничивать рабоче время взрослыхъ не устанавливая заработной платы. Онъ нѣсколько разъ повторяетъ это положенiе, увѣряетъ насъ, что его нельзя опровергать, и, кажется, дѣйствительно считаетъ его неопровержимымъ, но это только потому, что онъ не далъ себѣ труда доказать его. Въ продолженiе многихъ вѣковъ мы ограничивали работу взрослыхъ шестью днями изъ семи, а между тѣмъ вы не устанавливали платы.

Намъ говорятъ: вы не можете издавать законовъ относительно всѣхъ промысловъ, поэтому лучше, чтобы законодательство не заботилось ни объ одномъ. Посмотрите на бѣдную швею; работа ея гораздо продолжительнѣе и труднѣе работы ребенка на фабрикѣ. Она шьетъ иногда пятнадцать, шестнадцать часовъ изъ двадцати четырехъ. Посмотрите на горничную, которая бѣгаетъ съ лѣстницы на лѣстницу отъ шести часовъ утра до полуночи. Вы ничего не можете сдѣлать въ пользу швей и горничной. Тамъ отчего же безпокоиться о дѣтяхъ, работающихъ на фабрикахъ? Берегайтесь, чтобы своими попеченiями объ одномъ классѣ вы не ухудшили положенiя другаго класса, котораго вы не въ состоянiи защитить. Посмотрите, милостивый государь, нельзя ли все это слово въ слово примѣнить къ закону, запрещающему работать въ воскресенье. Возьмемъ-те швею, о которой было такъ много говорено. Вы не можете воспрепятствовать ей шить цѣлое воскресенье въ своемъ чердакѣ. Но вы не считаете вслѣдствiе этого необходимымъ открывать всѣ лавки въ Лондонѣ въ воскресенье. И эти самыя фабрики, о которыхъ мы теперь

говорить — предлагает ли кто-нибудь, чтобы они работали въ воскресенье? Посмотрите же, какъ вы непослѣдовательны. Вы считаете несправедливыми ограничить рабочіе часы фабричныхъ дѣтей, потому что вы не въ состояніи ограничить рабочихъ часовъ швей. Между тѣмъ вы не видите препятствій ограничить шестью днями, изъ семи работу не только фабричныхъ дѣтей, но и взрослыхъ, хотя вы не можете ограничить работы швей.

Но, — говорите вы, — заступаясь за одинъ классъ, мы усилили страданія другого класса, котораго мы не въ состояніи защитить. Вы говорите это, но не доказываете, а опытъ вѣковъ доказываетъ противное. Мы не дозволяемъ отирывать лавокъ въ воскресенье. Мы не вѣшиваемся въ работу горничной. Но возлагаютъ ли вслѣдствіе этого на горничныхъ болѣе тяжелую работу, въ воскресенье, чѣмъ въ другіе дни? Напротивъ. Потому что законъ поддерживаетъ общественное мнѣніе въ правильномъ состояніи и защищаетъ посредствомъ тѣхъ, кого не можетъ защитить непосредственно.

Не желаетъ ли мой почтенный другъ доказать, что законъ, ограничивающій число рабочихъ дней, былъ бы вреденъ рабочему классу? Я убѣжденъ, что нѣтъ. Чѣмъ же онъ заставитъ меня вѣрить, что законъ, ограничивающій число рабочихъ часовъ, будетъ вреденъ рабочему населенію? Между тѣмъ онъ и его приверженцы повидимому удивляются нашей ограниченности, потому что мы не сразу соглашаемся съ справедливостью доктринъ, отстаиваемыхъ ими. Они разсуждаютъ такъ. Мы не можемъ уменьшить число рабочихъ часовъ на фабрикахъ не уменьшая производительности. Мы не можемъ уменьшить производительности не уменьшая вознагражденія работника. Между тѣмъ иностранцы, которымъ предоставляемо работать до изнеможения силъ, скоро вытѣснятъ насъ изъ всѣхъ рынковъ міра. Заработная плата мгновенно упадетъ. Положеніе рабочаго класса будетъ гораздо хуже, чѣмъ теперь; и наше неразумное вѣшателство, подобно неразумному вѣшателству нашихъ предковъ въ дѣла дѣльныхъ маклеровъ и ростовщиковъ, усилитъ только зло, которому хотѣло помочь.

Я допускаю, сэръ, что ограниченіе рабочихъ часовъ можетъ

въ извѣстныхъ случаяхъ, довести до худшихъ послѣдствій, которыми намъ угрожаютъ: поэтому, намъ и слѣдуетъ тщательно рассмотреть всѣ подробности предложеннаго билля и дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Но чтобы всякое ограниченіе рабочихъ часовъ необходимо влекло за собою подобныя послѣдствія, конечно, не правда. Я долженъ признаться въ своемъ удивленіи, когда вижу, какъ люди, столь способные и знающіе, выражаютъ мнѣніе, что уменьшеніе числа рабочихъ часовъ повлечетъ за собою уменьшеніе заработной платы, и считаютъ это мнѣніе неопровержимымъ, подобно любой изъ теоремъ Евклида. Я отвергаю справедливость этого положенія, по слѣдующей простой причинѣ. Мы уже сильно уменьшили силою закона число рабочихъ часовъ на фабрикахъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ, покойный сэръ Робертъ Пилъ объявилъ падатѣ, что осмидѣтихъ лѣтъ, постоянно заставляють, работать пятнадцать часовъ на заводахъ. Съ тѣхъ поръ было постановлено закономъ, чтобы до осмидеяти лѣтъ никто не работалъ на заводахъ больше двѣнадцати часовъ въ сутки. Этому закону возражали такъ же, какъ и теперь возражаютъ предложенному намъ биллю. Тогда говорили, какъ и теперь, что съ уменьшеніемъ рабочихъ часовъ уменьшится и производительность, что съ уменьшеніемъ производительности уменьшится заработная плата, что наши фабриканты не будутъ въ состояніи состязаться съ иностранными фабрикантами и что положеніе рабочаго класса только ухудшится вмѣстительствомъ закона. Прочтите тѣ дебаты и вамъ покажется, что вы читаете дебаты настоящаго вечера. Парламентъ не обратилъ вниманія на эти предсказанія. Рабочіе часы были ограничены. Уменьшилась ли заработная плата? Перешла ли торговля бумажными товарами изъ Манчестера въ Германію или Францію? Сдѣлался ли рабочій классъ болѣе несчастнымъ? Не всѣмъ ли извѣстно, что предсказанное зло не осуществилось? Но какъ бы меня не поняли ложно. Я вовсе не говорю, что такъ какъ законъ, ограничивающій рабочее время двѣнадцатью часами, не уменьшилъ заработной платы, то ограниченіе рабочаго времени десятью или одиннадцатью часами не можетъ уменьшить заработной платы. Это было бы крайне не логично. Я только го-

*

ворю, что если ограниченіе рабочихъ часовъ дѣйствительно вмѣсто пятнадцати не уменьшило заработной платы, то нельзя сказать, что всякое ограниченіе рабочихъ часовъ непременно поведетъ за собою уменьшеніе заработной платы. Въ этомъ положеніи, которое мой благородный другъ считаетъ столь неопровержимымъ, несомнѣнно есть пробѣлъ, который мы можемъ быть найдемъ всматриваясь въ подходящіе случаи, о которыхъ я такъ часто говорю.

Ровно триста лѣтъ тому назадъ, въ Англіи происходили сильныя религиозныя перевороты. Много было говорено и писано въ этотъ пылливый вѣкъ о томъ, обязываетъ ли религія христіанъ не работать разъ въ недѣлю; и всѣмъ извѣстно, что главные реформаторы, какъ здѣсь, такъ и на континентѣ, отвергали существованіе такого обязательства. Положимъ, что парламентъ на основаніи этого постановилъ бы, что больше не будетъ различія между воскресеньемъ и другими днями. Если наши противники послѣдовательны, они должны сказать, что такой законъ сильно увеличилъ бы богатство страны и плату работникамъ. Если ихъ принципы здравы, какое вліяніе должно было имѣть это увеличеніе рабочаго времени на одну шестую! Какое усиленіе производительности! Какое увеличеніе заработной платы! Какъ было возможно иностранному работнику, удержавшему дни отдохновенія и увеселенія, конкурировать съ народомъ, котораго лавки были открыты, рынки переполнены, котораго топоры, лопаты и ткацкіе станки работали съ утра до ночи, въ продолженіе трехъ сотъ шестидесяти пяти дней въ годъ! Всѣ воскресенья трехъ сотъ лѣтъ составляютъ пятьдесятъ лѣтъ нашихъ рабочихъ дней. Мы знаемъ, что можетъ сдѣлать производительность въ пятьдесятъ лѣтъ. Мы знаемъ, какія чудеса произвела индустрія въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Аргументы моего благороднаго друга ведутъ насъ прямо къ заключенію, что, еслибъ въ послѣдніи триста лѣтъ воскресенье не считалось днемъ отдохновенія, мы были бы народомъ гораздо болѣе богатымъ и цивилизованнымъ и въ особенности рабочій классъ былъ бы въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ теперь. Но неужели онъ, или какой-нибудь другой членъ палаты, серьезно думаетъ, что дѣло действительно

могло бы принять такой оборотъ. Я съ своей стороны вполне убѣжденъ, что, работая мы въ продолженіе трехъ вѣковъ въ воскресенье такъ же усиленно, какъ въ будни, мы были бы менѣе богатыми и менѣе цивилизованными народами; индустрія процвѣтала бы меньше, заработная плата работника уменьшилась бы и другія націи составляли бы на весь свѣтъ бумажныя и шерстяныя матеріи и стальные издѣлія.

Я эггитъ конечно не хочу сказать, что человекъ не произведетъ больше въ одну недѣлю, если будетъ работать семь дней вмѣсто шести. Но я сомнѣваюсь, чтобы къ концу года онъ произвелъ больше работая семь дней вмѣсто шести; и я вполне убѣжденъ, что въ двадцать лѣтъ результатъ его труда будетъ меньше, если онъ работалъ семь дней, чѣмъ былъ бы при шестидневной работѣ. Точно такъ же я не отвергаю, что ребенокъ, работающій на фабрикѣ, произведетъ въ одинъ день больше, работая двѣнадцать часовъ вмѣсто десяти или пятнадцать вмѣсто двѣнадцати. Но я отвергаю, чтобы большое общество, въ которомъ дѣти работаютъ пятнадцать или даже двѣнадцать часовъ въ сутки, произвело больше въ цѣлое поколѣніе, чѣмъ оно произвело бы при меньшемъ количествѣ часовъ. Если мы смотримъ на человека съ чисто коммерческой точки зрѣнія, какъ на машину, производящую колонкоръ или шерстяныя ткани, то не слѣдуетъ забывать, какого рода этотъ механизмъ, какъ тонко и великолѣпно онъ сдѣланъ. Съ хорошей лошадыю или умной собакой мы обращаемся иначе, чѣмъ съ правдойной машиной. Торговецъ неводьяками, понимающій свой интересъ, не будетъ обращаться съ своимъ живымъ товаромъ такъ же безремонтно, какъ съ лошадыю или собакою. И неужели вы станете обращаться съ свободнымъ англійскимъ рабочникомъ какъ съ колесомъ или валькомъ? Будьте увѣрены, что усиленная работа, начинающаяся съ слишкомъ ранняго возраста, продолжающаяся слишкомъ долго каждый день, останавливая ростъ тѣла и ума, не давая времени для движенія и умственнаго развитія, должна остановить развитіе качествъ, сдѣлавшихъ наше отечество великимъ. Изъ истомленныхъ работою мальчиковъ вырастетъ поколѣіе слабыхъ и дрянныхъ людей, которые произведутъ на свѣтъ еще болѣе сла-

бое и дрянное поколѣніе, и не много времени пройдетъ, какъ вырожденіе рабочаго класса выкажетъ свои вредныя послѣдствія именно на тѣхъ интересахъ, которымъ вы пожертвовали его нравственной и физической силой. Съ другой стороны, день отдыха въ недѣлю, два три часа свободы, движенія, полезнаго занятія въ день возмѣсятъ челоуѣка физически, нравственно и умственно; а усовершенствованіе челоуѣка повлечетъ за собою усовершенствованіе всего, что онъ дѣлаетъ. Отчего бумажныя издѣлія индуса, у котораго матеріалъ подъ руками, не могутъ соперничать съ бумажными издѣліями англичанина, который получаетъ сырой матеріалъ изъ-за тысячъ миль и который долженъ посылать обработанный матеріалъ опять за тысячи миль на рынокъ? Вы скажете, что мы обязаны этимъ превосходству нашихъ машинъ. А кому мы обязаны усовершенствованіемъ нашихъ машинъ? Сколько прекрасныхъ машинъ были плодомъ Гегеля и мысли рабочаго челоуѣка? Адамъ Смитъ говоритъ намъ въ первой главѣ своего великаго сочиненія, что въ любой фабрикѣ вы можете увидѣть красивую машину, — это его выраженіе, — изобрѣтенію рабочаго. Гарригъвъ и Кромптонъ, извѣстные изобрѣтатели прядильныхъ машинъ, были простые работники. Сколько часовъ работы дѣтей сбавитъ тоже самое для нашихъ мануфактуръ, какъ одно изъ этихъ изобрѣтеній? И въ какомъ обществѣ можно ожидать такого рода изобрѣтеній? Конечно въ обществѣ, въ которомъ способности работника усовершенствованы воспитаніемъ. Сколько времени придется вамъ ждать, пока негръ, работающій подъ плетью въ Луизианѣ, выдумаетъ лучшую машину для обработки сахарнаго тростника? Мой почтенный другъ, во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ о коммерческомъ процвѣтаніи народовъ, забываетъ повидялому главную причину, отъ которой зависитъ это процвѣтаніе. Что составляетъ разницу между странами? Ни богатство почвы, ни мягкость климата, ни руды, ни гавани, ни рѣки: Все это полезно, когда имъ пользуется челоуѣческій разумъ; челоуѣческій умъ дѣлаетъ много безъ этихъ средствъ, но средства эти безъ челоуѣческаго ума — ничего. Эти средства существуютъ въ огромномъ изобиліи въ странахъ, жители которыхъ малочисленны, нецивилизованны и бѣдны; тогда

наль яа голыя скалахъ, среди болотъ, при неблагопріятномъ климатѣ, вы видите огромное населеніе, имѣющее хорошую пищу, хорошіе дома, хорошее нравленіе. Но природѣ, Египеть и Сицилія должны бы быть садами міра. Когда-то они и были таковыми. Ботъ ли что-нибудь въ землѣ или климатѣ дѣлающее Шотландію болѣе цвѣтущею, чѣмъ Египеть, или Голландію болѣе цвѣтущею, чѣмъ Сицилію. Нѣтъ; шотландецъ сдѣлалъ Шотландію, голландецъ—Голландію. Посмотрите на Сѣверную Америку. Два вѣка тому назадъ, страны, переполненныя теперь домами, университетами, церквами, правительственными зданіями, служилъ жилищемъ пантерѣ и медвѣдю. Что произвело перемену? Богатая почва или разливы рѣкъ? Нѣтъ; земля была столь же плодородна, Огеѳо и Гудзонъ, столь же глубоки, какъ и теперь. Произшла ли перемена отъ сильнаго передвиженія капитала изъ стараго міра въ новый? Нѣтъ; эмигранты переселялись обыкновенно съ малыми деньгами, но они привозили съ собою англійское сердце, англійскій умъ и силу; а англійскій умъ сдѣлалъ изъ пустынь плодородныя поля и изъ непроницаемыхъ дѣсевъ города и флоты. Человѣкъ—великое орудіе, производящее богатство. Естественное различіе между Шанцбергендомъ и Кампаней ничтожно въ сравненіи съ различіемъ между страной, населенной здоровымъ и умнымъ народомъ, и страной, населенной народомъ, впавшимъ въ умственную и физическую дряхлость. Слѣдовательно, мы не бѣднѣе, а богаче отъ того, что въ продолженіе многихъ лѣтъ отдыхали отъ труда одинъ день въ недѣлю. Этотъ день не потеряны. Пока индустрія остановлена, совершается процессъ, не менѣе важный, для богатства націи, чѣмъ какой-либо процессъ, совершающійся въ рабоче днѣ. Человѣкъ, эта машина всѣхъ машинъ, въ сравненіи съ которой всѣ дѣятелн брѣденія, Уаттовъ и Аркрайтовъ ничтожны, восстанавливаетъ свои силы и возвращается на работу въ понедѣльникъ съ оживленнымъ умомъ, съ новой силой. Я никогда не повѣрю, чтобы то, отъ чего народъ здоровѣе, умнѣе и лучше, могло быть причиною его бѣдности. Вы думаете испугать насъ говоря, что въ нѣкоторыхъ германскихъ фабрикахъ дѣти работаютъ семнадцать часовъ въ сутки, что работа ихъ такъ усилена, что изъ тысячъ

такихъ людей ни одичать не достигнетъ необходимого роста для поступленія въ войско, и спрашивается насъ, какъ мы справимся съ такими соперниками, если пропустимъ этотъ билль? Я сѣмью надъ этими соперниками. Если когда-нибудь отнимуть у насъ перовъ мѣсто между коммерческими націями, то это сдѣлаетъ не выродившееся поколѣніе карловъ, но новой-шбуда: шрадель, превосходящій насъ силою ума и тѣла.

По этимъ причинамъ, сэръ, я стою за этотъ билль и подаю голосъ въ пользу втораго чтенія его. До какой степени уменьшить рабочіе часы, вопросъ гораздо болѣе трудный. Мнѣ кажется, что мы въ положеніи доктора, узлашаго болѣзнь, опредѣлишаго необходимое лекарство, но не увѣреннаго, какое количество этого лекарства перенесетъ сложенеіе больного. Такой врачъ далъ бы вѣроятно лекарство въ маленькихъ приемахъ, ожидая его послѣдствій. Я не могу не думать, чтобы уменьшая сразу рабочіе часы отъ двѣнадцати до десяти мы рисковали слишкомъ много. Перемена велика и должна быть приведена въ дѣйствіе постепенно. Положимъ, что за этимъ послѣдуетъ уменьшеніе заработной платы, что вовсе не невозможно. Не можетъ ли воспослѣдовать сильная реакція? Не подумаетъ ли общество, что мы ошиблись въ принципѣ, тогда какъ мы ошиблись только въ степени? Не можетъ ли парламентъ быть доведенъ до уничтоженія этого закона? Не будетъ ли намъ пожалуй трудно удерживать даже настоящее ограниченіе? По моему мнѣнію, всего разумнѣе было бы ограничить рабочее время одиннадцатью часами, ожидать послѣдствій и, если они окажутся, какъ я и надѣюсь, удовлетворительными, тогда уже перейти отъ 11-и къ 10 часамъ. Это впрочемъ вопросъ, который удобнѣе будетъ рассмотреть въ комитетѣ.

Еще одно слово, сэръ, въ отвѣтъ моему благородному другу, сидящему около меня. (1) Онъ повидимому думаетъ, что теперь не время для такого билля. Я не могу согласиться съ нимъ. Въ понедѣльникъ мы передали въ палату лордовъ билль, должен-

(1) Лордъ Морпетъ.

отвужіи уничтожить самое гнусное ограниченіе торговли. Ничего не можетъ быть лучше, какъ въ ту же недѣлю помочь злу совершенно противоположнаго свойства. Какъ законодатели мы должны сознаться въ двухъ великихъ ошибкахъ, и исправить ихъ. Мы дѣлали то, чего не должны были дѣлать. Мы не дѣлали того, что должны были дѣлать. Мы виѣшивались въ то, во что не слѣдовало виѣшиваться. Мы не виѣшивались тамъ, гдѣ это было необходимо. Мы покровительствовали нѣкоторымъ отраслямъ производства и принесли имъ вредъ. Общественному здоровью и общественной нравственности мы отказывали въ покровительствѣ, въ которомъ они нуждались. Мы запрещали работнику покупать хлѣбъ тамъ, гдѣ онъ могъ получить его дешевле; но мы позволяли ему разрушать свое тѣлесное и умственное здоровье преждевременной и неумѣренной работой. Я надѣюсь, что мы до послѣднихъ дней вреднаго виѣшательства, и вреднаго невѣшательства и что бѣдные наши соотечественники не будутъ больше страдать ни отъ нашего виѣшательства, ни отъ нашего нерадѣяія.

вало. У насъ не доставало библиотеки, открытой для обширнаго, почтеннаго класса, вовсе не лишеннаго любознательности и любви къ литературѣ, но способнаго читать только на редкомъ языкѣ. Для этого класса въ особенности, я не говорю исключительно, устроена настоящая библиотека. Наши директоры надѣюсь не удовлетворятся, — я, какъ членъ, конечно не буду удовлетворенъ, — пока на нашихъ полкахъ не найдутся все англійскія книги, замѣчательныя или по содержанию, или по слогу, бросающія свѣтъ на нашу гражданскую, умственную, духовную или социальную исторію, однимъ словомъ, книги дающія полезныя знанія или безвредное удовольствіе.

Я ожидаю большаго блага отъ такой коллекціи для обширнаго и почтеннаго класса, о которомъ упомянулъ выше. Говоря это, я не принимаю въ расчетъ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, на которые такъ вѣрно указалъ мой благородный другъ лордъ-меръ. (1) Конечно вовсе не невозможно, чтобы какой-нибудь гениальнѣйшій человекъ, предназначенный обогатить нашу литературу какою-нибудь безсмертнымъ произведеніемъ, почувствовалъ въ нашей читальнѣ первые признаки еще не проявившейся силы. Все не вѣроятно, чтобы наши книги дали первый толчокъ какому-нибудь будущему Борнеу, Уэлту или Аркрайту. Но я говорю не объ этихъ исключительныхъ случаяхъ. Я вѣрю въ нравственное и умственное совершенствованіе всего класса, пользу котораго мы имѣемъ въ виду; я убѣжденъ, что многие часы, которые иначе были бы проведены въ безразсудствѣ или порождѣ, будутъ употреблены на занятія, доставляющія самое высокое и продолжительное наслажденіе, занятія, не только безвредныя, но и возвышающія и улучшающія человека. Собственный опытъ и собственная наблюдательность подтверждаютъ мои надежды. Я имѣлъ случай убѣдиться, какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ, въ дѣйствиіе хорошаго собранія книгъ на общество молодыхъ людей. Ни одинъ толковнй полковой командиръ не станетъ отрицать, что существованіе хорошей библиотеки имѣетъ благотворное вліяніе на

(1) М-ръ Адамъ Блэкъ.

вса общипарскае общество. Я хорошо зналъ одного замѣчательнаго вѣрнаго служителя Ост-индской компаніи, человека, выседа и многосторонне образованнаго, человека, пользовавшагоса довѣріемъ величайшихъ генераловъ и государственныхъ людей нашего времени. Когда я спросилъ его, какъ онъ успѣлъ образоваться, такъ какъ онъ оставилъ родину еще мальчикомъ и провелъ всю молодость въ военныхъ постахъ Индіи, онъ отвѣтилъ мнѣ, что стоить въ соседствѣ пресокромной бібліотеки, доступъ къ которой былъ ему открытъ, и что въ самую критическую минуту его жизни чтеніе опредѣлило его характеръ и спасло его отъ того, чтобы сдѣлаться игрокомъ, пьяницей и тусзцемъ.

Нѣкоторые изъ нападокъ, сдѣланныхъ на подобныя учрежденія, были такъ счастливо опровергнуты моимъ другомъ: лордомъ-меромъ и достопочтеннымъ прелатомъ, ошаставившимъ насъ своимъ присутствіемъ въ этотъ вечеръ, (1) что я считаю лишнимъ говорить еще о томъ, что было уже такъ хорошо сказано. Объ одномъ возраженіи я позволю себѣ однако поговорить. Нѣкоторыхъ людей, о которыхъ я желаю говорить съ почтеніемъ, пресѣдуетъ неразумное опасеніе относительно такъ-называемаго поверхностнаго знанія. Знанію, говорятъ они, точно заслуживающее свое названіе, — великое благо для человѣчества, оно поддерживаетъ добродѣтель и выработываетъ свободу. Но такое знаніе должно быть глубоко. Собранія людей, знающихъ кое-что о математикѣ, кое-что объ астрономіи, кое-что о химіи, читавшихъ немного исторіи и поэзіи, вредны для общества. Полузнаніе хуже полнаго невѣжества. Петръ прибѣгаютъ къ авторитету Поэда. Пей полными глотками или вовсе не пей; малыекіе глотки ошьяняютъ; пей много, это отразитъ тебя. Я долженъ сознаться, что опасность, которой такъ боятся эти господа, никогда не казалась мнѣ очень серьезною, и вотъ на какомъ основаніи: я ни отъ кого изъ господъ, признающихъ глубокое знаніе благомъ и поверхностное знаніе зломъ, не могъ добыться,

(1) Архіепископъ Ватли.

гдѣ начинается и гдѣ кончается дѣйствительное знаніе. Мнѣніе это основано на томъ, что между настоящимъ и поверхностнымъ знаніемъ лежитъ черта, подобная тѣи, которая отдѣляетъ правду отъ неправды. Я этой черты не знаю. Когда вы говорите о глубоководномъ человѣкѣ, думаете ли вы этики сказать, что онъ точно исчерпалъ знаніе? Думаете вы, что онъ знаетъ все, что можно знать? Думаете ли вы, что онъ даже въ своей специальности знаетъ все то, что будутъ знать полуученые слѣдующаго поколѣнія? Если сравнить количество истинъ, извѣстныхъ намъ, съ громаднымъ количествомъ истинъ, которыхъ мы не знаемъ, то мы всё, сколько насъ есть, поверхностные люди; и величайшіе философы, когда-либо существовавшіе, первые сознаются въ своей поверхностности. Еслибъ мы могли призвать Ньютона и спросить его, считаетъ ли онъ себя глубоководнымъ даже въ тѣхъ наукахъ, въ которыхъ онъ не имѣлъ соперника, онъ сказалъ бы намъ, что онъ такой же полуученый, какъ и мы, что различіе между его знаніемъ и нашимъ ничтожно въ сравненіи съ количествомъ еще неизвѣстныхъ истинъ, точно такъ же, какъ пространство, лежащее между человѣкомъ, находящимся у подножія Бенъ-Ломонда, и человѣкомъ, поднявшимся на вершину этой горы, ничтожно въ сравненіи съ разстояніемъ до неподвижныхъ звѣздъ.

Очевидно, что люди, боящіеся поверхностнаго знанія, не называютъ этимъ именемъ знаніе, поверхностное только въ сравненіи со всѣмъ количествомъ истинъ, могущихъ быть извѣстными, потому что въ такомъ случаѣ все человѣческое знаніе было и всегда будетъ поверхностнымъ. Гдѣ же мѣрило? Существуетъ ли одно и то же мѣрило два года вкяду въ какой бы то ни было странѣ? Существуетъ ли одно мѣрило въ двухъ странахъ? Не ясно ли, что полное знаніе одного вѣка составляетъ полузнаніе слѣдующаго вѣка, что полное знаніе одного народа равняется полузнанію другаго народа? Рамоуль Рой считался между индусами глубокимъ знатокомъ западныхъ наукъ; но онъ былъ бы весьма поверхностнымъ членомъ нашего института. Тысяча восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, Страбонъ совершенно справедливо считался глубокимъ географомъ. Но учитель географіи, не знаю-

ний. Имѣ о. душистловани. Аморики, былъ бы. воссидишомъ лависомаромъ. Какое было бы теперь значеніе величайшаго химика 1746 г. или величайшаго геолога 1746 г.? Во всѣхъ омынхъ: наукахъ, человѣчество, по необходимости, постоянно движется впередъ. Каждое поколѣніе дѣлаетъ конечно свои передовые и задніе ряды; но задній рядъ позднѣйшаго поколѣнія занимаетъ мѣсто: передоваго ряда, предъидущаго поколѣнія.

Вы помните похождения Гулливера. Сперва онъ потерпѣлъ крушеніе въ странѣ маленькихъ людей; между ними онъ гигантъ. Онъ шагаетъ черезъ стѣны ихъ столицы; онъ выше купола ихъ высочайшаго храма; онъ тащитъ за собою королевскій флотъ; онъ разставляетъ ноги и королевская армія проходитъ съ развѣвающимися знаменами подъ огромной аркой; къ завтраку онъ опустошаетъ цѣлую житницу, къ обѣду онъ съѣдаетъ цѣлое стадо скота и запиваетъ трапезу всѣми боченками погреба. Въ слѣдующее путешествіе онъ попадаетъ къ людямъ въ 60 футовъ вышины. Онъ, который въ Лиллипутѣ поднималъ людей на руки съ тѣмъ, чтобы они могли слышать, что онъ говорилъ, теперь самъ подвергается этой процедурѣ, чтобы слышать, что говорятъ эти господа. Онъ съ трудомъ защищается съ своимъ охотничьимъ ножомъ противъ крысъ и мышей. Придворныя дамы забавляются при видѣ его борьбы съ лягушками и осами; обезьяна уноситъ его на крышу дома; карла бросаетъ его въ молочникъ и онъ долженъ спастись вплавь. Что же, Гулливеръ былъ высокій или маленькій человѣкъ? Въ своемъ собственномъ домѣ въ Ротергайтѣ его считали человѣкомъ обыкновеннаго роста. Въ Лиллипутѣ онъ Куинбусъ Флестринъ, человѣкъ-гора; въ Бробдингнагѣ онъ Грильдригъ, маленькій человѣчекъ. Тоже самое и въ наукѣ. Пигмеи одного общества считаются гигантами въ другомъ.

Сравненіе между глубокоученымъ человѣкомъ XIII в. и поверхностнымъ читателемъ нашей бібліотеки; можетъ быть не лишено интереса. Возьмите великаго философа времени Гвардха III Англіи или Александра III Шотландіи, человѣка, знавшаго на всемъ островѣ и даже въ Италіи и Испаніи; за перваго астронома и химика. Что такое его астрономія? Онъ вполнѣ вѣруетъ

въ систему Птолемея. Онъ никогда не слышалъ о законѣ тяготѣнія. Скажите ему, что день освѣтитъ ночь вѣдствіе движенія земли на ея осн. Скажите ему, что зима и лѣто зависятъ отъ движенія земли вокругъ солнца. Если онъ не сочтетъ васъ идютаиъ, то донесите на вѣсъ епископу и вы будете вознаграены какъ еретики. Но нужно отдать ему справедливость, если онъ ошибется въ этихъ вопросахъ, онъ свѣдушь въ другихъ предметахъ, въ которыхъ Ньютоуъ и Лавуазье были дѣтьми въ сравненіи съ нимъ. Онъ знаетъ, что случится, когда Сатурнъ будетъ въ Домѣ жизни или когда Марсъ сходится съ хвостомъ Дракона. Онъ можетъ читать въ звѣздахъ, будетъ ли экспедиція счастлива, будетъ ли хорошій урожай, которое изъ вашихъ дѣтей будетъ счастливо въ бракѣ, которое изъ нихъ найдетъ смерть на морѣ. Счастливо государство, счастливо семейство, которыми руководить такой человекъ! И чего же ожидать кромѣ несчастія въ общественной и частной жизни отъ фантазій полуученыхъ, знающихъ о небесныхъ тѣлахъ только то, что вычитали изъ хорошенькой книжки сэра Джона Гершеля. Но говоря серьезно, не лучше ли знать немного истинъ, чѣмъ много лжи? Не лучший ли астрономъ тотъ, который въ продолженіе двухъ недѣль получилъ правильное понятіе о солнечной системѣ, чѣмъ тотъ, который тридцать лѣтъ читалъ лекціи о «*primum mobile*» или составлялъ гороскопы.

Возьмемъ-те химію. Нашъ философъ XIII в. будетъ, если угодно, универсальный гений, такой же химикъ, какъ и астрономъ. Онъ можетъ-быть дошелъ до того, что знаетъ, что сообщеніе огня смѣси древеснаго угля съ селитрой произведетъ взрывъ, который разобьетъ всѣ его реторты; и онъ гордится знаніемъ того, что столѣтіе спустя будетъ извѣстно всякому лѣнивому школьнику. Но есть отрасли науки, въ которыхъ ему нечего опасаться соперничества Блэка, Лавуазье, Кавендиша или Деви. Онъ всѣми силами стремится отыскать философскій камень, который даетъ богатство, здоровье и долгую жизнь. У него множество странныхъ сосудовъ, въ которыхъ онъ кипятитъ свои снадобы. Решительная минута наступаетъ, и скоро всѣ они переижаются въ чистое золото. Блѣдный профессоръ Фарладей ничего

подобнаго сдѣлать не можетъ. Я обманулъ бы васъ, еслибъ сказалъ, что вѣрю въ то, что онъ когда-нибудь сдѣлаетъ соверены изъ вашихъ писемъ. Но если вы добьетесь того, что онъ въ нашемъ институтѣ прочтетъ лекцію, подобную тѣмъ, которыя онъ читалъ когда-то въ Королевскомъ институтѣ для дѣтей, вы можете быть увѣрены, что будете знать больше о дѣйствіи теплоты и влажности на тѣла, чѣмъ любой алхимикъ, котораго въ средніе вѣка считали достойнымъ покровительства королей.

Въ литературѣ происходило тоже самое, что и въ наукѣ. Сравните литературныя познанія великихъ людей XIII в. съ тѣмъ, что извѣстно теперь многимъ изъ лицъ, которые будутъ посѣщать вашу читальню. Относительно греческаго языка ученый XIII в. стоитъ положительно на одной ступени съ поверхностнымъ человѣкомъ XIX в. На новыхъ языкахъ не было 600 лѣтъ тому назадъ ни одной книги, какую читали бы теперь. Библіотека нашего ученаго должна была состоять изъ однихъ латинскихъ книгъ. Мы предположимъ у него и обширное и отборное собраніе книгъ. Мы дадимъ ему 30, даже 40 рукописей, между которыми найдутся *Виргилій*, *Теренцій*, *Луканъ*, *Овидій*, большая часть *Ливія* и *Цицерона*. Давая ему все это, мы чрезвычайно щедры, потому что, вѣроятнѣе всего, полки его были уставлены трактатами о схоластическомъ богословіи и церковномъ правѣ, очень разумно забытыхъ въ наше время. Но положимъ даже, что онъ владѣлъ всѣми цѣнными произведеніями римской литературы, то и тогда онъ имѣлъ гораздо меньше для образованія ума и для умственнаго наслажденія, чѣмъ человѣкъ въ наше время, знающій одинъ англійскій языкъ и бібліотека котораго наполнена лучшими произведеніями англійской литературы. Нашъ великій человѣкъ среднихъ вѣковъ не могъ вообразить ничего подобнаго «*Макбету*», «*Лиру*» или «*Генриху IV*». Лучшая ему извѣстная эпическая поэма была далеко ниже «*Потерянную Рая*» и всѣ томы его философовъ не стоили одной страницы «*Novum Organum*».

Люди, знающіе одинъ англійскій языкъ, должны, правда, читать «*Novum Organum*» въ переводѣ; и это напоминаніе имѣ

одно важное преимущество нашего учреждения. Такие люди будут иметь возможность познакомиться здѣсь съ лучшими произведеніями отдаленныхъ вѣковъ и другихъ народовъ. Большая часть того, что стоитъ читать изъ древнихъ писателей, такъ же какъ изъ произведеній Франціи, Италиі, Германіи и Испаніи, переведено на англійскій языкъ. Едвали возможно, чтобы переводъ великаго произведенія могъ равняться оригиналу. Но хотя мелкіе отѣнки ускользаютъ, сущность остается. Англичанинъ, никогда не выдавшій фрескъ Ватикана, можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о граціи Рафаэля и энергіи Микель-Анджело по гравюрамъ. Геній Гомера видѣнъ въ самыхъ дурныхъ переводахъ «Иліады», геній Сервантеса — въ самомъ плохомъ переводѣ «Донъ-Кихота». Не думайте только, что я этимъ хочу удерживать кого-нибудь отъ изученія древнихъ или новѣйшихъ языковъ Европы. Совсе нѣтъ. Я высоко ставлю эти ключи къ знанію, и думаю, что человекъ, имѣющій досугъ для занятія, не долженъ успокоиться, пока не знаетъ нѣсколько языковъ. Меня всегда прельщало одно выраженіе Карла V: «Когда я учусь новому языку, мнѣ кажется, что я пріобрѣтаю новую душу.» Но я желаю утѣшить тѣхъ, кто не имѣетъ времени сдѣлаться лингвистомъ, завѣряя ихъ, что, зная одинъ родной языкъ, они имѣютъ свободный доступъ къ огромнымъ умственнымъ сокровищамъ, сокровищамъ, которыми позавидовали бы величайшіе лингвисты временъ Карла V, сокровищамъ, далеко превосходящимъ тѣ, которыми владѣлъ Алдусъ, Эразмъ и Меланхтонъ.

Итакъ, я вернулся къ исходной точкѣ. Меня вызвали предложить вамъ тостъ за англійскую литературу, за литературу, составляющую самую чистую, самую долговѣчную славу нашего отечества, литературу, столь богатую драгоценными истинами и драгоценными вымыслами, литературу, гордящуюся первымъ изъ поэтовъ и первымъ изъ философовъ, литературу, вліяніе которой сильнѣе нашего военнаго и коммерческаго вліянія, литературу, давшую Франціи принципы свободы и Германіи образцы искусства, литературу, соединяющую насъ болѣе чѣмъ родственными узами съ республиками долины Миссиссиппи, литературу, кото-

рая разсѣваетъ нечестивые и жестокіе предрасудки на берегахъ Ганга, литературу, которую будутъ наслаждаться неродившіеся еще милліоны людей, которымъ предстоитъ построить города и сады на мѣстѣ австралійскихъ и каффарскихъ пустынь. Итакъ за процвѣтаніе британской литературы! И гдѣ бы ни процвѣтала англійская литература, пусть ей всегда сопутствуетъ британская добродѣтель и британская свобода!

РѢЧЬ О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ПАЛАТѢ ОБЩИНЪ 19 АПРѢЛЯ 1847 Г.

Въ 1847 г. правительство потребовало отъ палаты общинъ 100,000 фунт. на народное образованіе. 19-го апрѣля, лордъ Джонъ Россель, объяснивъ причины этого требованія, подалъ голосъ въ пользу комитета о субсидіяхъ. М-ръ Томасъ Донкомъ, членъ за Финсбѣри, предложилъ слѣдующее измѣненіе:

«Прежде чѣмъ палата разрѣшитъ выдачу денегъ на народное образованіе по плану, рассмотрѣнному въ августѣ и декабрѣ Совѣщательнымъ комитетомъ для народнаго образованія, плану, предложенному обѣимъ палатамъ по приказанію ея Величества, слѣдуетъ учредить комитетъ для рассмотрѣнія справедливости и удобства этого плана, годовой смѣты по этому предмету и для рассмотрѣнія того, не увеличитъ ли этотъ

*

уставъ вліяніе короны, больше чѣмъ слѣдуетъ, не завладѣетъ ли конституціонными обязанностями парламента и не вмѣшается ли въ религіозныя убѣжденія и гражданскія права подданныхъ ея Величества.»

Слѣдующая рѣчь была произнесена въ опроверженіе этого измѣненія. М-ръ Томасъ Донкомъ получилъ позволеніе взять назадъ послѣднюю часть этого измѣненія. Первая была отвергнута 372 голосами противъ 47.

Вы не удивитесь, сэръ, что я ищу вашего взгляда сегодня. Какъ членъ Совѣщательнаго комитета, назначеннаго для надзора за общественнымъ образованіемъ, я счелъ первымъ долгомъ дать полное согласіе на планъ, который почтенный членъ за Финсбѣри предлагаетъ палатѣ уничтожить. Я принадлежу къ числу тѣхъ, которыхъ обвиняли во всемъ королевствѣ и которыхъ обвиняютъ теперь въ парламентѣ въ желаніи уничтожить гражданскую и религіозную свободу народа. Совершенно естественно, поэтому, что я хватаюсь за первый случай для защиты себя отъ такого серьезнаго обвиненія.

Почтенный членъ за Финсбѣри извинить меня, если я не придерживусь строго распредѣленія его рѣчи при замѣчаніяхъ, которыя я намѣренъ предложить палатѣ. Дѣло въ томъ, что простой отвѣтъ на его рѣчь не былъ бы защитой и моихъ товарищей и меня. Признаться, я удивленъ, что челоуѣкъ съ его пронизательностью и ловкостью произнесъ такую рѣчь при такихъ обстоятельствахъ. Вся страна возбуждена великимъ вопросомъ о принципѣ. Въ этомъ вопросѣ правительство приняло одну сторону. Почтенный членъ признается избраннымъ и довѣреннымъ защитникомъ великой партіи, ставшей на противоположную сторону. Мы думали получить отъ него полное объясненіе ожиданій тѣхъ, отъ имени которыхъ онъ говоритъ. Но, къ нашему удивленію, онъ едва коснулся спора, раздѣляющаго теперь весь народъ. Онъ занималъ насъ сарказмами и личными анекдотами; онъ говорилъ

ниго о разныхъ подробностяхъ; но и долженъ сознаться, что вслушиваясь съ полнымъ вниманіемъ во все, что онъ ни говорилъ, я не могъ догадаться, согласенъ ли онъ съ нами, въ единственномъ важномъ вопросѣ настоящаго времени; или же согласенъ онъ съ той обширной и дѣятельной корпораціей нон-конформистовъ, которая совершенно противоположнаго съ нами мнѣнія. Онъ не сказалъ ни одного слова, по которому можно было бы замѣтить, считаетъ ли онъ образованіе предметомъ, въ который должно вмѣшиваться правительство или нѣтъ. Между тѣмъ въ этомъ состоитъ вопросъ, о которомъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль весь народъ писалъ, читалъ, говорилъ, слушалъ, думалъ; подавалъ просьбы и на который парламентъ обязанъ дать рѣшеніе. Какъ только этотъ вопросъ будетъ улаженъ, останется мало предметовъ для спора. Если государство не должно вмѣшиваться въ образованіе народа, то способъ вмѣшательства, предложенный Комитетомъ, конечно предосудителенъ. Если же право и обязанность правительства требуютъ, чтобы оно принимало мѣры относительно народнаго образованія, то возраженія, сдѣланныя нашему плану, могутъ быть опровергнуты въ нѣсколькихъ словахъ.

Я пойду совершенно другою дорогою, чѣмъ почтенный джентльменъ. Я вполнѣ выскажу свое мнѣніе о вопросѣ, котораго онъ такъ тщательно избѣгалъ; а въ подтвержденіе своего мнѣнія дамъ неопровержимые, какъ мнѣ кажется, доводы.

Я полагаю, сэръ, что право и обязанность государства требуютъ, чтобы оно облегчало средства народнаго образованія. Мнѣ кажется, что во всѣхъ когда-либо существовавшихъ опредѣленіяхъ обязанностей правительства всегда выражалось это мнѣніе. О предѣлахъ же этихъ обязанностей существовало большое различіе въ мнѣніяхъ. Нѣкоторые люди считаютъ обязанностью правительства вмѣшиваться во все отрасли человѣческой жизни, распорядиться торговлею, поощреніями въ ней и запрещеніями, распорядиться потребленіемъ, законами противъ роскоши, распорядиться литературою посредствомъ цензуры, распорядиться релігіею посредствомъ инквизиціи. Другіе придерживаются про-

тивоположной вражде и предоставляютъ правительству самое узкое поприще. Но для моихъ предположеній достаточно и самой узкой сферы, когда-либо предоставленной правительству любой изъ школъ политической философіи. Въ одномъ пунктѣ всѣ сворящіе согласны. Всѣ единогласно признаютъ за правительствомъ обязанность заботиться о неприкосновенности лицъ и достоинствъ всѣхъ членовъ государства.

Если это признано, то можно ли отрицать, что образование простаго народа одно изъ лучшихъ средствъ для безопасности нашей жизни и собственности? Пусть Адамъ Смитъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ вмѣсто меня. Его всегда высочій авторитетъ особенно почтененъ въ этомъ предметѣ, потому что онъ очень не любитъ хлопотливое, вмѣшивающееся во все, правительство. Онъ совѣтовалъ предоставить самимъ себѣ литературу, науки и искусства. Онъ относился не дружелюбно къ духовнымъ установленіямъ. Онъ былъ того мнѣнія, что государство не должно вмѣшиваться въ воспитаніе богатыхъ. Но онъ прямо говоритъ, что необходимо отличать воспитаніе богатаго отъ воспитанія бѣднаго, особенно въ коммерческомъ и высоко-цивилизованномъ обществѣ. Образование бѣдныхъ, говоритъ онъ, такое дѣло, въ которомъ сильно заинтересовано государство. Точно такъ же, какъ должностное лицо должно принять мѣры, чтобы не допустить распространеніе въ народѣ проказы, такъ оно должно принимать мѣры и для уничтоженія нравственныхъ недуговъ, неразлучныхъ съ невѣжествомъ. Пренебреженіе этой обязанностью всегда приведетъ въ опасность общественное спокойствіе. Если вы оставите масоу необразованною, вы рискуете произвести страшные безпорядки, вслѣдствіе религіозной вражды. Самые страшные безпорядки! Вотъ собственные слова Адама Смита; и это были пророческія слова. Едва успѣлъ онъ дать это предостереженіе нашимъ правителямъ, какъ пророчество его сбылось, въ такой формѣ, которую никогда не забудутъ. Я говорю объ анти-папистскихъ возмущеніяхъ 1780 г. Едвали можно найти во всей исторіи болѣе сильное доказательство тому, что невѣжество простаго народа приводитъ въ опасность собственность и жизнь всѣхъ классовъ. Сотни тысячъ людей бунтуютъ

безъ всякой причины, по вызову одного сумасшедшаго человѣка. Въ продолженіе недѣли величайшій и богатѣйшій городъ въ Европѣ находится въ состояніи полной анархіи. Парламентъ осажденъ. Вашъ предшественникъ трясется въ своемъ креслѣ и ждетъ каждую минуту, что злодѣи, шумящіе вокругъ дома, ворвутся въ него. Перовъ выгоняютъ изъ каретъ. Епископы въ полномъ облаченіи принуждены бѣжать черезъ крыши домовъ. Капеллы иностранныхъ посланниковъ — эти зданія, освященные международными законами, — разрушены. Домъ главнаго судьи развесенъ. Маленькія дѣти перваго министра взяты изъ постелей и положены въ ночныхъ рубашкахъ на столъ конно-гвардейцевъ — единственное безопасное мѣсто отъ изступленія черни. Тюрьмы открыты. Разбойники, воры, убійцы прижимаютъ къ освободившей ихъ толпѣ. Въ тридцати шести мѣстахъ былъ сразу зажженъ Лондонъ. Потомъ явилось возмездіе. Сосчитайте всѣхъ несчастныхъ, которые были разстрѣлены, повѣшены, которые допились до смерти въ рѣкахъ джина, стекавшихъ съ Гольборнъ-Гилля — и вы найдете, что сраженія были выигрываемы и теряемы съ меньшими жертвами жизней. И какова была причина этого страшнаго несчастія, стоящаго, въ исторіи Лондона, наравнѣ съ сильнѣйшей чумой и сильнѣйшимъ изъ пожаровъ? Причиною было невѣжество населенія, которое въ сосѣдствѣ дворцовъ, театровъ, храмовъ выросло дикимъ и идиотическимъ, подобно любому татуированному племени каннибаловъ въ Новой Зеландіи, — я хотѣлъ даже сказать, подобно стаду скота на Смитфильдскомъ рынкѣ.

Примѣръ этотъ поразителенъ, но онъ не одинокъ. Той же причинѣ можно приписать бунты Ноттингама; разграбленіе Бристоля; уничтоженіе великолѣпныхъ и дорогихъ машинъ въ Йоркширѣ; сожженіе житницъ въ Kentъ и разореніе оградъ и строеній въ Валлисѣ. Могли ли случиться такія вещи въ странѣ, въ которой умы работниковъ облагорожены просвѣщеніемъ, въ которой они приучены находить удовольствіе въ умственныхъ занятіяхъ, приучены благоговѣть предъ Создателемъ, приучены уважать законную власть и вмѣстѣ съ тѣмъ приучены искать удо-

встворенія за дѣйствительными несправедливостями ~~жизни~~ и конституционными средствами?

Итакъ, вотъ моя аргументація. Правительство обязано защищать насъ и нашу собственность отъ всякой опасности. Главная опасность для насъ и нашей собственности лежитъ въ невѣжествѣ простаго народа. Слѣдовательно правительство обязано стараться о томъ, чтобы народъ не былъ невѣжественъ.

Гдѣ же альтернатива? Всюду признаютъ, что тѣми или другими средствами государство обязано защищать насъ и нашу собственность. Если вы отстраняете образованіе, то какія средства останутся? Вы оставляете средства, которые можетъ оправдать только крайность, средства, которые страшно навлекаютъ наказаніи не только на виновныхъ, но и на невинныхъ, связанныхъ съ виновными. Вы оставляете пушки и штыки, колодки и позорные столбы, целлюлярное заключеніе, экспортацію, казнь. Посмотрите же, каково положеніе дѣла. Мы все согласны, что правительство обязано стремиться къ извѣстной цѣли. Для этого существуетъ только два пути. Первый путь состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать людей умными, добрыми и счастливыми. Другой путь состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать людей подлыми и несчастными. Можно ли колебаться, какой путь слѣдуетъ избрать. Не странно ли и можно ли вообще повѣрить, чтобы благочестивые и добрые люди серьезно проповѣдывали доктрину, что правительство обязано наказывать и вмѣстѣ съ тѣмъ обязано не учить? Мнѣ кажется совершенно яснымъ, что тотъ, кто имѣетъ право вѣшать, имѣетъ право и воспитывать. Можемъ ли мы вспомнить безъ стыда и угрызений совѣсти, что больше половины несчастныхъ, которые въ наше время были повѣшены въ Ньюгетѣ, могли бы наслаждаться жизнью; что больше половины тѣхъ, которые наполняютъ теперь наши тюрьмы, могли бы быть на свободѣ и хорошо пользоваться этой свободой, что такой адъ, какъ островъ Норфолькъ, былъ бы вовсе не нуженъ, еслибы мы издержали на образованіе честныхъ людей половину того, что издержали на преслѣдованіе и наказаніе мошенниковъ.

Я серьёзно повпросилъ бы каждаго джентльмена просмотрѣть рапортъ, находящійся въ Приложеніи къ первому тому записокъ Совѣщательнаго комитета. Я говорю о рапортѣ м-ра Свэймура Тременггера, о положеніи той части Монмутшира, обитатѣли котораго почти всѣ рудокопы. Въ концѣ 1839 г. онъ нашелъ тамъ, что изъ 11,000 дѣтей, школьнаго возраста, 8,000 никогда не ходили въ школу и большинство остальныхъ 3,000 могли бы съ такимъ же успѣхомъ не ходить въ школу, какъ ходить въ отвратительныя хижины, въ которыхъ люди, сами ничего не знавшіе, позволяли себѣ учить дѣтей. Обыкновеннымъ аттестатомъ для полученія учительскаго мѣста была рѣшительная неспособность на какое-либо другое занятіе. Эти мѣста занимали обыкновенно оступѣвшіе рудокопы или обанкротившіеся торгаши. Въ школахъ этихъ были только вонь, шумъ и беспорядокъ. Отъ времени до времени шумъ утихалъ на минуту вслѣдствіе бѣшеныхъ угрозъ учителя, но вскорѣ все принимало прежній видъ. Ученіе было самаго низкаго разряда. Изъ десяти школъ не было одной, въ которой была бы географическая карта. Вотъ какимъ образомъ вы предоставляли совершенствоваться умамъ огромнаго населенія. Посмотрите же на послѣдствія вашего нерадѣнія. Варварское населеніе этой мѣстности отваживается на безумное возмущеніе противъ правительства. Оно спускается до самаго Ньюпорта. Оно стрѣляетъ по королевскому войску. Одно изъ должностныхъ лицъ ранено. Солдаты стрѣляютъ въ свою очередь, и громадное число несчастныхъ искупаютъ жизнью свое преступленіе. Но они ли одни виноваты въ этомъ преступленіи? Странно ли, что единственное ученіе, которымъ они пользовались, принесло свои плоды? Какъ же вы, которые не дали себѣ труда образовывать ихъ, хулите ихъ за то, что они послушались демагога, который далъ себѣ трудъ оболгать ихъ? Мы конечно поразили ихъ. Мы наказали ихъ. Намъ не оставалось другаго исхода. Порядокъ необходимо поддержать; собственность слѣдуетъ защищать; и если мы разъ упустили лучшій путь для сохраненія спокойствія между этими людьми, мы были принуждены привести ихъ къ повинновенію страхомъ смерти. Но возможно ли придумать болѣе жестокую не-

обходимость? Но кто изъ насъ желалъ бы попасть второй разъ въ такую необходимость?

Я говорю, поѣтому, что образованіе народа есть лучшее средство для достиженія того, что всѣ признають цѣлью правительства; и если это такъ, то я не въ силахъ понять, какъ чело-вѣкъ можетъ серьёзно утверждать, что правительство не имѣеть никакого дѣла до образованія народа.

Увѣренность въ справедливости моего мнѣнія усиливается еще тѣмъ, что я схожусь въ немъ со всѣми великими законодателями, государственными людьми и политическими философами всѣхъ вѣковъ и націй, со всѣми знаменитыми борцами за гражданскую и умственную свободу и въ особенности съ тѣми, имена которыхъ были когда-то предметомъ высочайшаго уваженія у протестантскихъ диссидентовъ Англии. Я могъ бы привести много почтенныхъ именъ древняго міра; но я приведу лучше страну, которую сторонники добровольной системы всегда ставили намъ въ образецъ. Возвратитесь къ тому времени, когда устраивалась маленькая община, разросшаяся въ богатую и цивилизованную республику Массачузетсъ. Наши современные диссиденты едва-ли отнесутся съ презрѣніемъ къ тѣмъ пуританамъ, которые не поддались Лоду и его Верховной комиссіи, — которые предпочли скорѣе оставить родину, друзей, комфортъ цивилизованной жизни, переплыть океанъ, основаться въ лѣсахъ между дикими звѣрями и людьми, чѣмъ позволить себѣ въ храмѣ Божіемъ хоть одно движеніе, которое они считали неприятымъ Богу. Считали ли эти благородные изгнанники вмѣшательство правительства въ образованіе народа несовмѣстнымъ съ гражданской и религіозной свободой? Нѣтъ, сэръ, однимъ изъ первыхъ законовъ у пуританъ-колонистовъ было, что каждое мѣстечко, которое волю Божію разроснется до 50 домовъ, должно имѣть учителя для обученія дѣтей грамотѣ; что каждое мѣстечко, состоящее изъ 100 домовъ, должно имѣть школу. Потомки этихъ людей никогда не отрекались отъ закона, что правительство обязано доставлять средства для общественнаго образованія. И эта доктрина не сосредоточена въ одной Новой Англии. «Образовывайте народъ» —

вотъ первый совѣтъ Пенна основанной имъ колоніи. «Образовывайте народъ» — вотъ завѣщаніе Вашингтона освобожденному имъ народу. «Образовывайте народъ» — было постояннымъ увѣщаніемъ Джефферсона; и я привожу Джефферсона съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что, не исключая и Адама Смита, никто не ненавидѣлъ вмѣшательство правительства больше его. Между тѣмъ главнымъ дѣломъ послѣднихъ лѣтъ его жизни было установленіе хорошей системы воспитанія въ Виргиніи.

Что же выставите вы противъ такихъ авторитетовъ, вы, борники противоположной стороны? Можете ли вы назвать хоть одного великаго философа, одного человѣка извѣстнаго любовью къ свободѣ, къ человѣчеству и къ истинѣ, который, когда бы то ни было съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени, принималъ бы вашу сторону? Всеобщему голосу мудрыхъ и благородныхъ людей всѣхъ вѣковъ и обоехъ полушарій вы можете противопоставить только крикъ, услышанный впервые нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, крикъ, къ которому вы не можете пристать не порицая нетолько всѣхъ тѣхъ, къ памяти которыхъ вы выражаете уваженіе, но и собственное свое прошлое.

Эта новая политическая теорія имѣетъ по крайней мѣрѣ достоинство оригинальности. Вотъ какъ можно выставить дѣло. Всѣ люди до сихъ поръ ошибались по отношенію къ сущности и цѣли гражданской власти. Великая истина, сокрытая отъ всѣхъ предъидущихъ поколѣній и узнанная наконецъ въ 1846 г. нѣкоторыми высокопочтенными министрами и старшинами диссидентскихъ конгрегацій, состоитъ въ слѣдующемъ: Правительство просто-на-просто великій вѣшатель. Правительство не должно дѣйствовать иначе, какъ суровыми и унижительными средствами. Единственная обязанность правительства состоитъ въ томъ, чтобы заковывать, заключать въ тюрьму, разстрѣливать и вѣшать. Правительство, старающееся отвращать преступленіе образованіемъ ума и облагороженіемъ чувства народа, позволяетъ себѣ гнусную тираннію. Государственный человѣкъ можетъ видѣть, какъ

деревушки превращаются въ большіе приморскіе и мануфактурные города. Онъ можетъ знать, что отъ характера многочисленнаго населенія этихъ великолѣпныхъ городовъ зависитъ благоденствіе, миръ, самое существованіе общества. Но онъ не смѣетъ и думать объ образованіи этого характера. Онъ дѣлается врагомъ свободы, если постарается удержать эти сотни тысячъ своихъ соотечественниковъ отъ того, чтобы они не сдѣлались дикарями. Онъ можетъ строить казарму за казармой для устрашенія ихъ. Если между ними откроется возмущеніе, онъ можетъ послать кавалерію, которая изрубитъ ихъ; онъ можетъ уничтожить ихъ картечью; онъ можетъ вѣшать, топить, четвертовать ихъ, но только не учить. Онъ можетъ съ содроганіемъ видѣть милліоны дѣтей, вырастающихъ такими же невѣждами, такими же рабами чувственныхъ желаній, какъ звѣри. Это ничего не значитъ. Онъ измѣнникъ гражданской и религіозной свободы, если не смотритъ сложа руки на то, что вѣлѣныя надежды и дурныя страсти развиваются на этой грубой почвѣ. Онъ долженъ ожидать дня своей жатвы. Онъ долженъ ждать, пока начнется «*жасуегіе*», пока фермы будутъ зажжены, машины изломаны въ куски; тогда начинается его дѣло, которое состоитъ просто въ томъ, чтобы послать одного несчастнаго дикаря въ мѣстную темницу, другаго къ антиподамъ, третьяго на галеры.

Вотъ, сэръ, новая теорія правленія, которую впервые проповѣдывали въ 1846 г. нѣкоторые изъ замѣчательныхъ неконформистовъ Англіи. Трудно понять, какъ люди столь талантливые и съ такими отличными намѣреніями (мы охотно соглашаемся, что есть и такіе люди между приверженцами этой теоріи) могли впасть въ такую нелѣпую и вредную ошибку. Я нахожу только одно объясненіе. Я полагаю, что это одно изъ дѣйствій великаго закона реакцій. Мы только-что побѣдили въ долгой и упорной борьбѣ за свободу торговли. Во время этой борьбы много было говорено и писано о выгодахъ свободной конкуренціи и объ опасности предоставлять государству право регулировать дѣла, которыя должны зависѣть отъ отдѣльныхъ личностей. Вслѣдствіе этого, въ умахъ людей поверхностныхъ, непривыкшихъ разсуждать, возникла склонность примѣнять къ полити-

ческимъ и нравственнымъ вопросамъ принципы, годные только для коммерческихъ вопросовъ. Эти люди не довольствуются тѣмъ, что заставили правительство отказаться отъ области, которой оно завладѣло несправедливо, но хотять отнять у него право, которое никто никогда не оспаривалъ у него и которое невозможно оспаривать при малѣйшемъ обладаніи здравымъ смысломъ. «Если, говорятъ они, свободная конкуренція хороша въ торговлѣ, она должна быть хороша и въ дѣлѣ образованія. Снабженіе разными предметами, напримѣръ сахаромъ, рѣшается спросомъ; вслѣдствіе этого мы лучше снабжены сахаромъ, чѣмъ еслибъ правительство взялось снабжать насъ имъ. Отчего же сомнѣваться намъ, что образованіе безъ внимательства правительства пойдетъ соразмѣрно спросу?»

Болѣе ложное сравненіе трудно придумать. Хорошее снабженіе сахаромъ дѣло совершенно личное. Но хорошее образованіе извѣстнаго лица касается не только его, но и его сосѣда и всего государства. Если человѣкъ не въ состояніи платить за сахаръ, онъ обойдется безъ него. Но остаться безъ образованія, потому что платить за него не чѣмъ, совершенно другое дѣло. Между богатыми и ихъ учителями можетъ существовать свобода торговли, говорить Адамъ Смитъ. Число учителей музыки и итальянскаго языка можетъ быть рѣшено спросомъ. Но что станетъ съ тѣми милліонами, которые слишкомъ бѣдны чтобы безъ вспоможенія платить за порядочнаго школьнаго учителя? Мы слышали, правда, что даже эти милліоны будутъ снабжены учителями вслѣдствіе свободной конкуренціи благодѣтельныхъ людей, которые будутъ соперничать другъ съ другомъ изъ желанія оказать человѣчеству такую услугу. Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ много благодѣтельныхъ людей, которые жертвуютъ временемъ и деньгами для учрежденія и поддержки школъ; и вы можете сказать, что между этими почтенными людьми существуетъ конкуренція на добрыя дѣла. Но не обманывайте себя словами. Не думайте, чтобы такая конкуренція походила на конкуренцію, производимую желаніемъ выигрыша и опасеніемъ разоренія. Между соперничествомъ филантроповъ и соперничествомъ торговцевъ существуетъ большая

разница. Торговец знаетъ, что если товаръ его будетъ хуже товара другихъ торговцевъ, онъ скоро обанкрутится, и жена и дѣти его найдутъ убѣжище только въ рабочемъ домѣ; онъ знаетъ, что если лавка его получитъ почетную извѣстность, онъ будетъ въ состояніи держать экипажъ и имѣть виллу: вслѣдствіе этого, онъ дѣлаетъ усилія, съ которыми нельзя сравнить усилій самыхъ рьяныхъ филантроповъ. Основывать законодательство на предположеніи, что человѣкъ будетъ заботиться о ближнемъ какъ о самомъ себѣ, повело бы къ страннымъ ошибкамъ.

Если я не ошибаюсь, тѣ же самые аргументы, которые показываютъ, что правительство не должно взваливать на отдѣльныхъ лицъ обязанности защищать страну, показываютъ точно такъ же, что правительство не должно предоставлять отдѣльнымъ лицамъ обязанности заботиться о народномъ образованіи. Объ этомъ предметѣ м-ръ Юмъ высказалъ общій законъ, съ необыкновеннымъ умомъ и проникательностью. Я говорю о Давидѣ Юмѣ, но не о членѣ за Монтрозъ, хотя этотъ почтенный джентльменъ вѣроятно согласится съ доктриной, выставленной знаменитымъ его однофамильцемъ. Давидъ Юмъ, сэръ, справедливо говоритъ, что большинство искусствъ и промысловъ доставляютъ такъ много выгодъ и удовольствій отдѣльнымъ личностямъ, что правительство можетъ спокойно предоставить имъ поощреніе этихъ промысловъ и искусствъ. Но онъ прибавляетъ, что существуютъ профессіи, не менѣе полезныя и даже положительно необходимыя человѣчеству, которыя однако не доставляютъ особеннаго удовольствія или пользы отдѣльнымъ лицамъ. Военная профессія можетъ служить примѣромъ. Въ такихъ случаяхъ, говоритъ Юмъ, правительство должно дѣйствовать. Оно обязано заняться этими профессіями и поощрять людей, занимающихся ими.

Итакъ, сэръ, мнѣ кажется, что на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ правительство покровительствуетъ войну и вознаграждаетъ его, оно должно покровительствовать и вознаграждать и школьнаго учителя. Я говорю, конечно, о школьномъ учителѣ простаго народа. Едвали станутъ оспаривать, что должность эта

полезна и необходима. Между тѣмъ ясно, что вознагражденіе ея будетъ недостаточно, если оно будетъ зависѣть отъ тѣхъ, кого онъ учитъ, или отъ добровольныхъ подаяній филантроповъ. Можно ли оспаривать это? Посмотрите факты. Вы говорите, что школы умножатся и будутъ сильно процвѣтать, если только правительство не будетъ виѣшиваться. Но сколько времени оно вовсе не виѣшивалось! Развѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ это дѣло не было предоставлено личной дѣятельности? Еслибъ дѣйствительно воспитаніе, подобно торговлѣ, процвѣтало лучше всего тамъ, гдѣ правительство виѣшивается меньше, тогда простой народъ въ Англіи былъ бы самымъ образованнымъ въ мірѣ. Наши школы были бы образцовыми. Каждая изъ нихъ имѣла бы избранную, маленькую библіотеку, превосходныя карты, маленькіе, но хорошіе аппараты для опытовъ по естественнымъ наукамъ. Взрослый человѣкъ, не умѣющій читать, былъ бы диковиною. Наши школьные учителя были бы столь же свѣдущими въ своемъ дѣлѣ, какъ наши ножовники, ткачи и инженеры свѣдущи въ своихъ профессіяхъ. Они, какъ классъ, пользовались бы высокимъ почетомъ, и заработки ихъ были бы такъ высоки, что не трудно было бы найти людей почтенныхъ и талантливыхъ для занятія этихъ мѣстъ.

Но таково ли положеніе дѣла? Посмотрите на обвиненія судей, на резолюціи присяжныхъ, на рапорты чиновниковъ. Всѣ рассказываютъ ту же самую печальную и позорную исторію. Возьмите рапорты тюремныхъ инспекторовъ. Въ Исправительномъ домѣ въ Гертфордѣ изъ 700 заключенныхъ половина были вовсе не грамотны; только восемь человѣкъ могли читать и писать хорошо. Въ Кольдбатъ-фильдской тюрьмѣ пропорція грамотныхъ была, кажется, еще ничтожнѣе. Перейдемъ-те отъ списковъ заключенныхъ къ спискамъ браковъ. Вы найдете, что въ 1844 г. было около ста сорока тысячъ бракосочетаній. Больше сорока тысячъ жениховъ и больше шестидесяти тысячъ невѣстъ не подписали именъ, а поставили свои знаки. Около трети мужчинъ и около половины женщинъ, въ лучшихъ годахъ, будущіе родители и воспитатели слѣдующаго поколѣнія англичанъ, не умѣютъ подписывать собственнаго имени. Вспомните и то,

что люди, не умѣющіе писать собственнаго имени, конечно крайне невѣжественны, но что умѣя писать свое имя они все-таки могутъ знать очень мало. Десяти тысячъ тѣхъ, которые умѣли подписывать свое имя, получили, вѣроятно, только скудное образованіе простой школы для проходящихъ. Мы знаемъ, что такое большая часть этихъ школъ: грязная комната, безъ свѣта, безъ воздуха, съ грудой топлива въ одномъ углу и насѣдкою съ пѣплатами въ другомъ; единственныя пособія ученія—старая азбука и сломанная аспидная доска; учителя — люди не годящіеся ни на какое другое званіе: лакеи безъ мѣста, разорившіеся разносчики, которые не знаютъ таблицы умноженія, которые не могутъ написать простаго письма безъ ошибокъ, которые не знаютъ, что такое земля—кубъ или шаръ, которые не умѣютъ сказать, гдѣ Іерусалимъ—въ Азіи или въ Америкѣ. И такимъ людямъ, которымъ никто изъ насъ не довѣрилъ бы ключа отъ своего погреба, мы довѣрили умы будущаго поколѣнія и, съ умами будущаго поколѣнія, свободу, счастье и славу нашего отечества.

Не подозрѣваете ли вы справедливости этого описанія? Я приведу доказательства, которымъ вы вѣроятно не найдете опроверженія. Всѣ джентльмены здѣсь знаютъ, я думаю, какое видное мѣсто между нонконформистами занимаетъ Конгрегаціонный союзъ и какое замѣтное мѣсто занимаетъ м-ръ Эдвардъ Бэнзъ между противниками государственнаго образованія. Комитетъ Конгрегаціоннаго союза подалъ въ прошломъ году рапортъ о дѣлѣ образованія. Союзъ принялъ этотъ рапортъ, и м-ръ Бэнзъ подалъ голосъ въ пользу того, чтобы его приняли. Въ этомъ рапортѣ находится слѣдующее мѣсто: «Не трудно представить этому собранію факты въ доказательство униженія и невѣжества пренебрегаемой части нашего населенія въ городахъ и деревняхъ, какъ между взрослыми, такъ и [между дѣтьми. Частныя справки, личныя наблюденія въ разныхъ мѣстностяхъ, обнародованные документы главнаго регистратора, рапорты о тюрьмахъ въ Англіи и Валлисѣ, обнародованные по приказанію палаты общинъ, все это достаточно, чтобы сдѣлать насъ скромными въ рѣчахъ о томъ, что сдѣлано для бѣдныхъ классовъ; намъ слѣдуетъ стыдиться, что сыны Англіи находились въ такомъ дол-

тою пренебреженіи и что многостранный путешественник увидитъ печальное зрѣлище запущеннаго образованія, потерянныя умственныхъ способностей и нравственнаго униженія.» Ничего не можетъ быть справедливѣе этого. Всѣ справки, которыя я могъ навести, выходятъ на тоже самое. Я вѣрю, что невежество и униженіе большей части народа, къ которому мы принадлежимъ, можетъ заставитьъ насъ стыдиться самихъ себя. Я вѣрю, что образованный путешественникъ изъ Нью-Йорка, Женевы или Берлина будетъ пораженъ существованіемъ такого варварства въ сосѣдствѣ такого богатства и такой цивилизаціи. Но не странно ли, что тотъ же самый джентльменъ, который говоритъ съ такимъ пафосомъ о страшномъ запущеніи народнаго образованія, продолжаетъ однако утверждать, что при системѣ свободной конкуренціи народъ навѣрное будетъ отлично образованъ? Не дайте какъ сегодня утромъ противники нашего плана пустили въ обращеніе бумагу, въ которой съ увѣренностью предсказываютъ, что свободная конкуренція сдѣлаетъ свое дѣло, если только мы будемъ ждать терпѣливо. Ждать терпѣливо! Мы ждали уже съ самой Гептархіи. Сколько же намъ ждать еще? До 2847 г.? Или до 3847 г.? Вы не отвергаете, что опытъ до сихъ поръ не удавался. И почему же онъ не удавался? Или обстоятельства были неблагоприятны? Вовсе нѣтъ; опытъ производился въ самой свободной, самой богатой, самой благодѣтельной странѣ въ Европѣ. Или опытъ былъ сдѣланъ въ слишкомъ малыхъ размѣрахъ? Вовсе нѣтъ: онъ производился надъ милліонами. Или время было слишкомъ короткое? Вовсе нѣтъ: на это пошли столѣтія. Слѣдовательно, причина неудачи ясна. Вся наша система была ложна. Мы приложили принципъ свободной конкуренціи къ дѣлу, къ которому онъ непримѣнимъ.

Но если положеніе южной части нашего острова дало мнѣ одинъ сильный аргументъ, то положеніе сѣверной части даетъ аргументъ, еще болѣе сильный. Сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Англія была одной изъ самыхъ процвѣтающихъ и хорошо управляемыхъ странъ въ Европѣ; Шотландія была можетъ быть самую грубою и бѣдною изъ странъ, имѣвшихъ хоть нѣкоторое притязаніе на цивилизацію. Въ этой части острова имя шот-

ландца произносилось съ презрѣніемъ. Самые способные шотландскіе государственные люди смотрѣли на униженное положеніе бѣднѣйшихъ своихъ соотечественниковъ съ чувствомъ похожимъ на отчаяніе. Всѣмъ извѣстно, что Флетчеръ Сальтаунъ, храбрый и образованный человѣкъ, боровшійся за свободу, изгнанный за любовь къ свободѣ, чувствовалъ такое отвращеніе и презрѣніе къ бѣдности, невѣжеству, лѣности, беззаконію простаго народа, что предложилъ превратить тысячи изъ нихъ въ рабовъ. Онъ думалъ, что только дисциплина, поддерживавшая спокойствіе и принужденную работу между неграми сахарной плантаціи, т. е. кнутъ и колода, могли привести бродягъ, опустошавшихъ всѣ части Шотландіи, къ постоянной работѣ. Поэтому, вскорѣ послѣ революціи онъ напечаталъ памфлетъ, въ которомъ серьезно и, по моему мнѣнію, изъ чисто человѣколюбиваго и патріотическаго побужденія, предлагалъ государственнымъ чинамъ это суровое средство, которое считалъ единственнымъ для уничтоженія подобнаго зла. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ обнародованія памфлета, средство совершенно другаго свойства было примѣнено. Эдинбургскій парламентъ издалъ актъ объ устройствѣ приходскихъ школъ. Что же послѣдовало? Усовершенствованіе, какого свѣтъ еще не видалъ, произошло въ нравственномъ и умственномъ характерѣ народа. Несмотря на суровость климата, несмотря на неплодіе почвы, Шотландія сдѣлалась скоро страной, которой нечему было завидовать въ лучшихъ частяхъ земнаго шара. Куда бы шотландецъ ни отправлялся, а онъ бывалъ почти во всѣхъ частяхъ свѣта, всюду онъ приносилъ съ собою свое превосходство. Въ общественной дѣятельности онъ доходилъ до высшаго мѣста. Занимался ли онъ въ пивоварнѣ или фабрикѣ, онъ вскорѣ дѣлался первымъ подмастерьемъ. Снималъ ли онъ лавку, она дѣлалась лучшею въ околоткѣ. Отправлялся ли онъ въ колонію, его плантація процвѣтала лучше всѣхъ. О шотландцѣ XVII в. въ Лондонѣ говорили какъ говорятъ теперь объ эскимосахъ. Шотландецъ XVIII в. былъ предметомъ не презрѣнія, а зависти. Общій голосъ повторялъ, что куда шотландецъ ни появлялся, онъ получаетъ больше назначенной доли; ниѣтъ ли онъ дѣло съ англичаниномъ или съ ирландцемъ, онъ

занимает первое мѣсто такъ же вѣрно, какъ масло всплываетъ на поверхность воды. И какъ же произошелъ этотъ великій переворотъ? Климатъ Шотландіи былъ попрежнему холоденъ, шотландскія скалы попрежнему бесплодны. Природныя качества шотландца не измѣнились съ того времени, когда ученый и благодѣтельный человекъ совѣтовалъ погонять его на работу кнутомъ, подобно домовой лошади. Но государство занялось его образованіемъ. Это образованіе не было, правда, совершенно такимъ, какимъ ему слѣдовало быть. Но каково бы оно ни было, оно сдѣлало для холодныхъ и печальныхъ побережій Клайда и Форта больше, чѣмъ богатѣйшая почва и самый мягкій климатъ сдѣлали для Кануи и Тарента. Найдется ли одинъ членъ этой палаты, хоть и сильнѣйшій врагъ теоріи вмѣшательства правительства въ образованіе народа, который скажетъ, что, по его мнѣнію, Шотландія была бы счастливѣе и цивилизованнѣе, еслибъ образованіе народа было предоставлено ему самому въ продолженіе послѣднихъ пяти поколѣній?

Поэтому, сэръ, я говорю, что, если наука правленія есть наука опытная, этотъ вопросъ рѣшенъ. Мы можемъ слѣдовать индуктивному методу, по правиламъ, выставленнымъ въ «*Novum Organum*». Предъ нами два народа, тѣсно соединенныхъ, живущихъ на одномъ островѣ, потомки одной расы, говорящіе однимъ языкомъ, управляемые однимъ государемъ и однимъ законодательствомъ, придерживающіеся въ сущности одной религіи, имѣющіе тѣхъ же друзей и тѣхъ же враговъ. Сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ изъ этихъ народовъ, по цивилизаціи и богатству, занималъ первое мѣсто между европейскими государствами, другой—послѣднее. Богатый и цивилизованный народъ предоставилъ образованіе народа свободной конкуренціи. Образованіе бѣднаго и полуварварскаго народа перешло въ руки правительства. Послѣдствіемъ этого было, что послѣдніе сдѣлались первыми, а первые — послѣдними. Нечего скрывать истины, простой народъ Шотландіи стоитъ выше простаго народа въ Англіи. Свободная конкуренція, примѣненная при самыхъ выгодныхъ обстоятельствахъ, дала плоды, которыхъ—по словамъ Конгрегационнаго союза — намъ нужно стыдиться и которые ун-

*

зять жась во мнѣніи образованныхъ иностранцевъ. Государственное образованіе, начатое въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, произвело усовершенствованіе, подобіе котораго трудно найти въ другомъ вѣзѣ или другой странѣ. Опытъ, подобный этому, считался бы рѣшительнымъ въ хирургіи или химіи, и долженъ бы, кажется, считаться такимъ же въ политическихъ наукахъ.

Эти доводы, сэръ, привели меня къ заключенію, что на государство лежитъ обязанность образовывать народъ. Такъ какъ я твердо убѣжденъ въ этой истинѣ, я стану провозглашать ее здѣсь и всюду, несмотря на возгласы всевозможныхъ агитаторовъ. Остальная часть моего труда легка. Разъ великій принципъ, за который я боролся, признанъ, возраженія на подробности нашего плана опровергнутся сами собою. Объ этихъ возраженіяхъ я поговорю въ томъ порядкѣ, въ которомъ они стоятъ въ измѣненіи, предложенномъ почтеннымъ членомъ за Финсбѣри.

Первымъ изъ его возраженій есть издержки. Конечно, никто изъ тѣхъ, которые признаютъ нашимъ долгомъ образовывать умы возрастающаго поколѣнія, не найдетъ какую-нибудь сотню тысячъ фунтовъ слишкомъ большою суммою для такого дѣла. Если мы посмотримъ на дѣло съ самой низкой точки зрѣнія, если мы будемъ разсматривать людей какъ простыхъ производителей богатства, то разница между умнымъ и глупымъ населеніемъ, рассчитанная на фунты, шиллинги и пенсы, во сто разъ превзойдетъ предложенныя издержки. И это еще не все. Каждый фунтъ, который вы съэкономичаете на образованіи, вы пять разъ издержите на преслѣдованія, тюрьмы, исправительныя заведенія. Я не могу вѣрить, что палата, которая никогда не ограничивала средствъ на возстановленіе порядка посредствомъ наказаній и страха, начнетъ вдругъ скупиться, когда дѣло идетъ о достиженіи той же самой цѣли посредствомъ улучшенія людей.

Слѣдующее возраженіе почтеннаго члена состоитъ въ томъ, что этиизъ усилится вліяніе короны. Онъ боится, что эти сто тысячъ фунтовъ будутъ употреблены на подкупъ и барышничче-

ство. Школьные учителя, подающіе голосъ въ пользу министерскихъ кандидатовъ, получаютъ часть дарованной суммы; тѣ же, которые подаютъ голосъ за прѣтвнниковъ министерства, напрасно будутъ просить вспомошествованія. Почтенный членъ никогда не сдѣлалъ бы этого возраженія, еслибы постарался понять записки, которыя порицаетъ. Мы предлагаемъ подчинить эту часть общественныхъ расходовъ такой повѣрѣ, что подобныя злоупотребленія будутъ совершенно невозможны. Тутъ будетъ не та только провѣрка, которою довольствуются для отвращенія злоупотребленій въ распредѣленіи милліоновъ, ежегодно отпускаемыхъ на армію, флотъ, гражданское управленіе; министры короны обязаны не только являться ежегодно въ эту палату, чтобы получить ея разрѣшеніе и представить счета, если ихъ потребуютъ; но удовлетворивъ палату и получивъ разрѣшеніе, они все-таки не могутъ располагать деньгами по своему усмотрѣнію. Что бы они ни сдѣлали для любимаго учителя, они должны дѣлать это сообща съ лицами, живущими въ одной участкѣ съ этимъ учителемъ, принимающими участіе въ воспитаніи и дающими изъ собственнаго кармана извѣстную сумму на это дѣло. Почтенный джентльменъ, опасаясь, что мы станемъ подкупать школьныхъ учителей, забываетъ, что не мы назначаемъ этихъ учителей; что мы не можемъ отставить ихъ; что директора, вовсе отъ насъ не зависящіе, могутъ безъ нашего позволенія отставить учителя; наконецъ, что мы ничего не можемъ дать учителю безъ рекомендаціи этихъ директоровъ. Замѣйте къ тому же, что эти рекомендаціи не будутъ такими, какихъ такъ легко добыть отъ добродушныхъ людей для всякаго, за кого ни попросишь; совсѣмъ не будутъ онѣ похожи на рекомендаціи, которыя привыкъ принимать секретарь казначейства. На каждый фунтъ, платимый нами по рекомендаціи директоровъ, они сами должны платить два. Кромѣ того, они изъ своихъ суммъ должны устроить учителю домъ и тогда только могутъ получить для него вспоможеніе изъ общественныхъ суммъ. Какіе же тутъ шансы барышничества? Членъ парламента, подающій голосъ въ пользу правительства, часто проситъ о мѣстѣ для того, кто ревностно поддерживалъ его на послѣднихъ выборахъ.

Но такой членъ скоро пересталъ бы просить, еслибъ получалъ слѣдующій отвѣтъ: «Вашъ другъ получить мѣсто въ 50 ф. въ годъ, если вы дадите ему домъ и доходъ въ 100 ф. въ годъ.» Я опять спрашиваю, какой же тутъ шансъ на барышничество? Но диссиденты Лидса спросятъ: что можетъ удержать торійское или высокоцерковное правительство отъ употребленія этихъ суммъ на подкупъ школьнаго учителя нашего мѣстечка съ тѣмъ, чтобы онъ употребилъ все свое вліяніе въ пользу торійскаго или высокоцерковнаго кандидата? Диссиденты Лидса, сэръ, имѣютъ сами возможность не допускать этого. Пусть они подписываются въ пользу школъ; пусть принимаютъ участіе въ веденіи школъ; пусть они отказываются рекомендовать Совѣщательному комитету учителя, котораго подозрѣваютъ въ подкупности при подачѣ голоса—и дѣло сдѣлано. Нашъ планъ, въ сущности, весь основанъ на провѣркахъ. Я сомнѣваюсь только въ одномъ, не найдутъ ли эти провѣрки слишкомъ многочисленными. Общее наше поведеніе подвержено обыкновенной провѣркѣ — провѣркѣ парламента. А что касается подробностей, въ которыя палата не можетъ входить, насъ будетъ провѣрять въ каждомъ городѣ, въ каждомъ деревенскомъ округѣ совѣтъ, состоящій изъ людей независимыхъ и ревностныхъ въ дѣлѣ воспитанія.

Сущность въ томъ, сэръ, что тѣ, кто больше всего ратуютъ противъ нашего плана, никогда не постарались узнать его. Мы видимъ джентльмена, который долженъ былъ бы знать дѣло лучше и который не стыдится объявлять публично, что нашъ планъ будетъ стоить народу два милліона и будетъ парализировать все вліяніе отдѣльныхъ лицъ на воспитаніе народа. Эти два утвержденія высказаны вмѣстѣ. Между тѣмъ, еслибъ тотъ, кто нападаетъ на насъ, прочелъ сперва наши записки, онъ увидѣлъ бы, что предсказанія его опровергають другъ друга и ни одно не можетъ исполниться; что если отдѣльныя лица не примутъ участія въ этомъ дѣлѣ, странѣ ничего не придется платить, и что странѣ придется платить два милліона тогда, когда старанія отдѣльныхъ лицъ будутъ дотога необыкновенны, что они соберутъ четыре милліона добровольными контрибуціями.

Слѣдующее возраженіе почтеннаго члена за Финсбѣри состоитъ въ томъ, что мы дѣйствовали неконституціонно захватывая власть парламента. Онъ повидимому смотритъ на Совѣщательный комитетъ какъ на незаконное собраніе. Онъ называетъ его то самоизбраннымъ, то самоустановленнымъ собраніемъ. Эти слова, сэръ, не имѣютъ смысла. Комитетъ настолько же самоизбранъ, какъ и департаментъ торговли. Это собраніе назначается королевою и, назначая его по совѣту перваго министра, ея Величество пользовалась только древней прерогативой короны. Но, говоритъ почтенный членъ, конституціонный образъ дѣйствія потребовалъ бы на то актъ парламента. На какомъ основаніи? Только актъ парламента можетъ сдѣлать незаконное дѣйствіе законнымъ. Но кто же слышалъ о необходимости парламентскаго акта для дѣйствія, законность котораго никѣмъ не оспаривается? Конечно, еслибъ мы хотѣли выслать изъ страны иностранца или удержать людей въ заключеніи не подвергая ихъ суду, — актъ парламента долженъ предоставить намъ на то власть. Но зачѣмъ же намъ просить парламентскаго акта для того, чтобы дѣлать то, что можетъ дѣлать всякій человекъ и самъ почтенный членъ за Финсбѣри. Существуетъ ли какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что онъ или кто бы то ни было можетъ подписаться въ пользу школы, давать стипендію репетитору или назначить пенсію отставному учителю, извѣстному за хорошую службу? То, что имѣетъ право дѣлать любой подданный королевы, можетъ дѣлать и сама королева. Положимъ, частныя средства ея настолько велики, что она можетъ назначить 100,000 ф. на этотъ полезный предметъ: не понадобился ли бы и на это парламентскій актъ? Каждая часть нашего плана можетъ быть приведена въ исполненіе всякимъ человекомъ, государемъ или подданнымъ, если только онъ имѣетъ на то средства и желаніе. У насъ не хватаетъ средствъ, и изъ-за нихъ мы обращаемся, вполне законнымъ путемъ, къ паятѣ общинъ. Предпринятый нами путь не противорѣчитъ ни принципамъ, ни прежнимъ примѣрамъ. У насъ есть военныя школы. Никакаго парламентскаго акта не потребовалось для учрежденія этихъ школъ. Все, что было нужно, состояло въ разрѣшеніи денегъ на этотъ предметъ. Когда я былъ

военнымъ секретаремъ, обязанность моя требовала увѣдомить ея Величество о положеніи солдатскихъ дѣтей женскаго пола. Множество такихъ дѣтей сопровождало полки и воспитаніе дѣтей было страшно запущено. Ея Величество соизволила подписать повелѣніе, которымъ учреждалась школа для дѣвочекъ при каждомъ полку. Никакого парламентскаго акта не потребовалось, потому что устройство школы для обученія дѣвочекъ грамотѣ, шитью, стряпанью—дѣло вполне законное. Я могъ бы устроить ее самъ, еслибъ былъ настолько богатъ. Все, что приходилось просить мнѣ у парламента, касалось денегъ. Мнѣ впрочемъ слѣдовало бы извиниться, что я доказываю пунктъ дотога ясный.

Слѣдующее возраженіе нашему плану состоитъ въ томъ, что онъ противорѣчитъ религиознымъ убѣжденіямъ подданныхъ ея Величества. Намекали иногда, но никогда не могли доказать, что Совѣщательный комитетъ показывалъ излишнее расположеніе къ установленной церкви. Сэръ, я тщательно просматривалъ записки и желалъ бы, чтобы всѣ ораторствовавшіе противъ нихъ сдѣлали тоже самое. Я говорю, что читалъ и разсматривалъ ихъ тщательно и онѣ показались мнѣ составленными съ необыкновеннымъ безпристрастіемъ. Выгоды, предлагаемыя нами, предлагаются людямъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Директора школъ изъ диссидентовъ будутъ имѣть одинаковую власть съ директорами, принадлежащими къ церкви. Школьный учитель нонконформистъ и школьный учитель конформистъ получаютъ одинаковый доходъ и, послѣ одинаковаго срока службы, получаютъ пенсію на одинаковыхъ условіяхъ. Я желалъ бы, чтобы джентльмены, толкующіе въ неясныхъ фразахъ о религиозной свободѣ и о свободѣ совѣсти, отвѣтили мнѣ на этотъ простой вопросъ. Положимъ, въ одномъ изъ нашихъ большихъ городовъ находится четыре школы, школа, связанная съ церковью, школа, связанная съ индепендентами, школа баптистовъ и школа вестникцевъ; какое преимущество почетное или денежное будетъ, по нашему плану, предоставлено школѣ, связанной съ установленной церковью, предъ другими школами? Не ясно ли въ самомъ дѣлѣ, что, если церковная школа плоха, вслѣдствіе нерадѣнія или плохаго управленія, тогда какъ диссидентскія школы процвѣтаютъ,

диссидентскія школы получать пособіе изъ общественныхъ суммъ; а церковная школа не получить?

Я допускаю, что въ деревенскихъ округахъ, слишкомъ бѣдныхъ для поддержки нѣсколькихъ школъ, религіозная община, къ которой принадлежитъ большинство, будетъ имѣть преимущество предъ другими религіозными общинами. Но это уже не наша вина. И при крайнемъ безпристрастїи все-таки ничего другаго не сдѣлаешь. Еслибъ существовалъ приходъ съ девятьюстами церковниковъ и сотнею диссидентовъ, еслибъ въ этомъ приходѣ была церковная школа, а диссиденты были бы слишкомъ бѣдны для учрежденія другой школы, то естественно, что все, что мы можемъ дать, пойдетъ въ этомъ приходѣ на церковную школу, а диссиденты не получаютъ ничего. Но замѣьте, что тутъ нѣтъ пристрастїа къ установленной церкви какъ церкви. Церковники пользуются общественными суммами не потому, что они церковники, а потому, что они составляютъ большинство. Диссиденты не получаютъ ничего не потому, что они диссиденты, а потому, что ихъ незначительное меньшинство. Есть округа, гдѣ все пойдетъ наоборотъ, гдѣ будутъ диссидентскія школы, а не будетъ школъ церковниковъ. Въ такихъ случаяхъ, диссиденты будутъ пользоваться тѣмъ, что мы можемъ дать, а церковники не получатъ ничего.

Но, сэръ, мнѣ не следовало бы говорить, что церковникъ не получаетъ ничего при системѣ, дающей хорошее воспитаніе диссидентамъ, или что диссидентъ не получаетъ ничего при системѣ, дающей хорошее воспитаніе церковникамъ. Мы, надѣюсь, не настолько конформисты или конформисты, чтобы забыть, что мы англичане и христіане. Все мы, церковники, пресвитеріане, индепенденты, баптисты, методисты, заинтересованы въ томъ, чтобы большинство народа было спасено отъ невежества и варварства. Я упоминалъ о черни лорда Джорджа Тордона. Эта чернь начала, правда, съ католиковъ; но задолго до окончанія беспорядковъ не было ни одного почтеннаго протестанта въ Лондонѣ, который не опасался бы за свой домъ, свою жизнь и жизнь тѣхъ, которые были ему дороги. Почтенный членъ за Финсбери говоритъ, что мы требуемъ платы за воспитаніе отъ

людей, которые не получают от этого никакой выгоды. Я отвергаю, чтобъ былъ хоть одинъ честный и трудолюбивый человекъ во всей странѣ, который не нашелъ бы болѣе выгоднымъ жить между честными и трудолюбивыми сосѣдями, чѣмъ между бродягами и бунтовщиками. Это дѣло столько же касается общественныхъ интересовъ, какъ защита нашихъ береговъ. Положимъ я сказалъ бы: Отчего налагаете вы на меня подати для укрѣпленія Портсмута? Если жители Портсмута не считаютъ себя безопасными безъ бастіоновъ и рavelиновъ, пусть они и платятъ инженерамъ и каменьщикамъ. Зачѣмъ мнѣ платить за работы, отъ которыхъ я не получаю никакой пользы? Вы отвѣтили бы мнѣ весьма справедливо, что нѣтъ такого человека на всемъ островѣ, который не извлекалъ бы изъ этого пользы, живи онъ въ Портсмутѣ или нѣтъ. И подобно тому, какъ всякій человекъ, въ какой бы части острова онъ ни жилъ, обязанъ платить за поддержку военныхъ центровъ, необходимыхъ для общей безопасности, точно такъ же всякій человекъ, къ какой бы сектѣ онъ ни принадлежалъ, обязанъ платить за поддержку школъ, отъ которыхъ зависитъ общая безопасность не меньше чѣмъ отъ крѣпостей и арсеналовъ.

Теперь я приближаюсь къ послѣднимъ словамъ измѣненія. Почтенный членъ за Финсбѣри опасается, что нашъ планъ столкнется съ гражданскими правами подданныхъ ея Величества. Какимъ образомъ гражданскія права человека могутъ встрѣтить опасность отъ того, что онъ учится читать, писать и вычислять или даже получаетъ нѣкоторые свѣдѣнія о географіи и исторіи, мнѣ не совсѣмъ ясно. Одно только ясно, что люди нечужественные, подобныя большей части нашихъ соотечественниковъ—въ чемъ удостовѣряетъ насъ Конгрегационный союзъ—могутъ быть свободны только по названію. Едвали нужно учреждать выборный комитетъ для обсужденія вопроса, способствуетъ ли знаніе свободѣ или вредитъ ей. Нужно признаться, что только очень близорукій другъ народа захочетъ дать ему права, дѣлающія его всемогущимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отстранять отъ него образованіе, безъ котораго власть его будетъ преглѣтиемъ для него и всего государства.

Вотъ, сэръ, моя защита. Я съ увѣренностью призываю на судъ страну, которой намъ скоро придется дать отчетъ о нашемъ управленіи. Еще съ большѣй увѣренностью отдаю я себя на судъ будущихъ поколѣній, которыя, наслаждаясь плодами безпристрастной и разумной системы общественнаго образованія, съ трудомъ повѣрятъ, что авторамъ этой системы пришлось бороться съ запальчивой и упорной оппозиціей, и еще труднѣе будетъ имъ повѣрить, что оппозиція эта велась именемъ гражданской и религіозной свободы.

СТАТЬИ ПОЛИТИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ.

НЕВОЛНЧЕСТВО ВЪ ВЕСТЬ-ИНДИИ.

Мы не придерживаемся никакой партіи. Самъ Цадигъ не слушалъ спора о Зороастрѣ съ большимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, нежели мы думаемъ выказать относительно большинства предметовъ, интересующихъ политиковъ. Мы нейтральны, нейтральны какъ С. Мигуэль, и желаемъ только уменьшать зло, отворотить котораго мы не въ силахъ. Если мы когда-нибудь нмйдемъ на поле брани, то это будетъ не въ качествѣ вонновъ, а въ качествѣ сестеръ милосердія. Цѣлью нашей будетъ не бороться подъ знаменами того или другаго господина, но оказывать тому и другому услуги человеколюбія и вѣжливости.

Но въ вопросѣ, о которомъ теперь будемъ говорить, можно стать на твердую позицію, не заслуживая упрека въ непоследовательности. Вопросъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ духомъ партіи. Этотъ вопросъ соединяетъ людей всѣхъ партій и сектъ, соединяетъ торіевъ съ приверженцами реформъ, прелата— съ полковыхъ священникомъ. Прежде всего, вопросъ этотъ касается интересовъ самой униженной и несчастной расы, когда-либо существовавшей въ цивилизованномъ обществѣ. По всѣмъ

этимъ причинамъ мы дадимъ полную поддержку принципамъ чело-
вѣколюбія и справедливости, которые одни способствуютъ дѣй-
ствительному процвѣтанію государствъ и прочной славѣ государ-
ственныхъ людей.

Шестнадцать лѣтъ прошло со времени уничтоженія торговли
невольниками. Во все это время, друзья челоѣчества и свободы
съ безпокойствомъ высматривали перемѣнъ въ системѣ рабства
въ колоніяхъ. Можно было думать, что улучшения, которыхъ
нельзя было ожидать отъ великодушія плантатора, приведутся
въ исполненіе его алчностью и что невозможность торговать
живыми существами увеличить цѣну невольника и съ тѣмъ
вмѣстѣ улучшить и его жизнь. Можно было предполагать, что
плантаторы не прибѣгнутъ больше къ дѣйствіямъ, укорачиваю-
щимъ жизнь существъ, которыхъ они не въ силахъ замѣнить
новыми пріобрѣтеніями. Теперь конечно время разсмотрѣть, сбы-
лись ли эти ожиданія, или злоупотребленія нашей колоніальной
системы вкоренились такъ глубоко, что ихъ нельзя уничтожить
даже посредствомъ алчности, породившей ихъ.

Каково же положеніе негровъ на нашихъ вестъ-индскихъ
островахъ?

Ихъ заставляютъ работать безъ вознагражденія. Владѣтель
имѣеть неограниченную власть рѣшить продолжительность и родъ
его работы, точно такъ же, какъ и качество импешенской пи-
щи, которая должна поддерживать ихъ несчастную, безнадѣжную
жизнь.

Они не имѣютъ права ни на какую собственность. Все, что
они пріобрѣтаютъ собственнымъ трудомъ или благодѣяніями дру-
гихъ людей, принадлежить ихъ господину.

Ихъ можно продать по желанію собственника или его креди-
торовъ. Колоніальные законы смотрятъ на нихъ какъ на личную
собственность плантатора, который поэтому имѣеть право и часто
принужденъ отрывать ихъ отъ семьи и всего, что имъ дорого.
Всякій разъ, какъ выходитъ пустой билетъ на лотерею вестъ-
индской сахарной торговли, происходитъ это страшное перемѣ-

неніе. Ближайшіе родственники, лучшіе друзья отрываются другъ отъ друга навсегда; и самый законъ уничтожаетъ послѣднее утѣшеніе, которое мягкость человѣческой природы предоставляетъ человѣку въ крайности его несчастія.

Для невольника нѣтъ судилища. Онъ не можетъ начать иска. Онъ не можетъ жаловаться ни на кого. Онъ не можетъ быть свидѣтелемъ противъ бѣлаго злодѣя. Законъ обращаетъ вниманіе на злодѣянія свободнаго человѣка только въ томъ случаѣ, если найдутся свободные свидѣтели. Надо вспомнить при этомъ, что бѣлые составляютъ такую ничтожную часть населенія, что свидѣтелей изъ нихъ очень трудно найти.

Личность раба совершенно къ рукамъ господина. Онъ работаетъ подъ кнутомъ. Его погоняютъ, какъ лошадь; его бьютъ когда онъ явится не во-время; его бьютъ когда онъ остановится въ ряду своихъ товарищей. Для женщинъ не дѣлается исключенія, и онѣ слишкомъ часто подвергаются нечеловѣческимъ истязаніямъ и скотскимъ прихотямъ. Старость, слабость, болѣзнь, беременность принимаются за оправданіе смотря по расположенію надсмотрщика. Законъ признаетъ за владѣльцемъ право наказывать своихъ невольниковъ кнутомъ или заточеніемъ. Буква закона, правда, защищаетъ эту живую собственность отъ необыкновенныхъ злодѣяній, отъ изувѣчиванія или убійства. Но что въ томъ толку? Ни истязаемый негръ, ни его товарищи не могутъ появляться въ судѣ. Нужно отыскать бѣлыхъ обвинителей и бѣлыхъ свидѣтелей. Положимъ, что всѣ эти трудности преодолены; но затѣмъ остаются трудности еще худшаго свойства. Когда тиранія не можетъ уже держаться на наружныхъ укрѣпленіяхъ, выставленныхъ закономъ, она прячется за недосыгаемую стѣну испорченныхъ чувствъ и нравовъ. Злодѣй судится людьми, которые пристрастны къ нему, потому что соединены съ нимъ взаимныя выгоды или общей вины и, сами пользуясь необузданной властью, легко смотреть на злоупотребленіе этой властью.

Силу этого союза угнетенія можно лучше всего объяснить примѣрами. Не такъ давно еще великій судъ присяжныхъ на одномъ изъ этихъ острововъ выставилъ губернатора какъ чело-

вѣка, производящаго общественный соблазнъ! И этому страшному оскорбленію подвергся напѣстникъ короля, человекъ, уважаемый въ Англіи людьми самыхъ различныхъ убѣжденій, только за то, что защитилъ нѣсколькихъ невольницъ. — Дѣло Годжа въ Тортолѣ достойно того, чтобы поговорить о немъ. Этотъ человекъ убилъ невольника съ самой невыразимой, отвратительной жестокостью. Послѣ этого его принимали еще въ общество и онъ повидимому не встрѣчалъ сильныхъ выраженій общественнаго отвращенія. Личная вражда побудила кого-то разгласить это дѣло. Неопровержимыя свидѣтельства показывали, что онъ былъ виновенъ въ преднамѣренномъ и дотого варварскомъ убійствѣ, что трудно найти что-либо подобное въ спискахъ уголовныхъ судовъ. Оправдать его было невозможно. Присяжные попросили о пощадѣ. Губернаторъ отказался выслушать ихъ. Въ Англіи трудно было бы оградить подобное чудовище отъ изступленія народа, на его пути изъ суда въ тюрьму. Но плантаторы были дотого озлоблены противъ казни одного изъ своихъ за такое ничтожное преступленіе, что нужно было объявить осадное положеніе, для предупрежденія бунта и освобожденія заключеннаго!

Еще одинъ примѣръ. Какой-то злодѣй, по имени Годжинсъ, приказалъ на рынкѣ въ Невисѣ всенародно избить нѣсколькихъ негровъ кнутомъ, и дѣлалъ это съ такою жестокостью, что разстроилъ здоровье всѣхъ, а можетъ быть былъ и причиною смерти одного изъ нихъ. Между ними была беременная женщина; и съ тѣмъ, чтобы это страшное преступленіе было вполнѣ естественно, ужасная обязанность палача была возложена на брата одного изъ этихъ несчастныхъ. Законъ ограничиваетъ число ударовъ въ одинъ приемъ. Годжинсъ далеко перешелъ эту мѣру. На него подали искъ. Преступленіе было совершено среди бѣлаго дня, на общественномъ мѣстѣ. Отрекаться нельзя было, и этого не дѣлали. Защита основывалась на томъ, что законъ этотъ введенъ только для успокоенія фанатиковъ въ Англіи; что никто никогда не думалъ подчиняться этому закону, и что было бы несправедливо и неразумно наказывать за несоблюденіе его. Годжинса оправдали, и весьма возможно, что

теперь, когда мы записываемъ его прежнія дѣйствія, онъ занятъ тѣмъ, что засѣкаетъ другаго невольника до смерти.

Больше этихъ прискорбныхъ разсказовъ мы не приведемъ. Богу извѣстно, что мы могли бы наполнить тома разсказами о вестъ-индской жестокости и несправедливости. Достаточно замѣтить, что тамъ, гдѣ самыя страшныя злодѣянія такъ часто избѣгаютъ правосудія, не трудно причинять небольшія страданія и лишенія всякаго рода.

Рабство въ нашихъ колоніяхъ держится на крѣпкихъ основаніяхъ. Нельзя заставить господина продать своихъ невольниковъ предлагая ему или заплаченную за нихъ цѣну, или цѣну стоящую на рынкѣ. Даже еслибъ онъ хотѣлъ освободить своихъ негровъ, онъ не всегда въ силахъ привести это въ исполненіе. Въ ужасныхъ законахъ этихъ острововъ есть параграфы, рассчитанные на то, чтобы затруднять эманципацію. На Барбадосѣ и С. Киттсѣ на освобожденіе негровъ наложены страшныя денежные пени, совершенно похожія на запретительныя пошлины. На другихъ островахъ установлены денежные пени не столь значительныя, но имѣющія тѣмъ не менѣе весьма пагубныя послѣдствія. На Бермудскихъ островахъ невольники никогда не могутъ получить свободы.

Наконецъ, всякій житель нашихъ вестъ-индскихъ острововъ, цвѣтъ лица котораго облмчаетъ самую незначительную примѣсь африканской крови, считается невольникомъ, если онъ не можетъ доказать, что онъ свободенъ. Законъ считаетъ рабство естественнымъ состояніемъ африканца, а свободу исключеніемъ. Онъ долженъ доказать свои притязанія на это исключеніе, а законъ дѣлаетъ все, чтобы затруднить возможность доказать это. Свидѣтельство раба не принимается; въ нѣкоторыхъ колоніяхъ не допускается даже свидѣтельство свободнаго человѣка съ примѣсью африканской крови. Онъ могъ получить свободу; онъ могъ родиться свободнымъ; онъ могъ прожить всю жизнь въ Англіи. Никто не изъявляетъ притязаній на него; никто не доказываетъ и не полагаетъ, что онъ рабъ. Вестъ-индскій законъ съ замѣчательною мудростью и либеральностью бросаетъ всю тяжесть

*

доказательствъ на несчастное существо, самые кровные интересы котораго замѣшаны въ дѣлѣ. И если онъ не въ состояніи доказать то, что по своей сущности часто бываетъ невозможно доказать, его продаютъ съ публичнаго торга въ вѣчное, наследственное рабство!

Англійскій народъ! Вотъ вестъ-индскія постановленія. И эти постановленія, дышашія нечестіемъ и преступленіемъ, противныя духу религіи, которую ты исповѣдуешь, и законовъ, которыми ты гордишься,—эти постановленія ты поддерживаешь всей своей торговой политикой; эти постановленія защищаешь ты флотами и войсками! Ты по праву и неограниченно властвуешь надъ этими колоніями! Ты дорого заплатилъ за это право, и ты долженъ отстаивать ихъ! Для обогащенія ихъ ты рассыпалъ золото, какъ песокъ; для защиты ихъ ты проливалъ кровь, какъ воду! И теперь еще ты жертвуешь имъ всѣми другими интересами государства! Теперь еще твое оружіе защищаетъ господина отъ мщенія негра и отодвигаетъ день освобожденія и возмездія, который похоронилъ бы ненавистныхъ исполнителей подъ развалинами ненавистной системы.

«Берегитесь раздраженія плантаторовъ,» говорятъ трусы невѣждамъ. «Вспомните войну съ Америкой! Вспомните всѣ наши пораженія и униженія! Вспомните капитуляцію при Саратогѣ и версальскій договоръ! Что вы сдѣлаете, если они станутъ сопротивляться?» Дѣйствительно что! Бѣда Англій, когда Невисъ выставитъ свои двѣсти непобѣдимыхъ солдатъ противъ ватерлооскихъ легионовъ! Бѣда Англій прежде всего, если Ямайка поднимется въ ожесточеніи! Этотъ островъ выставитъ 3,000 героевъ, если выгнать все бѣлое населеніе, способное носить оружіе, противъ народа не способнаго выслать больше 30,000 дисциплинированныхъ солдатъ. Нѣтъ сомнѣній, что выступитъ второй Вашингтонъ, для защиты правъ кнута. Годжа, правда, уже нѣтъ! Жестокость Англій лишила невольническіе острова лучшаго ихъ украшенія. Злоба плантаторовъ не могла спасти его, и увы! даже горе ихъ не возвратитъ его. Но мы надѣмся, что Годжинсъ еще живъ. Онъ, подобно Циципинату, конечно, послѣдуетъ призыву отечества, оставитъ свою плантацію, про-

нѣняетъ кнутъ на мечъ и сорветъ лавры съ головы Веллингтона. Но говоря серьезно, кто можетъ удержаться отъ смѣха, когда подумаетъ о такомъ сопротивленіи, о борьбѣ мальчика съ пальчикъ съ королевою великановъ! Развѣ это не фактъ, что все бѣлое населеніе Вестъ-Индіи убѣжить, какъ стадо барановъ, при видѣ двухъ англійскихъ полковъ? Развѣ это не фантъ, что они безъ нашего содѣйствія не счумѣютъ защититься отъ своихъ домашнихъ враговъ? Могли ли бы они спокойно спать, не зная за собой этихъ штыковъ, которымъ они вздумали бы противиться въ своемъ изступленіи? И эти люди позволили себѣ говорить о сопротивленіи и не признавать верховнаго владычества британскаго парламента надъ ихъ собраніями! Долго ли метрополія позволить избалованному лѣтищу, котораго она могла бы довести до нищенства въ одну минуту, — долго ли она позволить ему не повиноваться, сопротивляться и драться?

«Но, говорятъ вестъ-индцы, хотя ваша политика не отчуждаетъ насъ, она все-таки доведетъ насъ до разоренія. Неужели вы будете столь несправедливы, что перестанете покровительствовать колоніямъ, вами же основаннымъ и такъ долго поддерживаемымъ вами? Хотите вы уничтожить права, которыя государственная честь обязываетъ васъ поддерживать?» Права! Развѣ кромѣ васъ никто не имѣетъ правъ? Обязанности! Развѣ справедливость не обязанность? Развѣ милосердіе не обязанность? Или всѣ обязанности могутъ считаться ничтожными, кромѣ тѣхъ, которыя заставляютъ насъ участвовать въ преступленіяхъ и низости вашей проклятой тиранніи? Слово! Не приходится ли сдерживать слово, данное человечеству? Отъ насъ хотятъ, чтобы мы *предлагали* улучшенія, которыя мы имѣемъ силу *вынуждать*, тогда какъ вестъ-индцы на каждое предложеніе отвѣчаютъ словами безжалостнаго шекспировскаго жида:

«Я не могу найти этого. Этого нѣтъ въ договорѣ.»

Нѣтъ! Договоръ не можетъ связывать насъ. Онъ потерялъ свое значеніе вслѣдствіе своей несправедливости. Насъ простить всякій, кто способенъ думать, всякій, кто способенъ чувствовать;

насъ простить небо за голось крови на землѣ. Наше прѣжнѣе поддержка этой системы конечно налагаетъ на насъ обязанности, а именно: торжественную обязанность — не поддерживать жестокости нашихъ соучастниковъ, а уничтожить несчастія нашихъ жертвъ.

Но что тогда, когда можно будетъ доказать, что всё эти опасности воображаемыя, что денежныя интересы колоній не страдаютъ отъ уничтоженія рабства? Что если политико-экономъ ничего не найдетъ сказать въ защиту учреждений, которыя безусловно осуждаетъ нравственность? Возможно ли, чтобы мы напрасно покрылись этимъ срамомъ и преступленіемъ, что мы отказывались отъ великихъ выгодъ для того только, чтобы поддержать то, чего никакихъ блага въ мірѣ не должны были заставить насъ допустить? Но это такъ, и всегда будетъ такъ, вслѣдствіе вѣчной связи между причинами и послѣдствіями. По сущности человѣческой природы, невозможно воздвигнуть зданіе благополучія на фундаментѣ несправедливости и жестокости. Промышленность есть дитя свободы и знанія. Конечно, кнутъ погонщика можетъ заставить негра сдѣлать извѣстное число движеній; но никакое орудіе пытки не заставитъ его, утомленнаго тѣломъ и душою, съ развращеннымъ умомъ, стать наравнѣ съ дѣятельнымъ, веселымъ, смышленнымъ работникомъ, который знаетъ, что довольство его увеличивается по мѣрѣ труда. По неестественному положенію невольника, интересъ его заключается въ томъ, чтобы проѣдать по возможности больше и производить по возможности меньше. Трудолюбіе или лѣность, экономія или мотовство, не измѣняютъ его положенія. Кромѣ опасенія наказанія, онъ не имѣетъ причины увеличивать богатство, которымъ никогда не будетъ пользоваться. Вслѣдствіе этого, изъ всѣхъ работъ, его работа приноситъ меньше всего барыша.

Настоящее положеніе колоній вполне оправдываетъ эти слова. Несмотря на всю нашу поддержку, несмотря на лишенія, которымъ мы подвергались изъ-за нихъ, каково ихъ настоящее положеніе? Втрое продолжительнѣйшій провозъ и огромная пошлина едва въ силахъ удержать за ними монополію сахарной торгов-

ли противъ свободныхъ работниковъ Индостана. Въ настоящее время они жалуются на недостатокъ и умоляютъ о поддержкѣ. Мы открыли имъ торговлю и сковали свою собственную, мы пожертвовали имъ интересами индостанскаго земледѣльца и британскаго фабриканта, и все даромъ. Все это недостаточно для огражденія ихъ отъ послѣдствій собственныхъ злоупотребленій. Они смѣлыми шагами приближаются къ погибели, которую можно было бы еще отвратить эманципаціей негровъ.

То, что негры въ большинствѣ случаевъ неспособны пользоваться благами свободы и ея правами, къ несчастью справедливо. Правда, что умы ихъ подобно тѣлу изувѣчены въ тюрьмахъ и отъ побоевъ; вестъ-индскій надсмотрщикъ хорошо пойметъ справедливость этого замѣчанія. Но эти обстоятельства именно и доказываютъ необходимость освобожденія, какъ они ни усложняютъ этотъ вопросъ. Это самая дурная сторона вопроса, не заключающаго въ себѣ ничего хорошаго. Рабство есть зло отъ начала до конца, зло, къ которому не примѣшивается ничего смягчающаго или искупающаго, зло, въ которомъ нѣтъ и намека на добродѣтель, зло, не представляющее и возможности счастья. Своимъ смертельнымъ прикосновеніемъ оно убиваетъ все, что облегчаетъ другія страданія жизни, нѣжныя привязанности, безпристрастіе закона. Но вся сила и самая постыдная низость его лежитъ въ убивающемъ дѣйствіи его на сердца и способности своихъ жертвъ. Оно похоже на то дерево въ итальянскомъ сказаніи, которое испускало ядъ въ такомъ количествѣ, что никто не смѣлъ подойти чтобы срубить стволъ. Заразительная сущность дѣлаетъ его вѣчнымъ. Первымъ шагомъ для освобожденія негровъ должны быть мѣры для ихъ облагороженія. Больше чѣмъ бесполезно было бы расположеніе тѣхъ, которые подобно отважнымъ братьямъ въ «*Корнусъ*» захотѣли бы изгнать ненавистнаго чародѣя прежде, чѣмъ снять чары съ околдованнаго плѣнника.

«Вы были неправы. Зачѣмъ же вы

Не отняли у него жезла и не связали его?

Пока жезлъ не въ нашихъ рукахъ, ничего не сдѣлано;

Мы не можемъ освободить плѣнника,
 лежащаго здѣсь связаннаго и безъ движенія.»

Чѣмъ можно, лучше и скорѣе всего, сдѣлать невольника способнымъ быть гражданиномъ, мы теперь разсматривать не станемъ; но мы можемъ положительно сказать, что если не примутъ скоро положительныхъ мѣръ для достиженія этой великой цѣли, то не трудно предвидѣть кровавый конецъ этому кровавому дѣлу. Ямайка можетъ еще выставить своего Спартака. Между тѣмъ, страшнѣйшій врагъ плантаторовъ не униженные ихъ невольники, а сильные ихъ сосѣди. Между этими островами, въ которыхъ богатые дары природы были такъ долго уродованы человекомъ; между этими островами, съ которыхъ европейская алчность вытѣснила всѣхъ первоначальныхъ обитателей, чтобы замѣнить ихъ столь же несчастными, но болѣе терпѣливыми жертвами; между этими островами, которые въ одно и тоже время видѣли худшія стороны утонченнаго и дикаго общества: всю силу цивилизаціи безъ снисходительности и мудрости, все невольничество варварства безъ свободы и энергіи,—между этими островами учредилась теперь республика черныхъ людей, республика свободная, воинственная, просвѣщенная. Величайшій монархъ и завоеватель новѣйшаго времени захотѣлъ покорить Гаити. Онъ сдѣлалъ эту попытку въ то время, когда миръ доставилъ его побѣдоносному оружію открытый ходъ во всѣ моря. Величайшее и лучшее войско, когда-либо переѣзжавшее Атлантическій океанъ, было послано противъ эманципированныхъ невольниковъ. Лучшіе солдаты Франціи, герои Арколы и Маренго были отправлены противъ недисциплинированной кучи людей, спины которыхъ не зажали еще отъ побоевъ, члены которыхъ не расправились еще отъ тяжести цѣпей. Въ поддержку силъ явилась еще измѣна. Непріятель неожиданно напалъ на жителей Гаити, онъ обольщалъ ихъ ложными обѣщаніями и, различными кознями, сѣялъ разладъ между ними. Лучшій ихъ предводитель (1) былъ взятъ

(1) Туссенъ д'Увертюръ.

измѣною и отправленъ въ европейскую тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Чернымъ предводителямъ предлагали огромные денежные подарки. Всѣ ужасы дикого и вся тактика дисциплинированнаго веденія войны были соединены противъ нихъ. Не было пощадъ ни старикамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Кровавія довершалъ дѣло штыка, каждую ночь зарывая въ ямы еще трепещущія жертвы дневной рѣзни. Но все напрасно! Голодь, язвы и мечъ уничтожили это могучее войско, и независимость Гаити была завоевана назѣмъ.

Можетъ ли рабство негровъ существовать еще долго въ непосредственномъ сосѣдствѣ освобожденной царицы Антильскихъ острововъ? Нѣтъ ли въ нашемъ колоніальномъ устройствѣ много такого, что могло бы подать поводъ къ нападенію? Черный купецъ или черный посланникъ, отправляющійся изъ Портъ-о-Пренса въ Венецуэлу или Мехико, могъ бы быть принужденъ бурею пристать къ Ямаикѣ. Законъ требуетъ, чтобы его продали какъ невольника. Неужели это осталось бы безнаказаннымъ? И неужели жители Гаити еще долго будутъ смотрѣть спокойно на свое устраненіе отъ торговыхъ сношеній съ нашими колоніями? Развѣ невозможно, чтобы способный и честолюбивый предводитель, даже безъ особенныхъ съ нашей стороны оскорбленій, задумалъ столь легкое и слабое предпріятіе, какъ уничтоженіе невольничества на окружающихъ островахъ? Настоящее войско на Гаити состоитъ изъ 15,000 превосходныхъ солдатъ. Удвоить это число не трудно. Въ 24 часа 10,000 черныхъ солдатъ были бы на Ямаикѣ! Еще сутки и 100,000 изступленныхъ невольниковъ поднялись бы противъ бѣлаго населенія! Это предположеніе сдѣлано не наобумъ; подобное происшествіе столь же возможно, какъ и вѣроятно.

Что же сдѣлаетъ Англія въ такихъ обстоятельствахъ? Позволитъ ли она, чтобы у нея силою отняли владѣнія, какъ бы незначительны они ни были? Позволитъ ли она уничтожить силою учрежденія, которыя, какъ бы отвратительны они ни были, находятся подъ ея покровительствомъ? Съ другой стороны, рѣшится ли она на войну съ такимъ отчаяннымъ врагомъ, въ такомъ

убійственною клинатъ, на такомъ огромномъ разстояніи? Этого мы не знаемъ. Но мы можемъ утвердительно сказать, что въ такой борьбѣ мы олакивали бы успѣхъ. Пусть лучше все пропадетъ, и богатая торговля Англійи и ея военная слава, чѣмъ запятнать ея исторію преступною побѣдою, трофеями, воздвигнутыми на разрушенныхъ нравахъ и сокрушенныхъ сердцахъ человѣка! Кто позволилъ бы себѣ задержать плодотворный разрывъ только потому, что онъ уничтожитъ нѣкоторыя старыя, можетъ быть даже нѣсколько полезныя вещи? Кто проклянулъ бы свѣтъ солнца потому, что съ его приближеніемъ темнѣютъ нѣкоторыя звѣзды, которыми мы любуемся? Великій пожаръ въ Лондонѣ всегда считался благодѣяніемъ, потому что онъ уничтожилъ чуму лучше всякихъ докторовъ, лучше самой бдительной полиціи. Точно такъ же и политическій міръ извлекаетъ часто большія выгоды изъ тѣхъ страшныхъ, разрушительныхъ несчастій, которыя навсегда уничтожаютъ темныя, смрачныя мѣста, въ которыхъ гнѣздятся ужасныя нравственныя болѣзни.

Но мы очень желаемъ, чтобы перемена, которая по нашему мнѣнію столь же необходима, какъ и неизбежна, была введена самыми мягкими средствами. Настоящее положеніе дѣлъ въ колоніяхъ угрожаетъ Англійи страшными несчастіями, а вѣсть-индскимъ владѣльцамъ полнымъ разореніемъ. Эти несчастія можно предупредить только рядомъ мѣръ для улучшенія нравственнаго и политическаго состоянія невольниковъ.

Мѣстное законодательство ничего не можетъ сдѣлать противъ владѣльцевъ. Имъ угрожали, ихъ просили, предостерегали—все напрасно. Справедливость, милосердіе, стыдъ, интересъ, боязнь, ничто не дѣйствуетъ на нихъ. Они впали въ то безнадежное, тупое равнодушіе ко всѣмъ нравственнымъ и разумнымъ вопросамъ, которое бываеетъ частымъ послѣдствіемъ долгой, безграничной власти. Они ничего не сдѣлали и никогда ничего не сдѣлаютъ.

Вся наша надежда должна полагаться на умъ и великодушіе англійскаго народа. Вниманіе его только недавно было серьезно обращено на этотъ предметъ. Онъ заговорилъ уже такимъ голо-

сомъ, что алчные и жестокіе люди испугались, а холодныя сердца тѣхъ, кто занимають высокія мѣста, были вынуждены на слабый откликъ. Пусть этотъ голосъ никогда не замолкнетъ, пока законодательство не произнесетъ рѣшительнаго приговора надъ этой неестественной системой безмысленныхъ жестокостей.

«НОВОЕ АНТИ-ЯКОБИНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ».

(1827 г.)

Для лучшаго пониманія этой статьи, составляющей первое серьёзное политическое сочиненіе Маколея на поприщѣ политики и служившей знакомъ открытаго вступленія его въ партію виговъ,—не лишнимъ будетъ припомнить слѣдующія обстоятельства.

Послѣ смерти лорда Кастльре въ 1822 г. въ должность министра иностранныхъ дѣлъ вступилъ Каннингъ и скоро преобразовалъ англійскую политику, которая, подъ руководствомъ Кастльре почти совершенно согласовалась съ политикой Священнаго союза. Премьеромъ въ кабинетѣ былъ лордъ Ливерпуль, человекъ, не особенно замѣчательный дарованіями, но личностью своею умѣвшій все-таки держать въ согласіи кабинетъ, рас-

ходившійся во мнѣніяхъ по весьма многимъ вопросамъ. 17 февраля съ лордомъ Ливерпулемъ, здоровье котораго безъ того было часто плохо, сдѣлался ударъ, и Георгъ IV передалъ предсѣдательство въ кабинетъ Каннингу. Это вызвало самый сильный гнѣвъ въ лагерѣ торіевъ и, съ цѣлью лишить Каннинга всякой помощи, герцогъ Веллингтонъ и нѣкоторые другіе члены кабинета оставили свои должности. Герцогъ Веллингтонъ занималъ мѣсто въ кабинетѣ какъ генераль-фельдцейхмейстеръ и рассчитывалъ, съ удаленіемъ лорда Ливерпуля, самъ занять мѣсто перваго министра. вмѣстѣ съ нимъ вышли Робертъ Пиль, лорды Вестморландъ, Батгурстъ и Эльдонъ. Каннингъ, оставленный своими товарищами, началъ искать помощи у виговъ и образовалъ изъ нихъ министерство, главною опорою котораго сдѣлались герцоги Кларансъ и Девонширъ, маркизь Дансдаунъ и лорды Линдгурстъ, Бексли и Энглезы. Сторонники герцога Веллингтона старались возбудить въ странѣ сильную агитацію для низверженія Каннинга. Въ литературѣ они дѣйствовали чрезъ посредство газетъ: «*Morning Chronicle*» и «*Morning Post*»; кромѣ того стали издавать журналъ подъ заглавіемъ: «*Новое анти-якобинское обозрѣніе*». Журналъ этотъ былъ на откупѣ у Веллингтона и выходилъ съ эпиграфомъ: «*Delenda est Carthago*». Подъ *Carthago* разумѣлся Каннингъ. Этотъ журналъ отличался совершенною бездарностью своихъ сотрудниковъ; потому-то Маколей и упрекаетъ названіе журнала въ высокоуміи. Старое «*Анти-якобинское обозрѣніе*», издававшееся въ 1798 и 1799 гг. подъ покровительствомъ Питта и Каннинга, занимало очень видное мѣсто въ тогдашней періодической литературѣ. Главными сотрудниками его были Каннингъ, Фрере, ДжиФфордъ

и др. Обзорѣніе это поставило себѣ задачей борьбу съ французскими якобинскими идеями, вело ее очень ловко и прекратилось со введеніемъ во Франціи военнаго деспотизма Бонапарта.

Вопросъ о католикахъ, часто упоминаемый здѣсь, былъ въ слѣдующемъ положеніи. Въ 1800 г., когда Питту удалось соединить англійскій и ирландскій парламенты, онъ обѣщалъ католикамъ полную политическую эманципацію: т. е. право засѣдать въ парламентѣ и занимать общественныя должности; но Георгъ III слышать объ этомъ не хотѣлъ, такъ что обѣщаніе Пিতта осталось неисполненнымъ. Вслѣдствіе этого Ирландія была въ постоянномъ волненіи. Въ министерствѣ лорда Ливерпуля Каннингъ всегда склонялся къ уступкѣ требованіямъ католиковъ; между тѣмъ какъ самъ премьеръ, Робертъ Пиль и другіе министры были противъ этого. Когда Каннингъ сдѣлался премьеромъ, прежніе сотоварищи его, не желавшіе сохранять свои мѣста при немъ, воспользовались этимъ различіемъ во мнѣніяхъ какъ предлогомъ для выхода своего изъ кабинета. Пиль возставалъ въ этомъ дѣлѣ особенно сильно; въ длинной и блестящей рѣчи, произнесенной въ нижней палатѣ, онъ объявилъ, что никогда не поддастся требованіямъ католиковъ и что политическія убѣжденія его не позволяютъ ему оставаться въ министерствѣ, глава котораго благопріятствуетъ этимъ требованіямъ. Что все это были только пустыя фразы, доказывается тѣмъ, что Пиль двумя годами позже, когда первымъ министромъ сдѣлался герцогъ Веллингтонъ, сталъ поддерживать эманципацію католиковъ и провелъ ее въ парламентѣ.

Просимъ извиненія у нашихъ читателей, что выставили заглавіемъ нашей статьи названіе такого журнала. Оба лежащіе предъ нами номера не содержатъ въ себѣ ничего сноснаго. Мы сознаемся, что не встрѣчали никого, кто видалъ бы эти книги; и еслибъ статья наша возбудила любопытство въ комъ-нибудь, мы боимся, что книги не нашлось бы болѣе у книгопродавцевъ. Можетъ быть поиски у продавцовъ макулатуры были бы успѣшнѣе. Для успокоенія нашихъ читателей, мы можемъ увѣрить ихъ, что единственный предметъ разясняющійся въ этомъ журналѣ представляетъ очень мало интереса — это, умственные способности сотрудниковъ; а единственное чувство возбужденное въ насъ ихъ патетическими рѣчами было сожалѣніе о четырехъ шиллингахъ, которые пропали и никогда не вернутся.

Не могу сказать, чтобы это былъ опрытнѣй и пріятнѣй трудъ — собирать остатки, выброшенные въ сточныя ямы, — выкидышей, никогда не видавшихъ свѣта, никогда не издававшихъ даже слабого стона и брошенныхъ изъ грязи, въ которой они родились, въ грязь, среди которой должны сгнить. Но, къ несчастью, намъ выбора не предстоитъ. Какъ ни дурно это произведеніе, оно нисколько не хуже любаго изъ другихъ писанныхъ противъ настоящаго министерства. Мы отглядывались во всѣ стороны и нигдѣ не встрѣчали противника, который стыдился бы пораженія такъ, какъ намъ приходится стыдиться побѣды.

Состояніе прессы во время этого кризиса, дѣйствительно, замѣчательно. Всѣ таланты находились на одной сторонѣ. Всѣ способныя и почтенныя газеты стояли за новое правительство и — по словамъ лорда Лондондерри — съ такимъ единодушіемъ, что представляли предполагать очень ловкое употребленіе потаенныхъ суммъ. Съ другой стороны, на министерство напали такіе писатели, которые дѣлаютъ смѣшнымъ и отвратительнымъ все, за что заступаются: журналы, изъ которыхъ одинъ извѣстенъ только вслѣдствіе отчетовъ о тарбаршинѣхъ пьяницъ, приводимыхъ въ Боу-Стритъ за ломаніе оконъ, другой, съ трудомъ поддерживающій свое существованіе извѣстіями, получаемыми отъ лакеевъ, и объявленіями отъ парикмахеровъ. Къ этимъ присоединились всѣ

писакн, правотѣріе и вѣрноподданничество которыхъ основано на совершенствѣ, съ какнмъ они ругаются и ябедничаютъ. Въ началѣ казалось сомнительнымъ, на чью сторону стануть эти господа въ настоящемъ спорѣ. Мы боялись одно время, что визость ихъ превзойдетъ ихъ злость и что они скорѣе будутъ льстить сильному, чѣмъ клеветать на невиннаго. Теперь оказывается, что мы ошиблись, и мы имъ очень благодарны. Они были такъ добры, что спасли насъ отъ стыда имѣть такихъ сотрудниковъ. Я не понимаю, какъ бы мы помирились съ мыслью, что принадлежимъ къ одной и той же партіи. Довольно скверно уже и то, что мы принадлежимъ къ тому же роду!

Сочинителей лежащей предъ нами книги, которые, по нашему мнѣнію, составляютъ и большинство ея читателей, нельзя собственно причислить къ тому же разряду. Они похожи на тѣхъ змѣй, съ которыми индійскіе фокусники дѣлаютъ такіа удивительныя штуки: ядоносныя мѣшечки остались, но зубы выдернуты. Желая все сдѣлать, чтобы быть смѣшными, они выдумали заглавіе (такая мысль не пришла бы ни одному разумному писателю), которое такъ и набивается на сравненіе съ одной изъ лучшихъ и остроумнѣйшихъ изъ нашихъ книгъ. Руководствовались ли они при выборѣ заглавія тѣмъ же, чѣмъ руководствовался м-ръ Шанди при выборѣ именъ своихъ дѣтей, или же сдѣлали они это вслѣдствіе одной изъ тѣхъ прихотей, которая заставила кого-то назвать *Венерою* одну изъ самыхъ отвратительныхъ готтентотокъ, — этого мы не беремся рѣшать. Мы однако дадимъ имъ серьезный совѣтъ обдумать, насколько согласно съ ихъ интересомъ, чтобы публика постоянно вспоминала знаменитыя подражанія Дарвина и Коцебу, когда читаетъ пародіи на Библію въ родѣ слѣдующей: «Въ то время явится чужой человекъ въ странѣ, и онъ скажетъ народу: Я одержимъ бѣсомъ ультралиберализма; я олицетвореніе нескладицы; я политическій философъ и учитель парадоксовъ.»

Намъ хотѣлось бы тоже спросить господина, уничтожншаго Канинига въ пародіи на Драйденовскія строфы, не думаетъ ли онъ, что надъ этой сатирой будетъ кто-нибудь смѣяться кромѣ самого автора?

Но пора проститься съ «*Новымъ анти-яковинскимъ обзоромъ*», и мы дѣлаемъ это въ надеждѣ, что заслужимъ благодарность издателей. Мы видѣли разъ школьника, который съ наслажденіемъ и гордостью рассказывалъ, что какой-то герцогъ выдралъ его; мы питаемъ надежду, что нашему смисхожденію придадутъ такую же цѣну.

Между тѣмъ, мы обращаемся къ нашимъ читателямъ, во время такого важнаго кризиса, не съ тѣмъ, чтобы поставить къ позорному столбу столь нелѣпое писаніе. Мы убѣждены въ томъ, что дѣло настоящихъ министровъ — дѣло свободы, терпимости и политической науки; дѣло народа, который можетъ ожидать много полезныхъ реформъ отъ ихъ мудрости и либерализма; дѣло аристократіи, которая будетъ жертвою насильственной и разрушительной революціи, если реформы эти не будутъ приняты. Мы убѣждены, что во главѣ правленія никогда не находились люди, такъ хорошо знавшіе потребности страны или такъ честно желавшіе блага ея; люди, столь неуклонно думавшіе только о томъ, что можно *сдѣлать*, и никогда не думавшіе о томъ, что они *получатъ* за это. Съ другой стороны мы видимъ партію, которая по невѣжеству, невовдержности, непослѣдовательности не имѣетъ примѣровъ въ нашей исторіи, — которая своей оппозиціей срамить народъ, а, получивъ министерство, приведетъ его къ скорой гибели. При такихъ обстоятельствахъ мы считаемъ долгомъ всѣми силами поддерживать тѣхъ, въ правленіи которыхъ сосредоточены самые дорогіе интересы общества — свобода вѣроисповѣданій, свобода рѣчи и торговли, наша честь за границей и наше спокойствіе на родинѣ.

Принимаясь такимъ образомъ за защиту министровъ, намъ представляется одно затрудненіе, а именно: мы въ сущности не знаемъ, въ чемъ ихъ обвиняють. Опровергать факты было бы не трудно, но господа оппозиціонисты не любятъ приводить факты. Въ ихъ глупости есть что-то неувловимое и эластичное, ускользающее отъ всякаго спора. Она не противодѣйствуетъ и не получаетъ никакихъ впечатлѣній. Спорить съ нею — тоже самое, что прокалывать воду или бить шерстяной мѣшокъ. Гово-

рять, будто Наполеонъ сказалъ, что англійскіе солдаты при Ватерлоо не знали, что были побиты. Герцогъ Веллингтонъ при своемъ счастьи въ политикѣ и войнѣ имѣетъ то необыкновенное благополучіе, что второй разъ уже пользуется поддержкою силы такого рода—поддержкою людей, отчаянная неустрашимость которыхъ смѣется надъ всѣми нападеніями, которые продолжаютъ борьбу, хоти неопровержимые доводы попираютъ ихъ со всѣхъ сторонъ,—которые съ вдохновеніемъ кидаются прямо на нецѣпность и съ спокойнымъ духомъ садятся прямо на рога дилеммы. Мы сомнѣваемся, чтобы это непреодолимое упорство было столь же уважительно въ политикѣ, какъ въ бою; но одно намъ извѣстно, что людямъ, воспитаннымъ въ старой школѣ логической тактики, очень трудно бороться съ противниками такого рода.

Члены оппозиціи повидимому особенно успѣшно прибѣгаютъ къ того рода доказательству, которыми былъ такъ силенъ маркизь въ «*Critique de l'école des femmes*»:

«Tarte à la crème—morbleu! tarte à la crème!»

«Hé bien, que veux-tu dire, tarte à la crème?»

«Parbleu, tarte à la crème, chevalier!»

«Mais encore?»

«Tarte à la crème!»

«Dis-nous un peu tes raisons!»

«Tarte à la crème!»

«Mais il faut expliquer ta pensée, ce me semble.»

«Tarte à la crème, Madame.»

«Que trouvez-vous la à redire?»

«Moi? rien! Tarte à la crème!»

Съ такимъ же вкусомъ и разумомъ повторяютъ ораторы и писатели оппозиціи свои любимыя поговорки: «измѣна принципамъ», «неестественная коалиція», «подлое искательство министерства». Надо сознаться, что они были счастливы въ выборѣ предмета. Англичане слишкомъ привыкли считать послѣдовательность представительницей всѣхъ гражданскихъ доблестей, а въ словѣ коалиція многіе слышатъ что-то безпокойное и тревожное. Изъ всѣхъ нападеній на министерство только это одно

нѣтъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторое значеніе, но и здѣсь мы не видимъ никакихъ доказательствъ.

Осуждать коалиціи *in abstracto* очевидно нелѣпо, потому что въ народномъ правленіи ничего путнаго не совершится безъ общаго дѣйствія; а общее дѣйствіе невозможно безъ соглашенія. Тѣ, кто не желаютъ снизойти до снисходительности, какой требуетъ человѣческая природа, способны быть скорѣе пустышками, чѣмъ государственными людьми. Подобно золоту, которое слишкомъ нѣжно для чеканки монеты, добродѣтель ихъ становится удобоупотребимой только по соединеніи съ лигатурою. Но до крайности не разумно и не логично поведеніе тѣхъ, которые высказываютъ сильное чувство партіи и вмѣстѣ съ тѣмъ суетно боятся всякой коалиціи. Всякій доводъ противъ коалиціи, самой по себѣ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и доводъ противъ соединенія въ партіи. Коалиція стоитъ къ партіи въ томъ же отношеніи, какъ партіи къ отдѣльному лицу. Члены партіи обязуются отказаться отъ всѣхъ побочныхъ разсужденій изъ-за главной, общей цѣли. Для лучшаго дѣйствія сообща, они обоюдными уступками стараются сгладить всякое разногласіе. Никто не считаетъ ихъ за это несостоятельными, потому что всякій понимаетъ, что только такими общими уступками личныхъ мнѣній можно составить министерство или провести какія-нибудь важныя мѣры, въ мірѣ, гдѣ люди такъ мало похожи другъ на друга и въ такой сильной зависимости другъ отъ друга, въ мірѣ, въ которомъ умы такъ же различны, какъ и лица, и гдѣ великія цѣли достигаются только общими усиліями. Той же самой снисходительности требуетъ и коалиція партій. Если люди сходятся во всѣхъ важныхъ пунктахъ и расходятся только въ вопросахъ неважныхъ или недостижимыхъ, то никто не можетъ осуждать ихъ за то, что они соединяются. Это ученіе, какъ и всякое другое, можетъ быть доведено до крайности непрактическими людьми, или сдѣлаться предлогомъ подлости для интригантовъ. Но исторія нашего отечества доказываетъ, что ученіе это само по себѣ не неразумно и не вредно.

Сама революція была плодомъ коалиціи партій, враждовавшихъ между собою съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ. Въ предвидущемъ

поколѣніи вражда эта покрыла Англiю кровью и трауромъ. Потомъ, мечъ замѣнили топоромъ, но вражда не уменьшилась отъ того, что прикрылась маскою справедливости. Лучшая кровь текла какъ вода, вслѣдствіе криковъ народа, ложныхъ свидѣтельствъ и перетолкованія закона. Но общая опасность сгладила всю ненависть. Виги и торіи подписывали одни и тѣ же договоры. Епископы и полковыя священники ораторствовали на одну тему. Оксфордскіе доктора и лондонскіе ювелиры посылали свои золотыя и серебряныя сосуды съ одинаковымъ рвеніемъ. Министерство, которое въ правленіе королевы Анны защитило Голландію, освободило Германію, завоевало Фландрію, раздробило испанскую монархію, поколебало французскій тронъ, поддерживало независимость Европы и устанавливало свое господство на морѣ,—это министерство было составлено изъ людей, которымъ приходилось забывать много политическихъ раздоровъ и много личныхъ оскорбленій. Сомерзъ былъ членомъ того министерства, которое заключило въ Тоуэръ Марльборо. Марльборо участвовалъ въ тяжеломъ и мучительномъ для Сомерза обвиненіи. Неужели же эти великіе люди дѣйствовали бы умно и честно, еслибъ на этихъ основаніяхъ отказались служить отечеству сообща? Кабинетъ, ведшій Семилѣтнюю войну съ такимъ талантомъ и успѣхомъ, состоялъ изъ членовъ, бывшихъ незадолго до того предводителями враждебныхъ партій. Соединеніе между Фоксомъ и Нортонъ, правда, осуждается доказательствомъ, которое никогда не удовлетворитъ массу, именно доказательствомъ *post factum*. Мы удивились бы неудовольствію нѣкоторыхъ рьяныхъ приверженцевъ Питта, еслибъ мы не знали, что въ настоящее время приверженцами Питта называются люди, думающіе о важныхъ предметахъ совершенно противное тому, что думалъ онъ. Дѣйствительно, существуетъ два Питта, настоящій и воображаемый; Питтъ исторіи, парламентскій реформаторъ, врагъ «*Test Act'a*» и корпораціонныхъ актовъ, поборникъ эманципаціи католиковъ и свободной торговли,—и причисленный къ лику святыхъ, легендарный Питтъ, который столь же похожъ на настоящаго, какъ колдунъ Виргилій на поэта Виргилія, или св. Іоаннъ истребитель мавровъ на св. Іоанна

рыбака. Каковы были мнѣнія этого сказочнаго созданія о коалиціяхъ, мы предоставляемъ судить лорду Эльдону и лорду Вестморланду. Мнѣнія настоящаго Питта не трудно знать по его поведенію. Во время революціонной войны онъ принялъ въ свое министерство людей, бывшихъ прежде его злѣйшими врагами. Въ 1804 г. онъ соединился съ Фоксомъ и старался, по возвращеніи въ должность, доставить новому своему союзнику высокое положеніе въ министерствѣ. Мы приведемъ еще примѣръ, которому придаемъ мало цѣны, но который долженъ бы считаться важнымъ въ глазахъ нашихъ противниковъ. Они говорятъ о Питтѣ, но настоящій предметъ ихъ поклоненія есть безъ сомнѣнія покойный Персиваль, господинъ, частныя добродѣтели котораго плохо вознаградили Англію за слабость и безсердечіе его политики. Въ 1809 г. этотъ министръ согласился служить не только съ лордомъ Гренвилемъ и графомъ Греемъ, но и подъ ихъ начальствомъ. Между тѣмъ министры и ихъ противники нисколько не сошлись въ мнѣніяхъ; вражда даже вовсе не уменьшилась. Обѣ партіи не сходились ни въ одномъ вопросѣ внѣшней или внутренней политики. И несмотря на то, предложеніе это было сдѣлано. Какъ можно было ожидать, виги отказались, а публика осмѣяла этотъ планъ. Но воспоминаніе это должно было бы удержатъ господъ принимавшихъ въ немъ участіе и вѣрныхъ ихъ послѣдователей отъ постоянныхъ рѣчей о низости и эгоизмѣ коалицій.

Намъ скажутъ, пожалуй, что эти общія объясненія лишни, что никто не возстаетъ противъ коалицій вообще, а только противъ настоящей коалиціи въ особенности. Мы отвѣтимъ на это, что нападеніе на настоящую коалицію имѣетъ смыслъ только при нападеніи на коалицію вообще, потому что никогда не бывало (и вѣроятно никогда не будетъ) соединенія партій, сходныхъ между собою во столькихъ пунктахъ и расходящихся такъ незначительно. Виги и приверженцы Кланнинга всегда сходились въ принципѣ. Они были разъединены только именами, знаками и воспоминаніями. Составлять оппозицію изъ-за такихъ причинъ было бы недостойно англійскихъ государственныхъ людей. Это было бы столь же неразумно и низко, какъ вражда «синихъ» и

«зеленыхъ» въ константинопольскомъ ипподромѣ. Одинъ удивляется Питту, другой Фоксу. Неужели же имъ изъ-за этого никогда не соединиться? Питтъ и Фоксъ при жизни сами думали соединиться, и смѣшно было бы, еслибъ имена ихъ различали партіи послѣ того, какъ они двадцать лѣтъ лежатъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ! Одинъ одобряетъ революціонную войну. Другой считаетъ ее несправедливой и неполитичной. Но война эта миновала. Она теперь превратилась въ предметъ историческаго спора! И государственный человѣкъ, потребовавшій отъ товарищей согласія съ своими мнѣніями объ этомъ предметѣ, былъ бы столь же нелѣпъ, какъ Донъ-Кихоть, который воевалъ съ Карденіо по поводу чистоты королевы Мадазимы. О такихъ пунктахъ новые наши министры, безъ сомнѣнія, думаютъ различно. Они могли бы расходиться и во мнѣніи о неподложности *Εἰκὼν βασιλική*. Но едвали кто-нибудь, на основаніи этого, сочтетъ ихъ соединеніе жертвою принципа изъ-за мѣста.

Однимъ словомъ, до насъ вовсе не касается, имѣютъ ли партіи, недавно соединившіяся, одинаковыя мнѣнія о дѣлахъ прошедшихъ, которыхъ измѣнить уже нельзя. Точно также маловажно, если онѣ расходятся относительно умозрительныхъ вопросовъ, которые въ настоящее время никогда не могутъ быть примѣнены и о которыхъ имъ едвали придется когда-нибудь рассуждать. Важные вопросы—слѣдующіе: расходятся ли онѣ во мнѣніи относительно политики, требуемой настоящими обстоятельствами? Соединеніе ихъ помѣшаетъ ли исполненію важныхъ предпріятій, которымъ они прежде посвящали себя?

Никто еще и не старался доказать, что это такъ. Смѣлыя предположенія были, правда, высказаны извѣстнымъ классомъ писателей, которые предполагаютъ въ своихъ читателяхъ такъ же мало памяти, какъ у нихъ самихъ стыда. Послѣдніе два года они оскорбляли Каннинга за то, что онъ принялъ принципы виговъ; теперь они кричатъ, что виги отказались отъ своихъ принциповъ, соединяясь съ Каннингомъ! «Виги, — говорилъ одинъ изъ этихъ писателей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, — пользуются большею властью при настоящихъ министрахъ, чѣмъ

еслибъ власть была у нихъ въ рукахъ.» «Министры,—говорить другой, уже не торія, и то, что они называютъ примиреніемъ, ни что иное какъ вигизмъ.» Третій замѣтилъ, что мнѣніе, будтобы послѣднія мѣры правительства были дѣломъ виговъ, къ несчастью горькая истина. И эти самые журналисты имѣютъ дерзость утверждать, что виги не могли поддерживать Кланнинга не отказываясь отъ всѣхъ прежде высказанныхъ мнѣній.

Мы же съ полнымъ убѣжденіемъ говоримъ, что не приходится жертвовать ни однимъ принципомъ. По отношенію къ вишне-вой и торговой политикѣ обѣ партіи сходятся между собою уже нѣсколько лѣтъ. Мнѣнія виговъ о католическомъ вопросѣ тождественны съ мнѣніями большинства ихъ новыхъ сотоварщицъ. Правда, въ одномъ почтенномъ собраніи, ⁽¹⁾ долго пользовавшемся репутаціей очень скучнаго и очень приличнаго собранія, поведеніе виговъ относительно католиковъ разсматривалось въ дурномъ свѣтѣ. Приводимые противъ нихъ доводы принадлежать, я думаю, къ того рода логикѣ, которою имѣютъ право пользоваться одни привилегированныя сословія, и поэтому мы серьезно просимъ ихъ держать эти мнѣнія подольше при себѣ, вмѣстѣ съ остальными своими привилегіями. Остроумный членъ этого собранія сказалъ, говорятъ, что протестантскіе агитаторы обязаны противиться новымъ министрамъ, какъ друзьямъ католичества, а католики должны противиться имъ, какъ отступникамъ отъ того же дѣла. Онъ предупреждалъ первыхъ о страшной опасности ввѣрить власть кабинету, состоящему почти цѣлкомъ изъ лицъ благопріятствующихъ эманципаціи; въ то же время онъ возбуждалъ негодованіе вторыхъ противъ измѣны такъ-называемыхъ друзей, которые не сдѣлали условія, что эманципація войдетъ въ программу министерства. Нельзя достаточно удивляться необыкновенной ловкости врага, который не переводя духа осуждаетъ однихъ и тѣхъ же людей за то, что они сдѣлали одну вещь и не сдѣлали ее. Для обыкновеннаго, плебейскаго ума, по-видимому должно быть ясно, что католическій вопросъ долженъ

(1) Верхняя палата.

находиться теперь или въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ до министерскаго кризиса, или въ худшемъ, или въ лучшемъ положеніи. Если онъ выигралъ—виги оправданы; если нѣтъ—враги эманципаціи должны поддерживать новое правленіе всѣми силами; если вопросъ не подвинулся ни въ ту, ни въ другую сторону, послѣдовательные приверженцы лорда Ливерпуля не могутъ противиться Канингу.

Въ этомъ отношеніи, дѣло виговъ, дѣйствительно, тождественно съ дѣломъ министровъ, вышедшихъ изъ кабинета. Обѣ партіи сдѣлали то же самое возраженіе, и ихъ нужно одинаково осуждать или оправдывать. Если скажутъ, что возвышеніе Канинга не было благопріятно католическому дѣлу, тогда виги, конечно, заслужили упрекъ въ непослѣдовательности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается и единственная причина, которою прежніе министры оправдывали свой выходъ изъ кабинета; и трудно будетъ смотрѣть на это дѣйствіе иначе, какъ на коварное средство для причиненія неприятностей сотоварищу, которому они завидовали. Если, съ другой стороны, вліяніе этой перемѣны было таково, что *противники* эманципаціи должны были *отказаться* отъ всякихъ сношеній съ министерствомъ, то *друзья* эманципаціи должны были *поддерживать* его. Тѣ, которые становятся на одну сторону для оправданія бывшихъ министровъ и на другую—для того, чтобы оклеветать виговъ, тѣ, которые въ одной и той же рѣчи не боятся выставить католическое дѣло потеряннымъ и торжествующимъ,—могутъ легко сдѣлаться смѣшными, но едвали будутъ въ состояніи убѣдить публику въ чемъ бы то ни было. Но зачѣмъ же виги не поставили условіемъ, что немедленно всѣми силами примутся за улучшеніе быта католиковъ? Мы отвѣтимъ на это: единственно по той причинѣ, что они этимъ условіемъ причинили бы невознаградимое зло тому самому дѣлу, которому хотѣли служить; что они этимъ отдали бы правленіе въ руки людей, которые употребили бы всю силу и все вліяніе на то, чтобы поддержать систему постыдную для Англіи и гибельную для Ирландіи. Сдѣлавъ этотъ шагъ, они обезпечили послѣдней всѣ облегченія, которыхъ она въ своемъ несчастіи можетъ ожидать отъ мягкаго примѣненія жесто-

кой системы угнетенія. При ихъ правленіи ни чей интересъ, по крайней мѣрѣ, не потребуетъ покровительствовать ханжеству. Справедливость будетъ противодействовать предразсудку. И разъ недовольство большинства англичанъ противъ требованій католиковъ будетъ уничтожено открытымъ обсужденіемъ вопроса— всѣ преграды будутъ уничтожены.

По правдѣ сказать, католики упустили изъ виду настоящее препятствіе, мѣшающее имъ получить облегченія. Какое-то нервное сопротивленіе, можетъ-быть совершенно естественное недовольство, мѣшало имъ близко ознакомиться съ предметомъ. Но это знакомство въ высшей степени необходимо. По нашему мнѣнію, препятствіе кроется не въ лицѣ короля, не въ кабинетѣ, не въ палатѣ лордовъ, не въ палатѣ общинъ. Оно лежитъ въ англійскомъ народѣ и не въ испорченномъ, низкомъ его слоѣ, но въ большинствѣ среднихъ классовъ, живущихъ въ достаткѣ и пользующихся извѣстнымъ образованіемъ. Большинство высшихъ классовъ, безъ сомнѣнія, на сторонѣ католиковъ; низшіе же классы вовсе о нихъ не беспокоятся. Ложныя мнѣнія объ этомъ предметѣ чаще всего встрѣчаются именно у тѣхъ людей, которые вообще сочувствуютъ добру, которые обыкновенно составляютъ сильнѣйшую опору либеральныхъ министровъ, которые чувствуютъ самое глубокое отвращеніе къ угнетенію и испорченности. Партія, съ которой они не имѣютъ ничего общаго, часто дѣлала изъ нихъ игрушку и отклоняла ихъ взоры отъ собственной низости и глупости тѣмъ, что кричала: «Долой панистовъ!» Они приняли мнѣнія этихъ людей не по недостатку честности и ума, а по недостатку знанія и размышленія. Они думаютъ такъ, какъ думали самые просвѣщенные люди 70 или 80 лѣтъ тому назадъ. Польша и Пельгамъ не дали бы политической власти католикамъ, какъ не дали бы ея оранжъ-утангу. На предложеніе облегчить строгость уголовныхъ законовъ посмотрѣли бы въ то время весьма подозрительно. Подробные переговоры объ этомъ предметѣ произвели съ тѣхъ поръ значительныя перемены. Расположеніе къ уступкамъ сильно между тѣмъ классомъ людей, изъ которыхъ набираются наши министры и члены законодательныхъ собраній. Къ несчастью, никто не

обратилъ должнаго вниманія на женѣ высокой, но весьма почетный и вліятельный классъ. Друзья эманципаціи католиковъ удовольствовались тѣмъ, что въ ихъ рядахъ находятся лучшіе государственные люди двухъ поколѣній, всѣ имена, которыми по праву гордится Англія, и слишкомъ мало боролись съ предразсудками народа. Издаются брошюры противъ эманципаціи и никто не отвѣчаетъ на нихъ. Священники проповѣдуютъ противъ нея и никто не старается сгладить впечатлѣніе, произведенное ими. Ректоръ обходитъ съ просьбою всѣхъ торговцевъ и крестьянъ своего прихода, говоритъ о Смитфильдѣ и инквизиціи, о епископѣ Боннерѣ и судѣ Джеффризѣ, а съ противоположной стороны никто не хлопочетъ о собраніи голосовъ! При выборахъ кандидатъ, благопріятствующій католикамъ, довольствуется обыкновенно оборонительнымъ положеніемъ. Его пугаетъ смѣлое признаніе. Пока его противникъ смѣло увѣряетъ и клевететь, онъ старается успокаивать и увертываться. Онъ не жаждетъ взять на себя обязательства; онъ еще не рѣшился; онъ надѣется, что добьются безопасности церкви; онъ сперва посмотритъ, какъ будутъ вести себя католическія государства Южной Америки! И онъ всѣми силами старается отдѣлаться отъ непріятнаго вопроса и говорить объ ограниченіяхъ, реформахъ, невольничествѣ. Побѣда такого человѣка не принесетъ католикамъ и вполонину столько пользы, сколько онъ повредитъ имъ своимъ колеблющимся поведеніемъ. Какъ же народу понять вопросъ, когда тѣ, которые должны открыть ему глаза, ничего не объясняютъ толкомъ? Мудрено ли, что народу не нравится дѣло, котораго почти-что стыдятся сами поборники дѣла? Еслибъ воѣ наши государственные люди, благопріятствующіе эманципаціи, говорили открыто, сами приступали къ предмету и говорили о немъ каждый день, тогда они лишились бы, можетъ быть, нѣсколькихъ голосовъ, имъ, можетъ быть, подбросили бы нѣсколько дохлыхъ кошекъ; но люди эти сильно пошатнули бы предразсудокъ. Пять или шесть поборниковъ такихъ требованій могли бы двинуться мѣсть въ парламентъ, но требованія прошли бы.

Отвращеніе народа къ этому предмету совершенно честно; сообразно назначеніямъ народа, оно и справедливо. Вездѣ, гдѣ

безстрашно принимались за опроверженіе этого предразсудка— оно удалось, и вездѣ удастся. Не слѣдовало бы оставить безъ возраженія ни одного ложнаго объясненія. Всюду слѣдовало бы начать борьбу. Когда въ провинціальной газетѣ появляется нелѣпое письмо «Фило-Меланхтона» или «Анти-Дойля» о коронаціонной присягѣ и т. п., тогда недостаточно сказать: «Что за бессмыслица!» Нужно вспомнить, что народъ кончить тѣмъ, что повѣрять утвержденіямъ, постоянно повторяемымъ и никогда неопровергаемымъ. Въ каждомъ домѣ должны бы находиться удобопонятныя, интересныя, умѣренныя разсужденія объ этомъ предметѣ, но не злая бессмыслица въ родѣ той, въ которой во времена оны католики сошлись съ самымъ гнуснымъ и ужаснымъ клеветникомъ своего времени, съ неисправнымъ должникомъ, неблагодарнымъ другомъ, котораго Англія два раза выгнала въ Америку и котораго Америка, хотя и вовсе не брезгливая, два раза выбросила назадъ. Вы можете быть увѣрены, что ничего не сдѣлаете въ пользу своего дѣла грубыми оскорбленіями людей, дорогихъ сердцу великаго народа, людей сильныхъ даже въ своей слабости и шудрыхъ въ своемъ фанатизмѣ, мужественныхъ сообщниковъ нашихъ реформаторовъ, великаго войска мучениковъ! Скандалы, распространенные ими насчетъ королевы Елисаветы, и рисунки, въ которыхъ дьяволъ шепчетъ на ухо Джону Фоксу,—все это произведетъ въ людяхъ одно отвращеніе. Для спора нуженъ умъ и юморъ, и тогда исходъ не будетъ подлежать сомнѣнію. Въ одномъ только можете быть вполне увѣрены, что, пока настроеніе народа не измѣнится, министерство, интересы котораго соединены съ его требованіями, дойдетъ до собственной гибели, не сдѣлавъ никому добра.

Поведеніе католиковъ при этихъ обстоятельствахъ было достойно всякой похвалы. Они доказали, что научились наконецъ различать друзей отъ враговъ. Дѣйствительно, въ нашемъ трагикомическомъ мѣрѣ рѣдко разъягрывались болѣе комичныя сцены, чѣмъ тѣ, которыми забавляютъ насъ теперь предводители оппозиціи. Тѣ самые люди, которые такъ долго всѣми силами противодѣйствовали эманципации, которые возбуждали англійскій народъ противъ эманципации, которые отказались отъ должностей

потому, что другъ эманципаціи сдѣлался первымъ министромъ, — эти люди плачутъ теперь о разбитыхъ надеждахъ бѣдныхъ папистовъ, проклинаютъ вѣроломныхъ виговъ, которые приняли должность не поставивъ этихъ условій! Между тѣмъ, католики просіяли, поздравляютъ другъ друга съ успѣхомъ старыхъ друзей и смѣются надъ плачевными фізіономіями новыхъ своихъ поборниковъ.

По отношенію къ парламентской реформѣ происходитъ нѣчто подобное. Приверженцы реформы восхищены новымъ министерствомъ. Противники ихъ стараются доказать имъ, что они должны бы быть недовольны. Намъ кажется, что вигамъ слѣдовало сдѣлать реформу министерскою мѣрою. Выразили ли они цѣлымъ обществомъ рѣшительное мнѣніе объ этомъ предметѣ, мы теперь разсуждать не станемъ. Можно удовлетвориться болѣе короткимъ отвѣтомъ. Хороша ли реформа, или дурна, въ настоящее время она, во всякомъ случаѣ, недостижима. Никто ее не остановитъ и не подвинетъ тѣмъ, что оставитъ министерство. Такъ какъ мы споримъ съ людьми, на которыхъ *одно* имя производитъ больше впечатлѣнія, чѣмъ десять доказательствъ, то мы напомнимъ имъ дѣйствія Питта по поводу этого вопроса. Въ то самое время, когда онъ публично обязывался употребить всю свою силу «какъ честный человѣкъ и министръ» на то, чтобы добиться министерской реформы, онъ сидѣлъ въ кабинетѣ съ положительными врагами этой мѣры. Въ настоящее время, отказаться отъ вступленія въ министерство на основаніи такихъ причинъ было бы столь же нелѣпо, какъ еслибъ сэръ Томасъ Моръ отказался отъ большой печати потому, что не могъ ввести въ Англію всѣ предположенія «*Utopiæ*». Миръ находился бы въ плачевномъ состояніи, еслибъ никто не хотѣлъ служить при такой формѣ правленія, которую онъ считаетъ еще способною къ улучшенію! Послѣдствіемъ такого образа дѣйствій было бы то, что лучшіе и умнѣйшіе люди не принимали бы участія въ правленіи, тогда какъ власть перешла бы къ людямъ или слишкомъ глупымъ, или слишкомъ безчестнымъ чтобы отдать себѣ отчетъ въ недостаткахъ системы, которая можетъ принести имъ пользу; пороки и

глуности такихъ людей увеличили бы только зло, неразлучное съ дурными учрежденіями.

Но положимъ даже, что личные враги настоящихъ министровъ, или клеветники по профессіи, правы въ своихъ нападеніяхъ; положимъ, что министры отказались отъ своихъ принциповъ и обманули католиковъ и приверженцевъ реформы, все-таки остается еще подъ сомнѣніемъ, не могли ли мы попасть еще въ худшее положеніе. Мы надѣемся, что опасности не предстоитъ. Мы надѣемся, что Англія никогда не попадетъ подъ господство партіи, дотога слабой, неуѣренной и эгоистической, какъ настоящая оппозиція. Не составленъ ли кабинетъ посредствомъ коалиціи? Но позвольте и намъ вопросъ: Какъ же составила оппозиція? Не состоитъ ли она изъ людей, всю жизнь враждовавшихъ между собою, оскорблявшихъ другъ друга какъ якобинцевъ, виговъ, торіевъ, друзей эманципаціи католиковъ, враговъ эманципаціи католиковъ, людей, соединенныхъ только общей любовью къ хорошимъ доходамъ, общей завистью къ высшимъ способностямъ, общимъ желаніемъ угнетать народъ и повелѣвать трону? Есть ли такое различіе между лордомъ Лансдауномъ и Каннингомъ, какъ между лордомъ Ридзделемъ и лордомъ Лодердалемъ, бывшимъ игольнымъ фабрикантомъ. Можно ли упрекать министровъ въ отступленіи отъ своихъ мнѣній и не видимъ ли мы иногда примѣры удивительнаго преображенія на лѣвой сторонѣ шерстянаго мѣшка? Какое вліяніе сдѣлало изъ друга народа аристократа, «рѣшившагося побѣдить или пасть вмѣстѣ съ своимъ сословіемъ?» Откуда откровеніе, показавшее вдругъ всѣмъ отставленнымъ министрамъ несовершенство хлѣбнаго закона? Положимъ, что виги, до послѣдней перемены министерства, провели бы въ палатѣ общинъ важную мѣру, передали бы ее лордамъ и вдругъ—для того, чтобы пріобрѣсти поддержку Каннинга—допустили бы уничтоженіе этой мѣры; какая буря проклятій и насмѣшекъ посыпалась бы на нихъ! Между тѣмъ—по всѣмъ свѣдѣніямъ, какія мы могли собрать—повѣденіе бывшихъ министровъ было еще гораздо непростительнѣе. Мало того, что они сдѣлали дурное дѣло, они сдѣлали его еще самымъ дурнымъ образомъ. Они добились уничтоженія за-

кона, предложеннаго вождемъ, котораго они будто-бы безгранично уважали, предложеннаго съ ихъ разрѣшенія, послѣ самаго тщательнаго обсужденія, и представленнаго однимъ изъ ихъ приверженцевъ въ палату лордовъ; уничтожая это предложеніе, они постарались сбросить всю тяжесть общественнаго негодованія на тѣхъ товарищей, которые отступились отъ нихъ. Мы желали бы говорить снисходительно о людяхъ, оказавшихъ прежде важныя услуги государству и изъ которыхъ многіе достойны уваженія. Но промшество, случившееся недавно въ этомъ многочисленномъ собраніи, сдѣлало на весь народъ самое грустное и отвратительное впечатлѣніе; но самое дурное послѣдствіе его то, что оно унизило въ общественномъ мнѣніи не только собраніе, на которое слѣдовало бы смотрѣть съ уваженіемъ, но и репутацію отдѣльныхъ лицъ, побужденія которыхъ намъ не хотѣлось бы заподозривать и прекрасныя качества которыхъ—можно надѣяться—послужать еще въ пользу народа. М-ръ Пилъ къ счастью не такъ опозорился, какъ его товарищи; хотя можно сожалѣть, что тонъ его былъ такой опредѣленный и не двусмысленный. Ему не годилось критиковать ихъ поведеніе. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ чистотѣ ихъ побужденій. Къ тому же, это было 18 іюня—день, въ который герцогъ Веллингтонъ имѣеть, кажется, привилегію творить всякій вздоръ, вплоть до смерти своей! Герцогъ Веллингтонъ былъ, кажется, сравнительно невиненъ въ этомъ дѣлѣ, хотя онъ къ несчастью игралъ очень видную роль. Можетъ быть онъ не довольно внимательно разсматривалъ эту мѣру, пока былъ еще въ должности. Можетъ быть онъ не раскусилъ значенія своего собственнаго несчастнаго измѣненія. Но каковы были побудительныя причины лорда Батгурста? Каковы были онѣ, когда онъ взялся провести билль въ прежнемъ его видѣ? Ничего съ тѣхъ поръ не измѣнилось, кромѣ его собственнаго положенія. Только христіанская любовь, доведенная до сумасшествія, можетъ предположить, что поведеніе его было бы такимъ же, еслибъ онъ былъ еще товарищемъ лорда Ливерпуля или еслибъ онъ былъ въ состояніи соединиться съ Кланнингомъ. Какъ ни преступны всѣ его помощники въ этомъ дѣлѣ, меньше всего оправдать можно его.

И во имя такихъ людей — людей, которые два мѣсяца послѣ выхода изъ министерства, отступились отъ мнѣній, высказанныхъ объ очень важномъ предметѣ какъ разъ предъ выходомъ, — изъ-за этихъ людей мы должны называть настоящихъ министровъ непослѣдовательными и лишенными всякихъ правилъ! И подобные люди идолы тѣхъ, которые имѣютъ такое добродѣтельное отвращеніе къ неестественнымъ коалиціямъ и низкимъ соглашеніямъ! Такіе люди считаютъ себя вправѣ хвастаться чистотою своихъ общественныхъ добродѣтелей и съ негодованіемъ отказываться отъ обвиненія въ эгоистическихъ и пристрастныхъ побужденіяхъ!

Мы долго останавливаемся на этомъ происшествіи потому, что публика получить такимъ путемъ вѣрный взглядъ на практическія правила господъ, которые, въ случаѣ паденія настоящихъ министровъ, непременно займутъ ихъ мѣсто. Называть ихъ образъ дѣйствій только пристрастнымъ — слишкомъ мягкое выраженіе. Они пристрастны насчетъ послѣдовательности и всѣхъ интересовъ народа. Неужели не было другаго пути для того, чтобы привести въ затрудненіе правительство? Развѣ нельзя было найти или создать другой случай для подачи голосовъ? Не могли ли они нарушить другое обязательство, хотя и съ тою же неловкостью относительно себя, но по крайней мѣрѣ съ меньшимъ вредомъ для государства? Неужели было необходимо сдѣлать рычагомъ такой вопросъ, который возбуждалъ страсти народа до послѣдней степени, отъ котораго зависѣло его пропитаніе, — осудить народъ еще на цѣлый годъ волненій и опасностей, которыя они потомъ сами сочли нужнымъ отвратить, предлагая необычайное примѣненіе прерогативы? Для этого есть только одно объясненіе. Они не находились въ должности и желали попасть въ нее. Приличіе, послѣдовательность, благосостояніе и спокойствіе народа — все это не имѣло значенія. Они знали, что этотъ вопросъ разъединилъ людей, дѣйствовавшихъ обыкновенно заодно, и соединилъ людей враждебныхъ другъ другу, и они не задумались противодѣйствовать мѣрѣ, которую сами сострипали и общали провести для того только, чтобы насолить тѣмъ, которые отказались отъ нихъ, и чтобы придать себѣ видъ многочисленной

партіи. По средствамъ, къ которымъ они прибѣгаютъ для оппозиціи, не трудно судить о томъ, что можно ожидать отъ нихъ, если они когда-нибудь попадутъ опять въ должность.

Къ тому же, не слѣдуетъ забыть, что если они попадутъ опять въ должность, товарищами ихъ уже не будутъ люди, высшіе таланты которыхъ обуздывали ихъ и часто принуждали соглашаться противъ воли на полезныя мѣры. Последній министерскій кризисъ навсегда разлучилъ большинство изъ нихъ отъ подобныхъ товарищей; онъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы, соединилъ мудрость, либерализмъ и общественный духъ на одной сторонѣ, а глупость, ханжество и необдуманность—на другой. Если они будутъ властвовать еще разъ, они будутъ властвовать одни!

Они опять завладѣютъ положеніемъ, которымъ они будутъ обязаны не талантамъ, не добродѣтелямъ, не выбору короля или желанію народа, а только поддержкѣ одной олигархической партіи, которая обладаетъ всѣми качествами ненавистными народу,—партіи произвольной, изувѣрной и дерзкой, которая хвастается своимъ презрѣніемъ къ самымъ дорогимъ интересамъ человечества, которая счастлива, когда можетъ доказать народу, какъ мало она заботится о его счастьи!

Министры, возвращающіеся въ должность послѣ такого выхода изъ нея, могутъ надѣяться единственно на эту партію, для поддержки себя противъ общественнаго мнѣнія, противъ воли короля, благородно и мудро исполнившаго свою обязанность, противъ самой уважаемой части аристократіи, противъ страшнаго соединенія всѣхъ величайшихъ государственныхъ людей и ораторовъ настоящаго времени. Люди, мудрость которыхъ высоко цѣнили лордъ Эльдонъ и герцогъ Ньюкастль, полагали, что при союзѣ колдуна съ своимъ «*Spiritus familiaris*» всегда дѣлалось условіе, чтобы способности, даруемыя злыми духами, употреблялись только на дурныя дѣла. Всесильные въ дурномъ, эти слуги сатаны были безсильны для добра. Такого же рода будетъ союзъ эксъ-министровъ — если они когда-нибудь поступятъ опять въ должность — съ единственной партіей, отъ которой они могутъ ожидать поддержки. Для того, чтобы властвовать, они должны

сдѣлаться рабами. Имъ можно будетъ держаться только рабскою покорностью и безграничною расточительностью, предавая народъ угнетенію сперва для пользы, потомъ для увеселенія сильныхъ—разными хлѣбными и охотничьими законами, пенсіями для лорда Роберта и мѣстами для лорда Джона.

Они получаютъ должность съ обязательствомъ противиться всякой реформѣ, вѣчно бороться съ духомъ времени, поддерживать злоупотребленія, значеніе которыхъ народъ съ каждымъ днемъ понимаетъ лучше и лучше. Даже м-ру Пиллю пришлось бы сдерживать свою страсть къ нововведеніямъ, еслибъ онъ имѣлъ несчастіе окончательно сойтись съ этой партіей. Въ высшихъ сферахъ уже слышали ропотъ по поводу его склонности къ либерализму и пришлось бы отказаться отъ всѣхъ плановъ улучшенія нашего законодательства и нашихъ судовъ.

Потомъ придетъ очередь тѣхъ отчаянныхъ и жестокихъ средствъ, въ которыхъ нуждаются только скверныя правительства. Литература мѣшаетъ,—нужны новые законы противъ печати! Составляются тайныя общества,—нужно отмѣнить «Habeas corpus» актъ! Народъ нуждается и волнуется,—нужно сдерживать его силой! Нужно увеличить войско и налоги! Съ этимъ увеличатся нужда и волненія, а затѣмъ придется еще увеличивать войско! Съ народомъ будутъ поступать какъ злая нянька съ ребенкомъ, которая бьетъ его пока онъ не заплачетъ, а потомъ бьетъ за то, что онъ плачетъ!

Мы вполне убѣждены, что эксъ-министры будутъ дѣйствовать такимъ образомъ, если вернутся въ кабинетъ, и что они не въ силахъ будутъ дѣйствовать иначе, еслибъ и желали. И чѣмъ же кончится все это? Мы отвѣчаемъ безъ затрудненія: если пойдутъ дальше по этому пути, если подобныя совѣты и совѣтники будутъ поддерживаемы, дѣло кончится революціей, кровявою, безъощадной революціей, отъ которой содрогнутся самые отдаленные народы и времена. Мы хорошо знаемъ, что средніе классы Англіи привязаны къ своимъ учрежденіямъ, но привязанность эта не слѣпа и не пристрастна. Она видитъ преимущества системы, но видитъ и ея недостатки; и они все сильнѣе желаютъ

днѣстоженіи этихъ недостатковъ. Если правительство будетъ дѣлаться хуже и хуже, а ихъ желаніе улучшенія все сильнѣе и сильнѣе, то исходъ понятенъ. Теперь уже нельзя скрыть, что въ средѣ этого класса возникаетъ республиканская партія, не менѣе французскихъ якобинцевъ смѣлая, парадоксальная, отрицающая значеніе старины, восторженно привязанная къ своимъ цѣлямъ, неразборчивая въ средствахъ, но далеко превосходящая французскихъ якобинцевъ знаніемъ, осмотрительностью, терпѣніемъ и рѣшительностью. Эти люди воспитаны для сильнаго труда. Все, что служить только украшеніемъ, что клонится только къ мягкости и блеску, все это отброшено въ сторону. Остались одни нервы, мускулы и кости. Любовь ихъ къ свободѣ не фантазіи мальчика. Она не питается риторикой и не испарится въ реторику. Они ни во что не ставятъ Леонида, Эпаминонда, Брута. Они говорятъ, что выводятъ свои мнѣнія только изъ доказательствъ, и всегда бываютъ крайне не довольны собою, когда эти мнѣнія выражаются въ романтической формѣ. Философская гордость сдѣлала для нихъ то, что духовная гордость сдѣлала въ прежнія времена для пуританъ: она развила въ нихъ отвращеніе къ изящнымъ искусствамъ, легкой литературѣ и рыцарскимъ чувствамъ. Она сдѣлала ихъ надменными, нестерпимыми и нетерпѣливыми ко всякому превосходству. Несмотря на всѣ ихъ достоинства, эти качества сдѣлаютъ ихъ непопулярными, пока народъ будетъ доволенъ своими правителями. Но при невѣжественномъ и тиранническомъ министерствѣ, противодействующемъ самымъ разумнымъ и умѣреннымъ нововведеніямъ, мнѣнія ихъ распространятся такъ же скоро, какъ и мнѣнія пуританъ, несмотря на ихъ отталкивающія особенности. Публика, выведенная изъ терпѣнія слѣпой привязанностью правителей къ старымъ злоупотребленіямъ, примирится бы съ самыми странными нововведеніями. Въ образованномъ классѣ возникла бы сильная демократическая партія. Въ самыхъ многочисленныхъ и низкихъ слояхъ общества люди, имѣющіе вообще какія бы то ни было мнѣнія, давно уже демократы. Въ нашихъ фабричныхъ городахъ это чувство теперь уже очень сильно, и не мудрено; потому что на такихъ людей недостатки нашей системы дѣйствуютъ всего

чувствительнѣе, тогда какъ выгоды ея сравнительно очень мало отражаются на нихъ. Самое главное для нихъ—достаточное удовлетвореніе необходимѣйшихъ потребностей. Различіе между неограниченной и ограниченной монархіей исчезаетъ, когда дѣло идетъ объ *одной* или *двухъ* трапезахъ въ сутки. Для человѣка, не имѣвшаго завтрака и не предвидящаго ужина, мало утѣшенія въ томъ, что король пользуется ограниченной властью и что въ мирное время войско не можетъ быть увеличено безъ разрѣшенія парламента. Въ этомъ классѣ наше правительство, какъ оно ни либерально,—ненавистно, подобно деспотическому, даже больше. Въ деспотическихъ государствахъ масса не привыкла къ общимъ разсужденіямъ о политикѣ. Даже при самыхъ тяжелыхъ страданіяхъ люди смотрятъ только на ближайшую причину. Они потребуютъ уничтоженія извѣстнаго налога или растерзаютъ ненавистнаго человѣка. Но они никогда не подумаютъ объ уничтоженіи всей системы. Еслибъ Константинополь былъ въ положеніи, въ которомъ недавно находились Манчестеръ и Лидсъ, тамъ подняли бы крикъ противъ великаго визира или противъ булочниковъ. Голова визира была бы выброшена народу изъ-за стѣны серала или горсть булочниковъ испеклась бы въ собственныхъ печахъ, и все остальное пошло бы по старому. Ни одинъ изъ зачинщиковъ не подумалъ бы о томъ, чтобы уменьшить власть султана или потребовать представительнаго Дивана. Но люди, привыкшіе къ политическимъ изслѣдованіямъ, справедливо или несправедливо, приписываютъ свои несчастія недостаткамъ въ основномъ устройствѣ правленія. Таково большинство нашихъ мельниковъ, ткачей и прядильщиковъ. Мнѣніе, что они во время бѣдствія способны на всякую революцію, вовсе не преувеличено. Это допускаютъ всѣ торійскіе писатели нашего времени. Но все это—говорятъ они—происходитъ отъ образованія, во всемъ виноваты либералы. Мы не заставимъ нашихъ читателей терять время надъ опроверженіями подобныхъ замѣчаній. Мы хотимъ только напомнить землевладѣльцамъ и священникамъ, что теперь нужно разсуждать не о причинахъ зла, но о его уничтоженіи и что они будутъ наказаны, чья бы ни была вина, если надлежащія мѣры не будутъ приняты.

*

Исторія Англіи послѣ мира 1815 г. состоитъ почти исключительно изъ борьбы низшихъ классовъ противъ правительства и стараній правительства заглушить эту борьбу. 1816 г. ознаменовался огромными собраніями, тайными обществами и грубымъ распутствомъ. Въ 1817 г. два раза былъ отмѣненъ «Habeas corpus» актъ. Въ 1819 г. снова начались безпорядки. Явились собранія, дотога страшныя, не только по многочисленности, но и по духу, что министерство и парламентъ одобрили повеленіе властей, разогнавшихъ одно изъ этихъ собраній силою оружія. Составили новые законы противъ возмутительныхъ дѣйствій и сочиненій. Между тѣмъ, слѣдующій годъ начался отчаяннымъ и распространеннымъ заговоромъ съ цѣлью убить министровъ и ниспровергнуть правительство. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого происшествія пріѣхала королева. При этомъ случаѣ большинство среднихъ классовъ соединилось съ чернью. Послѣдствія этого соединенія были непреодолимы. Министры и парламентъ не знали что и дѣлать. Билль о наказаніяхъ былъ уничтоженъ и этижъ отвращено страшное столкновение, которое казалось неизбежнымъ. Но происшествія этого года показали, что противъ соединенія злонамѣренной массы и большинства среднихъ классовъ правительство ничего не можетъ сдѣлать не ввергая въ опасность конституцію.

Еслибъ Англія имѣла несчастье попасть подъ управленіе настоящей оппозиціи, подобный союзъ былъ бы не только неизбежнымъ, но и необходимымъ. Въ продолженіе 10 лѣтъ онъ сдѣлалъ бы революціонера изъ каждаго приверженца реформы въ Англіи. Онъ сдѣлалъ бы руководителями массы людей, пользующихся образованіемъ и привычкою дѣйствовать сообща, качествами, недостающими самой инсѣ. Въ физическомъ отношеніи эта корпорація самая сильная въ государствѣ. Подобно іудейскому герою, она скована только своею слѣпотою. Но когда слѣпой великанъ найдетъ руководителя, когда онъ дойдетъ до опоръ государства, когда онъ схватитъ эти колонны—тогда бѣда тѣмъ, кто оскорбляли его или заставляли скованнымъ работать на своихъ мельницахъ!

Мы поэтому вполовину убѣждены, что Англія въ продолженіе одного поколѣнія не можетъ быть управляема такими людьми, какъ лордъ Вестморландъ и лордъ Эльдонъ, безъ страшной опасности революціи, даже еслибъ никакія виѣшнія причины не ускорили ужаснаго кризиса. Но въ нашемъ государственномъ устройствѣ видны еще другіе симптомы, не менѣе опасные, чѣмъ тѣ, которые мы сейчасъ описали. Въ Ирландіи живутъ нѣсколько милліоновъ католиковъ, которые не любятъ наше правительство, но которые всѣми силами души ненавидятъ партію, находящуюся теперь въ оппозиціи. Вся ихъ надежда на полученіе удовлетворенія законнымъ путемъ исчезла бы со вступленіемъ во власть этой партіи; и мы можемъ быть вполнѣ убѣждены въ возобновеніи пропшествій, послѣдовавшихъ за возвращеніемъ лорда Фитцвиллама, только въ гораздо сильнѣйшей степени. Но междоусобная война въ Ирландіи поведетъ почти неминуемо къ войнѣ съ Франціей. Борьба съ Франціей на морѣ и противорѣчія между требованіями нейтральной и воинственной партій поведутъ потомъ къ войнѣ съ Америкой. Потомъ пойдутъ кампаніи въ Канаду и на Яву. Мысль Доброй Надежды потребуетъ укрѣпленія. Лиссабонъ придется защищать. Возьмите самую лучшую сторону этого дѣла! Самую лучшую стороною его будутъ: продолжительная борьба, дорого купленная побѣда, сильное повышеніе уже безъ того очень тяжелаго долга, новые налоги и новое неудовольствіе. Эти пропшествія такого рода, что могутъ случиться при всякомъ правительствѣ, пропшествія, которыя могутъ принести намъ слѣдующій мѣсяць, отъ которыхъ не можетъ вполнѣ оградить даже самый талантливый и честный министръ, но которыя почти неминуемы, если министры доведутъ до отчаянія ирландскій народъ. Кабинетъ, составленный изъ эксъ-министровъ, не могъ бы существовать и года безъ того, чтобы не довести до отчаянія низшіе классы англійскаго народа, предоставляя ихъ эгонистической тирании своихъ аристократическихъ сподвижниковъ; безъ того, чтобы не произвести возстаніе въ Ирландіи и войну съ Франціей.

Одна только надежда осталась нашему отечеству, и эта надежда—либеральное правительство, правительство, умѣренно, но

безостановочно слѣдующее за успѣхами народа, правительство, которое своей готовностью искоренять практическія злоупотребленія получить возможность съ достоинствомъ и успѣхомъ противодействовать предложеніямъ безпокойныхъ теоретиковъ и заслужить довѣріе и уваженіе народа мягкостью и откровенностью своихъ сношеній съ нимъ.

Положеніе Англіи въ настоящее время весьма похоже на положеніе Франціи въ то время, когда Тюрго сталъ во главѣ правленія. Злоупотребленія были значительны, налоги тяжелы и духъ нововведенія господствовалъ въ народѣ. Философъ-министръ постарался поддержать старинныя учрежденія улучшая ихъ. Еслибъ мягкія реформы, предложенныя имъ, были приведены въ исполненіе, народъ былъ бы примиренъ, церковь, аристократія и тронъ—спасены отъ страшнѣйшаго потрясенія. Но куча эгоистическихъ аристократовъ, не понимавшихъ своихъ выгодъ, хотя о нихъ только и заботились Ньюкастли и Салисбѣри Франціи, начали опасаться за свои притѣснительныя права. Крики ихъ превозмогли доброту короля, который былъ бы лучшимъ монархомъ, еслибъ не былъ такъ слабъ. Министра отставили и его мѣсто заняли совѣтники, болѣе благопріятствовавшіе привилегированнымъ сословіямъ; духовенство и дворянство торжествовали.

Началось новое время расточительности и дурнаго управленія, а потомъ появились бѣдность и ужасы. Восторги дворянъ и благодарственные молебны духовенства стаповились все слабѣе. Даже царедворцы роптали и были недовольны. Министры давали беззащитные и разнорѣчивые совѣты; но всѣ голоса покрылъ вскорѣ одинъ голосъ, становившійся все громче и грознѣе,—то былъ страшный и раздраженный крикъ великаго народа, сознавашаго свою силу, доведеннаго до бѣшенства нестерпимыми страданіями и не желавшаго болѣе пробавляться неисполнимыми надеждами. Долго сдерживаемый крикъ поднялся теперь изъ каждаго уголка Франціи, онъ слышался въ пріемной залѣ короля, въ салонахъ дворянъ, въ столовыхъ утопающихъ въ роскоши духовныхъ лицъ. Наконецъ сдѣланы были уступки, потребовать которыхъ под-

даже Людовика XIV считали бы безбояннымъ, который никогда не осмѣлился бы потребовать самые крайніе противники Людовика XV, которыхъ къ счастью до того были бы приняты съ восторгомъ и благодарностью. Но было поздно!

Плѣнный духъ, въ «Тысячъ и одной ночи», обѣщалъ въ началѣ своего заточенія всѣ блага міра тому, кто освободитъ его. Но когда онъ долго ждалъ напрасно, онъ въ бѣшенствѣ поклялся безъ пощады уничтожить своего освободителя. Вотъ благодарность народовъ, доведенныхъ до отчаянія дурнымъ правительствомъ, которое слишкомъ медленно рѣшается на уступки. Первое дѣло по освобожденіи — мщеніе тѣмъ, которые такъ долго не хотѣли давать свободы.

Эта склонность никогда не выказывалась такъ ярко, какъ въ то время, о которомъ мы говоримъ. Злоупотребленія уничтожались съ беспощадною строгостью. Королевская прерогатива, феодальная привилегія, провинціальныя различія — все пало жертвою народныхъ страстей. Имъ давали все, но напрасно! Недовѣріе и ненависть нельзя было такъ легко искоренить изъ сердецъ людей, которые думали, что получаютъ не милость, а вынуждаютъ свои права и вызываютъ порицанія не за то, что не благодарны къ позднимъ благодѣяніямъ, а за то, что забываютъ прежнія оскорбленія.

Послѣдующія событія были неминуемымъ слѣдствіемъ такихъ ощущеній. Воспоминаніе о старыхъ злоупотребленіяхъ дѣлало народъ недовѣрчивымъ и жестокимъ. Опасенія крайностей со стороны народа произвели эмиграціи, интриги съ иностранными дворами и наконецъ всеобщую войну. Потомъ явилось варварство террора, тройственное самодержавіе клубовъ, комитетовъ и общины, организованное беззаконіе, фанатическое богорукство, бойни Шателе и страшныя сватбы Луары. Все достойное народа перешло въ другія руки. Лучшіе и мудрѣйшіе граждане были убиты или сосланы; шпіоны наполняли тюрьмы. Цѣлыя провинціи были опустошены, города разорены; все старое уничтожилось, явилось все новое.

Судорожный припадокъ миновалъ. Рядъ событій привелъ Еур-

вновь опять на французскій тронъ. Сосланные возвратились. Не они возвратились—подобно тѣмъ немногимъ, которые пережили Потопъ,—въ міръ совершенно имъ чужой, въ міръ, гдѣ долины поднялись, горы опустелись, рѣки переѣхали свое русло, гдѣ песокъ и морская трава покрывали вспаханныя поля и валы королевскихъ городовъ. Они возвратились для того, чтобы тщетно искать въ этихъ развалинахъ старой системы, въ бродающихъ основаніяхъ новаго творенія, хоть малѣйшіе признаки того, что жило въ ихъ воспоминаніи. Старыя границы уничтожены! Старые законы забыты! Старые титулы сдѣлались насмѣшками! Достоинство парламентовъ, великолѣпіе іерархій, доктора, споры которыхъ приводили въ безпокойство Сорбонну, толпа людей въ вышитыхъ платьяхъ, толпившихся на мраморной мостовой Версаля, — все исчезло! Гордыхъ и роскошныхъ прелатовъ, обѣдавшихъ на серебрѣ, спавшихъ подъ тяжелыми бархатными занавѣсками, замѣнили священники, которые за лакейское жалованье переносили всякое униженіе и всякій гнетъ. Веселымъ и блестящимъ дворянамъ, изучавшимъ военное искусство какъ благородную страсть, считавшимъ военные чины принадлежностью своихъ фамиліальныхъ правъ, наследовали люди, родившіеся на чердакахъ и въ подвалахъ, воспитанные въ полунагихъ рядахъ революціонной арміи и возвысившіеся собственными достоинствами и страшною храбростію до высокихъ чиновъ, которые составляли смѣшной контрастъ съ ихъ грубыми манерами и необразованнымъ языкомъ. Правительство можетъ забавляться игрою въ деспотизмъ, можетъ снова ввести названіе и обезьянничать привычками стараго двора; но законъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ уничтоженъ и никогда не возстановится! Свобода печати существуетъ, и слабыя попытки министровъ не могутъ подавлять ее надолго! Бастилья разрушена и развалины ея останутся развалинами! Нѣсколько словъ, нѣсколько церемоній, нѣсколько риторическихъ фортъ, — вотъ все, что осталось отъ системы, такъ сильно увековеченной политикою дома Валуа и такъ великолѣпно разукрашенной гордостью «Louis le Grand»!

Романъ ли это? Или это вѣрная картина того, что недавно случилось въ сосѣднемъ государствѣ и можетъ-быть въ скоромъ

времени случится и у насъ? Неужели предостереженіе пройдетъ даромъ? Неужели наши государственные люди такъ скоро забыли судьбу родовъ не менѣ благородныхъ и не менѣ богатыхъ? Неужели они забыли, какъ изящная и утонченная женщина, женщина столь нѣжная и благовоспитанная, что не хотѣла касаться ногою до земли, идолъ вызолоченныхъ гостивныхъ, звѣзда переполненныхъ театровъ, перлъ красоты, повелительница моды, покровительница таланта, была принуждена промѣнять роскошь на работу и зависимость, вздохи герцоговъ и лесть преклонявшихся аббатовъ—на оскорбленія грубыхъ учениковъ и скупыхъ матерей, можетъ-быть даже покупать гнусное пропитаніе цѣною красоты, обворожавшей королевскіе салоны, за кусокъ хлѣба продавать вынужденныя ласки и наосльственные улыбки и попасть изъ чердака въ госпиталь, а изъ госпиталя на общественное кладбище? Забыли ли вы, какъ храбрый и роскошный дворянинъ, потомокъ знаменитыхъ родовъ, съ колыбели предназначенный для высшихъ почестей въ государствѣ и арміи, не переносившій ни малѣйшаго прекословія, страшно мстившій за малѣйшія обиды, — какъ этотъ человѣкъ, съ своимъ высокимъ умомъ, утонченными манерами и безконтрольными привычками, доешелъ до того, что со слезами просилъ кредита въ нѣсколько шиллинговъ, что каждый день долженъ былъ выслушивать невѣрные сряженія грубыхъ мальчиковъ, которые дѣлали на него карикатуры, подражали его иностранному выговору и смѣялись надъ его потертымъ сюртукомъ? Неужели вы все это забыли? Дай Богъ, чтобы вамъ не пришлось вспомнить все это съ позднимъ раскаяніемъ, когда богатѣйшіе города и лучшіе сады будутъ разорены, когда Манчестеръ будетъ похожъ на Ліонъ и Стоу—на Шантпильи, когда *тогда*, кто теперь въ сознаніи своего богатства и высокаго положенія осмѣиваетъ то, что мы писали въ горькой откровенности нашего сердца, будетъ благодаренъ за тарелку супа у дверей испанскаго монастыря или будетъ умолять итальянскаго ростовщика дать ему займы еще пистолу подъ залогъ его креста св. Георгія.

ДУХЪ ПАРТІИ. (СТАТЬЯ I.)

(Октябрь 1827 г.)

Мы намерены прибавить нѣсколько замѣчаній, въ дополненіе послѣдней нашей статьи, (1) нѣкоторыя подробности которой, къ сожалѣнію, были ложно поматы во многихъ почтенныхъ кружкахъ; въ другихъ кружкахъ, отличающихся совершенно другими свойствами, ее показали самымъ грубымъ образомъ. Последнее насъ не удивило.

Положеніе партій и государственныхъ дѣлъ во многихъ отношеніяхъ отличается отъ всего видѣннаго до сихъ поръ въ Англіи. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, собственно со времени окончанія войны, послѣдовавшихъ за французской революціей, разумныя мнѣнія о внѣшней и внутренней политикѣ, подтвержденныя опытомъ, были въ постоянномъ, хотя медленномъ и мир-

(1) Между прочимъ, статью эту приписывали разнымъ замѣчательнымъ государственнымъ людямъ, которые если вообще и видѣли ее—что намъ неизвѣстно—то во всякомъ случаѣ не раньше напечатанія.

нонь прогрессѣ между благоразумными классами народа. По мѣрѣ образованія народа, вліяніе этихъ мнѣній усматривалось во всѣхъ классахъ общества. Они сильно подвинулись въ Англіи, какъ и во Франціи, въ промежутокъ времени между американской и французской революціей. Но послѣднее событіе страшно обмануло надежды, возбужденныя прекраснымъ его началомъ; ужасы беззаконія, потомъ военный деспотизмъ Наполеона и страшныя войны, въ которыя онъ вовлекъ Францію и Европу, которыя въ другихъ отношеніяхъ были ему столь многимъ обязаны, все это придадо ненавистный отбѣнокъ всякимъ измѣненіямъ; люди привыкли смѣшивать реформу съ возмущеніемъ, смотрѣть на друзей свободы и прогресса какъ на людей, желающихъ жертвовать порядкомъ, миромъ и всѣми существующими учрежденіями какому-то нелѣпымъ спекуляціямъ или просто страсти къ нововведеніямъ. Паденіе Наполеона и миръ, послѣдовавшій за французской реставраціей, уничтожилъ наконецъ эти неразумныя предразсудки, вражду противъ самой мудрой политики и клеветы, которыми такъ долго осыпали лучшихъ друзей порядка и существующихъ учреждений. Такимъ образомъ, естественный ходъ воспитанія и знаній принесъ свои плоды; здравыя и просвѣщенные политическія мнѣнія пустили корни. Истина, не задерживаемая больше на своемъ ходу, всюду пробилась себѣ дорогу, и мудрость, не пугаемая больше страшными криками и дѣтскими опасеніями, даетъ свои поученія послушному поколѣнію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, правленіе Англіи было вѣрено людямъ, которые пошли по дорогѣ, совершенно противоположной общественному мнѣнію, которые придерживались самой узкой и ошибочной политики; точно среди общаго прогресса только они и управляемая ими машина стояли неподвижно. Пока финансы и всѣ другія отрасли внутренняго управленія находились въ рукахъ людей не согласныхъ съ старою школою — министръ иностранныхъ дѣлъ, (1) хотя не лишенный въ началѣ либеральныхъ идей и обладавшій большими талантами и умомъ, вступилъ — къ

(1) Лордъ Кастлереъ.

несчастью для страны и для собственной его репутации—въ тѣсных сношеніяхъ съ иностранными государями и лучшими ихъ государственными людьми; вслѣдствіе этихъ сношеній онъ получилъ предубѣжденіе противъ либеральныхъ идей и конституціоннаго правленія, дошедшія до того, что опасенія якобинизма и французскихъ правилъ снова появились въ нашемъ правительствѣ. Всѣ улучшенія въ государственномъ устройствѣ на материкѣ считались революціонными попытками; все, что только могло повести къ перемѣнѣ, будь это самымъ спокойнымъ и мирнымъ путемъ, встрѣчало противодѣйствіе; неограниченная власть считалась единственной гарантіей общественнаго спокойствія и желѣзная сила военной державы — единственнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Эти правила осуществились вскорѣ въ знаменитомъ союзѣ, извѣстномъ подъ именемъ Священнаго союза, котораго сперва всюду боялись, потомъ ненавидѣли, наконецъ презирали. Поддержка мира выставлялась цѣлью этого союза, распространявшагося почти на всю Европу; и государя при этомъ гарантировали другъ другу не только неприкосновенность границъ, но и неизмѣнность внутренняго устройства. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось вернуть завоеванныя Наполеономъ владѣнія, съ помощью народа, которому въ награду было обѣщано представительное правленіе, какъ вдругъ Европа съ удивленіемъ увидѣла, какъ эти самые государя сдѣлались членами Союза противъ всякаго улучшенія, съ тѣмъ чтобы не имѣть возможности сдержать священныя свои обязательства. Чудеса этимъ еще не кончились: соединенные государя вели войну по усмотрѣнію, подъ предлогомъ поддержки мира. Всякій разъ, какъ какой-нибудь государь, по собственному ли побужденію или по принужденію, соглашался давать своему народу свободныя учрежденія, союзники посылали войско для покоренія народа и восстановления неограниченной власти. Недоставало только формальнаго присоединенія Англіи для всеобщаго господства этой гнусной системы и для распространенія ея дѣйствій на самую Англію, о чемъ уже разъ заводили рѣчь. Во время всѣхъ этихъ неслыханныхъ происшествій, гораздо болѣе опасныхъ для народной независимости, чѣмъ самая страшная свирѣпость француз-

ской республики или самые веселыяныя планы Наполеона, жадно было смотрѣть, какъ Англія, бывшая покровительница государственной свободы, защитница всѣхъ угнетенныхъ народовъ, была спокойнымъ зрителемъ, даже слабой игрушкой въ рукахъ низкихъ заговорщиковъ, дѣйствія которыхъ не имѣли примѣра. Вотъ цѣна, которой мы заплатили за то, что нашъ министръ дѣйствовалъ такъ же, какъ посланникъ, и вращался въ обществѣ неограниченныхъ монарховъ и ихъ неотвѣтственныхъ, враждебныхъ всякой конституціи, министровъ. Даже тонъ этихъ дворовъ былъ принятъ въ нашемъ парламентѣ и кабинетѣ; вошло въ обычай осмѣивать все свободное и либеральное, какъ стремленіе низкое и опасное для хорошаго правительства; восхвалять все мелкія правила австрійскихъ надворныхъ совѣтниковъ и осмѣивать ученія новой школы, какъ незнакомыя воинамъ Ватерлоо и Лейпцига или дипломатамъ Вѣны и Ахена. Однако, наши министры одни занимались этими забавами; народъ не присталъ къ нимъ, они не встрѣчали ни симпатіи, ни поддержки въ обществѣ и, какъ только приступали въ парламентѣ къ своимъ любимымъ предметамъ, такъ встрѣчали всегда самый холодный пріемъ.

Между тѣмъ, по вопросамъ внутренней политики въ народѣ, равно какъ и въ парламентѣ, либеральныя мнѣнія одерживали верхъ надъ эгоистическими правилами двора. Наконецъ, послѣ долгаго сопротивленія, правительство перешло къ здравымъ понятіямъ относительно реформы въ системѣ и примѣненіи законодательства. Пока противники его на родинѣ готовили новыя мѣры и ожидали новаго торжества, пока сподвижники его за границу начинали доходить до крайности въ своихъ нападеніяхъ на всякую народную независимость и приступали къ самымъ несправедливымъ мѣрамъ для искорененія свободы — печальная смерть министра (который по нашему мнѣнію ошибался болѣе по необдуманности въ началѣ своей карьеры, чѣмъ по злымъ намѣреніямъ противъ свободы) придала дѣламъ нашего отечества совершенно другой оборотъ и поддѣйствовала благотельно даже на политику другихъ державъ. Мѣсто этого министра занялъ человекъ, стоявшій по талантамъ и направленію несравненно выше

его, хотя и уступалъ ему, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ качествахъ, необходимыхъ для составленія партіи въ парламентѣ; (1) но онъ не придерживался ни одного изъ отвратительныхъ принциповъ, противныхъ всякому улучшенію. Катастрофы, хотя и очень разнородныя, но одинаково неожиданныя, лишили теперь народъ обонхъ государственныхъ людей; (2) мы можемъ разсуждать теперь о нихъ спокойно, не осуждая чрезъ мѣру одного, хотя онъ умеръ какъ разъ въ то время, когда общественное мнѣніе хуже всего относилось къ его политикѣ, и не превознося чрезъ мѣру другаго, потому что онъ умеръ именно тогда, когда система, имъ проводимая, находилась въ своемъ апогеѣ и заставляла людей забывать все то, что случалось прежде.

Прогрессъ либеральныхъ идей получилъ немедленно сильный толчекъ вслѣдствіе поведенія, а еще больше—рѣчей правительства въ 1823 и слѣдующихъ годахъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ постыдныя сношенія съ Священнымъ союзомъ окончились и дальнѣйшія дѣйствія этого Союза сдерживались до такой степени, что теперь едвали можно считать его существующимъ. Вскорѣ послѣдовало признаніе новыхъ государствъ Южной Америки и установленіе торговыхъ сношеній съ ними; ненавистный законъ объ иностранцахъ былъ уничтоженъ и замѣненъ совершенно ничтожными ограниченіями; защитили Португалію, преслѣдуемую испанскими интригами и угрожаемую испанскимъ оружіемъ за то, что она приняла конституціонное правленіе. (3) Равно успѣш-

(1) Извѣстно, что остроумный Каннингъ никогда не могъ удерживаться, чтобы не острить — и иногда очень плохо острить — насчетъ друзей и враговъ. Къ тому же онъ постоянно шутилъ, чего ему никогда не прощали, несмотря на его глубокую логику, блестящее краснорѣчіе и необыкновенный разговорный талантъ.

(2) Каннингъ умеръ 8 августа 1827 г. въ Чизвикѣ, помѣстьѣ герцога Девонширскаго. Онъ болѣлъ всего 8 дней.

(3) Защита Португаліи составляетъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ эпизодовъ карьеры Каннинга. Въмѣсто того, чтобы совѣтовать Португаліи положить оружіе предъ сильнѣйшимъ врагомъ, какъ недавно дѣлалъ лордъ Малемсвѣри, Каннингъ послалъ англійскій флотъ къ Тайо, немедленно по полученіи просьбы о защитѣ, такъ что — въ то

не приѣхавшая на родивъ та политика, которую либеральная партія такъ давно востывала, какъ въ парламентѣ, такъ и въ его. Тягостныя и непопулярныя налоги были уничтожены, между прочимъ и налогъ на судопроизводство; принципы свободной торговли нашли приѣженіе во многихъ случаяхъ, и этимъ открывалась дорога для распространенія этихъ принциповъ на всѣ части нашей торговой системы; нѣкоторыя реформы въ уголовныхъ законахъ, которыя сэръ Сажюэль Ромилъ такъ долго и тщетно старался провести и которымъ слишкомъ успѣшно противодѣйствовали до 1819 г., когда наконецъ сэръ Джемсъ Мэкинтошъ добился учрежденія комитета для разсмотрѣнія этихъ законовъ, эти реформы получили согласіе законодательнаго собранія; реформа законовъ сдѣлалась дѣломъ дотога естественнымъ и пользовалась такою популярностью въ народѣ и при дворѣ, что усовершенствованія были введены и въ другія отрасли юриспруденціи.

Послѣдствія этой счастливой и неожиданной переменѣ въ поведеніи министерства оказались въ положеніи и группировкѣ партій, какъ въ парламентѣ, такъ и въ народѣ, но къ несчастью многіе забыли уваженіе къ принципамъ и послѣдовательности, повинуясь личной враждѣ и злоупотребляя чувствомъ партій. Оппозиція съ радостью поддерживала правительство, видя осуществленіе здоровой и просвѣщенной политики, которую она всегда проповѣдывала. Она не имѣла низкой склонности критиковать способъ приѣженія плановъ, ею же предложенныхъ, съ тѣмъ чтобы придать себѣ видъ послѣдовательности, относительно *мѣру* и въ то же время продолжать вражду съ *лицами*; она была выше той зависти, которая не позволила бы слабымъ умамъ сойтись съ соперникомъ, для того чтобы увеличить его торжество; только необходимость объяснить публикѣ свое поведеніе могла

время, когда не было еще телеграфа.—помощь явилась раньше обѣщанія помочь. Рѣчь, которою Клянингъ объявилъ эту мѣру въ палатѣ общинъ, была блестяща и, по словамъ его біографа, подѣйствовала на парламентъ какъ электрическій ударъ; всѣ члены встали, чтобы по-смотреть на министра.

побудить ее напомнить народу и правительству, какъ долго она поддерживала политику, которая теперь наконецъ успѣшно примѣнялась къ дѣлу. Во все это долгое время (мы говоримъ о парламентскихъ сессіяхъ 1824, 1825 и 1826 гг. и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и о 1823 г.) не происходило ничего такого, что могло бы указать на малѣйшее соглашеніе между партіями, такъ долго враждовавшими между собою; никто не слышалъ о частныхъ сношеніяхъ между предводителями и всеобщій голосъ, сколько намъ извѣстно, признаетъ, что ни къ одному изъ сколько-нибудь замѣчательныхъ политическихъ кружковъ не упоминалось о соглашеніи или даже о попыткѣ къ соглашенію. Одинъ примѣръ можетъ уничтожить всякое недоумѣніе; всякій разъ, когда мѣры министерства были неразумны, противники были на своемъ мѣстѣ, не менѣе воинственные, чѣмъ прежде; рѣдко случались болѣе запальчивыя пренія, въ которыхъ духъ партіи выражался бы съ большей силой, какъ пренія по поводу католической ассоціаціи 1825 г., и даже самые незначительные предметы отъ времени до времени усиливали жаръ враждующихъ партій.

Между тѣмъ, внимательные наблюдатели замѣчали еще другіе признаки, предвѣщавшіе большую переѣмку и болѣе прочное соединеніе. Всѣ знали, что въ самомъ министерствѣ была сильная разладица. Одинъ лагерь поддерживалъ притязанія католиковъ, какъ вполнѣ справедливыя, и считалъ исполненіе ихъ необходимымъ для безопасности государства. Другой лагерь разъ навсегда отказывался приступать къ этому вопросу, говоря, что никакія измѣненія во времени и обстоятельствахъ не заставятъ его переѣмнить свое воззрѣніе. Вотъ уже источникъ раздора, дѣлавшій распаденіе министерства не только естественнымъ, но и неминуемымъ. Но это была не единственная причина. Эти лица расходились во мнѣніи относительно всѣхъ важныхъ принциповъ внѣшней и внутренней политики, которымъ противодѣйствовалъ прежній министръ иностранныхъ дѣлъ (Кастльре) и которые сдѣлались любимымъ ученіемъ его преемника (Каннинга). Лица, расходившіеся съ нимъ, ни въ чемъ не были столь непреклонны, какъ въ вопросѣ о томъ, сохранить ли Ирландію

государству или нѣтъ. Въ этомъ вопросѣ они прямо противодѣйствовали ему, въ другихъ же только задерживали его, позволяя придерживаться либеральной политики почти во всѣхъ пунктахъ, кромѣ самаго важнаго. Нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, что согласіе ихъ исторгалось часто противъ воли, часто изъ опасенія распадаенія министерства; что спокойствіе восстанавливалось часто только общимъ нежеланіемъ дойти до крайности, или внимательствомъ перваго министра и короля. Но во время этой борьбы образовались двѣ партіи, расхлѣбавшіяся во всѣхъ пунктахъ и постоянныя несогласія которыхъ приводили къ частымъ расколамъ; расколы эти, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, простирались не на одни предметы, но и на лица, и вражда обѣихъ партій, раздѣлившихъ кабинетъ, сдѣлалась наконецъ похожею на вражду партій, раздѣляющихъ сенатъ или народъ.

Другое явленіе, имѣвшее соотношеніе со всѣмъ этимъ, все болѣе и болѣе выяснялось: оппозиція дѣлалась мягче и уступчивѣе по мѣрѣ того, какъ разладъ въ министерствѣ усиливался, но это дѣлалось не безъ разбора: она поддерживала *либеральную* часть правленія; на *нее* надѣялась она для уничтоженія злоупотребленій; на *ее* здравыхъ принципахъ лежала надежда оппозиціи на будущность. Поддерживать *ее*, въ ея мудромъ и почтенномъ поведеніи, сдѣлалось необходимымъ для блага отечества, и такъ какъ хорошо было извѣстно, какъ противники либеральной партіи въ кабинетѣ противодѣйствовали ей, оппозиція изъ всѣхъ силъ старалась поддерживать *ее* для того, чтобы превозмочь общаго врага.

1826 годъ начался мѣрами, необходимыми при тогдашнихъ торговыхъ обстоятельствахъ; либеральныя партіи поддерживали ихъ. Послѣдовавшее за тѣмъ засѣданіе замѣчательно по своей незначительности; никогда еще не существовало такъ мало спорныхъ пунктовъ между враждующими партіями въ обѣихъ палатахъ. Затѣмъ послѣдовали новыя общія выборы, и во всемъ была замѣтна разница въ поведеніи оппозиціи относительно либеральной и нелиберальной «партіи правительства его Величества». Новый парламентъ собрался, и вожди оппозиціи высказали самое

искреннее одобреніе дѣйствіямъ относительно Португалии, доводамъ, высказаннымъ въ пользу этихъ дѣйствій, и благородному языку, которымъ высказаны эти доводы. Наступили рождественскія вакаціи, и до этого времени нѣтъ было соглашения между двумя великими частями либеральной партіи, изъ которыхъ одна находилась въ должности, другая въ оппозиціи; но не было даже и рѣчи объ этомъ предметѣ.

Послѣ вакацій, благородный лордъ, стоявшій во главѣ правленія, тяжело заболѣлъ, и былъ принужденъ отказаться отъ своей должности на нѣсколько недель. (*) Вопросъ, кѣмъ его замѣнить, всегда беспокоилъ его со товарищей, потому что вліяніе его въ кабинетѣ было значительно, и хотя онъ въ ирландскомъ вопросѣ принялъ нелиберальныя мѣрныя партіи до крайности нетерпимой и неразумной, но въ другихъ предметахъ онъ склонялся на сторону ея противниковъ; личное уваженіе, которымъ онъ пользовался всюду, и долгая его дружба съ предводителемъ той стороны дѣлали его способнымъ снести давленіе отъ насильственной смерти, которая его повидимому ожидала. Но если замѣненіе перваго министра всегда представляло большія трудности, то теперь положеніе дѣлъ заграничній и раздѣленіе партій до крайности запутывали это обстоятельство. Нѣкоторыя проществія въ парламентѣ и прежде всего то, что случилось какъ разъ предъ вакаціями, доказывали, какую сильную поддержку либеральная часть кабинета найдетъ въ оппозиціи какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его; а оппозиція была тогда единственной сильной партіей въ обѣихъ палатахъ и пользовалась огромнымъ большинствомъ во всѣхъ сословіяхъ государства. Можно было предвидѣть, что вся враждебность партій исчезнетъ, какъ только Калнинитъ сдѣлается первымъ министромъ, и что оппозиція постарается поддержать его систематически въ умной политикѣ, которую онъ проводилъ съ такимъ талантомъ. Не менѣе ясно было и то, что, очисти онъ министерство, немедленно образуется полное согласіе между тѣми, которые на дѣлѣ были

(*) Лордъ Ливертъ имѣлъ одно изъ этихъ и другихъ заболеваний.

союзниками, уже нѣсколько дѣтъ. И такъ либеральная часть кабинета торжествовала бы вполне, еслибъ консервативная отказалась отъ должности, тогда какъ послѣдняя не могла предвидѣть никакой возможности удержаться въ случаѣ собственнаго торжества и изгнания своихъ противниковъ изъ должности.

При такихъ обстоятельствахъ дѣло было ясно, и противникамъ Кларкинга въ кабинетѣ оставалось только или смириться, или оставить службу въ случаѣ его призванія къ должности. Онъ былъ очевидно въ такомъ положеніи, что могъ предписывать свои условія, между тѣмъ какъ противники его не могли оставаться въ министерствѣ безъ его поддержки, ни составить оппозицію его министерству. Изъ двухъ дорогъ, покоренія или отставки, они выбрали вторую, отчасти изъ личной вражды, отчасти же изъ политическихъ видовъ, потому что противники не могли служить при человѣкѣ столь различныхъ правилъ не отказываясь отъ своихъ. Послѣ недолгихъ бесполезныхъ переговоровъ и попытокъ составить чисто торійское министерство, — попытокъ, которыя, говорить, вовсе не сочувствовалъ король и которыя умѣншіе изъ нихъ сами признавали отчаянными, — они все безъ исключенія отказались отъ службы и оставили короля безъ совѣтника и страну безъ правленія.

Мы впрочемъ вовсе не намѣрены осуждать превосходныхъ людей, такъ неожиданно и, какъ говорится, безъ всякаго согласія рѣшившихся на такой шагъ. Личное честолюбіе могло оправдывать его, а несогласіе въ главныхъ предметахъ сдѣлать его необходимымъ. Всякій пойметъ перемѣну, которая должна была произойти въ католическомъ вопросѣ отъ того, что главный поборникъ его становился на мѣсто злѣйшаго его врага. Мы очень хорошо понимаемъ, какъ враги этой великой мѣры чувствовали невозможность дѣйствовать подъ предводительствомъ Кларкинга (какъ въ правительствѣ, такъ и нижней палатѣ), но намъ гораздо менѣе ясно, какъ они могли такъ долго допускать перевѣсъ Кларкинга въ кабинетѣ, до политической смерти лорда Ливерпуля. Выходъ въ отставку одного изъ членовъ нельзя было объяснить ни личными, ни политическими причинами; мы гово-

*

ринъ о лордѣ Мельвилѣ, дѣйствіа котораго въ его важной должности ⁽¹⁾ встрѣтили всеобщее одобреніе. Мнѣніи его какъ объ ирландскихъ, такъ и объ англійскихъ вопросахъ были всегда на сторонѣ либераловъ, и никто не зналъ, какія непріятности могли бы разлучить его съ тѣми, съ которыми онъ сходился въ принципахъ. Сожалѣя о его отставкѣ, ее можно было объяснить только предположеніемъ, что преувеличенное чувство долга заставило его дѣйствовать заодно съ своими товарищами; такого рода мысли конечно не могли уменьшить къ нему уваженія, хотя можно было желать, чтобы онъ современемъ измѣнился. О выходѣ м-ра Пидя тоже можно было сожалѣть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; въ последнее время онъ выказывалъ склонность, которую слѣдуетъ поощрять въ чиновникахъ, склонность изслѣдывать злоупотребленія въ системѣ судопроизводства и въ практическомъ ея примѣненіи; онъ принялъ нѣкоторые изъ принциповъ и содѣйствовалъ даже примѣненію тѣхъ самыхъ мѣръ, которыя такъ давно и съ такою неутомимостью предлагали вожди либеральной партіи. Но хотя можно было сожалѣть объ отставкѣ Пидя, ни одинъ честный человекъ не могъ осудить его за это, и причина тому была ясна; его отставка была совсѣмъ не то, что отставка лорда Мельвила; если только онъ дорожилъ своею репутациею и желалъ быть хоть нѣсколько послѣдовательнымъ, онъ *не могъ* оставаться въ должности, по крайней мѣрѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и служить при Каннингъ, который такъ близко сошелся съ католиками. Пока этотъ вопросъ не былъ рѣшенъ, выходъ его изъ министерства казался почти неминуемымъ, такъ какъ всѣ знали, что друзья его не могутъ составить кабинета; а его желаніе самому составить кабинетъ казалось намъ болѣе чѣмъ проблематическимъ, такъ какъ мы глубоко убѣждены, что интересъ его не лежитъ въ исполненіи этого плана, потому что онъ почти во всѣхъ другихъ вопросахъ принялъ либеральную политику лицъ, оставшихся въ министерствѣ.

(1) Военное министерство.

Вотъ вамъ простая исторія недавняго министерскаго кризиса, составленная по фактамъ извѣстнымъ всѣмъ; мы не имѣли случая воспользоваться тайною исторіею, для разъясненія запутанныхъ обстоятельствъ. Хотя въ числѣ многихъ нелѣпныхъ и преднамѣренныхъ несправедливостей, высказанныхъ по этому предмету, не встрѣчается обвиненія въ тайномъ соглашеніи между либеральными министрами и вождями оппозиціи, до вакацій святой недѣли, однако, во время этихъ праздниковъ, распускали самыя бессмысленныя толки о вѣроломствѣ и крючкотворствѣ—то относительно оппозиціи, то относительно министровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что толки о соглашеніи начались немедленно послѣ паденія министерства; и никто изъ тѣхъ, кто внимательно слѣдилъ за предъидущимъ разговоромъ, не усумнится въ томъ, что въ этомъ не было ничего противнаго чести и честиности съ одной стороны и послѣдовательности съ другой. Впрочемъ, оппозиція долго колебалась, вступить ли ей въ должность. Она знала, что нѣкоторые изъ министровъ противились требованіямъ католиковъ; нѣкоторые изъ вигскихъ вождей считали невозможнымъ служить вмѣстѣ съ ними. Вслѣдствіе этого, многіе лица, не чувствовавшіе подобныхъ сомнѣній, не хотѣли однако вступить въ кабинетъ, въ которомъ существовало разногласіе по поводу такого важнаго предмета и который могъ предвидѣть сопротивленіе такихъ уважаемыхъ друзей.

Къ счастью для нашего отечества, къ счастью для репутаціи этихъ государственныхъ людей сильнаго, послѣдовательнаго и мужественнаго характера, эти сомнѣнія были уничтожены. Составился кабинетъ изъ либеральной части стараго министерства и вождей оппозиціи; къ нимъ присоединились два или три человѣка другихъ политическихъ мнѣній, но ихъ ошибки—намъ позволять называть это настоящимъ именемъ—и ихъ высокое положеніе давали народу гарантію противъ слишкомъ поспѣшныхъ и необдуманыхъ попытокъ ввести усовершенствованія, которыя лишь при постепенномъ примѣненіи могутъ уничтожить все зло нашего внутренняго устройства.

Парламентская сессія началась многими жалобами и нѣкото-

рыми угрозами. Мы не любимъ останавливаться на тяжелыхъ воспоминаніяхъ. Мы надѣемся, что спокойное размышленіе сдѣлаетъ возвращеніе къ этому воспоминанію столь же бесполезнымъ, какъ оно и несправедливо. Вскорѣ нападенія на министерство остались исключительнымъ дѣломъ людей, о которыхъ мы при всемъ желаніи говорить съ *возможнымъ* уваженіемъ — можемъ сказать только то, что вліяніе ихъ на народъ и жѣсто, ими занимаемое въ сраженіи, находились въ вѣрномъ отношеніи къ ихъ внутреннему достоинству. И что противники ихъ могли чувствовать всегда нѣкоторое удовлетвореніе, хотя и не гордость, въ томъ, что были пѣльми ихъ нападеній.

За окончаніемъ засѣданія послѣдовала неожиданная смерть перваго министра, воспослѣдовавшая слишкомъ рано для отечества, хотя и не слишкомъ рано для его собственной славы; государь, пообразно желанію народа, повелѣлъ учредить правительство на основаніи тѣхъ же принциповъ. Перехвѣна, хотя и не въ самомъ кабинетѣ, послѣдовала за этимъ событіемъ. Главкомандующимъ войскъ сдѣлался снова человекъ, бывший лучшимъ ихъ украшеніемъ, человекъ, который по вашему мнѣнію никогда не долженъ былъ бы сойти съ высокаго положенія, занятаго имъ вслѣдствіе своей мудрости, храбрости и необыкновеннаго счастья — для того, чтобы вмѣшаться въ мелкія дрязги дюжинной политики. — Мы ничего не говорили о нѣкоторыхъ министрахъ, отказавшихся отъ должности; но мы полагаемъ, что народъ не очень оплакиваетъ ихъ. Послѣ необыкновенно долгаго времени, проведеннаго ими на службѣ, отставка ихъ не могла показаться преждевременною, и хотя одинъ изъ этихъ ветерановъ пользовался громкимъ именемъ и всѣ они были въ полномъ обладаніи своихъ способностей, тѣмъ неменѣе общественное мнѣніе не выказывало склонности горевать о нихъ, пока не убѣдятся, что правленіе преемниковъ ихъ будетъ хуже. Мало по малу они перешли въ какую-то наблюдательную оппозицію, нѣчто въ родѣ обсервационнаго корпуса. Каково бы ни было мнѣніе о новой оппозиціи, при воспоминаніи о прежнихъ ея заслугахъ, одно достоверно, что никто не ожидалъ, чтобы они имѣли много случаевъ выказаться въ новомъ своемъ положеніи, такъ какъ по-

все министерство было популярно, какъ въ одно прежнее министерство, и оно пользовалось благосклонностью короля въ высшей степени.

Всякій разсудительный и сколько-нибудь откровенный человекъ согласится, что въ дѣйствительной помощи, оказываемой новому правительству нѣкоторыми членами оппозиціи, принявшими должность, и въ менѣе дѣйствительной, но вполнѣ безкорыстной помощи другихъ, не принявшихъ должности, одинаково нѣтъ ничего противнаго духу и принципамъ партіи. Мы утверждаемъ, что послѣдняя коалиція составилаь согласно лучшимъ принципамъ нашей исторіи; этого, впрочемъ, никто и не отрицалъ.

Необходимость считалась всегда единственнымъ оправданіемъ коалицій партій; она дѣлалась или для производящихъ вредному влиянію, или для расширенія принциповъ, которые всѣ члены этихъ коалицій считали необходимыми для блага отечества. Нѣкоторые люди злоупотребляли этимъ правомъ или скрѣпе обязанностью государственныхъ людей изъ честолюбія, корысти или по другимъ эгоистическимъ причинамъ; они соединялись для того, чтобы добиться лучшихъ условій отъ короля, отъ своихъ противниковъ или отъ публики; они въ дѣйствительности соединялись по личнымъ причинамъ, а не потому, что расходились съ своими противниками или сходились съ своими приверженцами; но никогда еще безстыдство ихъ не доходило до того, чтобы сознаваться въ этихъ побужденіяхъ; испорченность ихъ всегда платила дань добродѣтели и они говорили, что дѣйствовали сообща потому, что сходились въ принципахъ, отвергаемыхъ другими партіями. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда спорный пунктъ былъ крайне ничтоженъ и сводился собственно на личности, они всѣми силами софизма старались увеличить его значеніе, чтобы имѣть достаточное оправданіе и скрыть настоящую причину. Такъ напримѣръ, когда большинство вигговъ, къ несчастію для своей репутаціи и блага страны, соединились съ лордомъ Нортонъ противъ лорда Шельборна и воспротивились миру, къ которому стремились такъ долго, они и не думали сознаваться, что побужденіемъ ихъ къ этому несчастному

шагу было желаніе доставить одному изъ своихъ приверженцевъ мѣсто въ казначействѣ; еще меньше совмѣщались они съ тѣмъ, что пожертвовали своими принципами относительно американскаго вопроса изъ личной мести къ старому товарищу и для достиженія высшей должности. Они говорили, будто новый министръ измѣнилъ свое мнѣніе относительно американской независимости; что онъ не намѣренъ наказывать индійскія злодѣянія; что онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ противозаконнымъ стремленіямъ двора, силившагося дѣйствовать самостоятельно посредствомъ своихъ клеветовъ. Противники обвиняли ихъ въ личныхъ побужденіяхъ и говорили, что назначеніе перваго министра было настоящей причиной ихъ отставки. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что если люди, соединенные одинаковыми принципами, замѣчаютъ въ своихъ противникахъ перемену въ пользу этихъ принциповъ, то образъ дѣйствій ихъ долженъ измѣниться? Самая обыкновенная честность относительно отечества и самая простая послѣдовательность требуютъ, чтобы оппозиція переставала существовать съ той минуты, какъ прекратилось единственное различіе, вызвавшее и оправдывавшее оппозицію. Тотъ, кто остается въ оппозиціи, когда нѣтъ уже политическаго разногласія, доказываетъ ясно, что побужденія его были корыстны и личны, какъ бы хитро онъ ни замаскировывалъ ихъ мнимыми принципами. Ясно, поэтому, что виговъ можно было бы обвинить въ томъ же, еслибы они отстранились отъ партіи Клинтона, съ которой не расходились ни въ одномъ важномъ пунктѣ.

Но мы можемъ выставить этотъ предметъ еще яснѣе. Коалиціи всегда допускались и считались даже долгомъ государственныхъ людей, когда онѣ были необходимы для государственнаго блага. Въ 1757 г. министерство лорда Чатама составилось изъ всѣхъ враждующихъ партій, и отечество наше дошло до апогея своей славы. Фоксъ и Боркъ опирались на этотъ случай для защиты коалиціи съ лордомъ Нортонъ, и хотя факты не вполне оправдывали это примѣненіе, но противъ принципа нельзя было ничего сказать. Коалиція между Фоксомъ и Питтомъ, которую многіе старались устроить въ 1784 и 1804 гг.,

не имѣла другаго оправданія, какъ необходимость дать странѣ сильное правительство. Соединеніе лорда Грививилля съ вигами, въ 1804 г. и послѣ, основывалось на единомысліи въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ и на рѣшеніи пожертвовать маловажными пунктами и личными побужденіями въ пользу важной цѣли и тѣхъ великихъ принциповъ, въ которыхъ они сходились. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, преимущественно въ послѣднемъ, существовало не мало различія въ принципахъ; не только вигъ и тори, альянсистъ и реформаторъ должны были соединиться, но во время войны виновники ея дѣйствовали сообща съ самыми закоренѣлыми ея противниками. Между тѣмъ всё оправдывали это соединеніе, потому что незначительныя побужденія должны были уступить мѣсто значительнымъ и въ важныхъ вопросахъ всё члены были одного мнѣнія. Въ настоящемъ случаѣ было бы, однако, трудно найти вопросы, въ которыхъ бы союзники расходились: католическій вопросъ, монета, свобода торговли, реформа судопроизводства, внѣшняя политика, независимость Южной Америки — во всѣхъ этихъ вопросахъ они много лѣтъ боролись на одной сторонѣ; во всѣхъ этихъ вопросахъ они сообща боролись противъ министровъ, недавно отказавшихся отъ должности; тогда какъ, за исключеніемъ парламентской реформы, относительно которой члены одной и той же партіи расходились, не было ни одного пункта раздора. Два, даже одинъ изъ этихъ важныхъ предметовъ могъ оправдывать соединеніе, еслибы люди расходились во всѣхъ прочихъ предметахъ. Но такъ какъ они сходились во всемъ, можетъ ли кто-нибудь утверждать, что соединеніе не было долгомъ, когда они только этимъ путемъ могли провести общіе принципы и оградить правительство отъ общихъ противниковъ?

Говорили, будто въ настоящемъ кабинетѣ есть люди враждебныя католикамъ. Кромѣ прежнихъ общихъ доводовъ, мы приведемъ еще два замѣчанія. Впервыхъ, три члена во всемъ кабинетѣ, да еще такіе, которые не виѣютъ ничего общаго съ первымъ министромъ и управленіемъ Ирландіи, — не могутъ уничтожить либерализмъ и терпимость, которыя поддерживаются единомысліемъ министра со всѣми другими членами. Въ вторыхъ, такая критика

звучить несколько странно въ устахъ старикъ присерженцевъ и товарищей Фокса, которые въ 1789 г. составили министерство съ лордомъ Шелльборномъ, хотя этотъ послѣдній впоследствии сознался, что они расходились съ нимъ во многихъ отношеніяхъ и соединились съ нимъ по совѣдью охотно; лордъ Тейло, который всю жизнь противодействовалъ ему, былъ однако хранителемъ большой печати во время американской войны. Но еще страннѣе слышать такое замѣчаніе отъ человѣка, засѣдашаго въ послѣднемъ министерствѣ Фокса! Неужели забыто, какъ были составлены кабинетъ 1806 г.? Во главѣ его стоялъ лордъ Гренвилль, товарищъ и родственникъ Питта; главный поборникъ первой войны и виновникъ второй; составитель письма къ Наполеону, которое было причиной продолженія войны послѣ 1800 г.; упорный врагъ реформы и открытый покровитель Виллсона въ Индіи. Противъ него стояли Фоксъ и Грей, оба поборники мира и реформы; защитники Индіи; потомъ еще Виндгамъ и лордъ Фитцвильямъ, «представители злобы Божьей», какъ новые ихъ товарищи часто говорили о нихъ, люди, столь же превосходившіе Гренвилля въ ненависти къ миру, сколько приверженцевъ Фокса въ любви къ войнѣ. Правда, всѣ эти великіе люди одинаково поддерживали требованія католиковъ; но другіе члены кабинета столь же сильно противодействовали этимъ требованіямъ, какъ напримеръ лордъ Элиотъ-воро, лордъ Сидмутъ, который получилъ должность именно въѣздстве вражды къ этому вопросу. Между тѣмъ Фоксъ и Грей сочли нужнымъ, по политическимъ причинамъ, участвовать въ этомъ кабинетѣ, гдѣ интересы Ирландіи принимались такъ мало въ расчетъ, что о нихъ и не упоминали иначе какъ для незначительныхъ мѣръ, отъ которыхъ немедленно и отказывались. Правда, несмотря на все равногласіе, это постронное министерство совершило одно великое и справедливое дѣло: оно уничтожило торговлю невольниками; но это случилось не потому, чтобъ оно было единодушнѣе по поводу этого предмета, чѣмъ по поводу уголовныхъ законовъ, которыхъ оно не тронуло; лордъ Сидмутъ, лордъ Мойра и лордъ Фитцвильямъ были закли-

гше враги этой мѣры и Виндгамъ былъ можетъ быть самымъ укорытымъ изъ враговъ, если только не считать ихъ: (1)

Мы говорили теперь о двухъ возраженіяхъ, выставляемыхъ двумя весьма различными классами противниковъ настоящей коалиціи—крайними торіями, которые называютъ коалицію неестественною и непослѣдовательною, составленною только изъ-за властолюбія, и очень почтенными членами старой вигской партіи, нападенія которыхъ были менѣе опредѣленны, но которые были, кажется, недовольны тѣмъ, что въ ней участвовали нѣкоторые изъ прежнихъ ихъ враговъ; послѣднее возраженіе можно дѣлать противъ каждой коалиціи. Отвѣтъ на эти нападенія простъ и ясенъ. Непослѣдовательною можно назвать то, когда люди продолжаютъ бороться послѣ того, какъ нѣтъ уже различія въ мнѣніяхъ; совершенно неестественно было бы нападать на естественныхъ союзниковъ и соединиться съ естественными врагами; неуваженіе къ принципамъ выказалъ бы тотъ, кто пожертвовалъ бы своимъ долгомъ относительно отечества личнымъ побужденіямъ, кто искалъ бы удовлетворенія личныхъ чувствъ, которыя не дѣлаются менѣе личными и болѣе пріятными отъ того, что состоятъ изъ ненависти, ревности и злобы.

Но мы перейдемъ теперь къ другому вопросу, а именно къ тому, почему соединившись виги съ Каннингомъ, когда они соединившись могли добиться совершеннаго переворота? Мы вовсе не думаемъ, чтобы такой переворотъ былъ лучше соединеннаго министерства; мы твердо убѣждены, что это соединеніе было пріятнѣе какъ народу, такъ и двору; но мы отвѣчаемъ на вопросъ, какъ онъ былъ доставленъ, и отвѣчаемъ на него—по нашему убѣжденію—предлагая другой вопросъ: что могло удержать Каннинга соединиться съ прежними своими союз-

(1) Намъ не заподозрять въ томъ, что это найдъ взглядъ на министерство 1806 г.; мы показываемъ только, въ какомъ свѣтѣ могли смотрѣть на факты враги его по тѣмъ же причинамъ, по которымъ нѣкоторые члены этого министерства нападаютъ теперь на настоящее правительство.

ликами и удовольствоваться второстепеннымъ мѣстомъ, — рѣшеніе, къ которому принудили бы его виги? Если онъ ошибся въ оцѣнкѣ своихъ новыхъ союзниковъ, если увидѣлъ, что все ихъ уваженіе къ общимъ принципамъ не могло пересилить эгоистической жажды власти или не менѣе эгоистической ненависти къ нему, не имѣлъ ли онъ тогда права не довѣрять имъ и предпочитать любое правительство, дѣлающее ихъ устраненіе долговременнымъ? Положимъ даже, что онъ палъ бы, но развѣ ему не было возможности сойтись снова съ своими прежними товарищами; развѣ невозможно было, чтобъ это соединеніе привело къ паденію партію, показавшую такъ мало умѣренности, что лишилась симпатіи двора, партію, показавшую такое неуваженіе къ принципамъ, что потеряла всякій кредитъ въ странѣ? Можно привести еще случай, но всѣ считаютъ его невозможнымъ; мы говоримъ о соединеніи виговъ съ вышедшими министрами для противодѣйствія либеральному товарищу. Мы впередъ признаемъ такую немовѣрную непоследовательность невозможною. Они этимъ опровергли бы всѣ свои принципы и сдѣлали бы это только для того; чтобы силою завладѣть правленіемъ или бѣснѣть прежняго противника, поведение котораго во всѣхъ великихъ вопросахъ политики вызывало въ послѣднее время громкое ихъ одобреніе. Имъ такъ же мало можно было думать о такомъ образѣ дѣйствій, какъ теперь почтеннымъ и достойнымъ людямъ, — о выходѣ: которыхъ изъ министерства мы сожалѣемъ не менѣе всего народа, — можно думать о соединеніи съ людьми, расходившимися съ ними во всѣхъ вопросахъ, и съ помощью ихъ низвергнуть министерство, съ которымъ сходятся во всѣхъ отношеніяхъ.

Во всѣхъ нашихъ замѣчаніяхъ мы, надѣемся, не выронили ни одного слова, которое могло бы показать неуваженіе къ принципамъ партіи, столь необходимой для существованія свободнаго правительства. Во всѣхъ нашихъ сужденіяхъ мы опираемся на соединеніе людей однородныхъ мнѣній. Во всѣ хорошія времена и у лучшихъ людей такое соединеніе всегда считалось полезнымъ для государства и почетнымъ для отдѣльныхъ лицъ. Тѣмъ неменѣе, невозможно отрицать, что по мѣрѣ того, какъ народъ просвѣщается и принимаетъ болѣе постоянное участіе въ управ-

леніи своими собственными дѣлами, подобныя соединенія дѣлаются менѣе необходимыми и пользуются уже не такимъ уваженіемъ какъ прежде; и мы думаемъ, что никогда еще то, что называется «партіей», не было такъ мало популярно и не имѣло такъ мало вліянія на массу народа, какъ именно теперь. Можно утвердительно сказать, что въ послѣднее время старанія и личное вліяніе отдѣльныхъ лицъ дѣлали гораздо больше для поддержки могущества партій, чѣмъ могущество партій—для огражденія своихъ членовъ. Къ тому же въ послѣднее время возникли новыя политическія секты; различіе, даже названія роялистовъ, якобинцевъ, виговъ, торіевъ, партій двора и народной партіи—скоро вымираютъ. Два великіе отдѣла общества сдѣлаются вѣроятно скоро болѣе извѣстными, а именно: либералы и нелибералы, между которыми раздѣлятся голоса народа, но конечно весьма неровно.

Но это устройство будетъ ново не по имени только; народъ раздѣлится иначе чѣмъ прежде; коалиція государственныхъ людей, личное уваженіе и взаимная довѣренность которыхъ произвели такое счастливое соединеніе, распространится на весь народъ. Нѣкоторые изъ старыхъ вопросовъ, раздѣлявшихъ виговъ и торіевъ, существуютъ и понынѣ; въ нихъ-то либеральная партія и сходится, какъ бы она ни называлась. Вилльерфордъ всегда говорилъ, когда онъ взвѣшивалъ значеніе этихъ вопросовъ, въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ еще расходились, что онъ не желалъ бы признаться въ томъ, что онъ тори. Единственное послѣдствіе ученій, вызывающихъ подобное соединеніе, будетъ вѣроятно полезно государству и развитію здравыхъ понятій; излишества будутъ избѣганы; перемены въ нашей системѣ произойдутъ постепенно, и этимъ обойдутъ единственную опасность для существованія или успѣха либеральнаго правленія—реакцію противъ него; потому что всѣ поймутъ, что нами управляютъ люди, великія качества которыхъ стоятъ подъ контролемъ здравой разсудительности и поведеніе которыхъ всегда согласно съ практической мудростью.

... в то время, когда мы говорили о положении партий и составе министерства, доверенность и надежды народа были сосредоточены не столько, которымъ, король передалъ управление, въ такой мѣрѣ, какъ прежде почти не бывало. Неожиданная и досихъ поръ не объясненная перемѣна поколебала эту доверенность и уменьшила надежды. Мы не исподнили бы нашего долга, еслибы не прибавили еще нѣсколько словъ къ прежнимъ замечаніямъ; намъ руководствуетъ не чувство партій, но самое искреннее участіе къ интересамъ государства и къ либеральнымъ принципамъ, которыми еще такъ недавно руководствовалося правительство какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ.

ДУХЪ ПАРТІИ. (СТАТЬЯ II.)

(Января 1838 г.)

Въ послѣдній разъ, когда мы говорили о положеніи партій и составѣ министерства, доверенность и надежды народа были сосредоточены не столько, которымъ, король передалъ управление, въ такой мѣрѣ, какъ прежде почти не бывало. Неожиданная и досихъ поръ не объясненная перемѣна поколебала эту доверенность и уменьшила надежды. Мы не исподнили бы нашего долга, еслибы не прибавили еще нѣсколько словъ къ прежнимъ замечаніямъ; намъ руководствуетъ не чувство партій, но самое искреннее участіе къ интересамъ государства и къ либеральнымъ принципамъ, которыми еще такъ недавно руководствовалося правительство какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ.

Между недавно предшествовавшей перемѣной министерства и перемѣной прошлой весны существуетъ та разница, что, говоря о послѣдней, намъ не приходилось прибѣгать къ тайной исторіи для объясненія фактовъ, такъ какъ долготѣнная дѣятельность соединенныхъ партій всегда имѣла естественный исходъ изъ всѣхъ трудностей; напротивъ того, недавно происшедшая перемѣна

никакъ не можетъ быть объяснена лучше известными фактами изъ прежней исторіи и лицъ, соприкосновенныхъ съ нею; и онея много объясняется анекдотами или другими мѣстами тайной исторіи, известными до сихъ поръ любящимъ. Послѣдствіе его Клининга и Гескиссона, равносвѣдущихъ съ герцогомъ Веллингтономъ и лордомъ Батлеромъ, усть которыхъ оны на соглашались и въ одномъ пунктѣ, и соединившихся съ лордами Карлейлемъ, Ласкелломъ и м-ромъ Титни, съ которыми давно уже не расходились во мнѣніяхъ, было совершенно естественно и не требовало объясненій или комментариевъ. Точно также естественно было и то, что лордъ Говландъ и м-ръ Брумъ (1) всѣми силами поддерживали новое министерство, такъ какъ члены его хотѣли дѣйствовать въ пользу принциповъ, за которые такъ долго стояли эти господа. Ты же самъя принципы упрямая союзъ и послѣ смерти Клининга, потому что союзъ этотъ состоялся и сохранился вслѣдствіе соглашенія въ принципахъ.

Все это легко объяснить не ссылаясь на тайные договоры и интриги при дворѣ. Не менѣе понятно и то, что при жизни Клининга, какъ и послѣ смерти его, новое министерство постоянно подвергалось безпощаднымъ нападкамъ со стороны своихъ прежнихъ товарищей, ихъ приверженцевъ въ парламентѣ и клеветовъ внѣ его. Вражда герцога Веллингтона въ палатѣ лордовъ и вражда м-ра Пиза въ палатѣ общинъ—были естественны; нельзя считать неестественнымъ и то, что менѣе разумные друзья этихъ господъ уходили дальше въ своихъ нападкахъ, чѣмъ предусмотрительные ихъ вожди. Маркизь Лондондерри и лордъ Эленборо представили разнообразныя образчики своего ораторскаго таланта, которые походили бы на филиппики и которые доставили бы этимъ благороднымъ личностямъ первое мѣсто между ораторами вѣка, еслибъ запальчивость всегда соединялась съ силою или возможностью вредить не уступала желанію. Основой всѣхъ этихъ бурь была ненависть къ Клинингу и къ либеральной политикѣ, которой онъ держался

(1) Владимиръ лордъ Брумъ, сынъ лорда Брума, который былъ членомъ палаты общинъ и министромъ финансовъ въ 1830 году.

въ послѣднее время, порѣшить съ прежними предразсудками и привычками прежнихъ лѣтъ. Все это было естественно и не удивляло никого, кромѣ развѣ болтливости лорда Эдлингтона, которая обратила всеобщее вниманіе на Каннинга и выставила его таланты къ преніямъ въ такомъ выгодномъ свѣтѣ, что всѣ начали цѣнить ихъ по достоинству и можетъ-быть даже выше.

По смерти Каннинга, эти господа доброевѣстия продолжали свою систему ядовитыхъ ругательствъ, которые, говорятъ, ускорили смерть его, такъ какъ силы его уменьшились вслѣдствіе неоднократныхъ болѣзненныхъ припадковъ, дѣйствовавшихъ разрушительно на слабое его сложеніе. Память его черпали безъ мѣры и безъ приличія. Отвратительный журналъ, — призванный органъ высокоцерковной партіи и, подобно всѣмъ органамъ этой партіи, извѣстный своими гнусными нападеніями на репутацію самыхъ чистыхъ людей, — этотъ журналъ отличился тѣмъ, что высказалъ адское обвиненіе въ атеизмѣ противъ умершаго и еще не погребеннаго министра. Все это легко объяснить тогдашнимъ составомъ и состояніемъ партій. Сущность и приемы этихъ нападеній характеризуютъ людей, отъ которыхъ они исходили. Каждый звѣрь, говоритъ Гиббонъ, имѣетъ свой опредѣленный крикъ, вой, шипѣнье или лай.

Теперь, однако, мы подходимъ ко времени чудесъ и должны говорить о фактахъ, необъяснимыхъ простыми доказательствами. Мы должны вѣрить, что кое-что случилось, потому что вѣшнихъ доказательствъ достаточно; внутренняго же смысла вовсе нѣтъ, и слѣдуетъ замѣтить, что никто не считалъ бы эти дѣянія возможными, пока бы они въ самомъ дѣлѣ не случились.

Лордъ Годрикъ, сдѣлавшійся главою правленія, вскорѣ доказалъ полную свою неспособность къ такому положенію въ такое время. Личныя его достоинства и таланты неоспоримы; знанія его сильно увеличились въ то время, какъ онъ занималъ трудный постъ канцлера казначейства; привязанность его къ либеральнымъ политическимъ принципамъ доставила ему заслуженную популярность и уваженіе мыслящихъ и разумныхъ людей. Мы поэтому вовсе не соглашаемся со всѣми партіями стра-

ни въ неуваженіи, съ какимъ онѣ говорили, что никогда еще человекъ не преувеличивалъ до такой степени своей силы или суровости своихъ чувствъ,—или какъ бы ни вазывалась способность, необходимая для веденія дѣлъ,—какъ этотъ почтенный человекъ въ несчастную минуу, въ которую онъ сталъ во главѣ министерства. Правленіе его было рядомъ дѣйствій, обличавшихъ слабость; онъ то поддавался настояніямъ своихъ друзей, противъ собственнаго убѣжденія, то беспокоился по поводу угрозъ легкомысленныхъ враговъ, отказался наконецъ отъ должности не зная собственно, какъ онъ дѣйствовалъ прежде, и возвратился въ должность не зная какъ ему дѣйствовать въ будущемъ. Такого рода правленіе никакъ не могло держаться и, если не передать веденіе дѣлъ другому лицу, оставалось только два исхода: или правленіе должно было рушиться само собою, или быть убитымъ первымъ ударомъ, нанесеннымъ ему самой нелѣпой изъ оппозицій, когда-либо служившихъ посмѣшищемъ народа. Случилось первое обстоятельство; и лордъ Элленборо съ сэромъ Томасомъ Летбриджемъ лишились славы нанести ему смертельный ударъ.

Здѣсь мы, однако, остановимся и спросимъ, зачѣмъ сослуживцы лорда Годрика допустили его возвращеніе къ должности? Не слѣдовало ли имъ сразу настоять на томъ, чтобы получить болѣе способнаго предводителя? Кто сомнѣвается въ томъ, что король съ радостью согласился бы на это предложеніе? Нѣсколько мѣсяцевъ до того онъ настоятельно просилъ лорда Лансдауна не выходить въ отставку, такъ какъ этимъ рушилось министерство, къ членамъ котораго, равно какъ и къ принципамъ, онъ чувствовалъ самую искреннюю привязанность. Въ промежутокъ времени ничего не случилось такого, что могло бы уменьшить довѣріе и благосклонность короля. Ничего не случилось кромѣ обыкновенной болтовни салоновъ и обыкновенныхъ проказъ высокоцерковной партіи, которая ежедневно, хотя и не больше чѣмъ прежде, извергала ругательства, клеветы и богохульства, для того чтобы согнать съ мѣста всякаго царедворца или министра за исключеніемъ лорда Годрика. Публика поэтому, въ полномъ правѣ спросить: почему кабинетъ не сдѣлалъ

такого предложенія королю? Это могло быть умышлено только потому, что нѣкоторые члены вовсе не дорожили своими мѣстами, а другіе изъ деликатности къ товарищу забыли свой долгъ относительно государства, управленіе которымъ они приняли на себя. Лордъ Годрикъ не выказывалъ такой деликатности къ нимъ. Онъ не выказалъ много такта въ обсужденіи собственныхъ способностей для веденія верхней палаты и кабинета. Онъ отказался въ подчиненіи лорду Лансдауну, человѣку, сильно превосходившему его по талантамъ, опытности и положенію; онъ принялъ на себя управленіе совѣтомъ короля самымъ послѣднимъ и необдуманнѣйшимъ образомъ. Въ награду за его неуваженіе къ справедливымъ требованіямъ другихъ они имѣли слабость отказать отъ собственныхъ, справедливыхъ требованій, желая щадить его чувства.

Дальнѣйшія приключенія составляютъ еще тайну; публична не получила еще достовѣрныхъ свѣдѣній. Все что извѣстно—что лорды Лансдаунъ и Карлейль и м-ръ Тирни со всѣми ихъ приверженцами оставили министерство и что мѣсто ихъ заняли м-ры Госкиссонъ и Грантъ, лорды Додли и Пальмерстонъ, вѣстѣ съ герцогомъ Веллингтономъ, лордомъ Батгурстомъ и другими врагами либеральной политики и личными противниками Клиннига; нельзя пропустить и имени лорда Элленборо, котораго герцогъ Веллингтонъ сдѣлалъ спикеромъ въ палатѣ лордовъ.

Болѣе всего распространенный и еще не опровергнутый рассказъ не вселяетъ намъ довѣрія, такъ какъ мы уважаемъ людей, къ которымъ онъ относится. М-ръ Геррисъ, человѣкъ, совершенно неизвѣстный ни народу, ни парламенту, сдѣлался главнымъ комиссаромъ, потомъ завѣдующимъ штатными суммами и достигъ наконецъ крайнихъ предѣловъ своего поприща, сдѣлавшись секретаремъ казначейства. Вдругъ, говорятъ, почувствовалась необходимость сдѣлать его канцлеромъ казначейства, и онъ сдѣлался имъ! Не имѣя ни власти, ни знатности, ни таланта къ дебатамъ, ни какого бы то ни было вліянія, онъ принялъ говорить тою авторитета и власти. Говорятъ, что когда предводитель нижней палаты, Госкиссонъ, потребовалъ, чтобы лордъ

Альторнъ сдѣлался предѣдателемъ финансоваго комитета, этотъ невообразимо счастливый чиновникъ грозилъ отказаться отъ должности, если будутъ настаивать на этомъ планѣ. Сперва узнаемъ мы, что Госкиссонъ настаивалъ на своемъ требованіи и высказалъ ту же угрозу и что лордъ Лансдаунъ и Карлейль и м-ръ Тирни поддерживали его. Они рѣшили взять отставку вмѣстѣ съ нимъ, если ему не уступать; замѣтимъ мимоходомъ, что это былъ довольно важный пунктъ, такъ какъ дѣйствіе финансоваго комитета зависѣло отъ этого. Послѣдующіи событія имѣютъ такъ мало связи съ предъидущими, что трудно рѣшить, найдется ли когда-нибудь подобный примѣръ того, что логика называетъ «*non sequitur*». Въ первомъ дѣйствіи лорды Лансдаунъ и Карлейль съ м-ромъ Тирни соединяются для содѣйствія Госкиссону въ борьбѣ съ Геррисомъ; занавѣсъ поднимается для втораго дѣйствія и м-ры Госкиссонъ и Геррисъ сидятъ дружески въ одномъ и томъ же кабинетѣ, а м-ры Лансдаунъ, Карлейль и Тирни совершенно вытѣснены изъ должности и мѣста ихъ заняты ультра-торіями! Мы выставимъ факты такъ, какъ объ нихъ вездѣ говорили, и прибавляемъ только, что съ трудомъ вѣримъ всему этому. Правда, до сихъ поръ не было еще другаго изложенія этихъ фактовъ. Дѣло это интересно собственно для партій; интересъ же народа сосредоточенъ въ немъ только потому, что характеръ государственныхъ людей составляетъ также народное достояніе.

Одинъ изъ главныхъ актеровъ въ этой странной драмѣ, м-ръ Госкиссонъ, имѣлъ случай изложить дѣло, насколько оно касалось его; нельзя было, однако, ожидать, чтобы онъ пустился въ большія подробности въ виду своихъ избирателей, и по прочтеніи его исторіи мы остаемся въ томъ же мракѣ, какъ и прежде. Мы видимъ однако одинъ хорошій знакъ, на который указываемъ съ непритворнымъ удовольствіемъ. Пословица уже говоритъ, что люди склонны ненавидѣть тѣхъ, кого оскорбили. Итакъ, или м-ръ Госкиссонъ по великодушію составляетъ исключеніе изъ этого правила, или онъ убѣжденъ, что не сдѣлалъ ничего дурнаго, потому что онъ честно и безкорыстно хвалитъ своихъ прежнихъ товарищей, говоря, что во всю жизнь не имѣлъ

*

счастія знать людей съ болѣе здравыми принципами и болѣе чистыхъ и честныхъ въ политикѣ, какъ лорды Лансдаунъ, Карлейль и м-ръ Тирни.

Послѣ этой высокой рекомендаціи, справедливость которой никто не отвергнетъ, всякое выраженіе одобренія было бы съ нашей стороны неумѣстнымъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что единственнымъ обвиненіемъ, на которое намекали въ продолженіе всѣхъ этихъ происшествій, была слишкомъ большая забота о репутации въ послѣдовательности и, можетъ быть, слишкомъ большое неуваженіе къ посту министра. Въ обоихъ обвиненіяхъ есть своя доля справедливости. Государственные люди должны дѣйствовать по совѣсти и рассчитывать на то, что послѣдовательность ихъ будетъ признана современемъ даже врагами. Кромя того, они должны бы уважать министерскій портфель, какъ средство приносить пользу народу, и не упускать позволенныхъ средствъ для поддержки своихъ притязаній. Мы говоримъ это, чтобы показать, что мы не слѣпы къ превосходнымъ личностямъ, о которыхъ упоминали такъ часто.

Объ одномъ изъ нихъ намъ придется поговорить подробнѣе, потому что видимъ, къ крайнему сожалѣнію, что поверхностные люди упрекаютъ его въ слабости по отношенію къ недавнимъ промшествамъ. Положеніе его было исключительно и деликатно. По причинамъ, которыхъ мы не хотимъ осуждать, король не считъ удобнымъ сдѣлать его первымъ министромъ. Подчиненный, превосходящій своихъ начальниковъ по силѣ, исполняетъ всегда самую трудную задачу. Если же скромность его такъ же велика, какъ его таланты, положеніе его становится вдвое неприятнѣе. Никто изъ тѣхъ, кто наблюдалъ за мужественнымъ, твердымъ и устойчивымъ поведеніемъ лорда Лансдауна, за сдержанностью его при обстоятельствахъ, составлявшихъ сильное испытаніе для человѣка молодаго и пылаго, не усумнится въ томъ, что онъ въ сильной степени одаренъ рѣшительностью и стойкостью; что сила и мужество его выказались бы въ самомъ блестящемъ свѣтѣ, еслибы онъ занялъ мѣсто достойное по общему мнѣнію его талантовъ, какъ скромно онъ самъ ни думалъ о себѣ. Въ положеніи, которое онъ занималъ недавно, и окру-

женный товарищами въ родѣ тѣхъ, съ какими ему приходилось работать, всякое другое поведеніе, кромѣ того, котораго онъ держался, заслужило бы гораздо худшее обвиненіе въ безпокойствѣ и несдержанности.

Не слѣдуетъ забывать къ тому же, что лордъ Лансдаунъ занималъ должное положеніе въ кабинетѣ—мы говоримъ по отношенію къ лорду Годрику—и вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ въ парламентѣ вовсе не ту поддержку, которую имѣлъ право ожидать. Причулм съ одной стороны, крайняя совѣстливость съ другой, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ непрактическая мудрость, въ другихъ раздражительный или неподатливый темпераментъ, иногда же нетерпѣливое желаніе попасть въ министерства—отняли у него ту поддержку, на которую онъ имѣлъ право рассчитывать, еслибы обдумалъ важность коалиціи для поддержки принциповъ, въ которыхъ онъ признавался сообща съ своими друзьями, и еслибы чувствовалъ жертву личнаго удобства, которую приносилъ самъ въ пользу хорошаго дѣла. Но обстоятельства сложились иначе, и тѣ, кто отказали въ поддержкѣ системѣ, которую сами уважали, равно какъ и тѣ, которые скупы и неохотно поддерживали его, могутъ упрекать преимущественно самихъ себя въ недавно происшедшей пережѣнѣ. Мы не можемъ не упрекать и тѣхъ, которые подъ словомъ «наблюденія» скрывали холодность и даже отчужденіе; такое равнодушіе не менѣе вредно, нежели вражда. Мы надѣемся, что размышленіе и опытъ дадутъ большинству этихъ почтенныхъ людей урокъ практической мудрости, которую Фоксъ высказалъ въ столь замѣчательныхъ словахъ: «гораздо лучше предоставить другу немного, чѣмъ врагу все.»

Мы не чувствуемъ большой склонности говорить о составѣ и надеждахъ новаго министерства. Будетъ ли оно пользоваться содѣйствіемъ лорда Годрика, еще не извѣстно; можетъ быть онъ еще не рѣшился дѣлать съ ними отвѣтственность. Что м-ръ Геррисъ принадлежитъ къ нему, довольно ясно; но м-ру Госкиссону удалось по крайней мѣрѣ вытѣснить его изъ казначейства; другая борьба переведетъ его можетъ быть въ комиссаріатъ или въ темные закоулки дѣсовъ! Военный министръ финан-

совъ составляетъ новость, по крайней мѣрѣ для Англіи, но мы не желаемъ заниматься такимъ предметомъ. Остатокъ друзей Камминга далъ намъ открытое увѣреніе въ томъ, что либеральные товарищи ихъ дали имъ обѣщанія и гарантіи въ томъ, что новое правленіе будетъ придерживаться либеральной вѣншей и внутренней политики. Свобода торговли, дешевый хлѣбъ, небольшіе налоги, реформа судопроизводства, наблюденіе за излишними расходами—все это очень важно для народа, хотя это не болѣе какъ то, чего онъ имѣетъ право требовать. Мы поэтому будемъ ожидать этихъ благъ, и надѣяться, что Ирландія, въ пользу которой не сдѣлано условій, будетъ въ состояніи вести переговоры и выиграть свое дѣло сама.

ВИРГИЦІЯ.

ПѢСНЯ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ДРЕВНЯГО РИМА.

Плебеи, люди съ любящей
И вѣрною душой,
За васъ трибуны смѣлые
И вы за нихъ — горой!
Ко мнѣ, въ кружокъ! и слушайте
Съ вниманьемъ мой рассказъ
О томъ, что Римъ терпѣлъ и что
Потерпитъ онъ не разъ.
Не басни расскажу я вамъ,
Какъ, напримѣръ, о томъ,
Что гдѣ-то есть ключи, всегда
Кипящіе виномъ.
О чудныхъ косахъ дѣвичьихъ,

Подобныхъ кольцамъ змѣй,
О томъ, какъ были моряки
Превращены въ свиней...
Нѣтъ, рѣчь о происшествіи
Кровавомъ поведу,
Случившемся на фѳорумѣ
У римлянъ на виду.
Тому ужъ семьдесятъ семь лѣтъ,
Но старцы есть у насъ,
Что видѣли тотъ страшный день
И подтвердятъ рассказъ.

Мы проклинаемъ имена
Всѣхъ децемвировъ злыхъ,
Но Аппій Клавдій—самый злой
И худшій былъ изъ нихъ.
Онъ гордо, какъ Тарквиній—царь,
По фѳоруму шагаль,
Конвой изъ дикторовъ всегда
Его сопровождалъ,
Идя съ сѣкирами вокругъ
Владыки своего,
И разбѣгались граждане,
Завидѣвши его,
Косясь на этотъ низкій лобъ,
Что вѣчно хмурилъ онъ,

На этот ротъ, что былъ всегда
Насмѣшкой искривленъ...
И слуги стояли его:
Вездѣ, гдѣ Аншій былъ,
За нимъ подобострастно Маркъ,
Его клиентъ, ходилъ;
И, шею вытянувъ впередъ,
Въ глаза ему смотрѣлъ,
Готовый тотчасъ исполнять
Все, что патронъ велѣлъ.
Такихъ рабовъ межъ греками
Видали мы не разъ:
Они играютъ роль щутовъ
И сводниковъ у насъ,
За деньги дерзкая толпа
Такихъ рабовъ свистить,
Когда достойный нашъ трибунъ
Лициній говоритъ.
Гдѣ пролить медь, навѣрно тамъ
И мухи закишатъ;
Гдѣ падалъ брошена, туда
И вороны летятъ.
Всегда есть жадные багры,
Гдѣ требуха плыветъ,
Всегда подобный господинъ
Подобныхъ слугъ найдетъ.

Обычною тревогою

Взойдыванъ форумъ былъ;
 Съ ужасной свитою своею
 Тамъ Аппій проходилъ.
 Случилось такъ на этотъ разъ,
 Что тою же порою
 Прекрасная Виргинія
 Изъ школы шла домой.
 Безпечно шла она вблизи
 Сверкающихъ сѣкиръ,
 Которыми былъ окруженъ
 Надменный децемвиръ.
 Въ своей невинности рѣзва;
 Безпечна, весела, —
 Увы, — не знала дѣвушка,
 Что много въ мѣрѣ зла;
 Не вѣдала, что значить въ немъ
 Безчестье и позоръ,
 И не понятенъ былъ для ней
 Мужчины наглый взоръ...
 Веселой беззаботности
 И рѣзости полна,
 Дорогой пѣла пѣсенку
 Старинную она.
 Вспорхнувъ изъ зелени хлѣбовъ,
 Такъ жаворонокъ поетъ,
 Направивъ къ яснымъ небесамъ
 Стремительный полетъ.
 И Аппій увидалъ ее...
 И вдругъ зажгла въ немъ кровь

Проклятыхъ этихъ Клавдіевъ
Проклятая любовь.

И къ дѣвухѣ свои глаза
Онъ жадно приковаль
И взглядомъ коршуна ее
Черезъ форумъ провожалъ...

Верхи албанскихъ темныхъ горъ
Свѣтъ утра озарилъ;
Изъ трубъ домовъ Семи Холмовъ
Дымъ къ небу восходилъ;
Ворота города, стуча,
Давно ужъ отперлись.
Купцы и покупатели
На форумъ собрались, —
И ожилъ онъ и закипѣлъ
Ихъ пестрою толпой,
Шумя, гудя и суетясь,
Какъ пчель жужжащій рой,
И громко зазвнѣла мѣдъ
У мѣдника въ рукахъ,
И раздавался весело
Тотъ звонъ и шумъ въ ухахъ;
Рѣзва, игрива пѣсенка
Фруктовщицы была,
И весело Виргинія
Изъ дома въ школу шла.
Не шла она, а прыгала

Подъ радостный напѣвъ...
 Увы! тебѣ, Виргинія,
 Краса всѣхъ римскихъ дѣвъ!
 Идетъ она, подобная
 Сіяющей звѣздѣ,
 Идетъ она, не думая
 О горѣ и стыдѣ,
 Все напѣвая пѣсенку
 Старинную свою,
 И дошла до точки ужъ тою,
 Гдѣ я теперь стою.
 Какъ вдругъ явился этотъ Маркъ,
 Но не таковъ, какъ былъ
 Когда съ улыбкою раба
 За Аппіемъ ходилъ:
 Теперь онъ гордо выступалъ,
 Съ нахмуреннымъ челомъ,
 Съ надутой важностью въ лицѣ
 И сжатымъ кулакомъ.
 И на пути Виргинію
 Холопъ остановилъ,
 И, съ дерзкой наглостью, ее
 Вдругъ за руку схватилъ.

И закричала дѣвушка,—
 Былъ страхъ ея великъ,—
 Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ
 На этотъ громкій крикъ:

Съдой мѣняло Кристь, за нимъ
Торговецъ Галло тожъ,
И Волеро мяснигъ, держа
Окровавленный ножъ,
Кузнецъ Мурена, съ полосой
Желѣзною въ рукахъ...
Всѣ, кто какъ былъ, къ 'Виргиніи'
Сбѣжались въ поныхахъ:
Всѣ знали это милое,
Прекрасное дитя,
И кланялись ей каждый день,
Привѣтливо шутя,—
И здоровеннѣйшій кузнецъ
Нанесъ ударъ такой
Холону Марку гнусному
Тяжелою рукой,
Что тотъ пустилъ Виргинію
И на земь полетѣлъ;
Однако всталъ, взглянулъ вокругъ
И злобно прохрипѣлъ:
«Она моя! я требую
Лишь своего: она
Моей рабою родилась
И тайно продана
Въ тотъ годъ, когда былъ страшный моръ—
Всѣ помнятъ этотъ годъ:
Какъ мухи гибнулъ кучами
Напуганный народъ.—
Ее украли у меня,—

Въ тотъ день лишились мы
 Двухъ авгуровъ и консула,
 Погибшихъ отъ чумы.
 Теперь я Аппію служу,
 Отцу его служилъ,—
 О, горе тѣмъ, кто Клавдіевъ
 Кліента оскорбилъ.»

Такъ говорилъ негодный Маркъ
 И страхъ всѣхъ оковаль;
 При грозномъ словѣ «Клавдіи»
 Народъ затрепеталъ.
 Тогда вѣдь было некому
 Вступить за него.
 Трибуна городъ не имѣлъ
 Въ тѣ дни ни одного.
 Теперь Лициній доблестный
 И Секстій есть у насъ:
 Они спасали бѣдняковъ
 Отъ гибели не разъ,
 И могутъ слово грозное
 За нихъ произнести,—
 Тогда жъ весь Римъ покоренъ былъ.
 Жестокимъ Десяти.
 Но не пришлось опять схватить
 Кліенту—наглецу
 Виргинію, прильнувшую
 Въ испугъ къ кузнецу:

Изъ—за безмолвныхъ зрителей,
Стѣснившихся толпой,
Пробился съ нетерпѣніемъ
Ицилій молодой.
Онъ въ гнѣвѣ разорвалъ свою
Одежду на груди,
И, топнувъ въ бѣшенствѣ ногой,
Сталъ смѣло впереди,
На столбъ, который многими
Пѣвцами былъ воспѣтъ,
Гдѣ три заржавѣвшихъ меча
Висятъ ужъ съ давнихъ лѣтъ,
И подалъ знакъ, чтобы толпы
Вниманіе привлечь,
И громкимъ яснымъ голосомъ
Сказалъ такую рѣчь:
«Квириты! заклинаю васъ
Красой родныхъ полей,
Костями вашихъ прадедовъ
И жизнію дѣтей,
Возстаньте, чтобъ избавиться
Отъ тягостныхъ оковъ,
Не то—вы вѣчно будете
Носить клеймо рабовъ.
За тѣмъ ли мудрость Сервія
Законы намъ дала
И кровь свою Лукреція
Невинно пролила?
За тѣмъ ли въ грозномъ мщеніи

Погибнулъ родъ царей,
 И Брутъ съкиру обагрилъ
 Въ крови своихъ дѣтей?
 Гнетъ властелина *одного*
 Мы не могли снести:
 Ужели вѣкъ намъ трепетать
 Подъ игомъ *Десяти?*
 Льва побѣдили мы—теперь
 Намъ кротъ внушаетъ страхъ!
 Ужели духъ отцовъ погасъ
 Въ испорченныхъ сынахъ?
 Отцы сражались много лѣтъ
 Въ защиту правъ своихъ,
 Мы жъ потеряли все, что намъ
 Завѣщано отъ нихъ!
 Все съ бою ими взятое
 Исчезло точно тѣнь,
 И плодъ шестидесяти лѣтъ
 Погибъ въ единый день!
 Ликуйте же, патриціи!
 Жестокая борьба
 Окончилась—и торжествомъ
 Вѣнчала васъ судьба!
 Сражались мы за почести —
 Напрасная война!
 Свободы добивались мы —
 Но гдѣ теперь она?
 Ужъ нѣтъ глашатаевъ, чтобъ насъ
 На форумъ созывать,

Трибуновъ нѣтъ, чтобъ слабаго
Отъ сильныхъ защищать;
Подъ вашимъ гнетомъ преклонясь,
И волю, и умы,
И свой, когда-то гордый, духъ —
Вамъ покорили мы!
Богатства, земли, блескъ и власть
Въ тотъ злополучный часъ
Достались вамъ—такъ пусть же все
Останется при васъ:
Одежды пышныя жрецовъ
И пурпуръ на плечахъ,
И ликторы съ сѣкирами
И связками въ рукахъ,
Курульныя сѣдалища,
Лавровыя вѣнки...
Насильно забирайте насъ
Опять въ свои полки,
Пусть будутъ ваши житницы
Наполнены зерномъ
Той почвы, что приобрѣли
Мы собственнымъ мечемъ.
Какъ злая язва, что растетъ
Черна и глубока,
Пусть ваша жадность гнусная
Пьетъ соки бѣдняка.
Терзайте, мучьте вы своихъ
Несчастныхъ должниковъ,
Какъ нѣкогда вы мучили,

Терзали ихъ отцовъ,
Въ тѣхъ клѣткахъ, гдѣ такъ холодно
Суровою зимой,
И душно и нѣтъ воздуха
Въ палящій лѣтній зной,
Гдѣ кандалы и, къ этому,
Пукъ розогъ не одинъ
Припасены заботливо.
Для нашихъ ногъ и спинь...
Мы родились свободными,
Но, позабывъ о томъ,
Себя съ покорностью овецъ
Вамъ въ руки предаемъ.
Замучьте насъ оковами,
Пусть льется наша кровь,
Но прочь отъ насъ жестокая
Патриціевъ любовь!
Или красавицъ молодыхъ
У васъ недостаетъ,
Которыя отъ консуловъ
Ведутъ свой знатный родъ,
И созерцаютъ, съ гордою
Улыбкой на губахъ,
Свою надменную красу
Въ коринескихъ зеркалахъ;
Что въ колесницахъ, разрядясь,
По улицамъ летятъ
И на глазъющую чернь
Съ презрѣніемъ глядятъ?

Плебеевъ вы уже и такъ
Ограбили давно.
Вы взяли все почти у нихъ—
Оставьте жъ имъ одно...
Одно, чѣмъ жизнь ихъ горькая
Становится сноснѣй:
Любовь отрадную ихъ женъ,
Сестеръ и дочерей...
Избавьте отъ позора насъ,
Избавьте насъ отъ той
Обиды неизгладимой,
Которая порой
Способна сердце робкое
Отвагой закалить
И въ пламя кровь холодную
Лѣнивца превратить...
Когда жъ у насъ послѣдняя
Надежда пропадетъ—
Отчаянье въ насъ мужество
Безумное вдохнетъ,
И вы тогда узнаете,
Изъ нашихъ страшныхъ дѣлъ,
Какъ человѣкъ озлобленный
И угнетенный смѣлъ!»

.....
Старикъ Виргиній подошелъ,
Нахмуренный какъ ночь,

*

И тихо въ сторону отвелъ
Трепещущую дочь
Къ той аркѣ, гдѣ багряною
Струею кровь бѣжитъ
И куча безобразная
Роговъ и кожъ лежитъ,
И тамъ онъ взялъ широкій ножъ
Со стойки мясника...
Стѣснясь, дыханье замерло
Въ груди у старика;
Глаза его померкнули
Отъ подступившихъ слёзъ
И голосомъ прерывистымъ
Онъ тихо произнесъ:
«Прощай, мое сокровище,
Прощай, — всему конецъ!
Ты знаешь, какъ любилъ тебя
Несчастный твой отецъ...
О, какъ любилъ, Виргинія!
Хоть я порой суровъ,
Но для тебя, дитя мое,
Я не бывалъ таковъ,
И ты любила старика:
Я помню, прошлый годъ,
Когда вернулся я домой,
Окончивъ свой походъ,
Какъ ты навстрѣчу бросилась,
Обрадовавшись, мнѣ!
Мой мечъ тяжелый убрала,

Повѣсивъ на стѣнѣ;
Какъ раздавался весело
Твой звонкій голосокъ!
Какъ прыгала ты, видя мой
Цивическій вѣнокъ!
Теперь — исчезло всё: твой смѣхъ,
Твой ласковый привѣтъ,
Твой милый взоръ, твой разговоръ
И пѣсни древнихъ лѣтъ;
Никто не будетъ горевать,
Прощаясь со мной,
Иль улыбаться радостно,
Когда вернусь домой,
Иль у постели старика
Сидѣть въ тиши ночей,
Иль тихо слезы проливать
Надъ урною моею...
И будетъ пусть и мраченъ мой
Осиротѣвшій домъ,
Не будетъ слышно голоса
Моей голубки въ немъ,
И для него свѣтъ глазъ твоихъ
Угаснетъ навсегда...
Взгляни, какъ Аппій устремилъ
Свой жадный взоръ сюда!
Вотъ онъ рукою указалъ...
Глаза его горять,
Какъ будто скорбію твоей
Насытиться хотять.

Въ слѣпой надменности своей
 Не вѣдаетъ глупецъ,
 Что прѣзрѣнный, обиженный,
 Поруганный отецъ
 Еще имѣеть у себя
 Прибѣжище одно,
 Что надъ тобой торжествовать
 Тирану не дано,
 Что я могу избавить дочь
 Отъ участи рабовъ —
 Отъ грубаго ругательства,
 Побоевъ и толчковъ,
 И отъ того, что хуже ихъ...
 У! этого стыда
 Не знала ты, дитя, и знать
 Не будешь никогда!
 Прижмись ко мнѣ, и поцалуй
 Меня въ послѣдній разъ!
 Теперь, дитя мое, одно
 Осталось для насъ...»
 И вдругъ, поднявъ свой ножъ, старикъ
 Ее ударилъ въ бокъ,
 И, вся въ крови, Виргинія
 Упала на несокъ.
 Тогда, на мигъ одинъ, народъ
 Дыханье притаилъ,
 Какъ будто форумъ вдругъ объять
 Молчаньемъ смерти былъ;
 Потомъ, пронесся, точно громъ,

Всеобщій крикъ надъ нимъ,
Какъ будто Волски ворвались
Внезапно въ самый Римъ.
Кто въ страхъ побѣжалъ домой,
Кто—лекаря позвать,
Толпа къ убитой бросилась,
Чтобъ помощь оказать,
Кто трогалъ, слушалъ, чтобъ открыть
Хоть искру жизни въ ней,
Кто рану ей обвязывалъ
Одеждою своею...
Напрасно хлопотали всѣ
И суетились тамъ:
Увы! не дрогнула рука,
Привыкшая къ боямъ.
Самъ Апшій Клавдій пораженъ
Былъ зрѣлицемъ такимъ,
Онъ вздрогнулъ и закрылъ себѣ
Глаза плащемъ своимъ
И въ онѣмѣннн стоялъ.
Согнувшись, наконецъ,
Къ нему, шатаясь, подошелъ
Озлобленный отецъ.
И предъ курульную скамью
Виргиній сталъ, и тамъ
Своею кровью обгаренный ножъ
Онъ поднялъ къ небесамъ:
«О, боги преисподнихъ странъ,
Гдѣ вѣчный мракъ живетъ,

Къ вамъ эта дорогая кровь
 О мщениі вопіеть!
 Тиранъ нанесъ мнѣ, старику,
 Безчестье и позоръ, —
 Постановите же надъ нимъ
 Свой правый приговоръ:
 Какъ Аппій Клавдій погубилъ
 Ребенка моего,
 Такъ погубите Аппія
 И подлый родъ его!»

Такъ опозоренный отецъ
 О мщеніи взывалъ,
 И бросилъ потупленный взоръ
 Туда, гдѣ трупъ лежалъ,
 И испустилъ онъ страшный стонъ,
 И съ сумрачнымъ челомъ
 Пошелъ чрезъ площадь шумную
 Въ свой опустѣвшій домъ.

Очнулся Аппій Клавдій вдругъ
 Отъ страха своего:
 «Я десять тысячъ мѣди дамъ
 За голову его!»
 И на кліентовъ онъ взглянулъ—
 Недвижно тѣ стоятъ;
 Взглянулъ на лекторовъ—они
 Блѣднѣютъ и дрожатъ.

Межъ тѣмъ Виргиній молча шелъ
Къ жилищу своему,
И разступалася толпа,
Чтобъ мѣсто дать ему;
И тотчасъ, сѣвши на коня,
Онъ въ лагерь поскакалъ,
И обо всемъ случившемся
Тамъ войску разказалъ.

Толпа росла, какъ раннею
Весной потокъ растеть,
И приливалъ со всѣхъ сторонъ
Взволнованный народъ,
А возлѣ тѣла дѣвушки
Собрался тѣсный кругъ
Друзей, родныхъ Виргиніи
И дорогихъ подругъ;
Они носилки принесли,
Заботливо потомъ
Вѣнками кипарисными
Убрали ихъ кругомъ
И бережно, какъ мать кладеть
Ребенка въ колыбель,
Переложили дѣвушку
На смертную постель...

И Аппій вдругъ нахмурился
И побагровѣлъ весь.

И закричалъ: « что дѣлаетъ
 Вся эта сволочь здѣсь?
 Иль дома нѣтъ заботъ у нихъ,
 Чтобъ шпаться день и ночь?
 Эй, ликторы! прогнать толпу,
 Да трупъ возьмите прочь! »

До этихъ поръ народъ свой гнѣвъ
 Не громко выражалъ,
 Лишь ропотъ сдержанный, глухой
 Въ толпѣ перебѣгалъ.
 Когда жъ двѣнадцать ликторовъ,
 Всѣхъ гражданъ бичъ и страхъ,
 По слову Аппія, пошли
 Съ сѣкирами въ рукахъ,
 То форумъ такъ забушевалъ,
 Что никогда на немъ
 Такого шума не было
 Ни прежде, ни потомъ.
 Проклятя, вопли, стоны, крикъ...
 Весь этотъ страшный громъ
 Былъ слышенъ за заставами,
 За Пинційскимъ холмомъ.
 Но возлѣ тѣла, гдѣ стоялъ
 Угрюмо тѣсный кругъ
 Родныхъ убитой дѣвушки,
 И близкихъ и подругъ,—
 Все было тихо, несмотря.

На гвалтъ со всѣхъ сторонъ;
 Ни разу тамъ не вырвался
 Ни крикъ, ни громкій стонъ,—
 Но гнѣвъ и скорбь глубокая
 Замѣтны были тамъ
 По сдержанному шопоту,
 По сдвинутымъ бровямъ.
 Счастливы были ликторы,
 Что имъ не удалось
 Пробриться къ трупу: иначе
 Имъ плохо бы пришлось.
 И рады были ужъ они,
 Что вырвалия вновь
 Изъ этой свалки, хоть ручьемъ
 Съ ихъ лицъ бѣжая кровь...
 Отъ ихъ сѣкиръ остались
 Лишь щепки въ ихъ рукахъ,
 Ихъ платье грязнымъ рубищемъ
 Висѣло на плечахъ.

И Аппій губы закусилъ
 И страшно поблѣднѣлъ
 И трижды подалъ знакъ рукой
 И говорить хотѣлъ.
 Но крики бѣшеной толпы
 Въ отвѣтъ ему неслись:
 «Взгляни, что сдѣлалъ съ нами ты—
 И въ тартаръ провались!»

Ты женщинъ въ рабство хочешь взять —
 Возьми мужчинъ впередъ!
 Прочь *Десятъ*, прочь! трибуновъ намъ! »
 Ярясь кричалъ народъ.
 И вдругъ осыпали, какъ градъ,
 Какъ тучи стрѣль въ бою,
 Полѣнья, камни, кирпичи
 Курульную скамью.
 И ужасъ Аппія объялъ,
 Забилося сердце въ немъ:
 Трусливо племя Клавдіевъ,
 Лишь стыдъ имъ ни по чемъ.
 Намъ важныя фамиліи
 Не любятъ, но онъ,
 За исключеніемъ одной,
 Всѣ храбры на войнѣ.
 Таковъ былъ Кай Коріоланъ:
 Предъ лагернымъ огнемъ
 О славѣ, бѣдствіяхъ его
 Довынѣ мы поемъ;
 Подъ игомъ Фурія не разъ
 Былъ Тускъ и Галль смиренъ...
 Римъ можетъ вынести гордость тѣхъ,
 Кѣмъ самъ гордится онъ.
 Но Клавдій, подлый трусь, въ бою
 Трепещеть и дрожить,
 Какъ дѣвочка блѣднѣтъ онъ,
 Завидѣвъ мечъ и щитъ;
 Онъ въ городскихъ стѣнахъ свои

Тріумфы получилъ,
Не вражды, наши шеи онъ
Ярмомъ своимъ давилъ.
Косецъ прыгаетъ какъ дикій котъ
Въ лицо враговъ своихъ,
А Фабій какъ гонимый вепрь
Бросается на нихъ.
Но подлый Клавдій не таковъ:
Онъ, точно песь, ворчитъ
И лаеъ на бѣгущаго,
Отъ сильнаго жъ бѣжить.
Такъ было съ Аппіемъ. Когда
Градъ камней сталъ летать.
Онъ задрожалъ и съѣжился
И руки сталъ ломать.
«Спасите, братцы—ликторы!
Кліенты—земляки,
Скорѣй домой! не то меня
Чернь разорветъ въ куски.»
Такъ онъ вопилъ, и подняли
На шею на свою
Четыре дюжихъ ликтора
Курульную скамью,
Кліенты, сжатою толпой,
Стѣснилися кругомъ —
И двинулися съ палками,
Съ мечами на проломъ.
Но и безъ палокъ и мечей
Такъ бѣшенъ былъ народъ,

Что свита Аннія съ трудомъ
Могла идти впередъ.
Толпа съ ожесточеніемъ
Кидалась на него;
Чтобы на части разорвать его —
Тирана своего.
И камни полетѣли вновь,
И, яростень и дикъ,
«Трибуновъ намъ, трибуновъ намъ!»
Звучалъ всё громче крикъ.
Скамья качалась надъ толпой,
Какъ въ бурю легкой челнъ
Надъ бездной Адриатики,
Средь возмущенныхъ волнъ,
Когда Мысь Грома черной мглой,
И тучами одѣтъ,
И въ брызгахъ пѣны пропадетъ
Вѣхъ калабрійскихъ слѣдъ
Два камня Аннію въ лицо
Попали съ двухъ сторонъ,
И къ дому на полулунти
Ужъ чувствъ лишился онъ.
И голова проклятая,
Что не привыкъ онъ гнуть,
Качалась какъ у пьянаго
И свѣсилась на грудь.
Когда же принесли его
Приверженцы домой,
Недвижнымъ трупомъ онъ лежалъ

Съ разбитой головой...
Кто прежде Аппія знавалъ,
Ужъ не узналъ бы вновь:
Покрыла все его лицо
Запекшаяся кровь...

Потѣшите, боги вѣчные,
Вы Римъ когда-нибудь
Еще подобнымъ зрѣлищемъ
И—дайте мнѣ взглянуть!...

Переводъ этого стихотворенія сдѣланъ Д. Л. Михалов-
скимъ.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0037105051

825M11

JP

v.15

